

А. Е. НЕЛИХОВ

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПАРЕЙАЗАВРОВ

Палеонтолог В. П. Амалицкий
и его галерея

Фрамон^{XXI}

Annotation

Книга рассказывает про жизнь одного из первых российских палеонтологов Владимира Прохоровича Амалицкого (1859–1917), добывшего на севере России многочисленные остатки животных и растений пермского периода. Его находки послужили фундаментом отечественной палеонтологии позвоночных и стали ядром Палеонтологического музея Российской академии наук. Историю открытий Амалицкого, а также судьбу его коллекции удалось проследить на основе архивных документов, а также газетных и журнальных заметок конца XIX и начала XX веков.

Автор книги – историк палеонтологии, научный журналист А. Е. Нелихов, автор более ста статей и нескольких монографий о палеонтологии и ископаемых животных России.

-
- [Антон Евгеньевич Нелихов](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Дом с фруктовым садом](#)
 - [Ученик Апельсиниуса](#)
 - [Физико-математическое созвездие](#)
 - [Радуга в Рухляках](#)
 - [Личная раковина Иностранцева](#)
 - [Шик и пшик](#)
 - [Межконтинентальные моллюски](#)
 - [Два мира пермских ящеров](#)
 - [Тысяча вёрст палеозоя](#)
 - [Геологический праздник](#)
 - [Унылые земли](#)
 - [Явление назарки](#)
 - [За полгода до конца света](#)
 - [Яма государственной важности](#)
 - [Фабрика скелетов](#)
 - [Парейазавр Владимирович](#)

- [Гордые и кровожадные](#)
- [Многоэтажная могила](#)
- [Мечты о тритилодонте](#)
- [Зима парейазавров](#)
- [«Совершеннейший мерзавец»](#)
- [Склад прошлого Земли](#)
- [Окаменелые святыни](#)
- [Новый нижегородец](#)
- [Солдат палеонтологии](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Десять тысяч костей](#)
 - [Дом скелетов](#)
 - [Рай для геологов](#)
 - [Время закапывать камни](#)
 - [Замок драконов](#)
- [Часть третья](#)
 - [Аквапарк Пермского периода](#)

Антон Евгеньевич Нелихов
Изобретатель парейазавров:
Палеонтолог В. П. Амалицкий и его
галерея

*Палеонтолог как наблюдатель, в сущности,
бессмертен.*

В. П. Амалицкий^[1].

S. C. Newberry

© Нелихов А. Е., текст, 2020

© ООО «Фитон XXI», 2020

Предисловие

Профессор Владимир Прохорович Амалицкий занимает особое место в истории русской палеонтологии. Он во многом был первым. Он нашёл первые в России полные скелеты пермских ящеров, организовал первые в нашей стране полноценные раскопки, создал первую мастерскую для препарирования ископаемых остатков. И всё это с большим размахом и поразительным успехом.

Сто лет назад геолог М. Б. Едемский писал: «Почти каждый образованный русский человек, если не читал, то уже наверно что-нибудь слышал о раскопках проф. Амалицкого»^[2]. С тех пор образованных людей стало больше, знакомых с Амалицким – меньше, но всё равно он остаётся единственным русским палеонтологом, о котором хоть что-то может знать человек, далёкий от геологии и палеонтологии.

Ему посвящены сотни статей – большая редкость для отечественной науки. Есть даже детский рассказ и художественная повесть о его жизни и работе^[3].

В основном статьи рассказывают один, хотя и очень яркий эпизод его биографии. Вкратце он звучит так.

Во время изучения почв Нижегородской губернии молодой геолог Амалицкий нашёл в песках окаменелые раковины двустворчатых моллюсков пермского периода. Они были похожи на ископаемые раковины из Южной Африки. Сравнив африканские и нижегородские находки, Амалицкий убедился, что они не просто похожи, но даже тождественны и принадлежали одним и тем же видам. Он сделал смелый вывод, что в пермском периоде Россия, Африка и связанная с ней Индия составляли «непрерывный континент», населённый одинаковыми животными и растениями.

Коллеги скептически отнеслись к гипотезе. «Это блестящее научное предвидение Амалицкого не встретило поддержки и даже вызвало резкое неприятие у его коллег в России – нет пророка в своём отечестве!» – говорилось в одной статье об Амалицком^[4]. Или в более спокойных тонах в другой: «...его старшие товарищи по науке только недоверчиво покачивали головами»^[5].

Чтобы доказать правоту, Амалицкий решил отыскать в России остатки вымерших растений и ящеров, таких же, как в Африке и Индии. Ведь если моллюски одинаковые, то и всё остальное должно быть одинаковым.

В летние месяцы он с супругой стал ездить в Вологодскую губернию, где Сухона и Северная Двина вскрывают толщи глин и песков пермского периода.

Как в сказке, каждый год приносил всё больше результатов. В первую поездку Амалицкий нашёл раковины моллюсков, во вторую – отпечатки растений и плохой сохранности кости, в третью – череп ящера. Они были такими же, как в Африке и Индии.

Научный прогноз оказался верным: гипотеза Амалицкого подтвердилась блестящим образом, но главное было впереди.

Амалицкий начал раскопки на крутом обрыве Малой Северной Двины, где до этого находил кости «африканских» ящеров. Он рассчитывал на довольно скромные находки и поставил на берегу небольшой шалашик для хранения добытых материалов. Но находок оказалось так много, что для их вывоза потребовалось два вагона.

Волей случая Амалицкий открыл гигантское захоронение древних ящеров: первое в России, одно из немногих в мире.

Надо было продолжать раскопки, и Амалицкому опять повезло. Император Николай II распорядился выдать на его палеонтологические изыскания сначала 50 тысяч рублей, затем ещё 65 тысяч^[6]. По нынешнему курсу это 115–130 миллионов рублей.

Раскопки продолжались почти десять лет. Амалицкий добыл колоссальное количество материала: два десятка скелетов, более пятидесяти черепов, тысячи отдельных костей. Его коллекция ископаемых позвоночных стала одной из крупнейших в мире.

Этот эпизод о поисках и раскопках неизменно привлекал внимание журналистов, историков, писателей. Он всем нравился, потому что показывал, какую большую роль в науке играет анализ и предвидение, демонстрировал идеальный метод научного познания. Благодаря ему Амалицкий превратился в героя и даже в икону. В одной заметке предлагалось называть его «учителем жизни»^[7], в другой говорилось, что Амалицкий является «достойным примером для подражания»^[8]. Он встал в один ряд с другими «великими учёными»^[9], которые все как один лишены личных качеств и

наделены одинаковыми абстрактными достоинствами: всесторонней образованностью, талантом, принципиальностью, пронизательностью.

За мифом потерялся человек и его драма. А драма Амалицкого была большая. Ему пришлось столкнуться с огромным числом бедственных случайностей, которые начались во время первой русской революции и продолжались пятнадцать лет до самой его смерти. Случайности и обстоятельства помешали ему закончить почти все дела. Амалицкий раскопал тысячи костей ящеров, но публикации о них так затянул, что почти все они не увидели свет. Он основал Саратовский университет, его туда не пригласили. Сумел отстоять существование Политехнического института, его оттуда вынудили уйти.

Превращению Амалицкого в миф способствовало печальное равнодушие биографов. За сто лет со дня кончины Амалицкий только два раза привлекал их внимание. Палеонтологи И. А. Ефремов и С. В. Петухов опубликовали небольшие статьи о его жизни. Ефремов написал тринадцать страниц^[10], Петухов —

десять^[11]. Оба впоследствии переиздали их с небольшими изменениями^[12]. Этими двумя или четырьмя публикациями история биографического изучения Амалицкого в общем исчерпывалась.

Я заинтересовался им лет десять назад, когда специалист по пермским тетраподам палеонтолог В. К. Голубев предложил мне написать статью об Амалицком и посетовал, что задача будет трудной, потому что материалов сохранилось немного.

Из любопытства я поискал упоминания о раскопках Амалицкого в сетевых библиотеках и нашёл несколько интересных старых заметок, которых вполне хватило на объёмную статью о его жизни и работе^[13]. Дальше его биографией я заниматься не планировал, но вмешался случай. На сайте с выдержками из старых газет мне попала заметка о том, что крестьяне считали Амалицкого антихристом. Заметка была очень любопытной, а самое главное, она показала, что про Амалицкого писали в дореволюционных газетах. Это выглядело настоящим открытием. Ведь если была одна заметка, наверное, были и другие. Но как их найти? Мне пришлось стать завсегдатаем газетного отдела Российской государственной библиотеки и на протяжении двух-трёх лет каждый месяц

отправляться туда искать публикации про Амалицкого, пролистывать годовые подшивки всевозможных «ведомостей», «листочков», «новостей», «курьеров».

Полезные заметки попадались редко, пока не пришло понимание, что надо проверять газеты по ключевым датам биографии. Узнав ту или иную дату, я брал все газеты нужного города и читал номер за номером, издание за изданием. Решение оказалось правильным. Количество источников стало стремительно расти, а интересные подробности сыпались одна за другой: про «оборотней», которых якобы оживлял колдун Амалицкий, про гибельную «воню», про защиту его диссертации, избиение во время беспорядков в Варшаве.

Заодно выпукло проявлялся фон, на котором проходила жизнь Амалицкого. Благодаря газетам удалось собрать много мелких деталей, которые оживляли рассказ: о рождественских подарках, учёных съездах, даже о погоде. Один репортёр сто лет назад писал, что газеты служат верным отражением жизни^[14]. С этим трудно не согласиться.

В результате значительная часть биографии получилась основанной на старых газетах. Возможно, это первая биография учёного, где одним из главных источников стали газеты и журналы.

Вторым источником были архивы, в первую очередь Российской академии наук (РАН), где сохранились рукописи, письма, отчёты и дневники Амалицкого. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА) удалось найти документы про его учёбу в гимназии и университете; в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО) – сведения о его работе в Варшавском политехническом институте; в архиве Житомира – небольшое дело об отце Амалицкого; в Институте русской литературы (ИРЛИ) – несколько писем Амалицкого; в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) – документы о раскопках в Соколках.

Интересные материалы нашлись и в Палеонтологическом институте РАН: две папки о работе Северо-Двинской комиссии, один полевой дневник и около трёхсот стеклянных пластинок с фотографиями, которые делал Амалицкий на раскопках и в экспедициях.

Биография разрослась, вместо статьи получился увесистый том. Его публикация по разным причинам затянулась на несколько лет. За это время рукопись не раз исправлялась. Иногда поступали новые подробности, которые заставляли переписывать целые главы или писать новые, зачастую меняя уже сложившиеся представления.

В окончательном варианте книги три части. Первая рассказывает про жизнь Амалицкого. Вторая – про его коллекцию и историю Палеонтологического музея, который во многом создан на основе находок Амалицкого: это своеобразный постскрипtum к его жизни. Третья посвящена научным представлениям о ящерах, найденных Амалицким.

Хочется надеяться, что книга даст полезные сведения не только об Амалицком, но и об истории русской палеонтологии и геологии и будет прочитана с интересом, которого заслуживают её герои.

Часть первая

Дом с фруктовым садом

Город Мстиславль стоял на западной окраине Российской империи, в стороне от всех дорог, через него проходил только один почтовый тракт. Город считался страшным захолустьем, случайные путешественники называли его сонным. Днём на прямых, как линейка, улицах купались в пыли воробьи и куры, вечерами вдоль домов шагали с пастбища коровы.

За свою долгую историю Мстиславль не раз переходил то к полякам, то к русским, но всегда оставался окраиной: западной или восточной. Когда город становился польским, на холмах строили католические костёлы, когда русским – православные церкви.

В январе 1847 года в одной из церквей прошло венчание дворянина Прохора Амалицкого с девицей Елизаветой Полубинской. Жениху было сорок лет, невесте – двадцать.

Прохор Амалицкий был видным мужчиной. Всего в жизни он добился сам. Он родился в простой, незнатной семье, в четырнадцать лет окончил уездное училище и отправился служить в канцелярию губернского правления, где показал себя старательным работником. Каждые пять лет его награждали за «отлично усердную и беспорочную службу» и неспешно продвигали по карьерной лестнице: из «канцелярских служителей» в «надканцелярскую вакансию», оттуда в столоначальники, потом перевели из уездного Могилёва в губернский Минск.

В Минске он проработал десять лет и ни разу не отпросился в отпуск. Генерал-губернатор объявил ему признательность за труды, о чём доложили императору. Вскоре от главы государства пришла награда Амалицкому – «всемилодивейше пожалованный бриллиантовый перстень с изумрудом»^[15].

Главной наградой за годы отличной службы стала престижная должность асессора в Волынской палате государственных имуществ.

Получив её, Амалицкий перебрался из Минска обратно в Могилёв и купил двухэтажный каменный дом в центре города.

С утра до вечера он пропадал на службе, рассматривая прошения «одnodворцев и граждан». В 1845 году он получил право на

потомственное дворянство, после этого к нему следовало обращаться со словами «Ваше высокоблагородие Прохор Герасимович».

Накануне сорокалетия Амалицкий решил обзавестись семьёй. Невесту выбрал в родном Мстиславле – Елизавету из хорошей, но бедной семьи Полубинских. Приданого за ней не числилось, зато она умела читать и писать, а её родословная была пышной, как розовый куст.

Полубинские вели род от сенатора Палемона, который в незапамятные времена бежал из Рима от своего родственника, императора Нерона. По легенде, Палемон бежал долго и остановился только в диких славянских лесах. Здесь он пустил крепкие корни; со временем его потомки расселились по всей Украине, Польше и Литве. На многих кладбищах здесь возвышались кресты и плиты с фамилией Полубинских: некоторые надписаны на польском, другие на русском, самые старые на латыни.

Когда-то род славился военными. Один Полубинский бился с татарами хана Мамаю в ополчении Дмитрия Донского^[16]. Другой служил польскому королю и воевал с Иваном Грозным: царь в письмах обзывал его дудкой и пищалкой^[17].

К XVIII веку род захирел и обеднел. Родственники Елизаветы мало напоминали воинственных предков: её отец был купцом, братья пошли по военной части, но службу несли в канцеляриях, а не в казармах.

На следующий день после свадьбы случилась беда: скончалась мать Амалицкого^[18]. Вместо праздничного застолья молодожёнам пришлось хлопотать о похоронах, а затем Амалицкий увёз жену в Житомир. Через год у них родился, но вскоре умер первенец Василий. Спустя год, в 1849-м, родился второй сын. Священник крестил его под латинским именем Антоний, но всю жизнь его звали Антоном.

В тот же год отца семейства произвели в очередной чин – надворного советника, а затем случилась неприятность, положившая конец его карьере.

В одном казённом имении некий ротный капитан срубил две сосны на «починку экономической мельницы». Формального разрешения в Палате государственных имуществ он не спросил. Когда нарушение обнаружилось, на капитана наложили крупный штраф – 9

рублей 30 копеек. Платить он отказался и заявил, что срубить деревья ему разрешил лично Амалицкий.

Дело отправили в суд. Крестьяне под присягой уверяли, что Амалицкий в самом деле «отступил от установленных порядков», но доказательств не предъявили. Суд вынес витиеватый приговор: Амалицкий «хотя достаточно неизобличён в дозволении якобы вырубить эти деревья, но оставлен в подозрении по навлечению на себя такового»^[19].

Амалицкий разозлился, направил жалобу на имя императора. Из дворца жалобу переслали в правительственный сенат. Там решили, что Амалицкий пал жертвой оговора, и распорядились уничтожить «дело о соснах», а Амалицкого считать совершенно свободным от подозрений^[20].

После скандала Амалицкий не захотел продолжать службу и подал в отставку. Он продал с торгов свой каменный дом и купил имение недалеко от города Кременец, в деревне Старики, в глухом углу на границе России и Австрийской империи^[21].

На новом месте семья стала быстро расти. В 1853 году у Амалицких родилась дочь Ксения, в 1855-м – сын Георгий (видимо, вскоре скончавшийся), в 1857-м – Илларион. В июле 1859 года Елизавета Амалицкая разрешилась ещё одним сыном. Его крестили с большим опозданием: не через неделю, как принято, а через два месяца. В последний день августа младенца отвезли за несколько вёрст от дома в ближайшую церковь, в село Перенятино, где дьяк вписал в метрическую книгу новую запись:

Тысяча восемьсот пятьдесят девятого года Июля первого родился, а тридцать первого Августа крещён Владимир. Родители: проживающий в д. Стариках Надворный Советник Прохор Герасимов Амалицкий и законная жена его Елисавета Васильева, оба Православного исповедания; восприемники: Подполковник Армии Василий Христианович Реймерс и Надворного Советника Прахова жена Евдокия Васильева. Таинство крещения совершал Священник Фаддей Думицкий с Дьячком Николаем Тобравницким^[22].

Спустя годы Владимир Амалицкий исправит дату своего рождения и вместо 1859 года станет указывать 1860 год. Что стало причиной – неясно, но неверная дата войдёт почти во все его биографии.

Первые годы жизни мальчик провёл в Стариках. Семья Амалицких была состоятельной, нужды не знала.

Старшего сына отец отправил учиться в Петербург. Сохранилось его письмо директору Третьей Санкт-Петербургской гимназии. Амалицкий писал о желании отдать Антона в пансионеры, чтобы тот постоянно жил при гимназии. За полгода «содержания» он заплатил гимназии 58 рублей 34 копейки и ещё 30 рублей выслал «на обзаведение»^[23]: солидные по тем временам деньги.

Всё изменилось в декабре 1862 года. Прохор Амалицкий отправился из Стариков в соседнюю деревню Комаровка и в возрасте 55 лет неожиданно скончался от «водяной болезни». Его похоронили накануне Рождества на приходском кладбище^[24].

Вдова, которой только что исполнилось 35 лет, осталась с четырьмя детьми на руках. Младшему, Владимиру, было три года, старшему, Антону, – тринадцать. Ей назначили годовую пенсию 90 рублей серебром. Прожить на эти деньги большому семейству было трудно. Амалицкая продала имение и вернулась в Мстиславль к родителям.

Город всё больше погружался в грязь и нищету, особенно после того, как закрылась большая ярмарка неподалёку. В 1858 году, незадолго до приезда Амалицкой, в городе вспыхнул сильный пожар, сгорело пятьсот домов. Во всём Мстиславле осталась только сотня целых зданий. Как лаконично заметил путешественник С. В. Максимов, город погорел до тла^[25].

В год переезда Амалицкой, в 1863-м, город вспыхнул опять. Огонь занялся в центре Мстиславля и за ночь уничтожил все торговые ряды. Не осталось ни одной целой лавки, а многие дома почернели от копоти и жара.

Амалицкая не стала останавливаться в Мстиславле и купила домик в пригороде. Впоследствии Владимир Амалицкий расскажет супруге, что домик был небольшой, с фруктовым садом и полем^[26]. В этих сонных местах он провёл всё детство. Мать учила его писать и

читать. «Воспитывался всецело под влиянием матери», – напишет он в автобиографии^[27].

Вскоре полное пособие по утрате мужа урезали наполовину^[28]. Семья из нуждающейся стала бедной, и Амалицкая отправила детей в Петербург, где жили её братья Полубинские. Вслед за Антоном отправился Илларион и дочь Ксения.

Владимир Амалицкий уехал последним, в возрасте десяти лет.

Из маленького домика матери он попал в огромный доходный дом архитектора Китнера в самом центре Петербурга, недалеко от Невского проспекта^[29], на набережной Екатерининского канала. Канал представлял собой настоящую сточную канаву, куда лоханками и вёдрами сливали нечистоты. Тёплыми летними вечерами над маслянистой жижей кружили тучи мошки и комаров; они падали, тонули и покрывали воду плёнкой. Днём мошкара садилась на дома, и жёлтые стены казались чёрными^[30].

Устройством судьбы Амалицкого занялись двое его дядек – пожилой Иосиф и молодой Порфирий.

Порфирий Васильевич работал врачом при Военном министерстве, и позже он поможет Амалицкому устроиться на первую работу.

Иосиф Васильевич числился в отставке. Почти всю жизнь он прослужил ревизором, своей семьёй не обзавёлся и посвятил себя воспитанию целой оравы племянников и племянниц.

На его попечении находилось десять чужих детей. Кроме Амалицкой рано овдовела её сестра, в замужестве Прахова: с четырьмя сыновьями и двумя дочерьми она переехала в Петербург к брату. Теперь к ним добавились три брата и сестра Амалицкие.

Многолюдная квартира Иосифа Полубинского была довольно оригинальной. Здесь старались поддерживать дух малой родины, соблюдали старинные обычаи, вечерами пели белорусские и украинские песни. Сюда часто заглядывала малорусская молодёжь, в том числе художник Илья Репин. В воспоминаниях он напишет, что вечерами здесь было очень весело и все «хохотали бесконечно», особенно Иосиф Васильевич Полубинский и сестра его Прахова – «необыкновенно почтенная матрона»^[31].

Молодёжь устраивала шарады, ставила спектакли (их называли «живыми картинками»). Целыми вечерами шли разговоры про

искусство, политику и овсяный суп, в целебную силу которого безоговорочно верил Репин.

Сохранилось несколько репинских работ, посвящённых дому Полубинского, в том числе написанные маслом портреты двух братьев Праховых. Была акварель «Вечер в доме Праховых и Полубинских», которая хранилась у Владимира Амалицкого, но куда-то пропала.

Был и любопытный портрет, он хранится в фондах Третьяковской галереи. На нём нет подписи. Биограф Репина И. Э. Грабарь опубликовал его под названием «Юноша в женском украинском костюме», а сын Прахова рассказал историю создания картины.

По словам Прахова, на портрете изображён Владимир Амалицкий. На каком-то карнавале высокий чин якобы принял его за девицу, стал настойчиво ухаживать, целовал ручки и звал отужинать в ресторане. «Вероятно, такой забавный случай дал мысль Илье Ефимовичу написать эту акварель», – писал Прахов^[32].

Увы, он ошибся. На картине стоит дата – 1867 год. В ту пору Владимир Амалицкий жил с матерью в Мстиславле, ему было восемь лет.

Однако вряд ли Прахов перепутал фамилию. Возможно, Репин нарисовал Антона Амалицкого.

В любом случае портрет юноши с серьгами в ушах и с бусами на шее вполне передаёт царившую у Полубинских атмосферу.

Наверняка это было добродушное семейство, где любили и умели веселиться. Но Владимир Амалицкий попадал сюда лишь по праздникам и в выходные. Будни он проводил в угрюмом здании Третьей Санкт-Петербургской гимназии, где и учился и жил.

Ученик Апельсиниуса

В Третью гимназию Амалицкий попал не сразу. Вначале он ходил во Вторую классическую гимназию, куда поступил в первый класс в 1871 году «приходящим учеником», то есть после уроков возвращался домой. Идти было недалеко, десять минут по Казанской улице напрямик, срезая изгибы канала.

Учился он хорошо, лучше всего ему давались математика с географией, и за поведение он неизменно получал пятёрки. По окончании первого класса Амалицкого наградили похвальным листом и книгой^[33].

Однако продолжать обучение во Второй гимназии Амалицкий не мог. Лишних денег, чтобы кормить очередного племянника, у Полубинских не имелось.

В 1872 году Амалицкого решили перевести на казённый пансион в Третью гимназию, чтобы он жил там на полном бесплатном обеспечении.

Замысел поначалу не возымел успеха. В Третьей гимназии на прошение Полубинских ответили, что свободных мест нет и пока не предвидится. Полубинские не сдались и продолжили писать ходатайства, используя все связи.

Наконец директор Третьей гимназии получил из канцелярии попечителя учебного округа предписание в достаточно строгой форме. В нём говорилось, что ещё год назад действительный статский советник Яновский просил взять в число казённых воспитанников Владимира Амалицкого, однако «помянутый малолетний» до сих пор числится во Второй гимназии.

Попечитель округа писал, что следует как можно скорее поместить Амалицкого в пансион «на первую могущую открыться вакансию» и «об исполнении сего уведомить»^[34].

С предписанием «Его Светлости Господина Попечителя» шутить не стали. Третья гимназия нашла свободное место, и в августе 1873 года Владимир Амалицкий выбыл из числа учеников Второй гимназии, чтобы продолжить обучение в гимназии Третьей.

Она считалась чуть хуже и была известна как заведение для «детей недостаточных родителей», то есть мальчиков из небогатых, но приличных семей.

Третья гимназия стояла чуть дальше от дома Полубинских, её окна выходили на рынок с замечательным названием Пустой. Весной окна гимназии распахивали настежь, и неграмотные торговцы целыми днями слушали, как детские голоса декламируют речи латинских юристов и стихи греческих поэтов.

Директором гимназии был колоритный немец, член учёного комитета Министерства народного просвещения, действительный статский советник, обладатель множества орденов и правительственных наград Вильгельм Христианович Лемониус. Он жил в квартире при гимназии с супругой, тремя сыновьями и четырьмя дочерьми. Ученики за глаза называли его Апельсиниусом. В педагогических кругах он славился неприязнью к «так называемой гуманности». В своё время он горячо выступал против отмены розг, считая это антипедагогической мерой, и говорил, что доверительные и воспитательные беседы с детьми бесплодны, как «толчение вод». Он писал:

Где любви нет доступа, там страх должен действовать. Такова есть Божия педагогика... Нельзя требовать, чтобы в воспитательном заведении не было страха... В том-то состоит вся задача педагогики, внушить воспитаннику сознание о том, что он, находясь в нравственной сфере, не смеет нарушить ни одного из существующих законов, и что он, провинившись, навлечёт на себя неизбежное наказание, которое одно только в состоянии восстановить нарушенное равновесие нравственного мира^[35].

Мнение Лемониуса не перевесило остальных – розги отменили. Впрочем, в Третьей гимназии оставался целый арсенал других наказаний. Учеников били линейками по голове и пальцам, таскали за волосы и за уши, щипали за шею, оставляли без еды на целый день, что для пансионеров оборачивалось настоящей катастрофой.

Издевательства были в порядке вещей. Как-то раз гимназист показал на уроке язык. Учитель это заметил и заставил ребёнка до

конца занятия стоять в углу с высунутым языком. Когда мальчик закрывал рот, его заставляли высовывать язык обратно^[36].

Карцеров было сразу восемь: четыре на верхнем этаже, четыре на нижнем. Верхние были маленькими, тёмными, в проходной у туалета, здесь было холодно и сыро, а из темноты доносился крысиный писк. Нижние находились в светлой комнате, в них разрешалось читать.

Эпитеты «негодяй» и «мерзавец» в устах учителей были в порядке вещей. Амалицкий наверняка выслушал немало ругани в свой адрес, поскольку не отличался хорошими оценками: в Третьей гимназии он немедленно скатился на тройки.

Впрочем, большинство гимназистов училось не лучше.

Самым ненавистным предметом у младших классов Третьей гимназии была латынь, которую преподавал немец Кеммерлинг, по прозвищу Кикимора^[37]. Он внушал страх уже одним своим видом. Он был кривой, с красным пятнистым лицом, про него ходил такой стишок:

Урок начинается...
Кеммерлинг является;
На кафедру садится
И начинает злиться^[38].

Кеммерлинг имел обыкновение в начале урока раскрывать журнал и напоминать правила: «Кто, по произнесении мною русского текста, будучи вызван, будет медлить более одной минуты, получит единицу, кто сделает ошибку против синтаксиса, получит единицу, кто сделает ошибку против грамматики, получит нуль».

Для перевода предлагались такие фразы: «Ведь известно, что в древнем Вавилоне сложенные из кирпича стены были столь широки, что две раскававшиеся квадриги навстречу друг другу могли проехать, не задев одна другую концом оси».

Затем Кеммерлинг вёл пером по списку учеников. Наступала тишина, слышался стук металлических петель парты: это дрожали гимназисты. Вызывался один, другой, третий, и все терпели фиаско, получая низшие оценки^[39].

Спустя десятилетия дети отомстили в мемуарах. Они вспоминали, что Кеммерлинг считал себя красноречивым оратором, хотя говорил с ужасным акцентом и слово «римляне» произносил с ударением на второй слог. Писали, что он вставлял в свою речь множество придаточных предложений, запутывался, не мог кончить фразы и одно предложение растягивал на полчаса.

Таким же дурным оратором считался директор Лемониус, преподававший древнегреческий язык. По-русски он страшно коверкал фразы и выдавал такие пассажи: «Однажды на берегу пасалось большое стадо кобылей» или «В колесницу была впряжена пара голубев». Как говорили в те времена, он чувствовал себя вполне свободным от пут грамматики.

Лемониус требовал от учеников буквальных переводов с древнегреческого. Одноклассник Амалицкого Мережковский вызвал восторг директора, когда перевёл строку Гомера так: «Олень был ранен стрелой относительно затылка, который находился у него посередине спины»^[40].

Классные комнаты в гимназии были огромные, светлые и совершенно пустые: ни картин, ни карт, ни портретов, только голые стены. Наверху светили керосиновые лампы, едва разгонявшие сумрак.

Гимназисты-пансионеры отсиживали пять часов на занятиях, вечерами готовили уроки на следующий день, ложились спать, просыпались, и всё начиналось заново.

Главным методом обучения была зубрёжка. Ученики зубрили грамматику латинскую, греческую и немецкую, названия рек и уездов, даты сражений, имена удельных князей и императорских тёток, страницы старинной литературы. Вечерами в тусклом свете перед их глазами плясала бессмысленная вязь древнерусских поучений: «Той же нощи и владыце явистася страшна святая апостола и реста ему». Уроки были бессмысленные, знаний не приносили, понимания не требовали, а всё зазубренное скоро выветривалось из головы.

Почти все учились плохо. Двойки с минусами, двумя минусами, единицы и нули щедрым дождём проливались в журналы. Многие ученики не успевали за программой и оставались на второй год по два-три раза. В Третьей гимназии был гимназист, просидевший в

одном классе семь лет^[41]. Другой пробыл в первом классе шесть лет и, когда наконец сдал экзамен на удовлетворительно, вместо второго класса ушёл в юнкера^[42].

Иногда из всего класса в следующий переходила пара воспитанников, остальные заново слушали уже пройденный курс.

Амалицкий ни разу не остался на второй год, хотя его успеваемость катастрофически упала. За третий класс его общий результат составил «3,3/9» – как у половины одноклассников. Впрочем, лучшими оценками мало кто мог похвастаться. Скорее наоборот: восемнадцать гимназистов из сорока остались на второй год^[43].

В четвёртом классе Амалицкий немного улучшил свои результаты, зато в пятом окончательно сполз на тройки и вдобавок получил «неуд» за годовой экзамен по греческому. Только его поведение всегда оставалось отличным, в шалостях одноклассников он явно не принимал участия.

Младший курс обучения включал в себя четыре класса. С пятого менялись учителя, и в целом отношение к гимназистам становилось добрее. Им к тому времени было по 17–18 лет.

В воспоминаниях одноклассников Амалицкого с особой теплотой говорится про двух учителей старших классов: латиниста Кесслера и математика Семенникова.

Эрнест Эрнестович Кесслер был одним из немногих, кого ученики уважали. В стенах гимназии по рукам ходила рукописная поэма «Война гимназистов с чертями за освобождение Кесслера из ада», её написал гимназист Иванов – сам будущий учитель, директор Двенадцатой гимназии, преподаватель истории в императорской семье. Тон поэмы был шуточный, но отношение к Кесслеру – самое сердечное.

В отличие от других педагогов, Кесслер требовал не бессмысленных склонений древних слов, а понимания текста, и очень трепетно относился к урокам.

Поэт М. С. Мережковский посвятил ему стих:

Из года в год, отчаяньем объятый,
Всем существом грамматику любя,
Он нас терзал и не жалел себя...

Ответов ждал со страхом и томленьем
Краснея сам, смущаясь и дрожа:
Ему казалась личным оскорбленьем
Неправильная форма падежа,
Ему глагол с неверным удареньем
Из наших уст был как удар ножа^[44].

Амалицкий получал у Кесслера тройки.

Математик Пётр Петрович Семенников отличался от других преподавателей дружеским расположением к гимназистам и бедностью. Он ходил в старом, безукоризненно чистом мундире, общался с подростками на равных. Окончив урок, любил рассказывать о научных открытиях. От него класс Амалицкого впервые узнал о существовании бактерий. Беседы он вёл не только на учёные, но и на нравственные, житейские темы.

В последнем, восьмом классе Владимиру Амалицкому исполнилось девятнадцать лет. Некоторые его одноклассники после уроков катались в «весёлые дома» пить водку, играть на бильярде и общаться с дамами. Пансионерам эти соблазны были недоступны. Вечерами они по-прежнему сидели в толстых стенах гимназии.

В 1879 году Амалицкий постарался улучшить оценки. По русскому и немецкому, по математике, логике и истории сумел подняться с троек на четвёрки.

На итоговом педсовете перед выпускными экзаменами ему дали такую характеристику: поведение было отличным; посещаемость хорошей; в приготовлении к урокам «был старателен», работы исполнял удовлетворительно и подавал в срок, в целом «прилежание было хорошее и любознательность хорошая»; особого пристрастия к каким-то наукам не показал и «занимался добросовестно всеми»^[45]. Как итог – допущен к экзаменам на получение аттестата зрелости.

Выпускных экзаменов гимназисты страшно боялись, многие бегали в церковь Святого Пантелеймона и скупали ладанки пророка Наума, которые якобы помогали вытащить хороший билет.

Экзамены прошли в мае: арифметика, геометрия, тригонометрия, алгебра, сочинение по русскому языку (один одноклассник Амалицкого писал его шесть часов), латынь и греческий. На экзамене

по истории Амалицкому достался билет с двумя вопросами: «Правление Августа. Падение Польши». Он ответил на «отлично»^[46].

Аттестаты получили все, кроме одного ученика. На первом же экзамене некто Алфёров отвечать отказался и «выбыл из гимназии».

Один одноклассник по итогам экзаменов получил золотую медаль, восемь – серебряные, Амалицкому дали денежное пособие как «беднейшему из получивших аттестат зрелости»^[47].

Вместе с Амалицким гимназию закончили два десятка юношей. Наибольшего карьерного успеха добился граф Дмитрий Иванович Толстой: он дослужился до чина церемониймейстера, был гласным Санкт-Петербургской думы, перед революцией руководил Эрмитажем.

Другой одноклассник, Степан Степанович Хрулёв, возглавлял главное тюремное управление Министерства юстиции.

Двое стали историками.

Один – крупным медиком.

Амалицкий, кажется, поддерживал отношения с единственным одноклассником – Францем Юльевичем Левинсон-Лессингом, который тоже станет крупной фигурой в геологии, будет академиком, директором Геологического и Минералогического музея. Любопытно, что в гимназии он проявил большие способности к языкам и ему прочили судьбу филолога.

Амалицкий станет шафером на его свадьбе, крёстным его дочери и в переписке будет интересоваться «как поживает моя крестница Варичка, которую крепко целую»^[48].

С другими одноклассниками он, видимо, не общался. Об Амалицком не сказано ни слова в их воспоминаниях, а его писем нет в архивах бывших товарищей по гимназии, кроме Левинсон-Лессинга. Их не оказалось даже в громадном архиве его одноклассника историка В. Г. Дружинина, где сохранилось множество писем, и даже «Письмо на луну»^[49].

Примечательна такая история. В 1911 году бывший воспитанник Третьей гимназии Сергей Васильевич Лавров составил полный список её выпускников^[50]. Работа была трудной, найти сведения про бывших гимназистов оказалось непросто. Лавров опубликовал объявления в восемнадцати газетах, разослал сотни писем с анкетами, расспросил знакомых и родственников выпускников. Результаты удивили его

самого. На призывы рассказать о себе откликнулось менее четверти выпускников, остальные проигнорировали вопросы или остались ненайденными.

Лавров всё же выпустил небольшую брошюру.

Владимир Амалицкий, судя по книге, на вопросы не ответил. К тому времени он возглавлял Варшавский политехнический институт, возобновил масштабные раскопки остатков ящеров, передавал коллекцию ископаемых костей в ведение Императорской академии наук. Про это ничего не сказано. Амалицкий назван директором Новочеркасского политехнического института, которым никогда не был.

А напротив имени его брата Антона и вовсе написано одно слово «юрист» и ничего больше.

В этом есть некоторый курьёз. Если Антон и Владимир Амалицкие не проявляли интереса к товарищам по гимназии, то их брат Илларион стал одним из главных членов Попечительного общества о бывших воспитанниках своего Гатчинского института. Он тоже собирал сведения о выпускниках и столкнулся с такой же проблемой, что и Лавров. Про многих ему ничего не удалось разузнать. Тем не менее он выпустил брошюру со списком воспитанников, предварив её таким воззванием: «Разные причины не позволили мне выполнить взятую на себя задачу – составить более или менее полный список бывших воспитанников. Издавая собранные мною здесь отрывочные сведения о бывших воспитанниках Института, я убедительнейше прошу всех, имеющих возможность, пополнить список, указать промахи... Всякие, даже самые неопределённые, указания о бывших воспитанниках будут мне полезны и дадут возможность при предполагаемом следующем издании выполнить взятую мною на себя задачу уже более аккуратно»^[51].

Неизвестно, многие ли откликнулись на призыв, но второго издания у книги Иллариона Амалицкого не было.

Физико-математическое созвездие

Аттестат классической гимназии позволял поступить во многие высшие учебные заведения. Амалицкий выбрал Императорский Санкт-Петербургский университет и летом 1879 года подал в его канцелярию два прошения.

Первое – с просьбой зачислить в число студентов.

Его Превосходительству
Господину Ректору Императорского
С.-Петербургского Университета
сына Надворного Советника
Владимира Амалицкого

Прошение

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять меня в число студентов Естественного отделения Физико-Математического Факультета. При этом прилагаю: 1) Метрическое моё свидетельство, 2) Аттестат отца моего, 3) Свидетельство об окончании курса учения в 3-й С.Петербургской Гимназии с Аттестатом Зрелости.

Владимир Амалицкий
1879 года
Августа 8 дня

Сбоку он сделал приписку: «Правила получил с обязательством исполнять»^[52].

Правил было много. Студентам запрещалось устраивать концерты, спектакли, чтения и другие публичные собрания, им было нельзя хранить книги и картинки «противо-нравственного содержания» и вообще любые «предметы тиснения, нарушающие приличия». Также студентам из уважения к своему званию полагалось избегать мест, «в которых неприлично бывать для воспитанного человека»^[53].

Второе прошение – с просьбой освободить от платы за обучение: «Не имея средств, чтобы заплатить за слушание лекций, покорнейше

прошу освободить меня от взноса платы за учение на основании § 39 „Правил“, так как на окончательном испытании на Аттестат Зрелости я получил по пять из трёх главных предметов». К бумаге он приложил «свидетельство о бедности» за подписью председателя мстиславского дворянства^[54].

Оба прошения удовлетворили, Амалицкого зачислили бесплатным слушателем на естественное отделение физико-математического факультета. Кроме того, выдали разрешение преподавать в частных домах, чтобы он мог работать репетитором...

Увлечение Амалицкого естествознанием кажется загадочным и не вполне логичным. Его отец был чиновником, дяди – ревизорами, один брат стал юристом, второй – мелким служащим.

В Третьей гимназии было сложно заинтересоваться природой, уроки естествознания здесь прекратились задолго до рождения Амалицкого, в 1831 году, а заново начались уже в новом веке – в 1901 году. Предметы, хоть как-то связанные с естественными науками: географию и физику – Амалицкий в гимназии сдал на «тройки»^[55].

Оглядывая скупые сведения о его юности, трудно сказать, откуда взялся интерес к природе. Такие подробности обычно становятся известны благодаря воспоминаниям, но Амалицкий их не оставил.

Можно предположить, что он увлёкся геологией в то недолгое время, когда ходил во Вторую гимназию. Одним из её первых директоров был выпускник Петербургского университета А. Ф. Постельс, страстный любитель минералов, автор нескольких учебных пособий по естествознанию. Постельс устроил в гимназии целый кабинет естественных наук, занимавший просторный зал. В четырёх шкафах и восьми ящиках здесь хранились коллекции по зоологии, ботанике, минералогии. В гербариях числилось 4416 «сушеных растений». Минералов и горных пород было чуть меньше, около трёх тысяч, а окаменелостей почти тысяча. Эти собрания минералов и окаменелостей были лучшей частью кабинета^[56].

О других соприкосновениях молодого Амалицкого с естествознанием ничего не известно.

Естественное отделение физико-математического факультета не привлекало большого внимания молодёжи. Сюда поступали почти исключительно семинаристы^[57], не имевшие шансов попасть на другие факультеты.

В 1879 году ситуация вдруг изменилась, на естественное отделение одновременно с Амалицким поступило рекордное число слушателей – более двухсот. Газеты заговорили о всплеске интереса к точным наукам, но причина ажиотажа была другой. В 1879 году временно закрылся приём сразу в два крупных учебных заведения Петербурга – в Медико-хирургическую академию и в Горный институт. Тем, кто хотел связать судьбу с естественными науками, пришлось идти в университет.

Став студентом, Амалицкий переехал в дом номер девять по Сергиевской улице (видимо, к брату Антону) и, судя по фотографиям, немедленно отпустил бороду, запрещённую в гимназии. Бороду отпускали все вчерашние гимназисты, для них она становилась своеобразным символом свободы.

Университет был совершенно не похож на гимназию.

Одноклассник Амалицкого Н. Я. Чистович писал в воспоминаниях: «После 8-летней непрерывной работы в самой архиклассической гимназии, где над всем царила филология и где всё наше внимание было приковано к древнему греко-римскому миру, а естественные науки, исключая физики, были совершенно изгнаны, мы вырвались на свободу и бросились в новый мир естествознания»^[58].

О том же говорили другие студенты. По словам В. И. Вернадского, выход в университет был для гимназистов настоящим «духовным освобождением»^[59].

В те годы Санкт-Петербургский университет находился в зените славы, эту эпоху потом назовут легендарной.

Ректором был пожилой ботаник Андрей Николаевич Бекетов. В свои пятьдесят он был седой как лунь. Говорили, в молодости он не отличался красотой, но с возрастом похорошел. Он был приветливым, участливым, обладал своеобразным юмором. Когда он читал ботанику сыновьям императора, то шутил, что стал «очень важным рылом». Студенты его, конечно, обожали.

Главной знаменитостью университета считался создатель периодической системы элементов Дмитрий Иванович Менделеев.

С его уроков начиналось обучение на кафедре естественных наук. Именно он читал первую лекцию, которую слушал Амалицкий.

Занятия по химии шли пять раз в неделю по утрам в большой аудитории, где на стене висела огромная таблица периодических

элементов. Скамьи стояли амфитеатром, а опыты проводились на кафедре, которая напоминала торговый прилавок и вся была заставлена бутылками и ретортами.

Менделеев производил на первокурсников оглушительное впечатление даже своей внешностью: огромный, высокий, с гривой русых волос и ярко-синими глазами. О своём внешнем виде он совершенно не заботился и стригся раз в году, весной перед наступлением жары. Зеркалом не пользовался.

Лекции напоминали его внешность: были внушительными и неуклюжими. Менделеев считался плохим оратором, часто затягивал предложения, сыпал банальностями. «Говорил, точно медведь валит напролом сквозь кустарник», – вспоминал его ученик. Его речам недоставало красоты и изящества, зато в них чувствовалась харизма, они подкупали строгой и точной аргументацией.

«Читал он, очевидно, без приготовления, импровизируя, чрезвычайно образно. Речь его была не ораторской, он говорил негладко, часто подыскивая выражения, причём иногда тёр лицо своею худощавой рукой. Несмотря на эту корявость речи, слушатели были под его обаянием, боялись пропустить слово, и лекция прослушивалась без усталости, благодаря захватывающему интересу и прекрасно поставленным опытам. Впечатление на нас, впервые столкнувшихся с наукой, было громадно... Мы с благоговением видели в нём истинного учёного», – писал Чистович^[60].

Слушать Менделеева приходили студенты всех факультетов: не только естественники, но и историки, математики, юристы. Одноклассник Амалицкого студент-филолог В. Г. Дружинин пришёл на первую лекцию Менделеева из любопытства, но увлёкся и не пропустил ни одной. Он тоже вспоминал, что Менделеев не обладал красноречием, но его речь была «замечательно содержательна»^[61].

Каждое утро химическая аудитория заполнялась студентами. Университетское начальство шутило, что на занятиях Менделеева стены потеют от дыхания^[62]. Удобные места приходилось занимать за час-полтора до начала.

Вообще лекций на естественном отделении было немного.

Кроме Менделеева первокурсники слушали анатомию у академика Филиппа Васильевича Овсянникова – добродушного толстяка, излагавшего предмет просто и ясно. На лекциях он

показывал строение мышц и костей на препаратах, которые за долгие годы истрепались и стёрлись от прикосновения множества рук. Найти на них какой-нибудь отросток не представлялось возможным. Ученикам приходилось прощупывать собственное тело и искать отростки «на своём костяке, что часто удавалось благодаря худобе, обычной для бедных студентов». Стёртые кости хранились в небольшом плохо освещённом кабинете. Чтобы студенты их не растащили, кости соединяли длинными цепями^[63].

Зоологию читал старый ихтиолог Карл Фёдорович Кесслер. «Он был всегда серьёзен, скромен и незаметен», – писал Чистович^[64]. Таблицами на лекциях он не пользовался и, описывая строение животного, предпочитал рисовать на доске. Рассказывая про птиц, он говорил, что их тело состоит из туловища (при этом рисовал фигуру, похожую на яйцо), шеи (прямая чёрточка) и головы с клювом (кружок с чёрточкой). Ноги и пальцы он изображал чёрточками, хвост – тремя чёрточками, что «выходило довольно смешно»^[65].

В те годы Кесслер вынашивал свою главную идею, с которой выступил на съезде естествоиспытателей и врачей незадолго до кончины. Кесслер полагал, что дарвиновский закон борьбы за существование – не окончательный, и выживают не просто самые приспособленные животные, а те, кто способен к взаимной помощи. Он считал, что виды, живущие в одиночку, постепенно вытесняются теми, кто ведёт совместное существование. Свою мысль он подкреплял множеством примеров. Доклад произвёл впечатление в разных кругах, но, как часто бывает, вскоре был позабыт.

За четыре года учёбы Амалицкий прослушал курсы по химии, физике, анатомии, минералогии, геологии, физиологии животных и растений, зоологии, анатомии растений и неизменное богословие.

Учился он отлично. Причина была в том числе материальная: Амалицкий не мог оплачивать обучение и волей-неволей показывал прекрасные результаты, чтобы просить поблажки. Второй год обучения он оплачивал наполовину, весь курс обошёлся ему в 25 рублей. На третьем году обратился к декану с просьбой не только освободить от платы за обучение, но и назначить «каких-либо стипендий» по причине большой нужды^[66]. Ему пошли навстречу и выписали университетскую стипендию в 180 рублей на год. На последнем, четвёртом курсе Амалицкий попросил перевести его «из

университетских стипендиатов в императорские», так как по всем предметам он получил «отлично». Прощение удовлетворили^[67].

Главными для Амалицкого стали два предмета: минералогия и геология.

Минералогию читал приват-доцент Василий Васильевич Докучаев, геологию с началами палеонтологии – профессор Александр Александрович Иностранцев. Оба сыграли огромную роль в судьбе не только Амалицкого, но и многих других геологов. Под их руководством начинали работать в том числе будущие академики В. И. Вернадский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Н. И. Андрусов. При этом сами Докучаев с Иностранцевым были во всём несхожи: отличались по характеру, происхождению, привычкам, жизненному укладу, даже внешне. Докучаев был огромный, богатырского вида мужик с бородой-лопатой. Иностранцев – рафинированный, худой, с восточными чертами лица и большим тонким носом; студентам он напоминал то ли таджика, то ли перса.

Докучаев родился в 1846 году в огромной семье сельского священника, с отличием окончил Смоленскую духовную семинарию и за казённый счёт отправился в духовную академию, но через год её бросил и пошёл учиться на естественное отделение Петербургского университета. О богословии и других отвлечённых науках потом с презрением говорил, что всё это болтовня. В Петербург он попал, по собственным словам, даже не умея пользоваться чулками, но быстро освоился, обзавёлся знакомствами в среде «позолоченной молодёжи», увлёкся картами. Игры в карты иногда растягивались на несколько суток с небольшими промежутками для сна. Времени на учёбу не оставалось. Докучаев перестал ходить на лекции, впрочем, успешно сдавал экзамены благодаря способностям и железной силе воли.

Когда подошло время заканчивать обучение и выбирать тему кандидатской работы, Докучаев пришёл к профессору минералогии П. А. Пузыревскому.

– Вы чем специально занимались? – спросил Пузыревский.

– Картами и пьянством, – честно ответил Докучаев.

– И отлично! Продолжайте и не портите жизни сухою наукой^[68].

Всё же из-за формальных требований Докучаеву пришлось представить работу. На отдыхе в деревне он выполнил описание

местной почвы и даже нашёл огромную кость мамонта, которую посчитал остатками допотопной коровы.

После этого Докучаев вдруг увлёкся новейшими геологическими процессами. Он забросил карты с вином и стал с азартом изучать образование речных долин, формирование слоёв земли на стенах Старо-Ладожской крепости. Особенно его интересовали загадки хлебородного русского чернозёма. Все эти вопросы были для науки новыми. По сути, Докучаеву пришлось быть самоучкой, делать «первые геологические шаги ошупью»^[69].

Когда Амалицкий учился в университете, Докучаев едва начал приобретать научный авторитет. Ему было слегка за тридцать. Он читал курс минералогии, хотя не интересовался минералами и совершенно их не знал. Курс достался Докучаеву по стечению обстоятельств, когда неожиданно освободилась вакансия на кафедре.

Лекции давались ему тяжело, в теме он разбирался плохо, на русском языке толковых книг по минералогии не было, а на иностранных Докучаев не читал. Эти занятия не доставляли ему удовольствия, однако вызывали живой отклик у студентов. Докучаев читал лекции в девять утра, но аудитория, несмотря на ранний час, всегда была полна.

Речь Докучаева была «кристаллически точная»^[70], без пафоса и артистизма. Он давал студентам не столько знание о минералах, сколько общее представление о целях науки, увлекал собственным примером. Многие ученики потом вспоминали его кипучую, заражавшую всех энергию. По их словам, он обладал громадной силой воли и необычайной способностью подчинять себе события и людей.

Студентами Докучаев интересовался мало. Его полностью поглотила докторская работа о чернозёме. Даже свои обязанности по университету он старался перепоручить кому-нибудь другому.

Лекции по минералогии ему составлял студент Вернадский^[71]. Отличнику Амалицкому Докучаев доверил практические занятия по кристаллографии, «что для того времени было совершенно необычным явлением»^[72].

Трое других студентов выполняли для него анализы почв. Изредка Докучаев заглядывал к ним в лабораторию, спрашивал: «Ну, как дела?» – на что получал неизменный ответ: «Ничего...»

«Очевидно В. В. некогда было заниматься с нами», – писал один из этих студентов^[73].

Но Докучаев не остался у помощников в долгу и вскоре принял решающее участие в их судьбе.

Иностранцев был всего на три года старше Докучаева, но казалось, принадлежал совсем другой эпохе и другой стране.

Он любил рассказывать о своём происхождении, причём в разных вариантах. Иногда говорил, что его дед приехал в Россию с персидским посольством, влюбился в купчиху, крестился и остался здесь жить^[74]. Иногда, что персидского деда подарили русскому царю вместе с ручным медведем и слоном. «У меня, – шутил он, – и до сих пор имеются родственники в Персии, и я жду в скором времени наследства в виде каравана верблюдов с персидским порошком»^[75].

У Докучаева было самое простое происхождение, а отец Иностранцева служил капитаном корпуса фельдъегерей и тридцать лет сопровождал в поездках императора Николая I, который, к слову сказать, приходился крёстным отцом геологу Иностранцеву.

Сохранилось предание, как фельдъегерь Иностранцев с письмом императора переходил границу. Его остановил ретивый офицер, который потребовал документы и усомнился в их подлинности. Иностранцеву скоро надоело препираться, он вынул пистолет, застрелил офицера и поехал дальше: с деликатными поручениями ему давали право полной неприкосновенности^[76].

Многие считали геолога Иностранцева тщеславным, властолюбивым и тяжёлым в общении, в то же время отдавая дань его одарённости и трудолюбию. Он обладал хорошим слогом, но лектором был скучным и даже сам это признавал, что было необычно при его честолюбии.

На лекциях Иностранцев в точности повторял, что писал в учебнике, даже остроты рассказывал в тех же местах. Его ученик вспоминал: «Как-то раз на лекции один студент стал следить по этому учебнику за тем, что говорил профессор, и до того увлёкся, что забыл, где он находится. Когда речь профессора стала подходить к тому месту, где должна быть острота, студент этот в увлечении громко произнёс: „Вот сейчас сострит“. Иностранцев услышал это и не сострил...»^[77]

Весной 1883 года Амалицкий закончил четырёхлетнее обучение в университете. Почти все предметы в аттестате «Владимира, Прохорова сына, Амалицкого» были с отличными оценками. На «хорошо» он сдал только богословие, немецкий язык и химию у Менделеева^[78].

Амалицкий успешно защитил диссертацию по теме, к которой никогда больше не возвращался, – «Химический анализ южнорусских гранитов». После получения гигантского заверенного печатями диплома он пожелал остаться на кафедре для получения профессорского звания, то есть, говоря современным языком, поступить в аспирантуру.

Его просьбу совет университета рассмотрел 19 сентября 1883 года вместе с прошениями трёх других студентов.

Физико-математический факультет предлагал оставить Амалицкого, Левинсон-Лессинга и ботаника Михаила Образцова. Все трое получили одинаковое число избирательных голосов – по двенадцать – и были оставлены в университете без стипендий.

А вот кандидат от юридического факультета Адам Липский получил 36 голосов и остался со стипендией в шестьсот рублей^[79]. Кстати, именно Липский был единственным одноклассником Амалицкого, получившим золотую медаль. Спустя годы он станет крупной политической фигурой – сенатором, а затем, в 1917 году, генерал-губернатором Финляндии.

Оставшемуся без стипендии Амалицкому пришлось устроиться на работу, чтобы сводить концы с концами. Скорее всего по протекции своего дяди Полубинского он получил первую должность – маленькую, зато с длинным названием: помощник делопроизводителя в Канцелярии при Военном Совете Комиссии по устройству казарм. Годовой оклад Амалицкого составил шестьсот рублей в год. Вместе с жалованьем он получил первый чин – коллежского секретаря.

Радуга в Рухляках

Нижегородская губерния по форме напоминала прямоугольник с рваными краями. По размерам она была больше, чем многие европейские государства. Геолог А. Р. Ферхмин писал, что эти места были «поистине глушь»: «мужики почти сплошь представляли собою тёмную, неграмотную и сильно обедневшую массу», деревни были грязные, леса дремучие^[80]. По словам Амалицкого, эти леса наложили на население особую печать, сделали его угрюмым и сумрачным, «как самый лес»^[81].

В таком медвежьем углу оказалась на удивление просвещённая земская управа. Она решила провести налоговую земельную реформу на небывало высоком уровне. Обычно для таких целей использовали только статистику по урожаю, но в нижегородском земстве такое положение дел сочли недостаточным и захотели принять во внимание другие факторы, в том числе химическое качество почв. Земство обратилось в Петербургский университет с просьбой провести соответствующее исследование. На предложение откликнулся Докучаев, чьи интересы были тесно связаны с почвами.

Работа предстояла тяжёлая. Ещё никогда в России не проводили такие изыскания, у почв даже не было пристойной номенклатуры. «Говоря откровенно, не без сильных колебаний и сомнений я принял это лестное, но чрезвычайно сложное дело: трудности, предвидевшиеся впереди, казались почти непреодолимыми», – вспоминал Докучаев^[82]. Впрочем, у него вообще был принцип не отказываться ни от какой работы. «Надо дело делать», – говорил он в любой ситуации.

Докучаев разработал программу и смету, земство выделило финансирование, к сожалению слишком скудное. Заработать на оценке земель было невозможно, и Докучаеву пришлось искать бескорыстных, как он сам, помощников.

Весной 1882 года Докучаев зашёл в свою минералогическую лабораторию, где трое вчерашних студентов выполняли анализы почвы для его докторской работы, сел на стул верхом и затянулся папирсой.

– Есть работа, – начал Докучаев. – Надо ехать в поле на исследование... Поедете?

– Куда?

– В Нижегородскую губернию.

Все трое без размышлений ответили согласием. Докучаев сказал, что надо бы подготовиться, собрать литературу, снарядиться. Этим беседа и закончилась^[83].

Только перед самым выездом он отправился с помощниками за город и показал, как брать образцы. Предстояло копать особые ямки, чтобы захватить дерновину, почву, подпочву и переходные слои. Из одной ямки надо было брать сто-двести граммов земли, но сами ямки копать часто. «Если брать с гор, то надо брать с вершины, середины и подножия», – записывал один из учеников^[84].

Ямками дело не ограничилось. Докучаев считал почву особым естественным телом, в образовании которого участвуют все царства природы. Поэтому помощникам предстояло собирать сведения о геологических породах, о фауне и флоре, записывать особенности рельефа и климата, а заодно уточнять экономические характеристики. Докучаев составил целый катехизис – список вопросов для крестьян: сколько они снимают с поля зерна, соломы и мякины, сколько кладут навоза для удобрения.

Напоследок он дал помощникам несколько наставлений житейского характера, особенно советовал, чтобы «зря не болтали».

В Нижегородской губернии было одиннадцать уездов. Каждому помощнику за лето предстояло описать один.

Земство выдало сотрудникам Докучаева бумаги с разрешением останавливаться в сельских домах, брать проводников, копать небольшие ямки^[85], и экспедиция началась.

На себя Докучаев возложил общее руководство; он ездил от одного уезда к другому, корректировал наблюдения, добавлял свои: «Не лишним считаем заметить здесь, что в овраге, известном под именем Старая Щель, обнажилось какое-то старинное кладбище, о котором не сохранилось никаких преданий. Обитатели этого кладбища, – скелеты, – лежат не согласно с обычаями православной церкви»^[86].

Докучаев был жёстким начальником. По словам помощника, он заставлял их работать как волов, выжимал всё до последней капли,

платил гроши, но и взамен давал немало полезных знаний и навыков^[87]. Другой помощник писал, что рука Докучаева была «далеко не лёгкой» и нередко его сотрудники доходили до нервного состояния^[88]. Один раз едва не случился разрыв отношений, но конфликт удалось замять. Третий участник экспедиции вспоминал, как Докучаев проверял работу.

В условленный день мы съехались в главной нашей резиденции, уездном городе Семёнове. Здесь В. В. устроил нам полный экзамен; расспросив нас, как ведём исследования, где мы были, и что нами сделано, осмотрел наши коллекции. Всё сошло хорошо. Досталось только коллекции валунов. Боясь что-либо пропустить, мы, каждый в отдельности, очень усердно собирали попадавшиеся повсюду валунчики. Просмотрев первые образцы и определив их, В. В. добрую половину остальных, как идентичных, повыбросал за окно, приговаривая при этом: «швырк-штейн! швырк-штейн!»^[89].

По договору с земством полевая работа занимала все три летних месяца и длилась буквально от зари до зари. Все участники работали ради идеи. Финансов было в обрез. Докучаев писал председателю земской управы, что у помощников к осени «не останется в кармане ни одного медного гроша», потому что приходится платить за постой, за разъезды, за пропитание. «Деньги тают, яко воск», – жаловался Докучаеву один из сотрудников^[90].

Сложности возникли и с другой стороны. Население насторожённо относилось к чужакам, в деревнях сотрудников Докучаева прозвали землеройками и кротами^[91]. Мужики предлагали им взятки, чтобы образцы почвы брали по их указанию из плохого места, и поясняли: «Дети и внуки за вас Богу молиться будут... Ведь с лучшей земли и налогу придётся платить больше, да сколько годов! Когда-то ещё новая ревизия земли будет»^[92]...

По возвращении в Петербург полевая работа уступала место камеральной. В лаборатории образцы почвы отмачивали, проводили химический анализ, определяли, сколько в почве содержится кремнезёма и сколько содержится глинозёма, составляли сводное

описание рельефов. Было ясно, что трое помощников не справятся с описанием огромной губернии. Докучаев принялся искать новых и обратил внимание на Амалицкого, который как раз закончил последний курс.

Амалицкий согласился и всё лето 1883 года провёл в Горбатовском уезде недалеко от Нижнего Новгорода.

Уезд протягивался на сто километров в длину при ширине 40–50 километров. Амалицкий с лопатой и молотком исходил его вдоль и поперёк. Он шагал вдоль ручьёв, по «сугробам сыпучего песку» и топким заводям, поднимался на высокие холмы, спускался в овраги. Он просеивал породу «через плотный холст», растирал глину в ступке, складывал в мешочки песок, измерял толщину пахотных горизонтов у сёл Пиявишная и Клещариха, у деревни Пуп и на Убогой горе.

Горбатовский уезд оказался весьма разнообразным в отношении рельефа. Здесь попадались ледяные провальные озёра «без дна», широкие заливные луга, обширные хвойные леса. Берега Оки иной раз поднимались на 50 метров и прорезались такими крутыми оврагами, что напоминали «частокол, на который взобраться совершенно невозможно»^[93]. В эти овраги, по словам Амалицкого, солнце заглядывало весьма редко, и всё было «одето в какую-то полутаинственную тень»^[94].

Собранные в уезде материалы следовало обработать за полгода – такой срок Докучаев давал на подготовку отчёта. Когда помощник сдавал отчёт, Докучаев быстро вычитывал рукопись, отмечал слабые места, после чего автор вносил правки и рукопись немедленно шла в печать.

Отчёт Амалицкого по Горбатовскому уезду был опубликован уже в 1885 году и стал одной из четырнадцати книг, выпущенных нижегородским земством по итогам экспедиции Докучаева.

У книги громоздкое название: «Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. Отчёт Нижегородскому губернскому земству. Работа исполнена под непосредственным руководством Профессора В. В. Докучаева. Выпуск VII. Горбатовский уезд». Это первая публикация Амалицкого, причём монография. Вторая публикация тоже будет монографией – о пермских породах Нижегородской губернии. Потом Амалицкий станет печатать в основном крошечные статьи.

Его первая книга примечательна своим эмоциональным стилем. «Очень неприглядно!», «прелестная панорама», «весьма оригинальная картина» – писал Амалицкий про всевозможные виды Горбатовского уезда. Зачастую он рисовал целые картины, нагромождая прилагательные.

Внизу Ока полукольцом захватила в свои объятия волшебный калейдоскоп, который манит издали нежными переживаниями и переходами цветов под полуденными лучами июльского солнца; то синеватой лазурью заблестят, заиграют озёра и заводи, то сумрачный темно-зелёный лес на синевато-дымчатом фоне голубой дали с укором и сожалением смотрит на золотистые пески, кое-где прерываемые светло-жёлтыми полосами нив и зелёными лугами, на которых там и сям группами приютились кустарники^[95].

Такой стиль редко встречается в учёных трудах.

В следующих работах, в том числе научно-популярных, Амалицкий уже не будет делать лирические отступления, станет писать сухо и степенно.

Книга о Горбатовском уезде состояла из трёхсот страниц, правда, с большими пробелами и широкими полями. Как и другие отчёты, она включала в себя три части. Сначала шёл рассказ про рельеф и гидросеть, потом описание геологического строения с кратким очерком полезных ископаемых и, наконец, описание почв с замечаниями о растительности.

Книгу торопились издать быстрее, поэтому она изобилует опечатками: «найдти», «гаризонт», «острокнечные», «сравнительно», «органических». Хуже, что из-за спешки к отдельным монографиям по уездам не сделали карт. Едва начинаешь их читать, сразу теряешься в бесконечных названиях ложков, речушек и деревень, не имея возможности соединить их в единую картину.

В целом Амалицкий оценил земли уезда как истощённые, а для улучшения «родимой способности» рекомендовал удобрять их торфом, мергелями и алебастром. С явным предпочтением он писал про геологию, особенно про главную породу уезда – радужные или

пёстрые рухляки, то есть пески с мергелями. Название «радужные» они получили благодаря пёстрой окраске. В народе эти пласты за яркий цвет и ровное напластование прозвали нарядными или орденскими лентами^[96].

Рухляки попадались по всему уезду, даже среди цветущих полей Амалицкий то и дело замечал «красные лысины пёстрых мергелей» и писал, что они «повсюду пестреют»^[97].

Считалось, что ископаемые остатки в рухляках очень редки. Экспедиция знаменитого Родерика Мурчисона за сорок лет до поездки Амалицкого нашла в пёстрых рухляках Поволжья лишь одну рыбью кость и несколько раковин. Затем геолог В. Меллер тщательно промыл килограммы рухляков и собрал только крошечные угольки, приняв их за остатки древних хвощей. Другие исследователи находили то плохо сохранившиеся раковины, то куски каких-то панцирей и небольшие обломки древесины.

В палеонтологическом отношении рухляки считались пустыми, немymi. Сотрудники Докучаева в отчётах писали, что рухляки Нижегородской губернии вполне «безмолвствуют»^[98].

Было несколько объяснений необычному факту.

Московский профессор Герман Адольфович Траутшольд полагал, что рухляки – следы большого моря с ядовитой водой, в которой «существование животных» было невозможным. Или, по другой его гипотезе, животные в древнем море всё же обитали, но их остатки погружались в песок, который оставался рассыпчатым, не скреплялся цементом и поэтому в нём постепенно растворились и исчезли «даже признаки окаменелостей»^[99].

Из-за отсутствия окаменелостей рухляки считались геологической загадкой. Было не вполне ясно, когда они образовались: в пермском или в следующем за ним триасовом периоде. Впрочем, Докучаева эта загадка мало волновала. Спор, считать рухляки триасовыми или пермскими, не интересовал ни его, ни земство. «Всё, что относилось специально до рельефа и геологии местности, изучалось нами на столько, на сколько это было необходимо для главной цели», – писал Докучаев в предисловиях к отчётам помощников.

Вероятно, он с самого начала решил относить рухляки к пермскому периоду – так о них написано в отчётах, опубликованных

до поездки Амалицкого. Теперь стало ясно, что Докучаев угадал. Найденные в Горбатовском уезде окаменелости принадлежали пермским животным и исчислялись сотнями, если не тысячами образцов. «Немые рухляки» оказались не просто разговорчивыми, но даже болтливými. Зачастую их переполняли окаменелости, хотя и весьма однообразные. Почти все находки принадлежали двустворчатым моллюскам, по форме и размерам напоминавшим миндаль. Причём сами раковины не сохранились, от них остались только внутренние или внешние слепки. Стоит на примере пояснить отличие.

Если вазу заполнить цементом, а потом разбить, то из застывшего цемента получится внутренний слепок вазы. С внешним сложнее. Для этого вазу надо погрузить в цемент, потом её разбить и извлечь обломки. Внутри останется полость. Если её заполнить раствором, получится внешний слепок. Внутренний слепок отражает внутреннее строение раковины, внешний – наружное.

Трудность состояла в том, что одни виды древних моллюсков были описаны по внутренним слепкам, другие – по внешним, третьи – по самим окаменелым раковинам, четвёртые – по отпечаткам. Сопоставить одно с другим, третье с четвёртым и всё вместе представляло собой нетривиальную и зачастую нерешаемую задачу. «У меня теперь действительно – редкая коллекция, но ирония судьбы – из 10 мест есть у меня ископаемые и все одни пластинчатожаберные... Есть несколько таких раковин, от которых известны только внутренние ядра, а у меня как раз наружные», – писал Амалицкий^[100].

Помимо раковин двустворчатых Амалицкий собрал в рухляках куски пермских деревьев, причём на одном даже сохранились «как бы места прикрепления сучков и нечто в роде отдельных наслоений коры». Он нашёл чешую и «другие части рыб», крошечные зубы амфибий и большой зуб, который посчитал за зуб хищного ящера деутерозавра (*Deuterosaurus biarmicus*). В одном местонахождении оказались «целые скопления различного рода костей, которые, хотя и не потеряли своей структуры, но плохо сохранили наружный вид»^[101]...

Иностранцев говорил, что прямая задача геолога заключается в том, чтобы «реставрировать физико-географические условия»

прошлого и восстанавливать «условия жизни организованного мира»^[102]. Амалицкий старался следовать этой идее и старательно реконструировал палеогеографию и палеоэкологию. В монографии про Горбатовский уезд он вкратце написал, что в пермском периоде здесь проходил берег моря, а пёстрые рухляки являются мелководными прибрежными отложениями. На близость суши указывали стволы растений, кости ящеров, а также обильные остатки двустворчатых моллюсков, которых Амалицкий считал пресноводными.

В 1884 году Докучаев вновь увеличил число помощников, которых прозвал «почвенниками». Амалицкий тоже отправился в Нижегородскую губернию, но теперь его задачи отличались от задач остальных участников: он проводил уже не почвенную съёмку, а полноценное изучение пермских отложений. Кроме рухляков он занялся исследованием подстилающих морских известняков.

Работу он проводил на средства Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, хотя формально трудился в интересах земства.

Пермские породы выходили на поверхность во всех без исключения уездах губернии. Амалицкий ездил изучать их три года подряд. Он облазил десятки обрывов, пещер и штолен, осмотрел обнажения в овраге Лубочный Враг, на реке Вонючке и у деревни Погибелка, собрал десятки килограммов горных пород и окаменелостей.

Составлять коллекцию помогали другие участники экспедиции. Вернадский передал Амалицкому кость ящера и чешуи рыб из рухляков у Нижнего Новгорода^[103]. Левинсон-Лессинг отдал небольшой позвонок ящера из Васильсурского уезда^[104].

За три года у Амалицкого скопилось множество материалов и наблюдений. Разобраться в них оказалось непросто. Пермские слои зачастую выглядели совершенно перепутанными: они были «то горизонтально напластованы, то выведены из этого положения и сильно возмущены: иногда волнисто изогнуты» и «даже поставлены на голову»^[105].

По итогам исследований Амалицкий разделил их на две части: известняки и лежащие на них рухляки («породы с песчаным характером»). Он сопоставил десятки разрезов, проследил изменения слоёв и по итогам работы нарисовал целую картину гибели пермского

моря. По его словам, вначале море было открытым и глубоким, в нём отлагались слои известняков с остатками глубоководных брахиопод и фузулин. Постепенно море мелело, фауна менялась. Исчезли обитатели глубин, уменьшилось число брахиопод, вместо них появились раковины мелководных моллюсков, в том числе брюхоногих. Шли века, море продолжало высыхать, берег приблизился. Вместо известняков дно стали устилать пёстрые рухляки, переполненные остатками двустворчатых.

В рухляках сохранились разнообразные свидетельства близкой суши: кости ящеров в большом количестве, но плохой сохранности, стволы деревьев, «от которых сохранилась одна лишь кора», скопления окатанной гальки величиной с орех и даже отпечатки капель дождя, который случился много миллионов лет назад^[106].

Личная раковина Иностранцева

Профессор Иностранцев называл геологический кабинет Петербургского университета своей личной раковиной, куда он может спрятаться, «как улитка», от неприятностей и «внешней жизни»^[107]. Он получил его в своё распоряжение в 1869 году. Здесь стояли три полупустых шкафа с остатками морских животных мелового периода из Курской губернии, юрскими аммонитами из-под Рязани, несколькими трилобитами из окрестностей Петербурга и купленной по случаю коллекцией зарубежных ископаемых.

Всё поменялось в 1874 году, когда в кабинет заглянул пожилой палеонтолог и коллекционер Эдуард Иванович Эйхвальд. Его коллекция окаменелостей была крупнейшей в стране, насчитывала 30 тысяч образцов со всех регионов и «геологических образований России», начиная с Крыма и заканчивая Алеутскими островами. В ней были остатки моллюсков и ящеров, хвощей и носорогов – многие уникальные. Эйхвальд собирал коллекцию более полувека. Что-то находил сам, что-то дарили почитатели и бывшие ученики – горные инженеры. Ему не раз предлагали продать коллекцию. В конце концов поступило предложение, от которого было трудно отказаться. Американский миллиардер и филантроп Пибоди хотел купить коллекцию за десять тысяч долларов, чтобы передать в новый университет США. Но Эйхвальд заявил, что не хочет продавать коллекцию за рубеж и предложил Петербургскому университету купить её дешевле – за шесть тысяч рублей. В доказательство её ценности предъявил письмо Пибоди.

Впрочем, газеты уверяли, что сделка с американцем сорвалась не из-за патриотических чувств Эйхвальда, а от скоропостижной кончины Пибоди. Он в самом деле скончался незадолго до визита Эйхвальда в геологический кабинет.

Запрошенная сумма в любом случае была слишком велика. Геологическому кабинету на все расходы отпускали шестьсот рублей в год. Но Иностранцев не стал отказываться от возможности получить лучшую палеонтологическую коллекцию страны. Он попросил Эйхвальда подождать с ответом и обратился за помощью к министру

финансов Михаилу Христофоровичу Рейтерну. Тот сказал, что уже слышал «о патриотическом поступке Эйхвальда» и приказал отыскать требуемую сумму.

Коллекцию купили. Две тысячи рублей Эйхвальд получил сразу, четыре тысячи ему обещали выплатить в течение четырёх лет. Он планировал за это время проверить все этикетки, чтобы не было ошибок в определениях, и, кроме того, пообещал отдавать в кабинет все «предметы по палеонтологии, которые поступят к нему после покупки коллекции до самой его смерти».

Смерть пришла скоро. Эйхвальд умер вскоре после заключения сделки. А коллекция окончательно перешла в собственность университета в 1879 году^[108]. Волей случая геологический кабинет стал палеонтологическим, а Петербургский университет – обладателем крупнейшей в России коллекции окаменелостей. Таких богатых материалов не было даже в Академии наук. Кабинету пришлось перебраться в более просторные комнаты и заказать новые шкафы и витрины.

Коллекцию разбирали долго и неспешно. У Иностранцева был своеобразный оброк для учеников: геологи, оставшиеся на кафедре для подготовки к профессорскому званию, один год работали в кабинете бесплатно. Исключений не было.

О работе геологического кабинета подробно рассказал в воспоминаниях академик Николай Иванович Андрусов. По его словам, в кабинет он приходил первым. Заспанный старик-сторож открывал двери и шёл греть чайник.

Остальные подтягивались к полудню.

Приходил давний ассистент Иностранцева Борис Константинович Поленов. С женой и двумя дочками он много лет жил в квартире на первом этаже университета и уже почти отчаялся получить собственное место профессора.

Садился за стол аккуратно одетый, маленький и щуплый Павел Николаевич Венюков, любитель девонских окаменелостей и сладких вин. Он с детства рос в окружении женщин – воспитывался матерью с бабушкой – и отличался скромным, мягким характером^[109]. У Иностранцева он работал уже несколько лет, мечтал поскорее выбраться из-под опеки и получить собственную кафедру. Ему это удалось в 1889 году. Он отправился читать геологию в Киевский

университет, но сошёл с ума и был уволен с назначением пожизненной пенсии.

Зимой в кабинет заглядывал крепкий мужик деревенского вида, с огромной пушистой бородой – геолог Яков Антонович Макеров, с весны до осени бродивший по Сибири и Дальнему Востоку в поисках золота.

Приходил элегантный Левинсон-Лессинг в строгом военном костюме.

Амалицкий появлялся редко, у него, если верить Андрусову, уже появились «чиновничьи привычки, которые он сохранил и во времена своего Варшавского профессорства»^[110]. Любопытно, что один из немногих приятелей Андрусова, Вернадский, тоже не слишком доброжелательно относился к Амалицкому и писал, что тот был «морально ниже» Левинсон-Лессинга. Впрочем, не объяснил, в чём ниже и почему^[111].

Самым необычным сотрудником была Евгения Викторовна Соломко, первая русская женщина-геолог. Она работала у Иностранцева в 1883 году, опубликовала несколько небольших статей, но быстро завершила карьеру, вышла замуж и уехала из России.

Позже всех приходил Иностранцев. Параллельно с курсом в университете он читал лекции в Медицинской академии и с гордостью носил положенный этим учреждением военный мундир. Как уточнял Вернадский, причиной было тщеславие Иностранцева^[112].

Сразу после появления Иностранцева научные занятия в кабинете прекращались. «Начиналась болтовня, рассказывание Иностранцевым анекдотов, из которых минимальное количество можно было рассказать при женщине, некоторую долю можно было, по Иностранцеву, поведать одной знаменитой актрисе, а большинство – только при мужчинах. Эта болтовня, не говоря о том, что мешала работе, и сама по себе раздражала. Ходили от стола к столу и рассказывали анекдоты. Поэтому я воздерживался от таких переходов. С другой стороны, в результате этого образовывался сбор у моего стола», – писал Андрусов^[113].

В его воспоминаниях есть любопытная история.

Однажды на бале-маскараде Иностранцев якобы «рыскал повсюду и ухаживал за всеми хорошенькими». Особенно напористо, даже жестоко, приглашал отужинать стройную девицу в маске. Вдруг оказалось, что «девица» – это студент. Над Иностранцевым стали потешаться, говорили, что он даже мальчика от девочки отличить не может. «Александр Александрович был страшно чувствителен ко всему, что касалось его, надулся до невозможного и примирение состоялось очень не скоро», – вспоминал Андрусов.

Есть соблазн увидеть в неузнанном студенте Амалицкого и посчитать, что именно эта история стала поводом для написания портрета в женской одежде. Увы, история с Иностранцевым произошла примерно в 1885 году, а картина Репина датирована 1867 годом: слишком большая разница. Да и Амалицкий во время работы в кабинете носил приличную бороду. При всём желании его трудно было принять за барышню.

Видимо, на старинных маскарадах неразберихи с юношами и девушками случались часто, а Иностранцев обознался точно так же, как двадцатью годами раньше обознался другой педагог.

Научная работа Амалицкого шла точно по графику, он вообще отличался редкой пунктуальностью. Летние месяцы он проводил в поле, собирая пермские окаменелости и производя геологические наблюдения, зимой изучал найденные материалы.

Параллельно разбирал коллекцию Эйхвальда и ещё работал – сначала в канцелярии при Военном Совете Комиссии по устройству казарм, затем в Министерстве внутренних дел младшим помощником делопроизводителя медицинского департамента^[114].

Отдыхать тоже успевал. Сохранилось его письмо Левинсон-Лессингу, отправленное примерно в 1885 году с Украины.

Нигде я не видал столько красивых девок, как здесь, в стране «Деканьки» (от нас она в 15 верстах), и не только красивых, но можно сказать, красавиц, даже полных поэзии, ибо они удивительно отзывчивый народ к природе и живут поэтическими образами. Я в восторге от этого народа... Но чистота нравов... чтоб ей кисло!!!

Представь себе, когда двое – парень спит с девкой вместе – и ни разу!!!

Абсурд, скажет Павлов. И назовёт меня вралем...

Здесь существует довольно необычный обряд первого совокупления молодых. Это совершается после свадьбы (пир), а свадьба здесь бывает иногда неделю спустя после венца! Но ведь вот в чём суть! В продолжении этого, иногда недельного промежутка, молодые живут вместе и не смеют лишиться невинности до свадьбы, иначе позор на всю жизнь и ворота обмажут дёгтем!!!

Учитесь, развратники! Сообщите об этом старому индюку Павлову^[115].

В 1886 году Амалицкий выпустил итоговую монографию о пермских отложениях Нижегородской губернии. Она вышла всё в той же серии по оценке губернских почв. В ней подробно рассказано про залегание слоёв в разных уездах, дано описание всевозможных окаменелостей, изучено их отношение друг к другу.

На многих страницах в столбцы, как принято, напечатаны списки ископаемых, похожие на латинские эпитафии:

Окаменелости из кремней рудника Заводского суть: *Strophalosia horrescens* Vern. *Spirifer rugulatus* Kut. *Terebratula elongata* Schl. *Avicula speluncaria* Schl. *Macrodon Kingianum* Vern. *Gervillia ceratophaga* Schl. *Schizodus truncatus* King. *Clidophorus Pallasi* Vern. *Pleurotomaria antrina* Schlth. *Murchisonia subangulata* Vern. *Turbonilla phillipsi* Howse.

Turbonilla volgensis Golowk.

Cyathocrinus ramosus Schlth.^[116]

В 1887 году Амалицкий сдал магистерские экзамены (физика, аналитическая химия, геология, минералогия) и представил эту монографию для соискания учёной степени.

Защиту назначили на воскресенье 15 ноября 1887 года.

В те времена газеты регулярно публиковали заметки про научные диспуты. Защиты проходили открытыми для публики: можно было прийти, послушать, задать вопросы.

Университет оповестил о защите Амалицкого главные газеты Петербурга. Вскоре вышли анонсы. Самый первый – в ведущей газете страны, «Новом Времени». Публикация состояла всего из одного предложения, в котором ухитрились сделать опечатку: вместо

«Амалицкий» напечатали «Амашицкий»^[117]. На следующий день ещё две газеты опубликовали анонс о «защите Амашицкого»^[118], и только одна газета справилась с фамилией и напечатала её как следует^[119].

Защита началась в час дня в самой большой одиннадцатой аудитории университета. Молодой профессор-ботаник Христофор Яковлевич Гоби зачитал *curriculum vitae* Амалицкого: родился в 1859 году, в 1879-м поступил на физико-математический факультет, где остался для подготовки к профессорскому званию и написал несколько учёных трудов, из которых особое внимание заслуживают работы по геологии Нижегородской губернии.

Амалицкий прочёл заготовленную речь, затем выступили официальные оппоненты. Их было двое: Иностранцев и Докучаев. Работу своего ученика они оценили высоко и признали его монографию важным вкладом в науку. По их словам, она заслуживает большого внимания и заполняет «некоторые частные пробелы в науке»^[120]. Ради приличия они указали на некоторые «не важные недостатки, преимущественно со стороны внешней»^[121], которые объяснили «спешностью работы»: Амалицкий торопился представить результаты в нижегородское земство.

«После непродолжительных прений совет естественного факультета удостоил г. Амалицкого искомой им учёной степени»^[122].

В заметках по поводу защиты газеты правильно напечатали фамилию Амалицкого, и только «Новое Время» опять ошиблось, перепутав инициалы и назвав Владимира Прохоровича «В. А. Амалицким».

Защиту отметили на широкую ногу. Судя по воспоминаниям Андрусова, любое событие у геологов кончалось отчаянным застольем. Андрусов даже счёл нужным предупредить читателя, что не был совсем уж горьким пьяницей, как можно подумать по его мемуарам.

На торжество пригласили приятеля Иностранцева – знаменитого художника Ивана Ивановича Шишкина. Иностранцев познакомился с ним на острове Валаам на Ладожском озере, где изучал геологию. Они жили в одном монастыре, причём Шишкин расплачивался за комнату рисунками, и вся гостиная монастыря была увешана его этюдами.

Шишкину очень нравились геологи, он неизменно над ними подтрунивал, особенно над Андрусовым, которого за бороду и насупленный вид называл архиереем. Однажды Шишкин пришёл на доклад Андрусова о распределении осадков Атлантического океана. Дальтоник Андрусов нарисовал карту дна цветными карандашами. Рисунок привёл Шишкина в восторг. Он говорил, что это не карта, а настоящий персидский ковер^[123].

Шишкин любил в шутку болтать «по-фински» – набором ничего не значащих слов, напоминающих финский язык. Такую «чухонскую речь» он произнёс в качестве тоста для новоиспечённого магистра Амалицкого^[124].

Весной Амалицкий уплатил университету девять рублей за изготовление диплома магистра минералогии и геогнозии^[125]. Диплом давал право на новый чин – титулярного советника.

Амалицкого утвердили в нём в июле 1888 года. На мундир он повесил петлицы с эмблемой Министерства просвещения.

В сентябре 1889 года тридцатилетний Амалицкий начал читать первые лекции в ранге приват-доцента. Они шли раз в неделю и поначалу не задались. Как писал почвовед Пётр Андреевич Землячченский, на вступительной лекции Амалицкий выступил плохо: «По крайней мере, принципалы так говорят; по языку она, действительно, из рук вон плоха, хотя предмет, выбранный для чтения, весьма интересный – „Агрономическая геология“»^[126].

Впрочем, скоро всё вошло в колею. Про «агрономическую геологию» Амалицкий рассказывал студентам целый год, но потом уже никогда не возвращался к этой экзотической теме.

Основные его интересы по-прежнему были связаны с пермским периодом. В 1890 году Амалицкий на средства Общества естествоиспытателей поехал в Новгородскую, Вологодскую и Олонецкую губернии. От Вытегры Амалицкий отправился через Кириллов на Вологду, описывая пермские и ледниковые отложения^[127].

Ездил знакомиться с коллекциями за границу. На время одной заграничной поездки выпали страшные холода, и Амалицкий сильно простудился: из экономии в университете не отапливали библиотеку и музей.

«Руки окоченели, ноги промёрзли на этом морозе. Идя в библиотеку или музей, члены Reichsanst одеваются, как на улицу», – ругался он^[128].

В другом городе музей вовсе закрыли на зиму. Амалицкий пробовал уговорить коллегу показать коллекции, но тот ответил, что боится подхватить в промёрзшем музее воспаление лёгких.

Из ледяной «кокотки Вены» Амалицкий добрался до «почтенной старушки Праги» и здесь опять заболел, уже в гостинице. Печи в номерах топили без остановки, но даже это не спасало от морозов. Амалицкий жаловался, что спит «в пальто, под шубой и пуховиком, опасаясь, чтоб не встать с отмороженным носом»^[129]. И всё равно, несмотря на старания, подхватил простуду.

Шик и пшик

Весной 1890 года в Варшавском университете ушёл на пенсию старый профессор Ян Трейдосевич, более тридцати лет читавший курс геологии. Найти ему замену оказалось непросто.

Варшава уже почти сто лет была частью Российской империи, но продолжала оставаться строптивой и беспокойной. Поляки нередко бунтовали, требовали особых прав, вольностей, автономии.

Особенно мощным стало восстание 1863–1864 годов, во время которого погибли тысячи поляков. После восстания на край наложили десятки ограничений, в том числе запретили писать уличные вывески и давать в газетах объявления на польском: всё должно было быть на русском.

Ограничения ввели и в университете, где запустили жёсткую политику обрусения. Профессорам дали два года, чтобы научились говорить по-русски. После этого лекции читали исключительно на русском. Это было неудобно и преподавателям-полякам, и студентам-полякам. Некоторые профессора, знатоки своего дела, плохо владели русским, говорили «на невероятном языке» и выдавали удивительные фразы. Один рассказывал студентам о «казачьем молоке» вместо «козьего», другой называл любителей искусства «любовниками штуки»^[130].

У русских профессоров возникла другая проблема. Польские студенты постоянно выказывали им неприязнь и доставляли мелкие неприятности: громко шаркали ногами в аудиториях, демонстративно говорили только на польском. Зачастую профессора не выдерживали враждебной атмосферы и уходили в отставку.

В университете не прекращалась текучка кадров, которая осложнялась политическими соображениями. Администрация края стремилась заполнять университет «природными русскими» и не давала замещать вакансии полякам. Из-за этого некоторые кафедры пустовали годами. Чтобы заполучить русских профессоров, в Варшаве ввели немало льгот: платили больше, чем в других местах, давали право на пенсию через двадцать лет службы – на пять лет раньше, чем везде.

Узнав об освободившейся кафедре, Иностранцев предложил Амалицкому выставить свою кандидатуру и написал для него лестный отзыв. 10 августа 1890 года Амалицкий утвердили экстраординарным профессором Варшавского университета.

Незадолго до этого он женился. Невеста, Анна Петровна Курдюмова, была на девять лет моложе. Она родилась 25 ноября 1868 года в городе Павловск Санкт-Петербургской губернии.

Её отцом был генерал от кавалерии Пётр Курдюмов^[131], мать – швейцарка по национальности, вначале работавшая гувернанткой и от первого мужа имевшая болезненную дочку, которая «передвигалась в колясочке»^[132]. Такой брачный союз был необычным, но никаких подробностей о нём не сохранилось.

Кроме сестры-инвалида у Анны Петровны было два брата: Михаил и Александр. Оба пошли по стопам отца. Михаил Петрович окончил Николаевское училище гвардейских юнкеров, был приписан к Уланскому полку^[133]. В 22 года сражался с поляками, поднявшими мятеж. За усердие в подавлении восстания его наградили орденом Святого Станислава третьей степени с мечами и бантом^[134]. Александр Петрович детство провёл в Императорском пажемском корпусе, потом был зачислен в конноартиллерийскую батарею и дослужился до генерала. Близких отношений с сестрой у братьев не было.

Анна Петровна стала последним ребенком генерала Курдюмова. Она родилась, когда он разменял шестой десяток.

Образование она получила в частной гимназии Лосьевой-Тедда^[135]. Что это за гимназия, не знают даже специалисты по истории петербургских учебных заведений. Видимо, совсем крохотное заведение, где учились две-три состоятельные девицы.

Девушка любила читать, хорошо рисовала, пробовала писать стихи, брала уроки живописи. На Бестужевских курсах занималась иностранной литературой. Выйдя замуж, бросила учёбу, не кончив последнего курса.

Как она познакомилась с Амалицким, неизвестно. Но, судя по разным документам, Амалицкий тесно общался с представителями военного сословия. К примеру, в августе 1881 года он отдыхал в Смоленской губернии в имении генерал-майора Д. А. Арбузова и серьёзно там заболел^[136].

Варшава встретила молодожёнов страшной жарой. В газетах писали, что над городом висит настоящее тропическое солнце. От зноя листья на каштанах высыхали и сворачивались в трубочки. Жара закончилась сильной бурей, которая пронеслась ранним утром, поломала деревья, сорвала с магазинов вывески, разбила мачты у судов на Висле.

В первых числах сентября в Варшавском университете прошёл торжественный акт по случаю начала учебного года. Ректор Николай Алексеевич Лавровский в своей речи упомянул, что кафедра геологии получила нового руководителя – Амалицкого, чьи труды уже внесли «солидный вклад в геологическое познание России»^[137].

По традиции вступительную лекцию обставили с большой торжественностью. Послушать Амалицкого пришли все профессора Варшавского университета, а также попечитель учебного округа и студенты всех факультетов.

Лекция прошла вполне благополучно. Когда она закончилась, попечитель округа подошёл к Амалицкому и спросил: «Вы, должно быть, давно уже читаете лекции?» Попечитель пояснил, что Амалицкий не только хорошо справился с предметом, но и показал владение аудиторией, а для этого «кроме знаний и таланта надо иметь ещё и большой навык»^[138].

Затем потянулись преподавательские будни.

У Амалицкого занималось 35 студентов: 25 с третьего курса и десять с четвёртого. Он читал три предмета: историческую геологию, динамическую геологию и палеонтологию.

Лекции проходили в небольшой аудитории. Сохранились её фотографии^[139]. На них видны четыре длинные парты, за которыми сидели студенты, длинный стол для показа образцов. У одной стены возвышались шкафы с ископаемыми, вторую занимали большие окна. Профессор во время занятий стоял за деревянной кафедрой, а в противоположном конце аудитории располагался постамент для волшебного фонаря – аппарата, с помощью которого на экран проецировались изображения.

Амалицкий писал, что студенты посещали лекции «очень исправно», и жаловался на объём работы. «Лекций у меня очень много, меньше шести читать нельзя, работы чисто учебной и

организаторской не оберёшься, но, откровенно говоря, делаю всё с большим удовольствием», – рассказывал он Левинсон-Лессингу^[140].

Много сил отнимало обустройство геологического кабинета. Учебных коллекций в нём почти не было, а кабинет приходилось делить с минералогами. Амалицкий посчитал такое положение дел неудобным и принялся оборудовать отдельный кабинет. Он закупил учебные пособия, таблицы, карты, модели, шкафы, распорядился провести в кабинет газ и воду.

Главное внимание он уделял ископаемым остаткам и скупал всевозможные окаменелости, в том числе у студентов. В некоторых отчётах его кабинет так и называли – «палеонтологический». Уже через пять лет после прихода Амалицкого в нём насчитывалось 157 коллекций, содержащих 10 159 образцов на общую сумму 7390 рублей 48,5 копейки^[141].

Весной Амалицкий со студентами ходил в геологические экскурсии, в том числе в Предкарпатье, что занимало десять дней. Такие походы назывались научно-педагогическими. В поле он учил студентов составлять геологические колонки и разрезы. Для забавы верхний слой обозначал как «мусор»^[142]. Сохранился его отчёт о студенческой практике в окрестностях Варшавы^[143].

Перед выходом Амалицкий прочёл весьма обширную вступительную лекцию, рассказал про строение земного шара, «перемещения океанов и морей», изверженные, осадочные и метаморфические породы. От общих представлений перешёл к частным: показал геологические схемы Восточной Европы, Варшавы и наиболее характерные образцы горных пород.

После этого отправился с учениками на экскурсию.

Варшавский университет стоял на высоком берегу Вислы. С высоты карниза студенты выполнили «ориентировку в рельефе местности», осмотрели намывные отложения реки, её надлуговую и заливную террасы.

«Строение университетского двора было демонстрировано на основании профилей высот, сделанных при канализации», – писал Амалицкий. Профили показывали, что университет стоит на двух моренах, разделённых межледниковыми песками. С университетского двора экскурсанты спустились в долину Вислы и в обнажениях познакомились с верхней мореной. Пройдя вдоль реки до Белян,

поднялись на обрыв и «в прекрасных обнажениях» ознакомились с нижней мореной. На «возвратном пути» прошли по шоссе мимо дюн и наблюдали «геологическую деятельность ветра».

Варшавский профессор Александр Андреевич Жандр писал, что учебные экскурсии Амалицкий устраивал «постоянно и в широком масштабе», будучи совершенно неумолимым и нетребовательным в отношении комфорта. Это «сближало экскурсантов настолько, что конец экскурсии всегда вызывал искреннее сожаление», и студенты перед расставанием горячо благодарили Амалицкого, причём иногда дело доходило до оваций^[144].

К студентам Амалицкий вообще относился с большим участием. «Зато и они любили его, как отца, и всегда шли к нему со своими горем и радостями, зная, что у него найдут сочувствие, добрый совет, а нередко и материальную помощь», – вспоминала Амалицкая^[145].

Лекции, экскурсии, обустройство кабинета занимали всё время, на науку его совершенно не оставалось. «Ты говоришь о двигании науки, а я всё не нахожу времени на занятия», – писал Амалицкий Левинсон-Лессингу^[146].

Заодно жаловался на дороговизну и атмосферу Варшавы: «Жить в Варшаве страшно дорого, не знаю, как управимся. Анюта бьётся из сил, таскается по жидовским конурам, закупая мебель, в магазинах о покупке и думать нельзя, раза в 3 дороже петербургских».

И ещё Амалицкий удивлялся сильному разрыву между поляками и русскими. «Русское общество живёт совершенно отдельно от польского... К русским со стороны поляков полнейшая неприязнь. Поляки сходятся только с теми, кто совершенно ополячивается», – рассказывал он^[147]. Даже служанка не разговаривала с ним по-русски, хотя прекрасно понимала язык.

Больше всего его поразил контраст внешнего блеска и внутренних неудобств Варшавы. «Снаружи шик, а внутри пшик», – писал он^[148] и рассказывал, что живёт в прекрасном доме с мраморной лестницей, лепными украшениями «внутри и вне», зато ватерклозет, как везде в городе, не в квартире, а в сарае во дворе.

Амалицкие снимали трёхкомнатную квартиру на пятом этаже, и, надо полагать, ходить во двор им было не слишком удобно, тем более что аренда обходилась дорого: 47 рублей в месяц.

«В Варшаве много блеску, шику, но уютности нет, ходят в бархате сверху и без рубашки на теле», – бранился Амалицкий^[149], но остался здесь почти на всю жизнь.

«Не следует отчаиваться, авось всё будет благополучно. Я всё-таки благословляю судьбу за то, что она мне дала любимое дело», – писал он^[150].

Межконтинентальные моллюски

Среди животных пермского периода особое место занимали двустворчатые моллюски, которых во времена Амалицкого объединяли в огромную вымершую группу антракозий (Anthracosia). Их представители во множестве населяли древние водоёмы. Они были небольшими, обычно с грецкий орех, хотя некоторые вырастали до размеров ладони.

На первый взгляд все антракозии одинаковые, даже геологи называли их невзрачной и однообразной группой^[151]. Только специалист мог разглядеть отличия: у одних раковин зубчик на замке гладкий, у других – зазубренный, у одних бороздки чуть тоньше, у других чуть толще.

Остатки антракозий находили по всей планете в слоях девонского, каменноугольного и пермского периодов: в Северной Америке, Африке, Западной Европе, России. Единого мнения об их образе жизни не было. Кто-то полагал, что антракозии обитали в морях, другие считали их пресноводными; один палеонтолог не исключал, что антракозии вовсе были наземными^[152].

Амалицкий кропотливо доказывал, что антракозии жили в пресных водоёмах. С годами он стал главным, а по сути, единственным в мире специалистом по этой группе. Он изучал их без спешки, ездил в Европу, сравнивал найденные в России раковины с образцами из других стран.

В каждой поездке его сопровождала супруга. Она рисовала раковины антракозий, отмечая мельчайшие детали их строения.

Амалицкие совершили несколько зарубежных вояжей, знакомясь с палеонтологическими собраниями «в музеях и учебных кабинетах» и с интересными геологическими достопримечательностями. Они осмотрели ископаемые остатки в Берлине, Лейпциге и Штутгардте. В Баварии совершили экскурсию на триасовые и юрские отложения. Побывали в Брюсселе и Париже, поднимались на склоны Тирольских и Швейцарских Альп. В Италии осмотрели вулканические области Рима и Неаполя^[153].

Из путешествия Амалицкий писал: «Моя жена сопровождает меня всюду, и я удивляюсь её выносливости и умению ходить по горам»^[154].

Через руки Амалицкого прошли сотни раковин антракозий, собранных в России и Европе. Он измерял их замочные аппараты, считал на раковинах число бороздок и валиков. Раз в год выпускал небольшую статью про антракозий, где прослеживал их генетические ряды, реконструировал родственные отношения и разные примечательные особенности. К примеру, предположил, что современных унионид (Unionidae), к которым относятся наши отечественные перловицы, можно считать потомками древних антракозий^[155].

В 1892 году типография Варшавского университета выпустила третью и последнюю монографию Амалицкого: «Материалы к познанию фауны пермской системы России. Мергелистопесчаные породы Окско-Волжского бассейна. Anthracosidae».

На обложке указано, что это первый том. Он остался единственным, других не вышло. Амалицкому вообще не везло с планами по публикациям.

Монография небольшая и почти целиком состоит из сухих описаний. Её страницы заполнены дотошными характеристиками раковин, указано, где на них проходят кантики и штрихи, где располагаются ямки, впадины и «поперечные анастомозирующие веточки».

Только горячо любящий моллюсков человек мог написать целую книгу с таким содержанием: «Раковина овальная; вершинка, расположенная в передней четверти раковины, довольно резко выдаётся над замочным краем и загнута вперёд; от неё идёт киль, сначала довольно заметный, затем сливающийся с общею выпуклостью раковины, которая с боков умеренно и плавно выпуклая. Замочный и нижний края согнуты, передний и задний закруглены; все края, сливаясь друг с другом, в общем образуют овал»^[156].

И так на сто страниц.

Амалицкий описал десятки новых видов антракозий, назвав их в честь коллег и предшественников: Мурчисона, Циттеля, Фишера, Венюкова, Сибирцева, Левинсон-Лессинга (с редким написанием через верхние точки: *Anthracosia löwensoni*). Фамилий коллег не

хватило, многим раковинам Амалицкий дал имена по внешним признакам:

Палеомутела трапецевидная (*Palaeomutela trapezoidalis*),

Палеомутела овальная (*Palaeomutela ovalis*),

Палеомутела полуовальная (*Palaeomutela subovalis*),

Наядитес сомнительный (*Najadites dubia*),

Наядитес уродливый (*Najadites monstrum*).

Всего по материалам из рухляков он определил и описал полсотни видов двустворок. Как ни странно, почти все они остались валидными и до сих пор признаются специалистами^[157].

Амалицкий сам удивлялся изобилию видов антракозий и объяснял его большой изменчивостью пресноводных моллюсков. Он указывал, что современные двустворчатые отличаются поразительным разнообразием: в соседних озёрах Африки, Китая или Америки зачастую живут совершенно разные виды. Уже в 1870 году было описано более тысячи разновидностей ныне живущих унионид, и «перед этими цифрами, конечно, бледнеет число видов Anthracosid, не превышающее и двухсот, из девонской, каменноугольной и пермской системы, хотя и это количество удивляет некоторых палеонтологов, мало знакомых с литературой Unionid»^[158].

В монографии Амалицкий вновь, уже в третий раз, рассмотрел историю пермского моря, которое оставило в Центральной России обширные следы. В целом представления остались прежними. Добавились детали и стали увереннее суждения.

По Амалицкому, в начале пермского периода Центральную Россию покрывали глубокие морские воды, на дне накапливались толщи белого известняка. Постепенно море мелело, как нынешнее Аральское (это – сравнение Амалицкого^[159]), в нём появились опреснённые лиманы и лагуны, в солёные воды врезались дельты. Наконец море распалось на отдельные участки, морской известняк сменился пресноводными рухляками. Вместе с рухляками появились многочисленные антракозии.

В конце концов остатки моря превратились в крупные озёра. Их главными и почти единственными обитателями оставались антракозии, которые жили «целыми обществами, вероятно зарываясь в ил»^[160]. Сохранились миллионы их раковин. Некоторые слои

рухляков сплошь составлены из слепков антракозий, лишь слегка цементированных песком.

Особое внимание Амалицкий уделил родственным связям моллюсков. Он посчитал, что некоторые русские роды близки к североамериканским, другие – к западноевропейским, третьи встречались только в Европейской России, да и то редко. Наконец, четвёртые, самые распространённые в рухляках палеомутелы (*Palaeomutela*), были похожи на пермских моллюсков из Южной и Центральной Африки. Это обстоятельство показалось Амалицкому любопытным, учитывая, что некоторые палеонтологи уже отмечали сходство русских и африканских ископаемых пермского возраста. Британский палеонтолог Ричард Оуэн писал про сходство пермских ящеров Африки и России. Немецкий профессор Мельхиор Неймайр говорил о сходстве пермских растений Африки, Индии и России^[161].

Казалось, тоненькие ниточки связывают пермские отложения из разных концов света в одно большое целое. Амалицкий отметил в конце монографии, что это «очень важное обстоятельство»^[162], но воздержался от дальнейших суждений, пояснив, что «более или менее надёжную основу для параллелизации пермских пресноводных образований России и Африки» может дать только детальная обработка палеонтологических коллекций.

В первую очередь он хотел лично осмотреть добытые в Африке раковины антракозий. Пока же они были известны ему лишь по иллюстрациям в чужих статьях, а по картинкам трудно судить, насколько сильно африканские моллюски похожи на русских.

Весной 1892 года Амалицкий представил монографию об антракозиях на соискание учёной степени доктора минералогии и геогнозии. Защиту назначили на 10 мая всё в той же одиннадцатой аудитории Петербургского университета, где пятью годами раньше слушали магистерскую речь Амалицкого.

Официальными оппонентами выступили Иностранцев и зоолог Владимир Михайлович Шимкевич. Они «дали о диссертации весьма лестные отзывы», сделав лишь некоторые «замечания, как по существу вопроса, так и в педагогическом отношении»^[163].

Иностранцев отметил, что Амалицкий сделал ценный вклад в геологическую литературу, не только русскую, но и иностранную, так как открыл много новых представителей ископаемой фауны и свёл их

в систему, что дало возможность решить некоторые спорные вопросы русской геологии.

Пришедшие на защиту репортёры слушали диспут невнимательно. Один написал, что Амалицкий защищал работу «Материалы к познанию фауны Пермской губернии»^[164]. По словам журналистов, диспут вышел скучным и «привлѣк мало публики, может быть, благодаря сухости самого предмета диспута, и в виду того, что теперь в университете идут экзамены, и студенты сильно заняты»^[165]. После недолгих прений Амалицкого удостоили новой степени. Публика приветствовала решение рукоплесканиями.

12 мая Амалицкий уплатил двенадцать рублей за изготовление диплома доктора минералогии и геогнозии^[166]. Новый статус позволил ему перейти в разряд ординарных профессоров Варшавского университета, что сразу поправило семейный бюджет Амалицких.

Затем потянулись обычные будни обычного профессора. Почти всё время уходило на подготовку и чтение лекций, проведение практических занятий, которым в Варшаве уделяли особое внимание.

1 января 1893 года «за отлично усердную службу и особые труды» Амалицкого наградили первым орденом – Святого Станислава третьей степени^[167]. Это была самая скромная государственная награда. Её массово раздавали всем государственным служащим, начиная от начальников телеграфных станций и заканчивая губернскими секретарями. По одному только Министерству народного просвещения вместе с Амалицким её получили 350 человек, в том числе помощник библиотекаря Московского университета и заведующий перепиской Варшавского рисовального класса^[168].

Орден Святого Станислава был учреждѣн ещё польским королѣм Станиславом Августом. На нём ярко выделялись две буквы SS. В газетах печатали воззвания, что орден следует заменить на что-нибудь более патриотичное, например на орден святого Николая Чудотворца, и вместо вензеля SS разместить поясное изображение святого^[169]. В 1896 году ходили слухи, что орден в самом деле заменят^[170], но этого не случилось.

На науку, как и раньше, времени у Амалицкого почти не оставалось. Однако он сумел предпринять небольшую поездку в

Лондон и изучил богатые коллекции Британского музея и Лондонского геологического общества, где хранились находки из пермских отложений Южной Африки.

Амалицкий посмотрел раковины, прежде знакомые ему по картинкам, и убедился, что африканские формы удивительно похожи на российские. Некоторые оказались тождественными, и даже песчаник, в котором они сохранились, не отличался от нижегородских рухляков^[171]. Небольшое частное наблюдение за вымершими моллюсками повлекло за собой глобальный вывод. Пресноводные животные не могут пересекать моря. Раз моллюски были одинаковыми, значит, Россия и Африка (а также связанная с ней Индия) составляли единый непрерывный Русско-Индо-Африканский материк^[172], который отделялся морями от других территорий, в том числе от будущей Европы.

Это шло вразрез с общепринятым мнением, по которому в пермском периоде было два обособленных материка – южный и северный, резко отличавшиеся флорой и фауной. В случае правоты Амалицкого следовало пересматривать всю географию пермского периода.

Поворотным событием в судьбе Амалицкого стало выступление в Лондонском геологическом обществе весной 1895 года. Его речь о тождестве русских и африканских моллюсков вызвала большие дебаты.

После доклада Амалицкого геолог Уильям Томас Бланфорд указал, что южноафриканские моллюски могли быть морскими и в таком случае с лёгкостью переселялись от берегов пермской России к берегам пермской Африки.

По словам Бланфорда, остальные палеонтологические данные указывают на полную изоляцию северного и южного континентов. Он также упомянул, что в Индии, которая, по предположению Амалицкого, связывала Россию и Африку, нет «никаких следов подобных двустворчатых моллюсков, хотя эти отложения, в силу их экономического значения, очень тщательно изучены на предмет ископаемых»^[173].

Были и другие возражения, тоже весьма обстоятельные.

«Я тогда был настолько заинтересован и даже возбуждён таким скептицизмом, что нарочно просил напечатать эти дебаты не только в

протоколах общества, но и в приложении к отдельным оттискам моей статьи», – вспоминал Амалицкий^[174].

Со стороны отечественных учёных в адрес Амалицкого тоже нередко звучала критика.

Видный геолог Феодосий Николаевич Чернышёв давно говорил, что исследования Амалицкого подрывают «к себе в значительной степени доверие» недостаточно точными определениями раковин, которые могут относиться не к пермскому, а к триасовому периоду^[175].

Сильнее всего Амалицкого критиковал геолог Сергей Николаевич Никитин. Он пенял Амалицкому, что тот не сравнивал найденные раковины с триасовыми, и писал, что это лишает сочинения Амалицкого «научного значения и интереса»^[176]. Заодно называл его выводы совершенно неверными^[177], а систематику моллюсков «вполне неудачной»^[178].

Здесь сказались не столько научные разногласия, сколько вражда Никитина с Иностранцевым и его учениками. Она началась ещё в 1877 году, когда молодой и неопытный геолог Никитин опубликовал свою первую работу, посвящённую отложениям юрского периода Москвы. Он воспользовался идеей Иностранцева, полагавшего, что разные породы, признаваемые за разновозрастные, на самом деле могли откладываться одновременно, но на разных глубинах и указывать на отличия не возраста, а морских ландшафтов. Иностранцев иллюстрировал идею с помощью подмосковных известняков каменноугольного периода.

Никитину идея понравилась – вслед за Иностранцевым он смешал воедино три крупных яруса юрского периода^[179]. Это была серьёзная ошибка. Когда Никитин её осознал, то вину возложил на Иностранцева. Обладая бойким и едким пером, он принялся критиковать любые работы оппонента.

Доходило до курьёзов. Когда вышел неплохой учебник Иностранцева по геологии, в газетах появилось несколько лестных рецензий и один злой анонимный отзыв. Иностранцев заподозрил, что отзыв принадлежит Никитину, и, кажется, был прав^[180].

Отношения двух геологов со временем стали «активно неприязненными»^[181]. Иностранцев вспоминал, что Никитина

раздражал даже просто звук его фамилии. «Не довольствуясь нападками на меня, он перенёс ненависть и на моих учеников, в частности на В. В. Докучаева, Ф. Ю. Левинсон-Лессинга, В. П. Амалицкого», – писал Иностранцев^[182].

Накал страстей дошёл до того, что Иностранцев выпустил брошюру с названием «Открытое письмо Геологическому комитету»^[183]. Его возмутила критика, с которой сотрудник Геологического комитета Никитин обрушился на его работы. Иностранцев сравнил эту критику с газетными фельетонами и напомнил, что Никитина давно отличает «феноменальное незнание литературы», передёргивание фактов и «намеренное искажение» критикуемых работ. Теперь же, по словам Иностранцева, Никитин вышел «из всяких пределов не только научной, но даже и общежитийской порядочности». Попутно он обвинил Никитина в ярусомании, назвал модником и указал на плохую память, которая не позволяет Никитину к странице 95 вспоминать, что он писал на странице 82.

Геологический комитет ответил брошюрой «Открытое письмо Профессору А. А. Иностранцеву»^[184]. Её автор не указан, но с большой долей вероятности им был сам Никитин. Для начала автор прошёлся по стилю Иностранцева, который якобы изложил недовольство в «развязной и комично строгой форме». Опусы Иностранцева здесь названы «сплошным недоразумением», а его таланты и знания – ограниченными «до невозможности»...

Возникла даже вражда между двумя обществами – Обществом естествоиспытателей, где главную роль играл Иностранцев, и Минералогическим обществом, где трудился Никитин.

Иностранцев и Никитин подговаривали коллег не ходить на заседания к неприятелям.

Ситуация усугублялась тем, что Никитин реферировал геологические труды для многих учреждений и настойчиво выискивал слабые места в работах Иностранцева и его учеников. Амалицкий не стал исключением.

Вторая сторона конфликта не оставалась в долгу. Иностранцев советовал ученикам писать критические отзывы на труды Никитина. В той же монографии Амалицкого об антракозиях хватает не вполне адекватных оценок Никитина.

Скептицизм коллег подтолкнул Амалицкого к идее отыскать дополнительные доказательства для гипотезы о «непрерывном континенте». Он предположил, что в русских рухляках найдутся достоверные остатки растений и ящеров, которые будут не просто похожими, но аналогичными тем, что известны из Индии и Африки.

В пермских слоях Индии в изобилии встречались отпечатки листьев древовидных папоротников глоссоптерисов. Их было так много, что некоторые слои представляли собой своеобразные «листовые кровли»^[185]. Африка славилась костями пермских ящеров дицинодонтов и парейазавров, которых находили вместе с антракозиями.

Следовало найти в рухляках глоссоптерисы и ящеров. «Сходство не может ограничиться одними пресноводными моллюсками и должно распространиться и на остальной органический мир, т. е. на растения и животных», – считал Амалицкий^[186].

Два мира пермских ящеров

Континентальные отложения пермского периода лучше всего представлены в двух местах на планете: в Восточной России и Южной Африке. Здесь собраны самые богатые коллекции остатков пермских животных и растений. История этих находок насчитывает пару столетий, а предыстория теряется в дымке тысячелетий.

В России на широкой полосе между Волгой и Уральскими горами до сих пор сохранились остатки небольших медных рудников.

Особенно много их в оренбургских степях, где толща земли зачастую напоминает дырявый сыр. Медь залегает здесь в песчаниках пермского периода. Её здесь добывали с бронзового века^[187]. Рудокопы, конечно, регулярно наталкивались на остатки древних животных и растений. Их ценности никто не понимал, находки терялись в неизвестности. Сколько их нашли и потеряли за тысячи лет? Сотни, если не больше.

Первое письменное упоминание о них относится к 1762 году, когда из Оренбурга в Петербург пришло доношение, что на медных рудниках Твердышева найдено окаменелое дерево шести метров в длину. Из-за «небережения» дерево разбили на несколько кусков и большой двухметровый обломок привезли в Оренбург, он весил «150 пудь», то есть 2,5 тонны. Всё остальное осталось на руднике до получения дальнейших распоряжений.

В доношении говорилось, что найденное дерево представляет собой «вещь весьма курioзную», которая достойна «охранению в императорскую кунсткамеру»^[188].

Правительствующий сенат распорядился доставить дерево в столицу, в Академию наук. Академики составили особое наставление для перевозки «в минерал претворившагося дерева». Оно написано старым, непривычным слогом: «Если дерево совсем цело или немного не цело, то не надлежит оно разбивать в куски, но распиловать особливую пилою, зделанной из доброй, гибкой и неломной стальной полосы длиною например в два аршина, а шириною в четыре пальца, толщиною же в обух»^[189].

Куски дерева после распиловки следовало пометить, «дабы знать можно было, как их после опять сложить». Вывезти надо было и куски, оставшиеся на руднике. Также следовало узнать, не находят ли рудокопы «окаменелых листов и плодов, как, например, дубовых жолудей, лесных орехов, сосновых шишек, в таком случае и оные прислать особливо с описанием их».

Сенат и только что взошедшая на престол императрица Екатерина, кроме того, отправили в Оренбург указ, чтобы впредь «подобные сему курioзные вещи» также присылали в Академию.

Указ не возымел действия. Окаменелые кости и деревья в медных рудниках находили постоянно, но их ценности по-прежнему не понимали и никуда не отправляли.

Через шесть лет после находки каменного дерева по приуральским степям проехал учёный путешественник, капитан Николай Петрович Рычков. В дневнике он писал, что рудокопы нередко находят кости всякой «рогатой скотины» и древних «чудских рудокопов». Он и сам подобрал на руднике пару костей и сочинил по этому поводу «усладительное размышление о премудрости натуры».

Нашёл я две окаменелые человеческие кости, достойные справедливого примечания. Они не только что окаменели, но находясь между рудою, насосали в себя исходящих из неё паров так много, что вместо бывшего в них мозгу в одной находится самая лучшая медная руда, а во внутренности другой видим зарождающийся хрусталь. Та, коя напоена рудою, кажется, была часть лядвей человеческой; а другая подобна той кости, которая составляет наши колена. Впрочем, они обе сохранили существенной кости вид, только что почернели, находясь долговременно во влажности земной^[190].

Обе кости наверняка принадлежали крупным ящерам пермского периода.

Прошло ещё почти семьдесят лет, и наконец появилось первое научное описание находок из рудников. Оно принадлежало петербургскому профессору Степану Семёновичу Куторге. Любопытно, что он, кажется, был родственником Амалицкого, чья

бабка в девичестве носила фамилию Куторга^[191]. То есть Куторга, вероятно, приходился ему двоюродным дедом.

Судьбы Амалицкого и Куторги интересны неожиданными параллелями.

Куторга родился в Мстиславле в небогатой семье в 1805 году. Отец его рано скончался, и Куторга воспитывался матерью. В возрасте восьми лет он попал в Петербург, где получил образование в Санкт-Петербургской гимназии (будущей Третьей) и Петербургском университете. Он тоже скончался рано, в возрасте 56 лет.

Куторга был очень увлекающимся человеком. Он одновременно занимался палеонтологией, геологией, зоологией, лингвистикой, этнографией, писал обзоры на труды по химии, археологии, статистике, медицине и астрономии, печатал научно-популярные заметки в журналах, преподавал сразу в трёх-четырёх заведениях, руководил Минералогическим обществом и успевал пополнять всевозможные коллекции Петербургского университета: там долго хранились человеческие кости и черепа, на которых чёрной краской было написано «Куторга» и указание, откуда взят образец – например, «Шведская могила, Нарва»^[192].

Кроме того, Куторга служил инспектором частных учебных заведений и был императорским цензором. Именно он разрешил к печати некоторые стихи Лермонтова. Работа была нервной: в один раз за пропуск неугодной повести его арестовали на ночь, в другой едва не выгнали из университета за дозволение напечатать туманные немецкие стихи, в которых чиновники потом углядели чужеродность и враждебность русскому духу. Император Николай I собственноручно написал по этому поводу резолюцию: «Куторгу за подобное пренебрежение прямых его обязанностей сверх положенного взыскания посадить на 10 дней на гауптвахту и отрешить от должности цензора, а министра народного просвещения спросить, можно ли его долее оставлять при здешнем университете, ибо я его здесь считаю вредным»^[193].

В университете Куторгу всё же оставили, но под строгим надзором.

Помимо всего этого Куторга три раза был женат и воспитывал семерых детей.

В палеонтологии, или, как тогда говорили, «зоологии первобытного мира», он демонстрировал самые широкие интересы. Куторга изучал остатки растений и беспозвоночных, обломки рыбьих панцирей, которые по ошибке принимал за кости черепах и крокодилов^[194].

В 1838 году вышла его небольшая брошюра на немецком языке с традиционным для тех лет громоздким названием: «Вклад в познание органических остатков из медистых песчаников западного склона Урала доктора Стефана Куторги, профессора Императорского университета Санкт-Петербурга, члена Императорского русского минералогического общества и Императорского московского общества испытателей природы»^[195]. В ней даны описания отпечатков растений, панциря крупного ракообразного наподобие мечехвоста и костей ящеров.

По костям Куторга выделил сразу три рода, которые стали первыми в науке пермскими ящерами.

Животное, от которого сохранился похожий на луковицу обломок плечевой кости, Куторга назвал бритопусом (*Brithopus*), то есть «тяжелоногом». Другой небольшой фрагмент кости отнёс к новому ящеру ортопусу (*Orthopus*), или «прямоногу». Позже выяснился курьёз: оба обломка принадлежали одной и той же кости. «Бритопус» был нижним концом, «ортопус» – верхним^[196].

Третью находку – изогнутый серповидный зуб – Куторга приписал новому ящеру сиодону (*Syodon*), или «свинозубу». Впоследствии зуб удалось сопоставить с более полными остатками, и название сиодон используется до сих пор.

Сиодоны были ящерами величиной с собаку, их клыки по форме напоминали крюки, были гладкими, без зазубрин. Такими клыками нельзя проткнуть или разорвать добычу, зато удобно удерживать скользкую рыбу.

Работа Куторги стала первым трудом о позвоночных пермского периода. Но уже вскоре вышло ещё несколько работ других исследователей. В них описывались ископаемые, которые нашёл любитель палеонтологии пожилой майор Фридрих Август Теодор Вангенгейм фон Квален. В науку, да и вообще в Россию, он попал совершенно случайно.

Квален родился в дворянской семье на севере Германии то ли в 1778^[197], то ли в 1791 году^[198], получил университетское образование. Во время наполеоновской кампании выступил против французов на стороне России, подобно многим другим немцам. С русскими войсками штурмовал Париж, в боях потерял левую кисть. За воинские отличия получил в награду два чина и орден.

С полком вернулся в Россию, взял себе имя Фёдор Фёдорович и был направлен на пограничную службу. Полк Квалена стоял в глухом уездном городке. За несколько лет Квалену крайне надоела скучная и пресная жизнь. Новой войны не предвиделось, и он, пользуясь правом раненого, вышел в отставку, поступив на службу в Белебеевский уезд земским исправником.

Через пару лет его заметили и повысили до полицмейстера Оренбурга.

Квален имел необычную для тех мест безупречную репутацию и славился неподкупностью. Должность полицмейстера считалась весьма доходной, но Квален не использовал скользкие методы, чтобы поправить свои дела. Однажды губернатор поинтересовался, удалось ли Квалену выбраться из нужды. Квален ответил отрицательно, на что губернатор воскликнул: «Ведь я приставил осла к яслям, так что же он не ест?»^[199] В конце концов Квален разругался с генерал-комендантом Оренбурга и уехал в Челябинск, где вновь занял должность исправника.

В 1831 году в чине майора он окончательно оставил государственную службу и поселился в имении жены, где занялся естественными науками, прежде всего геологией и палеонтологией.

Впрочем, без дела он оставался недолго. Квалену предложили пост управляющего гигантскими Пашковскими медными и железными заводами. В его ведении оказались сотни рудников, изобиловавшие пермскими окаменелостями.

Квален из собственных средств назначил рабочим награды за ископаемые остатки и во время поездок на рудники скупал интересные образцы. Вскоре он стал обладателем крупной коллекции. Квален устоял перед соблазном оставить находки в своей собственности и передавал их специалистам.

Он не изучал и не описывал окаменелости, однако его роль в палеонтологии трудно переоценить. Как сказал один учёный, Квален,

«не будучи специалистом ни по геологии, ни по палеонтологии, сделал для изучения Пермской системы в России более чем кто-либо до него»^[200].

Самые знаменитые открытия Квалена – кости древних амфибий и ящеров.

Вначале ему повезло раздобыть обломок нижней челюсти с семью зубами, который вскоре описали под названием ропалодон (*Rhopalodon*), то есть «ящер с зубами-булавами».

Затем Квален привёз из Ключевского рудника целую «голову ящера», которую впоследствии описывали и переописывали под разными именами. «Голова» собрала целую горсть синонимов, но, вероятно, самым правильным будет её первое название – «динозавр Мурчисона» (*Dinosaurus murchisoni*).

Потом Квалену достались ещё две «головы ящеров», которые принадлежали крупным амфибиям, и позвоночный столб с одиннадцатью рёбрами, описанный под названием деутерозавр (*Deuterosaurus*), или «другой ящер».

Столь благоприятное для палеонтологии положение дел оборвалось случайным образом. В начале сороковых годов XIX века Квален потерял единственного ребёнка, а вскоре после этого жену. Двойное горе так потрясло его, что он бросил пост на Пашковских заводах и уехал в Лифляндию. В середине сороковых он, по просьбе английского геолога Мурчисона, сделал небольшую экскурсию по Оренбуржью. Возможно, лично сопровождал Мурчисона в Приуралье. Стоит напомнить, что по итогам той экспедиции пермский период был выделен как особый отрезок в истории Земли.

Костями из медистых рудников, в общем, исчерпывались находки пермских ящеров в России.

Совсем иначе выглядела история находок в Южной Африке. Окаменелые кости в изобилии встречались на самой окраине континента, где располагались колонии англичан и поселения голландских переселенцев – буров.

В тридцатых годах XIX века военные дороги в этих местах строил некто инженер Байн. Он заметил в пустынной местности глыбы песчаника, из которых торчали кости. Разбив несколько глыб, Байн обнаружил окаменелые черепа странных животных с двумя бивнями, как у моржей. Инженер вполне понимал важность древних

костей и начал их собирать. Буры с недоверием относились к этому занятию, пока Байн не догадался сказать, что продаёт камни в музей. Буров вполне удовлетворило такое здоровое объяснение. Байн отправил кости в Лондон, и в 1845 году Ричард Оуэн описал их под названием дицинодонтов (*Dicynodon*), то есть «двуклыкозубов».

С инженером Байном, видимо, встречался русский писатель, автор «Обломова», Иван Александрович Гончаров, путешествовавший вокруг света на фрегате «Паллада». В своих очерках он упоминает англичанина Бена, который прокладывал дороги на мысе Доброй Надежды и собрал целую коллекцию ископаемых «двузубых змей». Этими «двузубыми змеями», вероятно, были черепа дицинодонтов с позвоночниками, но без конечностей.

«Он нам показывал скелеты этих животных и несколько подарил», – писал Гончаров^[201].

Число находок быстро увеличивалось, поскольку в Африку отправились геологи на поиски алмазов. Они обследовали многие места и попутно собирали окаменелости, преимущественно черепа. Находки были представлены в основном дицинодонтами, хотя и разных видов. Они и сейчас составляют до 90 процентов всех пермских позвоночных в этих краях.

Наконец попался череп другого ящера, с опущенными вниз скуловыми костями. Оуэн назвал его парейазавром (*Pareiasaurus*), то есть «ящерицей с парейей» (на древнегреческом «парейя» означает часть шлема, которая закрывала щеки воина).

Африканскими ящерами чуть позже заинтересовался ещё один английский палеонтолог, Гарри Сили. В 1889 году он отправился в Южную Африку изучить кости в местных музеях, но его ждало разочарование: музеи оказались пустыми, все кости отправили в Британию.

Сили пришлось самому искать их в пустынных землях, где по полгода не выпадали дожди. Своё путешествие он подробно описывал в письмах, которые впоследствии опубликовали. В них много любопытных подробностей. К примеру, однажды вечером Сили рассказывал семье фермера о далёком прошлом и показывал реконструкции древних животных. Жена фермера взглянула на рисунки и порадовалась, что эти чудища погибли, иначе они

наверняка истребили бы весь скот, и людям стало бы трудно жить на белом свете^[202].

Сили повезло. В пустыне он заметил остатки парейазавра и начал раскопки. Скоро стало ясно, что в породе залегает целый скелет. Кости заняли несколько ящиков, которые Сили вывез на караване мулов^[203], а затем морем доставил в Лондон.

За год препараторы Британского музея очистили находку, и в 1891 году скелет парейазавра выставили в экспозиции. Он был величиной с барана. Во время своих визитов в Лондон Амалицкий наверняка его видел.

Скелет прославился на весь мир, про него рассказывали журналы и газеты, в том числе русские. «Очевидцы находки сообщают, что один взгляд на строение и формы остова этого животного, когда-то существовавшего на земле, переносят воображение в чудовищный мир», – писали они, уточняя, что в ящере особенно поражает грудина, похожая на хомут^[204].

Дицинодонты и парейазавры считались неким «сборным типом» животных: у них отмечали признаки и рептилий, и амфибий, и млекопитающих. О русских ящерах высказывали такое же мнение, особенно о деутерозавре. Специалисты вообще отмечали сходство русских и африканских ящеров.

Сили специально приезжал в Россию, чтобы посмотреть остатки ропалодонов и деутерозавров, и пришёл к выводу, что они тесно связаны с южноафриканскими ящерами, но всё же принадлежали к другим группам.

В Африке среди сотен костей не было ни одной кости ропалодона или деутерозавра. А парейазавров с дицинодонтами не находили в России. Была только одна сомнительная находка. В коллекции Казанского университета хранились обломки костей, которые палеонтолог Траутшольд посчитал за остатки беззубого дицинодонта оуденодона (*Oudenodon*)^[205]. Но обломки были слишком плохой сохранности, чтобы точно определить их принадлежность. Стоит также отметить, что Траутшольд был специалистом по древним моллюскам и в ящерах разбирался не слишком хорошо. Из той же коллекции Казанского университета он описал челюсть амфибии лабиринтодонта, которая позже на поверку оказалась челюстью щуки^[206].

Сопоставление русских и африканских ящеров осложнялось тем, что первые по возрасту были более древними, чем вторые. Судя по порядку залегания слоёв, африканским породам соответствовали не медистые песчаники, а пёстрые рухляки^[207]. А они до находок Амалицкого вообще считались немymi...

В Лондоне Амалицкий попробовал сравнить кости из рухляков с остатками африканских дицинодонтов. Они показались ему похожими, по крайней мере «в пределах родовых признаков»^[208]. Но для доказательства гипотезы о непрерывном материке требовались более веские аргументы – достоверные, хорошо сохранившиеся остатки, не допускавшие двойственных и неточных определений. Амалицкий собрался найти их на севере. Как патетично говорилось в одной статье, он словно бы «почуял близость крупного зверя, и, бросив всё, помчался по свежему, хотя и чуть заметному следу»^[209].

Тысяча вёрст палеозоя

30 августа 1896 года Амалицкий выступил с большой речью на торжественном акте Варшавского университета. Вскоре её напечатали отдельной брошюрой под названием «О геологическом развитии организмов и земного рельефа». Она небольшая, всего на 31 страницу, но очень важная. В ней Амалицкий вкратце изложил свои представления об истории планеты.

По его словам, в самые древние времена Землю покрывал неглубокий «первичный универсальный океан». Его дно было ровным, без впадин и поднятий. Материков не существовало. От этого периода остались громадные толщи кристаллических пород, в которых нельзя заметить никаких признаков жизни. Амалицкий называл эти породы «совершенно безмолвными памятниками» истории планеты и сравнивал с иероглифами, которые только предстоит разгадать^[210].

Постепенно рельеф Земли усложнялся. В кембрийском периоде, во времена «едва ли понятные человеческому уму», на северном полюсе из океана поднялся огромный континент, который протянулся в широтном направлении от нынешней Канады через Скандинавию, Шотландию, Финляндию и Карелию до северных окраин Азии.

На южном полюсе, видимо, в те же времена поднялся второй крупный материк.

Их просторы оставались пустыми, всё «живое население» планеты сосредоточилось в океане, причём живые существа отличались «замечательным однообразием».

Медленно нарастали перемены. Континенты увеличивались в размерах и поднимались всё выше, а в океане появились глубокие впадины. Это ускоряло эволюцию животных и растений.

Амалицкий полагал, что живая и неживая природа развиваются параллельно и между ними имеется взаимная причинная связь^[211]. Долгие этапы неторопливого развития сменялись короткими промежутками резких изменений, когда усложнялся рельеф, а живым существам приходилось быстро к этому приспосабливаться.

К пермскому периоду северный материк достиг гигантских размеров, вся Европейская Россия была его частью. На экваторе простирался такой же огромный южный материк, идущий «из Бразилии через Атлантический океан в центральную и южную Африку, Мадагаскар, Индийский океан, Индию и Австралию».

О точном «очертании, соединении, разъединении и расчленении» этих континентов можно судить по ископаемым остаткам наземных животных и растений. Одинаковая флора и фауна указывали на связь различных участков Земли.

В пермском периоде оба материка разделялись «громдным океаном», но в одном месте – от Урала к Индии – между ними протянулась цепочка островов или даже перешеек, по которому происходил обмен растениями и животными.

В мезозойскую эру очертания обоих материков сильно изменились. Некоторые участки затопило водой, другие, наоборот поднялись выше. Возникли климатические зоны, появились новые географические условия, и вновь ускорилась эволюция.

В кайнозойскую эру скорость изменений «лика земли» и эволюции вновь увеличились. «Никогда ещё земная кора не испытывала столь грандиозных колебаний», как в это время. Выросли горные цепи Карпат, Гималаев, Апеннин и Кавказа. Беспреданно пульсировал океан, то затапливая окраины материков, то отступая.

Два изначальных материка оказались разделены на части; некоторые из них соединились: Африка с Евразией, Северная Америка с Южной. Началось массовое смешение северной и южной флоры и фауны, которое привело к их современному облику.

В брошюре отчётливо проявился интерес Амалицкого к палеогеографии – реставрации условий жизни прошлых эпох.

Главной загадкой, которая его занимала, оставалась связь южного и северного материков. Отгадку он надеялся найти на севере России, где вскрывались отложения трёх периодов: девонского, каменноугольного и пермского. Большие обнажения горных пород позволяли проследить изменения древних морей, чьё осушение дало возможность смешаться фауне и флоре двух материков.

Амалицкий составил программу исследований и запросил средства в Петербургском обществе естествоиспытателей. Оно, как обычно, пошло навстречу.

Территорию для изучения Амалицкий наметил огромную: от побережья Онежского озера до Архангельска. Маршрут занимал тысячу вёрст, на протяжении которых вскрывались пестроцветные отложения рек и озёр, гипсы и известняки морей.

Летом 1895 года Амалицкий с супругой отправился в путь. Дорога шла от древних пород к более молодым.

Вначале Амалицкий исследовал отложения девонского периода – красные пески на обрывах Онежского озера. Он собрал куски панцирей древних рыб, обломки стволов и своих любимых антракозий.

Его бывший коллега по геологическому кабинету Венюков считал эти отложения прибрежной зоной девонского моря. Амалицкий пришёл к другому выводу: красные пески отложились в серии «озёрных образований, окаймлявших северные материковые пространства». Эти образования напоминали россыпи современных озёр Карелии^[212].

Девонские антракозии России оказались похожи на своих родственников из Ирландии и США, то есть представляли собой северный тип.

Затем чета Амалицких по реке Вытерге и системе каналов направилась к Вологде. По пути они осмотрели выходы известняков возле шлюзов Святого Владимира, Святого Михаила, Святого Петра, Святого Александра и Святого Сампсония. Особенно интересной оказалась выемка под новую ветку канала, глубиной 25 метров. На протяжении километра в ней были доступны для обозрения мощные слои каменноугольных пород. «Этот разрез, конечно, следует считать одним из самых поучительных на севере России», – писал Амалицкий^[213]. Пресноводных осадков здесь не оказалось: только мощные толщи белых известняков, в которых попадались кораллы и раковины крупных брахиопод.

Инженеры подарили Амалицкому два прекрасно составленных геологических профиля. На них были в красках отрисованы все пятьдесят вскрытых слоёв. Причём для каждого подобрали краску, похожую на подлинный цвет породы. Один профиль Амалицкий подарил Иностранцеву, второй привёз в свой кабинет в Варшаву.

В середине лета Амалицкие добрались до Вологды. Её называли Берёзовым городом. Все улицы, скверы, дворы и площади были

засажены берёзами. «Нигде по улицам городов нет такого нескончаемого царства берёзы, как в Вологде», – писал путешественник К. К. Случевский^[214]. Лишь изредка среди берёз показывался тополь или рябина. «Здесь не вымерзают, как я узнал, и другие породы деревьев, но у вологжан уж такая страсть к берёзам. Повсюду виднеются белые стволы», – писал другой путешественник, Н. А. Лейкин^[215].

Многие берёзы имели непривычную густую крону. Сажены для этого особым образом подрезали, и берёза давала не один, а несколько стволов, становилась раскидистой, словно дуб. Такие берёзы давали большую тень и выглядели экзотично.

Город был тихим и патриархально-сонным. В сквере у главной площади под берёзами лежали коровы. Вечерами они мычали, шагая по улицам. «Дорогой совет: бойтесь пить воду в Вологде и не засиживайтесь в этом нездоровом городе без особенной в этом надобности», – советовали путеводители^[216].

От Вологды на север лежало огромное поле пермских отложений: вначале пресноводные рухляки, а ближе к Архангельску морские известняки и гипсы.

Район был изучен плохо. Несколько геологов проезжали в этих местах и пришли к выводу, что рухляки здесь такие же немые, как и везде.

Было лишь несколько находок.

Граф Кейзерлинг обнаружил в рухляках у деревни Монастыриха на Сухоне небольшую раковину двустворчатого моллюска.

Полковник Николай Павлович Барбот-де-Марни подобрал на реке Вычегде у деревни Айкиной небольшую, с ладонь, плитку песчаника с окаменелым фрагментом хвоща каламита^[217].

Ученик Иностранцева Поленов во время экскурсии на реку Юг тщательно осмотрел многочисленные конкреции в рухляках. Конкреции появлялись в осадках, нарастая вокруг какого-то ядра, нередко вокруг раковины или кости. В них можно было ожидать ископаемые остатки. Но все конкреции оказались пустыми, хотя иногда достигали громадной величины, а некоторые привлекали внимание «оригинальным рисунком на поверхности, напоминающим ближе всего выделанную кожу крокодила»^[218].

Барбот-де-Марни полагал, что в пёстрых рухляках севера нет никаких окаменелостей. «Их не найдут и геогносты, которые после нас посетят эту местность. Здешние образования суть в полном смысле *terrains muets*, по меткому выражению барона Мейендорфа», – писал он^[219].

Поленов оказался настроен более оптимистично и ссылаясь на своё «сравнительно быстрое путешествие», которое не позволило развернуть тщательные поиски: «Можно надеяться, что со временем, при более детальном исследовании и здесь, как в других местах, пёстрые породы, вначале безмолвные, дадут достаточный запас органических остатков»^[220].

Амалицкий собрался плыть от Вологды вниз, пока не кончатся летние каникулы. Пароход проплывал расстояние от Вологды до Архангельска за две недели, но не подходил для геологических задач. Амалицкому надо было часто останавливаться, осматривать обрывы, записывать порядок залегания слоёв, искать окаменелости.

«Пришлось купить небольшую лодку, – вспоминал он, – нанять двух гребцов и таким образом путешествовать по Сухоне и Двине, всё время под открытым небом, укрываясь под навесом лодки ночью и в дождливую погоду»^[221].

Слова про небольшую лодку потом цитировали во многих заметках, и никто не догадался, что это шутка. Лодка была огромная, иначе бы в неё не поместились Амалицкий с женой, поклажа и ещё двое мужиков на вёслах.

Скорее всего, Амалицкий купил длинный широкобокий карбас. Стоили такие рублей пятнадцать, в основном были ветхими и сколоченными наскоро^[222].

С лодки было хорошо видно, какие берега покрыты растительностью, какие – нет, где обрывы закрыты оползнями, а где обнажаются коренные породы. На телегах и пешком Амалицкие не смогли бы осмотреть и десятой части обнажений.

От Вологды река сначала шла мелкая, неширокая и тоже называлась Вологдой. Её низкие берега (здесь их называли сторонами) были покрыты травой и лесом. Но вскоре река влилась в Сухону и раздалась вширь. После маленького города Тотьма Сухона стала извилистой, постоянно закладывала крутые виражи.

На берегах появились многочисленные села, починки, общества и деревушки. Многие носили забавные имена: Потеряха, Крысиха, Песчаница, другие сохранили старинные названия Ентала или Кузьюг. Сёла были с большими трёхэтажными домами, красивыми церквями. Избы утопали в зарослях изумрудного хмеля, из которого крестьяне в огромных количествах варили крепкое дурное пиво^[223].

Возле воды сушились рыбацьи сети, лежали поленницы дров для пароходов, стояли торговые шалаши крестьян, где продавалось всё подряд: баранки, мыло, чулки, чернослив, верёвки, даже книги.

«Это были сонники, оракулы, изданные на толстой бумаге, гадательные книжки, песенники, „Сказание о том, как солдат спас Петра Великого“. Между этими книгами я заметил роман „Тайны Мадридского Двора“ и книжки стихотворений неизвестных мне авторов, очевидно проданные на пуды», – писал путешественник, плывший по Сухоне в те же годы, что и Амалицкий^[224].

Наконец показался гигантский обрыв Опоки. Его высота достигала шестидесяти метров, как у двадцатиэтажного дома. Лодки и пароходы рядом с ним казались игрушечными.

Обрыв был почти отвесным и ровным, как стена. В одном месте его пересекал глубокий, заросший лесом овраг.

Река здесь закладывала изгиб в виде буквы «омега» (Ω). Вода бурлила, как в котле, всё русло было завалено валунами. Пароходы нередко останавливались перед Опоками, заглушали двигатели, и матросы звали местных мужиков, чтобы волоком протащили судно через мели и пороги.

Сухону здесь звали Чёртовой рекой. Говорили, будто нёс чёрт в решете орехи и просыпал. Они упали в Сухону, превратились в камни^[225].

В обрыве Опоки геолог мог различить сотни разных слоёв песчаников, глин и мергелей, которые вместе составляли пёструю толщу рухляков.

Амалицкий собрал здесь множество антракозид и отпечатков хвощей, а также записал наблюдение, что «битюминозные вонючие мергели» «указывают на богатство органической жизни во время их отложения»^[226].

Полевой дневник быстро заполнялся записями. Дневники у Амалицкого были чёрного цвета, размером чуть больше ладони.

Записи по всем правилам делались не чернилами, а карандашом, чтобы не испортились от влаги. На первой странице было написано: «Владимир Прохорович Амалицкий. Профессор Варшавского университета. В случае потери этой книжки прошу нашедшего доставить её по адресу: Варшава. Университет. Профессору Амалицкому. По желанию нашедшего ему будет выдано вознаграждение в размере 10 рублей»^[227].

Дальше шли записи: малопонятный быстрый почерк, зарисовки речных обнажений. Иногда в дневники попадали неожиданные записи. К примеру, о надзоре за студентами: «Это самый больной вопрос университетской жизни, лучше сказать, больной её нерв...»^[228] Или колыбельная песня крестьян:

Зелена смородина,
Зелена поломана,
Да по чисту полю разбросана,
Да в черну грязь втопчена.
Мне не жаль смородины,
Мне жаль красной девушки^[229]...

Дальше по течению стоял город церковей Великий Устюг. Когда к нему подплывали, то над холмами одна за другой показывались маковки церковей, словно выходящие навстречу путешественнику. Здесь Сухона принимала в себя реку Юг и опять меняла название, становилась Малой Северной Двиной.

У Великого Устюга река была оживлённой, словно Невский проспект. Качались на волнах толстые паузки, каюки, крытые лодки и ладьи под парусами. Слово клопы-водомерки, сновали долблённые челноки, похожие на полинезийские пироги (их называли «стружками»). Тянулись нескончаемые караваны барок, гружённых волжским и вятским хлебом, овсом и лыком. Покачивались плоты, заставленные бочками со смолой и ящиками с огурцами, которые в Архангельске почитались за экзотический южный фрукт.

Громко свистели и шлёпали по воде колёсами пароходы, оставляя толстый пенистый след. Из пароходных труб поднимались клубы чёрного дыма и искры. Говорили, искры долетают до деревень,

поджигают избы и будто бы даже в Устюге сожгли несколько домов. Амалицкие плыли дальше.

Сразу от Великого Устюга по правому берегу реки потянулись бесконечные крутые обрывы с рухляками. В некоторых местах на них проступали необычные структуры – огромные треугольники тёмного цвета по сотне метров в длину. Все они располагались вершинами вниз. За необычную форму Амалицкий назвал их линзами, или чечевицами. Они пропали после села Котлас, где река снова поменяла имя и стала Большой Северной Двиной. Как пошутил путешественник, название получилось меткое: река после Котласа принималась шалить больше и хитрее^[230].

Рухляки по берегам исчезли, на обрывах забелели известняки пермского моря. Амалицкий скрупулёзно записывал порядок их напластования, осматривал разрезы, раскалывал плиты. Иногда его выручали местные жители, которые подсказывали, где лучше посмотреть на пески или глины. Говорят, в полевом дневнике Амалицкого была замечательная фраза: «Бабе за показ обнажения – 30 копеек».

Вообще Амалицкий отмечал очень доброе отношение к своим работам. По его словам, простые жители севера знают, что такое профессор, и относятся к этому званию с большим уважением^[231].

Экспедиция на север оказалась непростой. Приходилось терпеть много неудобств – дожди, заморозки, гнус и слепней, которых здесь называли паутами, они были в полпальца величиной и легко прокусывали коровью шкуру. Амалицкий писал, что им с женой пришлось привыкнуть к мошкаре, приспособиться скромно питаться, научиться спать в лодке даже во время бури. «Мы узнали цену самого обыкновенного комфорта и перестали даже понимать, как можно быть неврастениками», – вспоминал он^[232]. Потом он назовёт это время лучшим в жизни^[233].

Плавание от Вологды к Архангельску заняло у Амалицких около двух месяцев. Окончив геологическую разведку, они пересели «на жалкий речной пароход и заняли узкую каюту», которая после лодки показалась им «верхом комфорта»^[234].

Из первой поездки Амалицкий привёз довольно представительную коллекцию. Из девонского песчаника – раковины

антракозий. Из каменноугольных известняков – морскую фауну. Из рухляков Сухоны и Двины – антракозий и остатки растений.

Более того, в рухляках Нижнего Новгорода, куда Амалицкие заехали на пару дней по пути в Варшаву, им повезло найти в овраге рядом с вокзалом несколько позвонков, обломки черепа и зубы, сходные с остатками африканских дицинодонтов^[235].

В 1896 году Амалицкие вернулись на берега Сухоны и Северной Двины. В этот раз они сосредоточили внимание на рухляках и вместо разведки проводили тщательный поиск окаменелостей. Амалицкий писал, что «непрерывно обследовал» все береговые обрывы от деревни Монастырихи до села Троицкого и затем от Взвоза до Усть-Пинегы^[236]: это примерно четыреста километров. С погодой опять не повезло. В письмах Амалицкий жаловался, что пришлось много «терпеть от дурной погоды, особенно в начале»^[237].

Несмотря на сложности, поиски вновь оказались успешными. Дотошное изучение рухляков не замедлило сказаться на результатах. Особенно много окаменелостей нашлось в окрестностях Опок: скорлупки рачков-остракод, чешуя ганоидных рыб, позвонки амфибий, плавниковые шипы акул и даже целый скелет рыбы палеониска. Попадались остатки растений: окаменелые семечки карполиты, обломки стволов пермских деревьев.

И множество антракозий. У деревни Кузино при впадении Юга в Сухону в рухляках залежали слои, полностью состоявшие из раковин и ядер антракозий, в том числе «громادных размеров»^[238]. Оставалось только удивляться, как предшественники ничего не нашли.

Немало времени Амалицкий уделил чечевицам. В них залежали шарообразные и округлые конкреции, иногда они выглядывали из песка, напоминая какие-то тёмные шары. Местные крестьяне прозвали их горшками^[239]. Конкреции имели самые причудливые формы: шарообразные, овальные, сплюснутые как лепёшки. Некоторые были величиной с яблоко (геолог Едемский потом назовёт их «зародышевыми конкрециями»^[240]), другие состояли из спаянных воедино глыб и не умещались в телегу.

Амалицкий вспоминал, что в поисках ископаемых расколотил столько конкреций, что щебня хватило бы на участок шоссе^[241].

В конкрециях нашлись отпечатки, похожие на листья индийских глоссоптерисов. Внешне они напоминали крупные листья ландышей. Сохранность отпечатков оказалась плохой и не позволяла точно определить принадлежность остатков. То же вышло с другими важными находками – костями ящеров. В одной конкреции, найденной у деревни Завражье, попался даже небольшой череп, напоминавший череп парейазавра, но крайне плохой сохранности. В другой конкреции, найденной у деревни Болдинское, оказалось много костей, «очевидно принадлежащих одному индивидууму». Амалицкому удалось «выбить только очень небольшое количество»: несколько позвонков, часть черепной коробки и кусок челюсти с «хорошо сохранившимися, очень оригинальными зубами». Зубы по форме напоминали листья крапивы. Такие зубы были у нескольких вымерших животных, в том числе парейазавров. Однако Амалицкий решил, что они, скорее всего, принадлежали динозавру, близкому к сцелидозавридам (Scelidosauridae)^[242], известным из юрских отложений Англии. На это якобы указывали их «сложное строение и общий габитус». На самом деле зубы были парейазавровыми, что вскоре станет очевидным и Амалицкому.

Плохая сохранность находок вынудила его воздержаться от окончательных суждений о связи Африки, Индии и России. «Считаю преждевременным говорить теперь о результатах моих исследований», – лаконично отметил он в отчёте^[243].

Геологический праздник

В августе 1897 года в Санкт-Петербурге прошла VII сессия Международного геологического конгресса. В оргкомитет конгресса входило шестьдесят человек – все видные геологи, минералоги и палеонтологи России, в том числе Амалицкий, которому поручили написать главу в путеводителе и руководить экспедицией во время осмотра рухляков Нижнего Новгорода.

Пропустить конгресс Амалицкий не мог, но и перед соблазном поискать «южные» окаменелости не устоял. Завершив лекции в университете, он в третий раз отправился на север.

Из-за нехватки времени ему пришлось ограничиться осмотром двух песчаных линз. И ему наконец крупно повезло. В линзе у деревни Завражье он нашёл «совершенно удовлетворительно сохранившиеся растительные остатки», которые определил как три вида глоссоптерисов. Здесь же попало множество антракозидов и несколько костей, бесспорно принадлежавших парейазаврам^[244].

Вторая линза находилась у деревни Ефимовская. Здесь над рекой поднимался почти отвесный сорокаметровый обрыв, который за высоту и выступающие наружу плиты песчаника прозвали Соколками или Сокольной горой^[245]. У самой воды под линзой Амалицкий расколот конкрецию, в которой оказалась крупная нижняя челюсть.

Амалицкий хотел убедиться, что конкреция в самом деле вывалилась из линзы, а не принесена течением из другого места. Для этого следовало узнать, есть ли кости в конкрециях, торчавших из самой линзы.

Задача оказалась сложной. Залезть по отвесному склону было невозможно. Пришлось спускаться к линзе сверху. Наверняка это была удивительная картина. Почти сорокалетний ординарный профессор Варшавского императорского университета, надворный советник, кавалер ордена Святого Станислава обвязал себя канатом, закрепил его за лежащие наверху бревна и, как альпинист, спустился к линзе на добрых тринадцать метров вниз. Годы спустя его супруга вспоминала, как Амалицкий, «повиснув в воздухе на уровне линзы, добрался до выступающих конкреций и выбил несколько их из линзы.

Конкреции были затем обвязаны верёвкой и подняты на поверхность. Когда он сам поднялся наверх и расколотил их молотком, к его величайшей радости, в них оказались кости: лопатка и несколько рёбер большого животного»^[246].

В конце июля Амалицкий завершил поиски и отправился на открытие геологического конгресса. Дорога получилась непростой. Лето выдалось жарким, Сухона сильно обмелела, от берега до берега протянулись мели и косы. Крестьяне говорили, что воды в реке корове стало по брюхо. Вначале остановилось пароходное сообщение, затем перестали плавать лодки. Движение по реке совершенно прекратилось.

Амалицким пришлось добираться до железной дороги на лошадях, и ехали они «с большими трудностями»^[247].

Наземным трактом здесь вообще не пользовались, все предпочитали плавать по реке. Дорога была запущенная. Живший в этих местах крестьянин описывал её такими словами:

Лес и лес кругом, да болота. Болота да лес...

Лесом, болотом, по кочкам идёт дорога. Лишь жестокие в 40 градусов морозы скуют болота, а весной и осенью дороги в лесах – разливное море.

Отправляется мужик в соседнюю деревню и берёт с собой на три дня хлеба. А то застрянешь на дороге, сломаешь ли телегу, лошадь ли обступится, выпрягай её из воза, разводи огонь и жди попутчика.

А попутчики редки. Нет иногда проезжего день и два, и два дня сидит мужик в лесу, и хлеб уже сжевал, и одному из болота не выехать...^[248]

Трудности не помешали Амалицкому вовремя прибыть в Петербург. Он вообще, судя по документам, никогда никуда не опаздывал. В его формулярном списке все записи о командировках неизменно кончались словами: «возвратился в срок»^[249].

В Петербурге тем временем завершалась подготовка к торжественному открытию геологического конгресса.

Лето 1897 года вообще выдалось для города небывало насыщенным. В Петербург то и дело прибывали высокие гости и

делегации. Самым громким стал визит французского президента Феликса Фора, который с большой свитой на кораблях прибыл в Россию на несколько дней.

Французов встречали с небывалым ажиотажем: Франция считалась главным союзником России, а французская культура находилась на пике моды и влияния. Весь город ради французов украсили зеленью и цветами. На колоннах расставили урны для факелов и горящей нефти. По высочайшему распоряжению на домах развесили французские и русские флаги.

В магазинах появились десятки портретов президента Феликса Фора и его «бюсты натуральной величины». Продуктовые лавки продавали шоколадные конфеты в коробках с портретом Феликса Фора. Были выпущены «роскошного вкуса папиросы» с портретом Феликса Фора. Ликёрный напиток «Крушон Феликс Фор». Одеколон в честь Феликса Фора. Духи в честь Феликса Фора. Мыло в честь Феликса Фора («с изображением его портрета»). Тоннами продавались «памятные значки Феликс Фор». Покупателям предлагали франко-русский хлеб и – совсем уж неожиданно – франко-русский квас.

Корабли французов стояли на Неве несколько дней. Бесконечным потоком на них шли гости и дарили подарки: футляры с мёдом, гигантские самовары с кипятком. Когда французы гуляли по Петербургу, горожане считали своей обязанностью крепко пожать им руку и обняться. Барышни осыпали моряков поцелуями. Мужчины качали французов, носили на руках, а те, как говорилось в газетах, переносили всё это «с благодарной покорностью».

Вскоре после отъезда французов в Петербурге прошло два международных конгресса: статистический и геологический. Журналисты с увлечением писали про оба.

Одна из первых заметок появилась на страницах юмористического журнала «Стрекоза» накануне геологического конгресса. Заметка небольшая и любопытная.

Герои дня.

Геологи.

Геологов очень немного на свете вообще и в Петербурге в частности. Только на основании материалов, добытых

последней переписью, можно будет с твёрдостью сказать, кого на берегах Невы меньше: геологов или татарских мулл?

Вот почему очень легко встретить вполне просвещённых дам, с детства носящих шёлковые чулки, отлично разбирающих чины по эполетным признакам и очень близко знакомых с географией всей Ривьеры, которые тем не менее способны смешивать геологов даже с пиротехниками.

Так смутно и шатко стоит у нас вопрос о геологах.

Между тем, в самом непродолжительном времени все гостиницы Петербурга будут переполнены приезжими иностранными и русскими геологами. Они соберутся для посильного участия в международном геологическом конгрессе и заранее нужно быть приготовленными, что все петербургские газеты, по крайней мере в продолжении целой недели, будут ежедневно и весьма охотно писать о геологии и о геологах.

Пора поэтому хотя бы вкратце возвестить, приходя на помощь современникам, несколько беззаботным насчёт геологии, что такое геология и кто такие геологи.

Геологию нельзя смешивать ни с кораном, ни с пиротехниками. Это наука очень скромная, но весьма почтенная. Это наука о земле. География тоже наука о земле, но геология совсем другая наука о земле.

Между ними только и есть общего – три первые буквы, которыми начинаются их названия.

Геология – это история всей нашей планеты.

Она изучает все приключения и происшествия, какие только бывали, какие только бывают и какие только бывать могут на земле, в земле и с землёю.

Геология – это биография земного шара. Она ведёт формулярный список нашей планеты; она изучает частичное и общее воздействие на него трёх главных элементов мироздания: воздуха, воды и огня как проявления вулканических сил. Она подразделяется на несколько отдельных наук, из которых наибольшей известностью и наибольшей ненавистью учащих пользуются петрография,

или наука о горных породах, и палеонтология, или наука об ископаемых организмах до мошек, козявок, букашек и таракашек включительно.

Все геологические науки чрезвычайно почтенны и чрезвычайно скучны. Можно их не только не любить, но в обществе позволительно и не знать. Заучиваются они преимущественно для изощрения памяти и вылетают из головы разом и навсегда.

Наиболее интересные главы их касаются более или менее правдоподобных сказаний о мамонтах и сибирских носорогах; как те, так и другие могут быть причисляемы, по классификации замоскворецкой зоологии, к апокалипсической фауне, уступая в ней, впрочем, почётное первенство белым слонам и зелёным змиям.

Сами геологи, как после всего сказанного легко догадаться, – учёные, специально посвятившие себя геологии.

Они достойны всякого сочувствия и даже соболезнования.

Легко ли всю жизнь рассуждать, читать, писать и наставлять других насчёт того, что было, когда ничего не было, и что будет, когда совсем ничего не будет? [\[250\]](#)

Слова принадлежали знающему человеку. Журналисты в самом деле обрушили на читателей целый каскад заметок, фельетонов, анекдотов и репортажей о геологах. Благодаря этому можно живо представить, каким получился конгресс. А получился он настолько торжественным, что напоминал не научное, а светское мероприятие. Нынешние тихие и скромные конференции по сравнению с ним выглядят как воробьи рядом с павлином.

Открытие конгресса состоялось 17 августа в здании Зоологического музея на Васильевском острове. Парадный подъезд музея украсили национальными флагами всех держав-участниц, щитами, гербами и символом конгресса: венком из лавровых и дубовых листьев с двумя скрещёнными молотками и лозунгом *Meute et maleo* («Умом и молотком»). На первом этаже для удобства геологов и журналистов разместили почтово-телеграфную контору. В

залах устроили большую выставку, на которую прислали экспонаты все страны-участницы. В витринах лежали книги на всевозможных языках, окаменелости, инструменты для геологических работ. Особенно выделялся уголок Японии, которая показывала великолепные штуфы и карты. По словам газет, они вполне демонстрировали энергичное изучение «этой, столь ещё недавно выступившей на путь цивилизации, страны»^[251].

На открытие прибыли представители императорской семьи: президент Академии наук, почётный президент геологического конгресса великий князь Константин Константинович и принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская.

Всего на конгресс записалась почти тысяча участников, в два раза больше, чем на предыдущий. Русских геологов было 250, остальные – иностранцы, в основном немцы, американцы и французы, но были и редкие гости: двое геологов из Мексики, двое из Японии, по одному из Аргентины, Новой Зеландии и Южной Африки.

Заседания продолжались неделю. Геологи слушали доклады о номенклатуре в петрографии, о ледниках горизонтальных и вертикальных, о магнитных аномалиях. Заседания проходили «оживлённо и многолюдно»^[252]. Помимо участников конгресса на них пускали публику по билетам.

Один день полностью посвятили палеонтологии. Профессор Сили выступил с докладом о пермских ящерах, найденных в Пермской и Вологодской губерниях. Перед этим Амалицкий показал ему привезённые с севера кости, и Сили подтвердил, что они принадлежат парейазаврам. В газетах появилось забавное уточнение, что пермские ящеры, как оказалось, «представляют вполне международный интерес», поскольку их остатки встречаются на разных континентах^[253].

Амалицкий тоже прочёл доклад и предположил, что найденные им парейазавры, вероятно, принадлежали «совершенно новым русским видам». При этом он вновь зачем-то подчеркнул их сходство с динозаврами, на этот раз с длинношеими завроподами цетиозаврами (*Cetiosaurus*)^[254]. Впрочем, это не меняло сути. Находки глоссоптерисов и парейазавров позволили Амалицкому сказать, что он считает «вполне доказанным предположение о совершенном гомотаксисе наших верхнепермских континентальных отложений»

с пермскими отложениями Индии и Африки^[255]. То есть северная Россия была прочно связана с южным материком. Увы, словами о «гомотаксисе отложений» трудно было заинтересовать публику. Она и не заинтересовалась, хотя ретроспективно мнение Амалицкого кажется очень важным: по сути, он предвосхитил современное представление о едином пермском суперконтиненте Пангея, который объединил все материки.

Газеты не уделили Амалицкому никакого внимания. Как ни странно, палеонтология вообще не интересовала журналистов. Исключение составила только «Петербургская газета», которая даже взяла интервью у прибывшего на конгресс знаменитого американского палеонтолога Отниела Марша и узнала у него «подробности о гигантском драконе, громадный скелет которого в 80 футов длины приводил всех в изумление».

В те времена в русском языке ещё не было слова «динозавр». «Петербургская газета» писала «дайнасаурусы» и поясняла, что это «пешие гиганты-страшилища» вроде драконов^[256]. Заодно уточняла, что эти чудовища превосходили размерами крейсер «Потюю» и жили в суровые времена, когда на Земле стояла страшная жара, совершенно губительная для человека^[257].

Другие газеты в те годы тоже плохо справлялись с описанием динозавров. В одной статье говорилось, что *dinausoriens* (sic!) – это «ящерицы страшилища»^[258]. В другой – что это своеобразные «страховидные драконы»^[259]...

С гораздо большим интересом журналисты писали про светские мероприятия с участием геологов. А их хватало.

Нескольких именитых геологов принял в Мраморном дворце император.

Вечерний раут для всех геологов провёл на даче министр земледелия и государственных имуществ.

Всех участников конгресса пригласила на торжественный фуршет управа Петербурга, а затем городская дума. Избалованные репортёры писали, что туалеты дам на этих вечерах отличались «редкой скромностью»^[260], да и вообще «дамский элемент» среди геологов был весьма немногочисленный^[261].

Застолья были богатыми. В думе геологов угощали мюнхенским пивом и шампанским, поднимая тосты за прогресс науки. Было вполне живо и весело, хотя в целом встреча производила странное впечатление. Участники застолья под «звон ножей, тарелок и рюмок» быстро уничтожили закуски и перешли в гостиную, где закурили сигары и папиросы и начали оживлённую беседу: «...гласные – за одними столиками, геологи – за другими, так как они были, очевидно, совершенно чужды друг другу»^[262].

Ещё были завтраки с губернатором и званые ужины в клубах с оркестрами, закусками и «неограниченным количеством пива, вина и прохладительных напитков»^[263].

Для геологов всё было бесплатным. Недаром конгресс называли геологическим праздником.

Впрочем, сами геологи изрядно уставали от непривычной и перенасыщенной светской программы. «Торжественные собрания, приветствия, речи, обеды, рауты следовали один за другим и часто утомляли наших гостей больше, чем научные заседания и экскурсии», – писал участник конгресса^[264].

Обедами и ужинами гостеприимство России не ограничилось. Проезд по всем железным дорогам для геологов сделали бесплатным и выдали им особые билеты в вагоны первого класса^[265].

Было множество разных подарков. Одних только бесплатных путеводителей каждый геолог получил более десятка. Петербургский университет раздал всем каталог своего геологического и минералогического кабинетов (на французском). Оргкомитет конгресса подарил участникам брошюру с каталогом своей выставки. А ещё были всевозможные буклеты с именами геологов, программы вечеров, листки с анонсами экскурсий, картонки с описаниями музеев и «изящные иллюстрированные путеводители по Петербургу» (на французском).

Главной книгой стал прекрасно изданный путеводитель основных экскурсий (тоже на французском). Его издали тиражом в полторы тысячи штук, а стоимость включили в сбор участника. В путеводителе было 660 страниц и в качестве приложения огромная геологическая карта Российской империи.

Книга получилась настоящим шедевром полиграфии и дизайна. Она состояла из 32 брошюр: для каждой экскурсии отдельная.

Брошюры вынимались из толстого шагренового переплётa с помощью особого приспособления, придуманного геологом Чернышёвым. Нажав на переплёт, можно было вынуть какой угодно отдел. Это было сделано для удобства, чтобы не таскать на экскурсии весь тяжёлый том.

Одну из брошюр написал Амалицкий в соавторстве с А. А. Штукенбергом и своим недоброжелателем С. Н. Никитиным – о пермских отложениях Поволжья.

24 августа конгресс торжественно закрылся. На итоговом заседании участники горячо поддержали предложение француза Жана Альберта Годри убедить правительства всех стран включить геологию и палеонтологию в число предметов для гимназий и лицеев.

Заседания завершились, но не они были главными. Самым важным в геологическом конгрессе считались экскурсии. Большинство геологов прибыли в Россию ради того, чтобы посмотреть разрезы, местонахождения и месторождения. Один из участников образно написал, что в геологии такие визиты имеют особое значение, потому что нельзя послать по почте геологический объект – какую-нибудь «гору Благодать или хотя бы даже какой-нибудь интересный разрез её»^[266].

Экскурсий было много и, по словам Чернышёва, они имели вид «какого-то триумфального шествия»^[267]. В провинции геологов встречали с невиданным пафосом, устраивали для них балы и «парадные обеды». В саду князя Голицына им подали столько шампанского, что под ногами от пролитой пены получилось «оригинальное болото»^[268]. На пристанях и железнодорожных станциях геологов ждали военные хоры и оркестры. В Финляндии их встречали бенгальскими огнями и факельным шествием^[269]. Важные геологические объекты здесь поместили яркими флажками, что заметно облегчило маршрут геологам^[270]. А в Саратовской губернии кто-то догадался увешать флагами двадцатиметровый обрыв с меловыми и делювиальными отложениями^[271].

Увы, от всех этих экскурсий почти не осталось фотографий. На немногих сохранившихся видны статные господа с бородами, в тройках, шляпах и котелках. Они стоят на перроне, сидят на плитах в

каменоломне, стоят среди цветущего поля или у водопада – с тросточками, в галстуках, довольные и счастливые^[272].

Во время экскурсий случилось немало курьёзов. Самое комическое недоразумение произошло в Казани. Во время прибытия геологов по городу прошёл слух, будто прибыл «французский король со свитой». Зеваки побежали навстречу, чтобы выразить французам горячие симпатии. Завидев иностранцев, толпа пришла в восторг, раздались крики: «Да здравствует Франция», «Урра французскому королю!», *Vive la France!*

Газеты писали: «Почтенные учёные были введены в заблуждение этими криками, принимая их всецело на свой счёт, и в глубине души, вероятно, немало удивились, что русский народ проникнут таким уважением к науке и её представителям... Едва ли господа геологи удостоятся ещё где-нибудь таких своеобразных приветствий, о которых, наверное, будут долго помнить»^[273].

Одна из самых длинных экспедиций прошла по Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани и дальше на Кавказ и в Закавказье. На неё записалось 160 человек, однако на деле поехало около тридцати, в том числе французский геолог и астроном Станислас-Этьенн Менье с женой, которая по возвращении домой опубликовала целую повесть о своём путешествии.

Мадам Менье с восторгом писала о России, которая удивляла её всем: пьяными казаками, жителями Кашпира, которые носили только красную одежду и «издалека напоминали красное пятно». Ей запомнились сушёная рыба, «семена подсолнечника и иные лакомства степных жителей», а также волжские крестьянки, которые с испугом встретили геологов, полагая, что странные господа в котелках и галстуках непременно выгонят их из деревни, а может быть, даже зарежут.

Геологии и палеонтологии в книге почти нет, зато есть описания базаров и ярмарок, где продавали «такие огромные оренбургские платки, что в них можно было завернуться целиком». «Эти платки очень тонкие. В женской сумочке они занимают не больше места, чем носовой. Но, увы, на покупки времени не было. Нужно было заниматься геологией», – сетовала госпожа Менье.

Несколько строк она посвятила Амалицкому и его экскурсии у Нижнего Новгорода.

С погодой не повезло. Когда корабль геологов причалил к берегу, начался дождь, быстро превратившийся в ливень, а затем в «настоящий потоп».

«Нас высадили на берег вблизи высокого утёса, в самую слякоть. Госпожа Амалицкая извинилась за неудобства. Её муж возглавил колонну геологов, а сама она шла позади и подбадривала отстающих. В конце концов мы закрыли зонтики, перестали прятаться от дождя и поднялись наверх по обрыву, унося на ботинках больше породы, чем клали в рюкзаки», – писала Менье^[274].

Амалицкий руководил экскурсией всего один день.

Вечером геологи покинули Нижний Новгород на пароходе «Великая княгиня Ксения», и руководство принял на себя палеонтолог Алексей Петрович Павлов. Вскоре он прославился удивительным способом привлечения внимания коллег.

В Саратове во время большого обеда Павлов отчаялся перекричать многоголосый шум разговоров, достал из кармана свисток и сильно в него дунул.

Газеты потешались: «Международный говор моментально смолк, и все в недоумении уставились на почтенного профессора *со свистулькой во рту*. А ему этого только и надо было. Он вынул *свистульку из рта* и стал переводить каждое своё слово на все европейские языки».

С тех пор профессорская свистулька стала необходимой принадлежностью всех геологических экскурсий.

Очень может быть, что иностранные учёные занесли в свои записные книжки особенность русских обычаев: «при встрече интересной горной породы или хорошей холодной закуски гг. учёные в России вынимают свистульку и сзывают коллег наподобие стада баранов»^[275].

Унылые земли

«Я видел себя за большим обедом и говорил спич; вдруг почувствовал, что комната качается, накренивается, легла на бок, но я продолжаю говорить и с любопытством слежу, не перевернулись ли мои слушатели вниз головой; но снова всё стало на своё место», – вспоминал Амалицкий.

Комната дернулась ещё несколько раз, и он проснулся^[276].

Океан медленно качал небольшой корабль. Судно поднималось на гребни огромных волн и плавно спускалось вниз, наклоняясь то направо, то налево. Амалицкий называл эти широкие волны дыханием океана.

Он страдал от качки и, как мог, боролся с морской болезнью: ходил по палубе, дышал свежим воздухом, болтал с моряками. Но дыхание океана всё равно рождало тревожные сны. Да и вообще, как писал «Петербургский листок», в конце XIX века сны людям снились весьма странные.

Шли первые числа августа 1898 года. Уже второй месяц Амалицкий с супругой был на севере. Четвёртая поездка получилась самой легкомысленной и мрачной.

Вначале супруги вновь осмотрели рухляки на Сухоне и Двине.

Рядом с Опоками выкопали большой окаменелый корень глоссоптериса и отпечатки чешуйчатых стволов. В линзе у Завражья Амалицкая нашла целый «череп с зубами» дицинодонта, а Амалицкий – «неполный костяк» амфибии величиной с крупную ящерицу.

Стало ясно, что линзы очень богаты окаменелостями.

В отчёте Амалицкий написал, что после четырёх лет поисков полностью уверен: в конце пермского периода «южная Африка, Индия, средняя и северная Россия представляли сплошной материк, населённый однородными континентальными организмами – как животными, так и растительными»^[277].

После беглого осмотра рухляков Амалицкие спустились по реке до самого моря.

В тот год из Архангельска запустили регулярные пароходные рейсы до Печоры. Амалицкий решил посмотреть геологическое

строение этих дальних мест и купил двадцатидневный круиз из Архангельска до Печоры, оттуда по реке до Усть-Кожвы и обратно.

Поездка произвела на него тяжёлое впечатление. Крайний Север показался ему мрачным, местные зыряне, поморы и самоеды – сумрачными. Впрочем, они и сами говорили о своей родине, что «могила будет краше».

Вначале маленький пароход с четой Амалицких и другими пассажирами плыл по океану вдоль Зимнего берега. Палуба была завалена канатами, тюками и тряпками, заставлена бочками с рыбой и салом. На ряях качались две туши, взятые для пропитания команды и пассажиров. Все, кроме Амалицких, ехали третьим классом. Пассажиры были одеты в меховые рубашки-малицы и в сапоги из шкуры нерпы. Если шерсть торчала наружу, сапоги назывались чабаками, если внутрь – люптами.

По берегу тянулась монотонная бесконечная тундра, а по ней, писал Амалицкий, ползли «причудливые тени облаков». Тундра ему не понравилась. Он посчитал её безотрадной и унылой.

На одной остановке Амалицкого поразило кладбище у деревни. Мертвецов хоронили неглубоко, дожди размывали могилы, а собаки и дикие звери выкапывали трупы. На земле валялись кости, хрящи, женские косы, куски платьев, обломки гробов.

Амалицкого как натуралиста поразило, что у всех покойников оказались здоровые зубы. Он не нашёл ни одного испорченного зуба у «представителей умершего населения» – а челюстей и черепов на земле валялось немало^[278].

От устья Печоры он с супругой отправился по реке вглубь материка. Тундру сменила «безбрежная лесная чаща», по которой пароход шёл, «совершенно утопая в зелени».

Тайга Амалицкому поначалу приглянулась. Он писал: «Могучая, но однообразная растительность, поразительная тишина, холодный, сырой, удивительно чистый воздух, без всякого следа какого-либо аромата, который так свойственен каждому нашему лесу, бледное солнце и замечательная прозрачность атмосферы, всё это действует особым оцепеняющим образом»^[279].

Очарование быстро рассеялось. Могучий лес оказался непролазным буреломом, всюду раскинулись нескончаемые болота, вдобавок испортилась погода.

Пароход причаливал к грязным убогим селениям.

Изредка попадавшиеся самоеды, б.ч. старики, были совершенно пьяны, к большому удивлению акцизного надзирателя, старавшегося каждый раз добиться, откуда пьяный достал водку; но как бы ни был пьян самоед, он моментально сообщал, в чём дело, и горючил такую околесину, что чиновник, махнув рукой, прекращал своё дознание^[280].

Геологические разрезы оказались малоинтересными для Амалицкого. Печора вскрывала только коричневые ледниковые слои и недавние морские осадки, иногда попадались раковины моллюсков юрского периода.

Кажется, больше всего Амалицкому понравилась картина, которую он увидел на обратном пути к морю.

По Печоре шёл осенний караван чердынцев и зырян, возвращавшихся в родные края. Впереди дымил пароход, который тянул за собой четыре каюка, пять паузков и множество лодочек. Караван показался Амалицкому похожим на перелётных птиц, улетающих с севера, а некоторые лодки с громадными парусами напомнили ему «как бы сказочных птиц»^[281].

В 1902 году Амалицкий издал свои дорожные заметки в виде небольшой книжки «По Ледовитому океану и Печоре. Путевые впечатления». Она составлена в форме полевого дневника и, вероятно, представляет собственно публикацию дневника.

Наблюдений по палеонтологии там нет, геологии мало. В основном представлены картины природы, быта и портреты примечательных персонажей. Например, капитана парохода, который родился в Кольском уезде, юнгой ушёл в море на норвежском судне, плавал на немецких и английских кораблях, побывал в Северной Америке и в Австралии, изучил несколько языков, прекрасно знал порты Европы, но с возрастом заскучал и вернулся домой.

Книгу напечатала типография Варшавского института глухонемых и слепых. Типография была маленькой. Чтобы поддержать её, Городской совет общественного призрения Варшавы печатал здесь бланки и всем рекомендовал обращаться туда с

заказами. Амалицкий, видимо, поддался на рекомендации. Результат вышел плачевным. В книге удивительно много опечаток.

«Слова» стали «слива». «Убожество» превратилось в «божество». «Священник» в «свищенник». Впрочем, публика тепло приняла издание. В рецензиях говорилось, что Амалицкий хорошо подмечал детали северной жизни.

Книга «читается с интересом и даёт немало сведений», считала газета «Правительственный вестник»^[282].

«Варшавский дневник» отмечал, что она написана «чрезвычайно просто и непретенциозно», но проникнута «живым духом наблюдательности и пытливости» и «даёт много поучительного».

По словам рецензента, Амалицкий «посетил Печору как раз в то время, когда на неё начался наплыв торговых предпринимателей».

«Он набрасывает несколько любопытных типов этих русских американцев. Быт местного населения, великоруссов, самоедов и зырян, освещён им, конечно, лишь попутно, но индивидуальные особенности наблюдателя, его умение живо и верно схватывать существенные черты быта и типов вносят немало ценного материала в новейшую этнографическую литературу о нашем Крайнем Севере», – писал рецензент. Замечание было одно: в книге слишком много сведений о геологии, которые «обыкновенному читателю в сущности не нужны»^[283].

Явление назарки

В январе 1899 года Амалицкий выступил с лекциями в Вольном агрономическом университете, который стал последним проектом Докучаева.

Докучаев уже несколько лет балансировал на грани безумия. Главной причиной стала неуёмная жажда деятельности, которая в конце концов его погубила.

Почвовед Павел Владимирович Отоцкий вспоминал, как Докучаев работал: «Это была не жизнь, а какое-то кипение в течение, по крайней мере, 18 часов в сутки. В его маленьком кабинете, как на какой-нибудь крупной телефонной станции, сходились тысячи нитей, тысячи различных вопросов и дел: научных, учебных, административных, хозяйственных, этнографических, политических, личных; от самых крупных, которые отнимали сон, до самых надоедливых, вроде ссор кондукторских жён на участках или приёма депутатий от дам по поводу танцевальных вечеров»^[284].

Докучаев говорил, что гигантский вал работы доводит его лысину «до красного каления», но только при таком режиме он чувствует себя хорошо и получает от жизни удовольствие.

Одновременно он делал тысячу дел: читал лекции студентам и публике, писал груды научных и популярных статей, редактировал и готовил к печати работы учеников, занимался подготовкой экспедиций и выставок. Он устроил показы почв даже на всемирных выставках в Париже и Чикаго.

Бесконечные, непрекращающиеся дела стали «мало-помалу подтачивать его мощный и физически сильный организм»^[285]. Чтобы поддержать тонус, Докучаев принялся употреблять «искусственные возбудители». Бывало, приходил пьяным на учёные заседания.

Расшатанный организм стал ломаться, временами пропадали слух и зрение, случались провалы в памяти. Один раз Докучаев пытался покончить с собой. «Мы не знаем медицинского названия болезни, но нам кажется, что она – ни что иное, как крайняя форма переутомления», – считал Отоцкий^[286].

Из-за приступов нервного истощения Докучаеву приходилось увольняться с занимаемых должностей, отказываться от намеченных проектов, но долгого бездействия он не выдерживал. Восстановив силы, тут же принимался за новые дела. «Жить, без дела, без интереса, страшно тяжело, дорогой...» – объяснял он одному из учеников^[287]. Новые дела провоцировали очередной приступ неврастении.

Как учёный он вполне сознавал своё разрушение, и это стало настоящей трагедией: деградация сопровождалась мучительными самоанализом и самоказнением. Болезнь захлёстывала Докучаева валами: приступ, передышка, приступ, передышка.

Последняя передышка случилась в 1898 году, когда Докучаев опять попробовал сбежать от сумасшествия в тяжёлую работу. Он задумал большой цикл публичных лекций, которые предназначались главным образом для «сельских хозяев, уже имеющих, приблизительно, среднее образование, и желающих не столько расширить свои специальные сведения, сколько развить у себя вкус к точному сельскохозяйственному знанию»^[288].

Докучаев составил обширную программу, договорился с лекторами, нашёл помещения, организовал продажу билетов и рекламу в газетах.

Полный курс включал в себя полторы сотни лекций и длился четыре месяца. Лекции читали два десятка специалистов по геологии, почвоведению, гидрологии, машиностроению, ботанике. Они рассказывали о зональном распределении растений, об изменениях климата, машиноведении, причинах погодных явлений.

Лекции шли каждый вечер по два часа и были платными. Полный курс стоил 30 рублей, за прослушивание одной лекции брали 50 копеек.

Проект вызвал большой интерес публики. Причину популярности журналисты видели в простой форме, которую выступающие сумели придать докладам. За четыре месяца лекции посетило 6269 человек, причём не только землевладельцев, но даже дам^[289].

Лекции Амалицкого под общим названием «История земной коры» шли первыми. Он рассказывал землевладельцам про «формирование органического мира» и «филетическое значение ископаемых»^[290].

Первую лекцию он посвятил изменениям земной коры и говорил про актуализм.

Вторая лекция, «Тектоника земной коры», была посвящена стратиграфии. Она давала представление о трансгрессии морей, о нормальном и нарушенном залегании горных пород, об «историческом значении пласта».

Третья, «Формирование органического мира», рассказывала об эволюции растений и животных, затрагивала вопросы зоогеографии.

Последняя, «История формирования земного рельефа», говорила о «первичных массивах и структурных линиях», о развитии северного и южного материков^[291].

Докучаев предполагал по окончании курса опубликовать все лекции, договорился с двумя издательствами о выпуске книги, начал принимать предварительные заказы на неё, напечатал в журналах рекламу, но вместо объёмного тома выпустил лишь небольшую брошюру, где тезисно изложил общее содержание курса^[292]. Толстая книга Агрономического университета так и не увидела свет. Причиной стал очередной и уже окончательный приступ, который сломал Докучаева. Его поместили в лечебницу. Агония продолжалась три года; Докучаев говорил, что уже умер и попал в ад^[293].

Не приходя в рассудок, он скончался осенью 1903 года в возрасте 57 лет. Как говорилось в одном некрологе, прах почвоведов приняла в себя почва Смоленского кладбища^[294]. Впрочем, это будет позже.

В Петербурге Амалицкий не только прочёл четыре популярные лекции, но и выступил в Обществе естествоиспытателей с сообщением о находках в рухляках.

На заседании также заслушали доклад про геологические образования, которые за полукруглую форму называют «цирками». С ними получился курьёз. Анонс доклада заинтересовал репортёров, они прибыли на заседание и страшно разочаровались:

Идя на вчерашнее заседание и увлекаясь заманчивой программой, которая рисовала исследование «О происхождении цирков», я заранее предвкушал всю прелесть этого исследования: быть может, думалось мне, предо мной пройдут века хоть и жестокие, но века дивной силы, времена древнеримских цирков с их отважными

гладиаторами и проч. Но, – увы! – таким легкомысленным надеждам не суждено было сбыться: учёному обществу естествоиспытателей до всего этого мало дела, у него свои задачи. Вчера в своём отделе геологии и минералогии оно познакомило собрание с исследованиями особых углублений в почве, называемых, по их обширному, круглому виду, «цирками»^[295].

После доклада о рухляках Амалицкий предложил обществу организовать раскопки ископаемых остатков на Сухоне и Северной Двине. В заявлении он писал: «Все остатки позвоночных, которые были доступны моим средствам, были мною собраны. Дальнейшее коллектирование этих чрезвычайно редких и ценных костей требует особого сооружения, найма рабочих и вообще организации специальной экспедиции для их добычи. Желая посвятить этим раскопкам лето текущего года, обращаюсь в отделение с просьбой об ассигновании мне пятисот рублей»^[296].

Общество естествоиспытателей, по обыкновению, одобрило инициативу Амалицкого и выдало 500 рублей. Столько же по ходатайству общества направило на раскопки Министерство народного просвещения.

Тысяча рублей была незначительной суммой для намеченных работ. По словам журналиста, за такие деньги ни один инженер не взялся бы за решение «самой пустой задачи самого скромного изыскания»^[297].

Амалицкий взялся. Впрочем, он не предполагал, какой размах получит его начинание.

Для раскопок он наметил два местонахождения: возле Опок – с растительными остатками и в линзе Соколки у деревни Ефимовская – с костями^[298]. Однако недостаток средств и времени заставил ограничиться одним местом. Амалицкий выбрал Соколки.

Вместе с супругой он вновь отправился на север. По дороге дал небольшое интервью «Вологодским губернским ведомостям» и рассказал, что раскопки смогут пролить свет на некоторые тёмные области науки, например, уточнят пути миграции вымерших ящеров. Амалицкий полагал, что в конце пермского периода температура на планете сильно упала, на южном материке образовались ледники (их

следы были известны), и это позволило нашим северным животным переселиться ближе к экватору.

Амалицкий вкратце охарактеризовал древних животных. Журналиста больше всего впечатлил дицинодонт, превратившийся под его пером в хищника «величиною с тигра с двумя громадными клыками, спускавшимися с верхних челюстей»^[299].

В середине июня Амалицкий прибыл в Соколки, остановился в крестьянском доме, арендовал землю под раскопки и нанял рабочих в соседних деревнях – Ефимовской, Мокречихе и Овечкиной.

Найти работников оказалось непросто. Молодёжь и мужики ещё с весны разъезжались на заработки: грузить баржи в Устюге и Архангельске, валить деревья на дальних лесных дачах. Семьдесят процентов уходило из дому до самой осени, в деревнях оставались лишь старики и женщины с детьми^[300].

Амалицкий смог договориться с двумя десятками мужиков, и 17 июня начались раскопки.

В первый день крестьяне выкопали из осыпи под чечевицей и расколотили несколько конкреций. В них удалось найти кости, в том числе обломки черепов^[301].

Работы внизу представляли некоторую опасность, поскольку с обрыва падали камни, потревоженные ударами ломов. Впрочем, они продолжались только один день. На второй пришла буря, которая быстро переросла в ураган и обрушила на место раскопа громадную плиту песчаника.

После этого Амалицкий решил не рисковать и отказался от идеи подобраться к линзе снизу. Он начал её «правильную разработку», то есть поручил копать с верхушки обрыва вниз.

Куски конкреций с костями в основном валялись под центральной и южной частями линзы. Поэтому Амалицкий распорядился раскапывать южный край, наметив для этого узкую площадку сорок метров длиной и пару метров шириной^[302].

Пустую породу сбрасывали вниз. Камни скатывались с обрыва далеко в реку. Чтобы не засорять русло и при спаде воды добраться до конкреций, выпавших в прежние годы, вдоль реки выстроили забор.

Первый метр почвы работники прошли быстро. Потом пошла мёрзлая земля. «Лёд заполнял все поры и мелкие трещины и облекал, в виде друз, более значительные полости», – писал Амалицкий^[303].

Работа пошла медленнее, а на подходе была другая сложность. Под холодной землёй лежал слой твёрдого песчаника, который вообще не поддавался ломам. Его долбили долго и тяжело, пока наконец не вскрыли тёмный песок линзы.

В песке было множество конкреций, большие и маленькие, на любой вкус, но все пустые. В них совершенно не было ископаемых, только иногда в песке попадались плохой сохранности окаменелости, но и они не доставались Амалицкому. Крестьяне воровали их и «переплавляли» на золото.

Они не верили рассказам заезжего профессора о каких-то древних животных и думали, что если кто-то тратит деньги на раскопку, значит, собирается на этом заработать. А как заработать на раскопках? Только если искать золото...

Между собой крестьяне называли раскопку прииском. Заметив, что Амалицкому нужны именно окаменелости, крестьяне стали их воровать. Они считали их «золотой рудой», прятали, пробовали накаливать и даже ковать. Золото никак не выплавлялось, и мужики решили, что «заветное слово», превращающее камень в золото, знает только Амалицкий^[304]. Окаменелости воровать перестали. Впрочем, их всё равно почти не было.

Целый месяц Амалицкий копал впустую. Конкреции выкапывали часто, но без каких-либо следов ископаемых.

Амалицкий стал отчаиваться. Деньги на экспедицию заканчивались, время поджимало. Вдобавок испортилась погода. В тот год она вообще была неровной: стояла то жара, то холод, то сушь, то ливни. В конце мая, по словам газет, наблюдалось «полное метеорологическое недоразумение»^[305], и в Вологде ходили в шубах. В июне снегопады резко сменились зноем, или как тогда говорили, страшными жарамии. Нередко налетали ураганы, которые «раскрывали дома и сараи».

Над раскопкой ветер поднимал пыль, которая стояла «в виде крутящегося столба». «Ни платки, ни сетки не защищали от всюду проникающего песка. Ветер, попавши в нашу выемку, ломал навесы, срывал крыши с будок, подымал крышки ящиков, уносил бумагу и причинял обвалы породы», – вспоминал Амалицкий^[306]. Иногда из-за непогоды приходилось прерывать раскопки на целые дни.

Ещё мешал гнус. Днём рабочих кусали мухи и слепни, вечером – мошка с комарами, которые, по словам Амалицкого, «облепляли людей, залезали в нос, рот и уши и причиняли зуд и опухоли на теле», а по ночам «совокупными усилиями производили нескончаемый гул». Комаров было так много, что у речных затонов берега казались белыми от оболочек комариных личинок.

Сплошные неприятности сопровождалась полным отсутствием находок. Надеясь что-то изменить, Амалицкий прекратил работы в южной части линзы и разделил рабочих на два отряда: одних отправил копать середину линзы, вторым поручил опять раскапывать осыпь под северным краем.

Ради экономии он сократил площадь раскопа до 25 квадратных метров (это размеры очень маленькой однокомнатной квартиры). И тут, как говорил палеонтолог Борис Павлович Вьюшков, отчаянно повезло^[307]. В осыпи рабочие подкопали конкрецию, в которой угадывались очертания головы ящера.

Конкреция уходила в обрыв. Как вскоре оказалось, она была длиной пять метров и заключала в себе полный скелет ящера. Все силы Амалицкий бросил на её раскопку. Чтобы извлечь конкрецию, пришлось прокопать шахту в склон берега, обшив стенки и потолок досками.

Конкреция вполне передавала форму животного. Под слоем песчаника угадывались лапы и громадная голова со скулами-щеками. Остатки принадлежали парейазавру. «Нахождение целого скелета парейазавра произвело на всех очень глубокое впечатление», – писал Амалицкий.

Слух о невиданном животном быстро разлетелся по округе – на раскоп потянулись крестьяне, просившие «показать голову»^[308]. Мудрёное греческое слово крестьяне переделали на свой лад, превратив «парейазавра» в «назарку» – панибратский вариант имени Назар.

Конкрецию убрали в шалаш, и тут подоспела вторая удача: начались находки в центральной части линзы. Сначала обнаружился слой с «громадным количеством» отпечатков глоссоптерисов. Сохранить их не получалось: листья были оттиснуты прямо в песке и разваливались при попытке их забрать.

Чуть ниже залежали крупные конкреции с такими же отпечатками листьев, но уже прекрасно сохранившимися. На некоторых под лупой можно было различить даже строение кожицы.

Ещё ниже лежали одиночные конкреции с костями, а под ними – скопление конкреций с полными скелетами хищных ящеров, захороненных рядом друг с другом.

Под ними были конкреции с целыми скелетами парейазавров, вокруг которых лежали «мелкие каменные шарики с кожными щитками, копытцами, мелкими костями ступней»^[309].

Особенно выделялась пятиметровая конкреция в форме ромба. Сначала она увеличивалась, достигала трёх метров в ширину, затем сужалась. После очистки конкреции выяснилось, что она содержит сразу два «замечательно цельных» скелета парейазавров, которые соединялись тазами, а головами смотрели в разные стороны^[310].

На каждой конкреции Амалицкий ставил краской номер и заносил на общий план.

Буквально за неделю находок стало так много, что пришлось войти в дополнительные расходы и отправить крестьян покупать доски для ящиков.

Почти каждый день рабочие доставали из тёмного песка чечевицы что-то новое. Радость от находок омрачило печальное известие: в округе появилась сибирская язва. Она быстро сгубила десяток лошадей и коров.

Перепуганные крестьяне боялись, что это лишь начало, и поговаривали, что в эпидемии виноват Амалицкий: он раскопал старый скотомогильник, трупы начали разлагаться, «пошла воня» и разнесла заразу.

Проплывавшие мимо Соколков поддерживали слухи и уверяли, будто Соколки «курятся», землекопы закрывают лица от смрада, а «воня» идёт такая, что и на реке слышно.

В этом была своя логика. Очагами язвы часто оказывались скотомогильники. Если их раскапывали, зараза выходила наружу. Амалицкий не скрывал, что ищет древние кости. Кто знает, может, они заразные? И ведь в самом деле: чем глубже он копает, тем сильнее эпидемия.

Удивительным казалось одно: возле самого раскопа язвой не заболела ни одна скотина. Крестьяне объясняли это по-своему и

говорили, что Амалицкий жалеет своих землекопов и в благодарность за труды не допускает до них мора^[311].

Причина была, конечно, в другом. Узнав про эпидемию, Амалицкий закупил в Котласе карболовой кислоты с сулемой, велел крестьянам продезинфицировать коровники, отгородиться от заражённой местности и не пускать скот на общие пастбища. Однако недовольство населения росло, Амалицкий на всякий случай стал оставлять рядом с раскопкой охрану на ночь.

Подоспевшие холода и запоздалые меры властей приостановили эпидемию. Деревни, где болела скотина, продезинфицировали, старые скотомогильники залили извёсткой. Но сплетни и молву уже было не остановить.

За полгода до конца света

В конце XIX века во всех уголках России говорили о скором конце света. Эти разговоры возникли по вине немецкого профессора Рудольфа Фальба, который предположил, что 1 ноября 1899 года Земля столкнётся с кометой.

Фальб был характерным для своего времени персонажем. Он родился в семье австрийского мельника в 1838 году, закончил семинарию, ушёл в монастырь, затем стал пастором, но вскоре сложил сан и начал преподавать математику в Академии коммерческих наук, там тоже не задержался, устроился воспитателем в состоятельную семью. В свободное время изучал астрономию, геологию, метеорологию, писал научные труды. Свою первую статью он опубликовал в 22 года, а в 30 лет на личные средства стал издавать популярный астрономический журнал *Sirius*.

У Фальба была любимая идея. Он считал, что Солнце и Луна влияют на все оболочки нашей планеты, а приливы и отливы происходят не только в морях, но и в атмосфере, и в раскалённых жидких недрах Земли^[312]. Чем сильнее притяжение небесных тел, тем мощнее приливы. Крупные притяжения приводят к катаклизмам: подземные жидкости поднимаются вверх, вызывая землетрясения и извержения вулканов, в воздухе усиливаются ветра, порождая бури и обильные ливни. С помощью расчётов движения Земли, Солнца и Луны можно предсказывать катастрофы.

Теория Фальба не встретила поддержки в учёной среде, и он быстро превратился в непризнанного гения. Этому помогло стечение обстоятельств, прославившее Фальба в глазах простого народа. В 1874 году он заявил, что 27 августа случится извержение Этны. Оно действительно произошло, хотя и двумя днями позже.

Падкие на сенсации репортёры немедленно раструбили о сбывшемся пророчестве.

Фальб вполне воспользовался славой и принялся составлять прогнозы «критических дней», то есть катастроф, на целый год вперёд. Их печатали газеты по всему свету, в том числе в России, правда, в разделе казусов и курьёзов^[313]. Фальба прозвали лунным

пророком. Учёный мир со скепсисом относился к бывшему монаху. Проверка его прогнозов показала, что гипотеза Фальба несостоятельна и выглядит как «несомненное шарлатанство»^[314].

В 1893 году Фальб попробовал себя на новом поприще и прочёл в Лейпциге публичную лекцию с громким названием «О происхождении и кончине мира». Он предположил, что в 1899 году в Землю врежется «дикая комета», которая бродит «по вселенной с севера на юг, с востока на запад вполне произвольно», не подчиняясь никаким правилам и законам^[315].

Газеты мигом распространили пророчество, оно стало знаменитым. В Швеции по мотивам лекции Фальба даже написали «фантастическую сказку для взрослых» под названием «Комета». Она рассказывала, как Фальб бродит по Европе и везде твердит о скорой гибели планеты. Тёмный люд с ужасом внимает его предсказаниям, а учёные посмеиваются над самозванным пророком. Но вот один астроном решает проверить вычисления Фальба, и оказывается, что ошибки нет: комета в самом деле столкнётся с Землёй. Наступает анархия, паника и разврат. «На земле происходит какой-то шабаш ведьм и чертей, всю землю объемлет какой-то страшный кошмар. Люди тысячами сходят с ума, тысячами оканчивают жизнь самоубийством». Наконец появляется огненный хвост кометы, плавно проходит по небосклону и исчезает. Все ошиблись, конца света не случилось^[316].

Мрачный прогноз Фальба с годами забывался. Лишь изредка о нём вспоминали газеты и журналы^[317], а в научных кругах появлялась критика. К примеру, *Quarterly Review* писал, что комета разойдётся с Землёй почти на полгода, но даже если её орбита пересечётся с земной, ничего страшного не произойдёт вследствие «неконсипетентности этой „тени кометы“»^[318].

Иногда выходили книжки, посвящённые пророчеству Фальба. Одну брошюру напечатали в России, она выдержала два издания^[319], пока местный архиепископ не пожаловался властям на то, что книга возбуждает нежелательные толки в народе. Её запретили. Заодно запретили брошюру, написанную для её опровержения^[320].

Со времени лекции Фальба прошло шесть лет, наступил роковой 1899 год. Подзабытое предсказание неожиданно привлекло внимание

публики и произвело грандиозный эффект.

Причин было несколько. Во-первых, рубеж веков: круглые даты всегда волновали людское воображение. Во-вторых, сказалось доверие простого народа к учёному мнению. Печатное слово в те времена воспринималось как «нечто непогрешимое»^[321].

Главную роль в нагнетании страстей сыграли издатели, ради выгоды печатавшие брошюры о конце света. Эти книжки пользовались огромным спросом и расходились как горячие пирожки. Шестнадцать страниц плохой бумаги продавались по 15 копеек – дороже, чем тома Пушкина или Крылова. Ими торговали на ярмарках, книгоноши разносили их по деревням вместе с лубочными картинками и фривольными книжками-рассказами «Живая покойница», «Телячье сердце», «Прекрасная фельдфебельша». В одной только России издали семь брошюр о пророчестве Фальба. Их общий тираж превысил 30 тысяч штук – невероятное по тем временам число.

Брошюры были малограмотными. В одной вместо метеоритного потока персеид говорилось про «персоиды», другая и вовсе называлась «Светопредставление».

Авторы ради приличия сомневались в правоте Фальба. Один писал, что Земля пронесётся сквозь пыльный хвост кометы, как поезд через «тучу комаров»^[322]. Другой – что это будет напоминать полёт «пушечного ядра через облако тумана», а получившийся на небе «блестящий фейерверк и прелестная иллюминация» станут эффектным финалом «нашему одряхлевшему, уходящему на покой девятнадцатому веку!»^[323]. Но основной упор авторы делали на ужасы, чтобы удовлетворить потребность публики в щекотании нервов. Описания столкновения кометы с Землёй у них получились красочными и живописными.

Благодаря этим книжкам слухи о конце света нарастали как снежный ком, «наполняя трепетом и ужасом сердца легковерных и невежественных людей»^[324].

Грядущую кончину мира обсуждали на сходах и базарах. В избах устраивали публичные чтения брошюр о «вострономе Фальбе», народ слушал их с унынием и тревогой, а бабы «начинали голосить».

Скорой гибелью мира объясняли недороды, неурожаи и засухи. «Оттого-то Бог и не дал нам хлеба, что и жить-то осталось не

долго», – покорно говорили крестьяне^[325]. Всюду только и было разговоров, что о комете. В городах мальчишки-торговцы кричали: «Кончина мира! Последние дни земной планеты! Успейте купить наш товар!»; «По случаю светопроставления остаточек лимонов дёшево отдаю»^[326].

Журналы писали, что «имя Фальба сделалось известным в каждой русской хижине; такой известности и чести не удостоился ещё у нас ни один басурманский или отечественный учёный»^[327].

В народе было много мнений о том, как погибнет планета.

Кто-то полагал, что Земля рассыплется на куски: «Трещина покажется в бурской земле за акиан-морем, опосля этого с земли посыпится штукатурка, лопнет главная подпорка и делается сквозная дыра, потом трах-таррарах и готово дело!»^[328]

Другие считали, что на Земле от удара кометы сгорит воздух.

Третьи – что на планету прольётся каменный или огненный дождь.

Четвёртые – что «шкандал с землёю» будет таким: «комета-планида» притянет всех людей и улетит вместе с ними.

Пятые – что комета спихнёт Землю с орбиты, и та начнёт «зря по свету болтаться и попадёт в такую страну, где нет ни света, ни солнца», и «наступит тогда тьма»^[329].

Шестые – что Земля вспотеет^[330], сядет на Луну и разлетится на части^[331].

Иные просто говорили, что случатся «капут и кранты».

Когда ждать капута и крантов, народ в точности не знал из-за разницы в календарях Европы и России. Одни думали, что комета ударит в Землю ночью 1 ноября, другие ждали конца света 13 ноября. Большинство склонялось к первому числу.

Интеллигентная публика с интересом наблюдала за страхами обывателей. Газеты обзывали брошюрки вздором и пачкотнёй, перечисляли их ляпы^[332], усердно писали, что в ноябре пройдёт самый обычный звёздный дождь, какие бывают каждый год.

Благодаря Фальбу газеты и журналы в громадных количествах начали печатать заметки об астрономии. Кометы, аэролиты, звёздные дожди, метеоры и болиды стали постоянными героями прессы. В ворохе публикаций попадалось немало занятного. В одной заметке

говорилося, что Содом и Гоморра, возможно, погибли как раз из-за кометы, которая задела Землю, причём жену Лота придавило «огромным соляным метеором»^[333]. Другая рассказывала про гигантский метеорит, который некогда упал на поле в Китае, «сделал рикошет и опять улетел в пространство»^[334].

Про комету писали фельетоны^[335], в театрах шёл водевиль «Старый математик, или Ожидание кометы в уездном городе». Юмористические журналы посмеивались, что хвост кометы поднимет тучи пыли и «засорит ноздри всего человечества»^[336].

Тем временем появлялось всё больше сведений о том, как напуган простой народ, как боится он «светопереставления». В деревне возле Харькова вырезали всю скотину, чтобы наесться напоследок до прилёта кометы. В Курской губернии многодетный крестьянин под влиянием слухов о конце мира заболел умопомешательством^[337]. В Орловской губернии люди массово исповедовались и причащались, в одном селе из-за конца света отменили венчание молодых. В Херсонской губернии граждане хотели ради спасения уехать в Америку, очевидно полагая, что она находится на какой-то другой планете^[338]. По Киевской губернии ходил слух, будто некая старица слыхала, как грибы в лесу разговаривали, и престарелый гриб говорил сыроежкем:

скоро станет много грибов и много гробов. От подобных известий крестьяне стали совсем «озадачены и опечалены»^[339].

Свою порцию страха получили северные деревни. Как писал Амалицкий, о его раскопках распространились нелепые слухи, «в основу которых легла известная брошюра о конце света»^[340]. Он сам отчасти был виноват в появлении слухов. В начале работ Амалицкий пробовал объяснить крестьянам свои задачи, показывал рисунки скелетов и реконструкции вымерших животных. В конце концов пришёл с ними к соглашению, что в давние времена, ещё до Ноева потопа, в Соколках текла река. Во время потопа в неё набилось много трупов животных, которые занесло песком.

Крестьяне не очень понимали, для чего барину нужны кости, и говорили, что ему велено составить опись допотопных зверей, а по костям он узнает их имена.

Теперь это приобрело другой смысл: бог уничтожил потопом всякую нечисть, а профессор собирает её кости. Но зачем? Пошли слухи, что у Амалицкого есть мёртвая вода сращивать кости и живая вода – оживлять чудовищ. «Выкопает кости, мёртвой водой сбрызнет, оне и сrustутся, а одного живой водой сбрызнул, так тот в Сокольский лес жить ушёл», – говорили крестьяне^[341].

Большой вклад в появление небылиц внесли землекопы Амалицкого, «которые позволяли себе в шутку рассказывать бабам самые невероятные вещи о виденном ими на раскопках: скелеты они выдавали за оборотней, говорили о каменном драконе, которого вытащили из пещеры, что теперь это простые камни, но профессор мёртвой водою их сrustит, а живую оживит и пр.»^[342].

Соколки превратились чуть ли не в плацдарм Армагеддона. Наконец крестьяне договорились до того, что Амалицкий есть никто иной, как антихрист. Он «напускает по ночам на деревни своих выкопанных „чертей“», которые пока убивают скотину^[343], а при светопреставлении начнут хватать людей. Вот тут-то и ударит комета и наступит всему капут.

Амалицкому припомнили и ураган в первые дни работы. Теперь это стали называть «знамением, ниспосланным для вразумления»^[344].

В начале августа рядом с Соколками какая-то баба померла от белой горячки^[345]. Её смерть приписали колдовским чарам Амалицкого. Видимо, перед смертью ей пригрезились ожившие назарки.

Узнав об этом, Амалицкий стал сворачивать раскопки и целую неделю пребывал в беспокойстве. Ему пришлось пережить немало тревожных минут, но, в общем, он ничего не терял. Его каникулы кончались 21 августа, а он никогда не опаздывал и к этому дню должен был явиться в Варшаву. Средства на экспедицию давно кончились. Тысячи рублей Амалицкому не хватило. На свой страх и риск он превысил смету почти на пятьсот рублей. Позже Общество естествоиспытателей покроет этот перерасход.

Наконец, совсем испортилась погода. Вместо жары затянули бесконечные дожди. Они начались в конце июля и продолжались больше месяца почти каждый день. Речки вышли из берегов, мельницы затопило. С дождями пришёл северный ветер хиус с туманами и холодом. «Рабочие понадевали тулупы и зимние шапки и

грелись у костров, раскладываемых у раскопок», – писал Амалицкий^[346].

Он упаковал конкреции в большие ящики и послал за пароходом. 14 августа находки погрузили на баржу, довели до железной дороги, перетащили в два грузовых вагона и через Санкт-Петербург отправили в Варшаву.

Из экспедиции Амалицкий, как всегда, «возвратился в срок».

Результаты раскопок превзошли самые смелые ожидания. Добытые конкреции заняли 64 ящика. В пути они почему-то стали легче, если верить документации. Вся кладь сначала весила 1400 пудов^[347], а на месте доставки, в Варшаве, «после усушки» – 1200 пудов^[348]. Разница – три тонны. Амалицкий выкопал из чечевицы пять «почти цельных скелетов, передающих облик животного», пять более-менее полных скелетов и десять групп конкреций, «между которыми встречаются головы»^[349]. За два месяца он добыл больше костей, черепов и скелетов, чем все российские палеонтологи до него.

Удача застала его врасплох, склада он не подготовил, но и здесь ему повезло.

Незадолго до начала раскопок Варшавский университет перевёз свою библиотеку в новое здание. Старые помещения стояли пустые. Амалицкому позволили устроить в бывших читальных залах временный склад. Деньги за аренду не взяли, что оказалось очень кстати.

После нервной экспедиции Амалицкий с удовольствием приступил к занятиям со студентами. «За лето, исполняя обязанности десятника, я так устал, что теперь отдыхаю в Варшаве, несмотря на чтение лекций», – писал он в Петербург^[350].

Для Амалицкого история со «строномом Фальбом» завершилась в августе, но народ продолжал готовиться к кончине мира.

Ближе к ноябрю горничные, кучера и лакеи в городах стали брать расчёты, уезжали на богомолье и на родину, чтобы там встретить смерть. Многие ударились в пьянство, которое, по словам газет, «приняло характер прямо гомерический»: «Пили жестоко, с каким-то отчаянием ставили ребром последнюю копейку... Всё равно пропадать – с собой не возмёшь! Я лично наблюдал одного субъекта, „ухнувшего“ всё месячное жалованье в один вечер на этом самом основании... И таких „сюжетов“ оказалось у нас не мало»^[351].

Не только в России ждали конца света. В других странах тоже ходили слухи о комете и даже были жертвы. В Бразилии прачка-негритянка увидела праздничный фейерверк общества велосипедистов и умерла от страха, решив, что начался обещанный «огненный дождь»^[352]. В Риме едва успевали служить мессы, которые прихожане заказывали по случаю скорой гибели мира^[353]. В Тунисе многие отказывались работать, уверяя, что это бессмысленно, а «магометане устраивали религиозные процессии, причём стреляли из ружей и творили всякие бесчинства»^[354]. Даже в «учёной, рассудительной» Пруссии пророчество Фальба наделало такого шума, что Министерство народного просвещения приказало для успокоения умов провести публичные беседы о безопасности кометы^[355].

Наконец наступила роковая ночь.

В городах России народ высыпал на улицы и глазел в пасмурное небо. В Москве городские разгоняли зевак и, как могли, объясняли, что конца света не будет, потому что «вышла отмена от начальства»^[356]. В деревнях крестьяне оделись в белые одежды, поставили перед образами страстные свечи и стали ждать «последней трубы архангельской»^[357].

Ночь прошла спокойно. Разве что над Вологодской губернией ровно в полночь пролетел метеорит, и его «огненный снап» осветил деревни к ужасу обывателей^[358].

Когда миновала страшная дата, народ стал придумывать объяснения, почему «светопреставление отменили». Объяснения получились такими же колоритными, как и страхи.

В Псковской губернии уверяли, что комета подлетела к Земле с запада, поэтому зацепилась за Америку и вместе с ней куда-то провалилась. Америка погибла, а для России всё сошло благополучно^[359].

В Новгородской губернии говорили, что хвост кометы развернуло сильным ветром, поэтому она пролетела мимо.

Ещё рассказывали, будто американцы расстреляли комету из гигантской пушки. А другие утверждали, что комету отпихнули шестью простыми русскими мужиками.

Было изысканное объяснение, что комета оказалась хлебной: неслучайно само это слово звучит как «ком это». «Огромное стадо

птиц» налетело на неё и склевало подчистую^[360].

Большинство обывателей не утруждало себя объяснениями.
Характерный диалог напечатал «Петербургский листок».

– Уцелеть мы действительно уцелели, но совершенно, можно сказать, случайно. Пертурбация была-с.

– Да какая?

– Такая, какая следовала. И следы тому есть.

– Позвольте, в чём следы?.. Какие следы?

– А снег-с?.. Снег в день кончины выпавший, а?.. Вы этому не придаёте значения?

Вот и поговорите с таким^[361].

Юмористические журналы вовсю потешались над промахом «гастронома Фальба».

«Стрекоза» писала, что конец света получился менее интересным, чем падение пьяного чухонца в Неву^[362].

«Будильник» опубликовал фельетон про жителей кометы и учёного Кальба, который много лет неудачно предсказывал погоду, а потом ошибся с пророчеством о столкновении с Землёй^[363].

Были стихи и фельетоны.

Фальб, заморский астроном,
Напугал вселенную:
Что комета, мол, хвостом
Сгубит землю тленную...
Изучая ход светил
Фальб в часы полночные
Строго всё определил,
Дал нам цифры точные.
Но досадно лишь одно —
Зря от тратил рвение:
На земле отменено
Светопреставление!^[364]

Сам Фальб ещё в октябре отказался от предсказания и заявил, что его слова переврали: «Из мухи создан слон... Я не предсказывал светопреставления; оно и не поддаётся предсказанию»^[365].

Объяснение запоздало. И без того подмоченная репутация Фальба стала совсем скандальной, его имя превратилось в нарицательное^[366].

Впрочем, Фальб планировал и дальше выпускать пророчества, но судьба распорядилась иначе. В 1900 году он попал в психиатрическую лечебницу. Русский метеоролог Б. И. Срезневский по этому поводу написал, что Фальб стал жертвой своей мании предсказательств, которые не принесли пользы «ни ему, ни обществу»^[367].

Из психиатрической лечебницы Фальб вышел осенью 1903 года, сразу же простудился, подхватил воспаление лёгких и через семь дней скончался.

Эстафету предсказательств подхватил его сын. В газетах появились прогнозы Фальба-сына^[368], но большого интереса они не вызвали и скоро исчезли.

Яма государственной важности

Остатки наземных позвоночных редко сохраняются в геологической летописи. Амалицкий писал, что каждая ископаемая кость должна считаться «историческим памятником прежней жизни»^[369]. Такие «костяные» памятники имели не только научную, но и вполне осязаемую коммерческую ценность. Коллекционеры, меценаты, музеи платили большие деньги, чтобы получить интересные образцы.

Миланский музей купил скелет гигантского ленивца-мегатерия из Аргентины за 40 тысяч франков (20 тысяч царских рублей). Добыча, доставка и препарировка скелета парейазавра из Южной Африки обошлись Британскому музею в 4 тысячи фунтов стерлингов (40 тысяч рублей)^[370].

Очень дорогим был отпечаток «первоптицы» археоптерикса, найденный в Германии. Министерство культуры не смогло выделить Берлинскому музею естественной истории 20 тысяч марок, которые требовал продавец. Учёных выручил владелец сталелитейных заводов В. Сименс. Он купил отпечаток и подарил музею. Археоптерикса выставили в отдельном зале, словно «Мону Лизу», а видовое название ему дали в честь Сименса (*Archaeopteryx simensii*).

Кроме костей и отпечатков продавались следы и яйца вымерших животных.

Яйца огромной птицы эпиорниса стоили по 2 тысячи рублей, но в продажу поступали редко. Один французский учёный семь лет пытался купить такое яйцо и красочно описал, как их добывают туземцы:

Они зондируют своими копьями ил в болотистых дельтах некоторых рек до тех пор, пока не наткнутся на твёрдый предмет. В большинстве случаев это бывает простой камень, но всё-таки они должны нырнуть в воду, разрыть ил и посмотреть – яйцо ли это или нет. Надобно заметить, что в этих речках масса крокодилов, которые иногда съедают водолаза. Это очень пугает других

водолазов, и поэтому всегда очень трудно найти людей для таких поисков, даже за большие деньги^[371].

Едва стало известно, сколько скелетов нашёл Амалицкий, к нему поступили предложения от западных коллег о совместных раскопках. Мюнхенская академия наук обещала большой кредит, причём без особых обязательств: Амалицкий мог сам решать, что оставить в России, что отдать в Германию. Похожие предложения сделали Британский музей, Баварская академия наук, американцы.

Однако Иностранцев и Общество естествоиспытателей считали, что раскопки надо продолжать под их началом.

Амалицкий попал в неловкую ситуацию. Открытие захоронения полностью принадлежало ему, работы он мог вести с кем угодно, но наверняка он чувствовал моральные обязательства перед Обществом естествоиспытателей.

Решение далось ему нелегко. В декабре 1899 года Амалицкий писал Левинсон-Лессингу:

О себе я ничего не могу написать. Еду в Петербург делать доклад и везу две головы. До сих пор ничего неизвестно или, лучше сказать, ничего не предпринято по вопросу о денежном пособии, а между тем меня «наши», т. е. кабинетские, заставили отказаться от очень лестного предложения Циттеля, предлагавшего от Баварской Академии наук 2000 марок на продолжение раскопок при условии отдачи ему только второстепенных дублетов. Отказавшись от Циттеля, я нажил в нём недоброжелателя, что очень грустно, ибо от раскопки и в нашей Академии Наук причинили мне некоторые неприятности.

Мне приходится отказываться от помощи таких учреждений, которые действительно могут быть мне полезными, в надежде на Общество, от которого едва ли можно что-либо ожидать. Итак, до сих пор мои открытия мне приносят только очень много беспокойства^[372].

Ситуация разрешилась неожиданно и быстро.

Приехав в Петербург, Амалицкий обнаружил, что был прав: «Мои раскопки увеличили ещё более неприязненное отношение ко мне не университетских и вызвали довольно обидный скептицизм даже среди университетских. Мне пришлось заглаживать свою невольную вину и ходить с поклонами и повинною. Это не только моё впечатление, но и очень многих других».

Он сделал доклад о находках на общем собрании Общества естествоиспытателей, а затем выступил отдельно перед покровителем общества великим князем Александром Михайловичем. Тот проникся энтузиазмом Амалицкого, обещал ему поддержку и так энергично стал хлопотать о пособии на раскопки, что уже через четыре дня, 14 января, император подписал высочайшее соизволение об отпуске Обществу естествоиспытателей 50 тысяч рублей на добычу костей: по 10 тысяч ежегодно в течение пяти лет, с 1900 по 1904 год.

«Это тем более удивительно, что собственно общество просило только 30 тысяч рублей. Ещё более удивительно, что деньги (10 тысяч рублей) уже отпущены на этот год», – писал Амалицкий^[373].

Иностранцев объявил экстренный созыв Общества естествоиспытателей и прочёл извещение министра финансов о соизволении императора.

Новость встретили громкими аплодисментами. В отчёте заседания об этом говорилось такими словами: «Это ВЫСОЧАЙШЕЕ внимание и ВЫСОЧАЙШАЯ милость, которых удостоилось СПб. Общество Естествоиспытателей, возлагает на него обязанность оправдать оказанное ему доверие и употребить все старания и все силы, чтобы исполнить наилучшим образом работу, на которую царскою щедростью дарованы Обществу средства»^[374].

Участники собрания постановили «повергнуть к стопам Его Величества верноподданническое выражение беспредельной благодарности за щедрое пособие на пользу науки»^[375].

Ежегодные 10 тысяч рублей были солидной суммой.

Зарплата рабочих в Петербургской губернии в те годы составляла 20–30 рублей в месяц, в среднем по стране – 16 рублей. Профессора зарабатывали 200–300 рублей в месяц, то есть около трёх тысяч в год.

Но если сравнивать со схожими мероприятиями, раскопки Амалицкого покажутся не слишком дорогими. Одна из северных экспедиций барона Толля обошлась казне в 60 тысяч рублей^[376]. На

доставку туши мамонта с Колымы в 1901 году государство выдало 16 300 рублей^[377], а на установку скелета с чучелом и их научную обработку ещё 15 тысяч^[378].

Однако и величина пособия, и сам факт его получения были непривычными для русской геологии. Амалицкому даже не удалось потратить все деньги: только за первые два года он сэкономил 2,5 тысячи рублей^[379]. Именно из этой суммы Общество естествоиспытателей покрыло перерасход в 500 рублей, который получился у Амалицкого в первый год раскопок.

Вместе с пособием на Амалицкого свалилось бремя ответственности, о котором ему постоянно напоминало Общество естествоиспытателей и лично Иностранцев. «Теперь дело стоит за мною, чтобы оправдать доверие Государя, как сказано в рескрипте Великого князя. Я просто изнемогаю под этой ответственностью, ибо теперь вопрос поставлен ребром: „тебе оказано больше того, что ты просил, а потому оправдай себя!“ Иностранцев требует от меня энергии, а я страшно боюсь спешить, чтобы с первого же шага не напутать, а потому страшно волнуюсь», – писал он^[380].

Летом 1900 года Амалицкий вернулся в Соколки и предложил деревне Ефимовской подписать долгосрочный контракт на аренду земли. Крестьяне собрались на сход, обсудили предложение и разрешили Амалицкому «производить раскопки костей и других ископаемых остатков» в местности Соколки за 1 рубль 25 копеек с квадратной сажени земли в год. Они обязались «не позволять никому другому производить какие-либо раскопки» в Соколках, пока Амалицкий не кончит всех работ. «Сей приговор» скрепили подписями, помощник волостного старшины поставил на документе печать и заверил у земского начальника^[381].

Погода стояла прекрасная.

Конец мая выдался дождливым, даже реки вышли из берегов, но к приезду Амалицкого распогодилось, не было ни ливней, ни гроз, ни жары, ни ураганов.

Мужики охотно шли к нему работать. «Были случаи, когда на работу просились крестьяне очень дальних деревень, объясняя свою просьбу интересом дела. Работа шла нервно, оживлённо, весело и „семейно“, как говорили крестьяне, т. е. дружно», – вспоминал Амалицкий^[382].

За лето на раскопке трудилось полсотни рабочих. Среди палеонтологов ходила байка, что Амалицкий платил землекопам три копейки в день и выдавал по рюмке водки^[383]. Это не так. Судя по отчётам, зарплаты были в сто раз больше, а водки не полагалось.

Ежедневно на оплату труда землекопов у Амалицкого уходило около ста рублей^[384]. В целом за сезон – 3,5 тысячи^[385]. В праздники и воскресенье раскопки не проводились.

По меркам уезда, Амалицкий платил очень хорошо. Проведя на раскопке месяц, крестьянин мог заработать рублей двадцать – тридцать. А цены здесь были такие: пуд (16,38 кг) ржаной муки стоил 1 рубль, фунт (0,4 кг) коровьего масла – 28 копеек, пуд мяса – 3 рубля, пуд трески – 2,6 рубля, куриные яйца – по копейке штука^[386]. На месячную зарплату работник Амалицкого мог купить 3 тысячи яиц или 160 килограммов говядины.

Каждый час крестьянам разрешался десятиминутный отдых. Они прекращали крушить песчаник, копать и вывозить песок, усаживались в тени, доставали хлебцы из яичной муки, которые звали подорожниками, и запивали их квасом и молоком. Однако иногда так увлекались работой, что про отдых забывали^[387].

В 1900 году Амалицкий сильно увеличил площадь раскопки. В первый год она составила сто квадратных метров. Теперь Амалицкий задал раскоп в 350 квадратных метров и в отчёте написал, что работы пошли «в более грандиозных размерах»^[388].

Саму раскопку он сдвинул на север, так как южная часть линзы оказалась бедна окаменелостями.

Верхний, твёрдый слой песчаника для скорости подорвали порохом^[389], и вскоре под лопатами и ломом показались конкреции.

Амалицкий решил оставлять их на поверхности раскопа и не торопился убирать в ящики. Ему хотелось «составить понятие о взаимном их соотношении и о первичном залегании костей на дне бассейна»^[390].

Каждую группу конкреций он зарисовывал в полевой дневник. Их было множество, некоторые совершенно огромные.

Самые богатые участки находились на северном краю линзы. Здесь нашли два больших скелета парейазавров с такими «скученными костями», что «каждый из них представлял в общем

одну бесформенную, с очень причудливым характером, конкрецию»^[391].

«Сметливые русские рабочие», как их назвал один журналист^[392], быстро научились различать ящеров и узнавали их уже в конкрециях. Появление парейазавров вызывало радость, шутки и остроты. Их встречали как старых знакомых, остатки других ящеров оставляли крестьян равнодушными^[393].

Прошла половина лета, когда на раскопе случилось важное событие. О нём красочно рассказал Александр Павлович Чехов, брат писателя Антона Павловича Чехова. Он опубликовал две большие статьи про Амалицкого, допустив забавный ляп: в одной статье написал, что важный день выдался прекрасным^[394], в другой статье – что день был ненастным^[395].

У Соколов неожиданно остановился пароход, чего никогда прежде не случалось. По сходням на берег сошёл местный епископ. С помощью верёвок толпа народа помогла ему подняться по крутому обрыву на раскопку. По словам Чехова, это был устюжский епископ Гавриил – то же имя указано в нескольких других газетах^[396]. Однако есть статьи, где назван вологодский епископ – Алексей^[397]. О визите священников упоминается во многих заметках, но нигде не говорится о визите обоих: сказано, что в Соколки прибыл либо Гавриил, либо Алексей. Может быть, на раскопке побывал сначала один, потом второй. Может быть, журналисты ошиблись с одним из них. Как было на самом деле – непонятно.

Епископ приплыл, чтобы лично посмотреть раскопки, о которых в округе ходило много толков. Он пообщался с Амалицким, поинтересовался ходом работ и допотопными чудищами. Уезжая, пожелал Амалицкому успехов и преподал работникам архипастырское благословение.

«Крестьяне поняли, что архиерей не стал бы благословлять антихриста и оставили с этой поры В. П. Амалицкого в покое», – писал Чехов^[398].

Полвека спустя история будет искажена. Сначала академик Юрий Александрович Орлов напишет, что Амалицкому «для успокоения умов пришлось пригласить архиерея и отслужить молебен»^[399]. Потом журналисту в Палеонтологическом музее

расскажут, что священник освятил раскоп Амалицкого и только после этого крестьяне позволили ему «тревожить кости»^[400].

Этого не было. Газеты и журналы подробно писали про первые годы раскопок Амалицкого, но о молебне не упоминали. Вряд ли репортёры, с восторгом сообщавшие подробности про «профессора-антихриста» и его оборотней, прошли бы мимо столь красочной истории.

Епископ был не единственным гостем. На раскоп приходили местные чиновники, учителя, любопытствующие крестьяне.

Постоянно прибегали деревенские мальчишки: их много на фотографиях Амалицкого, они одеты в старые подпоясанные верёвками пиджаки, на головах картузы, на ногах сапоги не по размеру.

Только бабы избегали раскопа и старались не ходить мимо, особенно по ночам. «Боятся», – объясняли Амалицкому крестьяне^[401].

В 1900 году раскопки продолжались два месяца. Амалицкий извлёк из чечевицы более тысячи пудов конкреций (примерно 26 тонн): столько же, сколько в 1899 году. Но в целом успехи показались ему более скромными: в 1899 году этот объём собрали с площади в три раза меньшей. «Скученность костей и относительное богатство ископаемыми»^[402] стали не такими большими. После беглого осмотра новых конкреций Амалицкий насчитал в них «15 более или менее целых скелетов».

За два года он добыл в Соколках 27 скелетов: двух хищных ящеров (будущие иностранцевии), пятерых дицинодонтов («ящеров ростом с медведя»), двадцати парейзавров, а также «две головы древних огромных лягушек, много отдельных черепов, позвонков и костей и несколько черепов каких-то до сих пор ещё не определённых животных»^[403].

Чечевица казалась неисчерпаемой.

Фабрика скелетов

Осенью 1900 года в бывшем здании университетской библиотеки в Варшаве, где много лет царила тишина, раздался грохот точильных и шлифовальных машин. С раннего утра до позднего вечера по коридорам гуляло эхо токарных станков, разносились стуки молотков. В России заработала первая палеонтологическая мастерская. Официально она называлась Палеонтологической лабораторией Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей.

В те годы в мире было не более десяти мест, где очищали от породы остатки позвоночных. Амалицкий посетил некоторые из них, чтобы познакомиться с принципами работы. Целый месяц он ездил по Европе, осматривая мастерские Берлина, Брюсселя, Парижа, Лондона, Вены. Он надеялся узнать какие-то хитрости препараторов, но остался недоволен поездкой. Удалось понять только одно: никто не знает, как очищать кости русских ящеров.

В чемодане Амалицкого лежали куски конкреций. Пробуя их расколоть, мастера ругались на разных языках: по-английски, по-немецки, по-французски. Никогда им не приходилось иметь дело с материалом, где кость хрупкая, а порода крепкая.

Самые большие надежды Амалицкий возлагал на Брюссель, где извлекали из породы, собирали и склеивали кости целого стада динозавров игуанодонов (*Iguanodon*). Пять препараторов работали под руководством профессоров, но и они не помогли Амалицкому. Кости динозавров оказались совсем другими, залегали в мягкой, словно творог, породе, а сами были твёрдыми, как дерево.

На предложение поработать в России некоторые препараторы отвечали согласием, но выдвигали невыносимые условия. Во-первых, сильно завышали размер гонорара. Во-вторых, требовали пенсии по окончании работ^[404]. На это не хватило бы никаких царских пособий.

«Заграничная поездка, которую я сделал весной этого года, ничего мне не дала. Нужно придумывать самому», – писал Амалицкий^[405]. Он вернулся в Россию и начал искать русских мастеров, знающих, как обрабатывать камень. Амалицкий осмотрел

несколько скульптурных мастерских в Варшаве и Петербурге, поговорил с рабочими Петергофской гранильной фабрики^[406]. Наконец нанял рабочих в Варшаве: четырёх препараторов, слесаря и нескольких служителей.

В Палеонтологическом институте до сих пор рассказывают, что для работы с конкрециями Амалицкий пригласил кладбищенских каменотёсов. Так ли это – не ясно. Сам Амалицкий называл сотрудников своей мастерской «местными скульпторами каменщиками»^[407].

Договор с ними он заключил на год. Зарплату назначил хорошую: два рубля за день.

Все работники были поляками. Их имена сохранила брошюра «Адресная книга русских Зоологов, Анатомов, Физиологов, Палеонтологов и проч.». Трое (Феликс Зелинский, Адам Кенсик, Иосиф Маковский) числились препараторами для очистки от камня костей ископаемых позвоночных. Один (Франц Каминский) был «коллектором и препаратором». Ещё один (Войцех Гурецкий) работал «препаратором-слесарем» и, кроме того, занимался «постановкой скелетов». Двоих взяли в помощники: Феликса Гадомского и Михаила Каминского^[408].

Здесь же, в бывшей библиотеке, Амалицкий устроил небольшую кузницу, чтобы точить инструменты, и слесарную мастерскую – делать подпорки для костей.

В одной комнате поставили шлифовальные и сверлильные машины, в другой – токарные станки. В большом читальном зале на столах разложили крупные конкреции в том положении, в каком они залегали в чечевице.

В работе приходилось учитывать сотни мелочей. Амалицкий закупал для мастерской наковальни, металлические ванны, солому, корзины, гвозди, каучук, фартуки, блузы, жидкое стекло, глину, стружку, шерсть, белый цемент, напильники «угольник».

Отдельными строками расходов шли стирка рабочей одежды и вывоз мусора (полтора рубля почти каждый месяц). Были расходы, которые сейчас называют социальными. На Пасху Амалицкий выписывал препараторам и служителям премию – 150 рублей на всех. Одному препаратору на приданое внучке дал 35 рублей. После

кончины другого выдал на похороны 50 рублей и ещё 50 рублей передал вдове и детям^[409].

Чтобы объяснить препараторам их задачи, Амалицкий принёс атласы по анатомии животных, показал, где располагаются кости в скелетах, как они выглядят, какую имеют форму и как сочленяются друг с другом. Затем дал для очистки несколько не слишком ценных конкреций.

По глыбам сложно понять, какая кость лежит внутри. Каменщики боялись испортить остатки и долгими часами корпели над конкрециями, по сантиметру отколупывая кусочки. Надо было следить за малейшими изгибами костей, не сбивать бугорков, не оставлять неочищенными углубления.

Вскоре каменщики вошли во вкус, научились быстро очищать остатки. Поломанные кости склеивали особым составом и скрепляли железными скобами. Вскоре уже сами препараторы стали замечать такие особенности костей, каких не видел Амалицкий.

«Российская сметка и тут взяла верх над заграничным самомнением», – с гордостью отметил Чехов^[410].

Постепенно у препараторов выработались свои методы и хитрости. К примеру, оказалось, что для конкреций из Соколов молотки из мягкого железа подходят больше, чем стальные, а в некоторых случаях требуется шлифовка наждаком^[411].

Газеты много рассказывали о необычной мастерской, хотя с трудом подбирали для неё названия: «мастерская для выделения скелетов из каменной оболочки», «специальная мастерская для извлечения костяков из их каменного чехла».

Когда препараторы наловчились извлекать отдельные кости, Амалицкий дал им серьёзное задание – очистить и смонтировать полный скелет парейазавра.

Огромная конкреция со скелетом весила 2,5 тонны, причём 90 процентов приходилось на пустую породу, которую в газетах называли «каменной рубашкой», «каменным саваном», «каменной сорочкой» и даже «толстой каменной корой». Сам скелет был ровно в десять раз легче – около 250 килограммов.

Его предстояло не только очистить и собрать, но и сделать сборно-разборным. В Европе скелеты устанавливали в жёсткой неизменной позе: каждую кость просверливали и намертво скрепляли

с другими. Амалицкий придумал новый метод. Слесарь приделывал к костям стержни и пластинки, которые совмещались с пазами главной основы. Несущей конструкцией служил железный каркас позвоночника, сверху шли гнёзда для позвонков, по бокам отверстия – вкручивать рёбра. Из такого скелета можно было вытащить любую кость – чтобы изучить или показать публике, – а потом вставить обратно. Мастер мог разобрать и собрать весь скелет за 10–15 минут^[412].

Первый скелет хотели сделать как можно быстрее и отпрепарировали всего за два месяца.

Особенно тяжело было очистить череп, весь покрытый шишками, бугорками и «затейливыми извилинами»^[413]. Когда скелет почти подготовили, выяснилось, что у него нет передних лап.

Недостающие конечности позаимствовали из другой конкреции, причём тоже задние^[414]. Передние в суматохе не отыскали.

Парейзавр оказался гораздо крупнее своего африканского сородича, стоявшего в лондонском музее. Он достигал трёх с половиной метров в длину. Британский был на метр короче.

Русские газеты часто заостряли на этом внимание. «Слава этого знаменитого английского парейозавра сразу померкла. Русский профессор выкопал в Соколках, на берегу русской реки, целых двадцать парейозавров, перед которыми сажённый английский экземпляр должен казаться маленьким карликом», – восхищались они^[415].

Вскоре после монтажа скелета случился памятный курьёз. В мастерскую Амалицкого приехал министр просвещения. Он осмотрел окаменелые кости, скелет, выслушал рассказ о давних эпохах и поинтересовался, «а не фантазия ли это учёных»^[416].

Парейазавр Владимирович

В Петербурге конец столетия выдался на удивление тёплым. Ударившие в начале октября морозы быстро сошли на нет, небо затянуло тучами, зарядил бесконечный дождь. Город замер, проезда не было ни на санях, ни на каретах. Горожане старались не показывать нос на улицу.

По мокрым проспектам тянулись редкие omnibusы, ветер трепал на тумбах раскисшие афиши. По тротуарам разлились озёра, журчали ручьи, с крыш летела капель. Остряки в фельетонах писали, что из-за такой влажности петербуржцев следует называть не млекопитающими, а амфибиями.

Оттепель продолжалась весь октябрь и ноябрь. Слякоть прочно обосновалась в Петербурге. Горожане шутили, что на Рождество вместо ёлок станут наряжать зелёные берёзки во дворах, если останется хоть кто-то здоровый. В госпиталях не хватало мест, чтобы разместить больных. «Бронхиты, всякие воспаления, тиф, инфлуэнца – гастролируют вовсю», – пугали обывателей газеты^[417].

Только под самый конец декабря ударили морозы. В город пришли метель и стужа. Из аптек сразу пропал гусиный жир: отвыкшие от холода петербуржцы поотмораживали себе уши и теперь смазывали их жиром. Карнизы оцетинились сосульками. Кусты превратились в сугробы, по ним скакали прилетевшие со снегом снегири и свиристели.

Петербург очнулся от дремоты и начал спешно готовиться к Рождеству и к встрече нового, двадцатого столетия. Витрины магазинов вспыхнули ёлочными гирляндами. На домах зажглись газовые вензеля с коронами, на Большой Морской и на Невском засверкали разноцветные лампочки. Хлопали по ветру флаги, между домами кружились на верёвках игрушечные звёзды и бумажные фонарики.

На бойком месте у Полицейского моста сиял зелёный электрический венок, в котором горела красная звезда с надписью «XX век». «Это очень эффектно и кстати», – заметил репортёр^[418],

даже не подозревая, насколько кстати окажется красная звезда в наступающем веке.

Для виноторговцев, кондитеров и галантерейщиков наступила самая горячая пора. Портнихи и модистки работали без выходных, стирая пальцы в кровь. Все торговые заведения, от магазинов-монстров до крошечных лавок, были завалены подарками. Прилавки трещали под весом пастилы и мармелада, под связками медовых и мятных пряников, под горами золочёных орехов, глазированных каштанов и конфетных бус. Сверкали позолотой открытки с херувимами и подковами. Из витрин на улицу тарасились морды деревянных лошадок, святочные маски чертей и почему-то поваров.

Газеты растолстели: они увеличили число страниц, чтобы разместить побольше рождественской рекламы.

На первых листах читателя ждали объявления о провизии. Газеты призывали покупать к празднику литовские окорока, московские колбасы, солёные сыры и дичь: тетёрок, глухарей и куропаток. Последние страницы были под завязку забиты рекламой ёлочных украшений, зажигательных ниток и подарков для дам.

Прейскуранты звучали как музыка.

Коробка счастья – 20 копеек.

Игры для терпения – от 20 копеек.

Прыгающая колбаса («средство для слабонервных») – 10 копеек.

Волшебные гвозди: «тычат сквозь палец» за 20 копеек, «тычат сквозь руку» за 30 копеек.

Новая шутка: хобот слона с криком – 15 копеек.

Умирующие свиньи, черти и индейцы – по 10 копеек штука.

Практичная шутка – револьвер.

Стеклянный свисток для обучения канареек – 30 копеек.

Надувная бабушка-великанша – 50 копеек.

Игра «Три осла, или Наказанное любопытство».

А ещё всевозможные цикломеры, электрофоры, теллурии, симфонионы, гармоникорды и сциоптикопы.

В ночь перед Рождеством все газеты империи – даже «Полицейская» и «Биржевая» – напечатали святочные рассказы о живых мертвецах, ведьмах и скелетах. В стране разом опубликовали две сотни страшных рассказов, причём почти все они были дурного стиля и почти в каждом имелась фраза «мороз трещал».

В Петербурге царила праздничная суета. На центральных улицах шумели ярмарки и базары. У Мариинского театра бородатые финны торговали ёлками. Финны пускали табачные кольца из трубок и удивляли прохожих огромными шапками-ушанками. Быстрее всего расходились пышные ёлки с прибитыми дополнительными ветвями, они назывались искусственными и стоили дороже остальных – по рублю.

К Рождеству базары опустели, и на город обрушилась лавина балов, спектаклей и утренников. Над Невой летали потешные огни, носились по льду кареты, запряжённые северными оленями. Весь город пришёл в движение: взрослые спешили на вальсы, дети – на ёлки.

26 декабря ёлку провели в Санкт-Петербургском университете. Дети преподавателей и служащих весь вечер танцевали под рояль, водили хороводы и пели народный гимн «Боже, царя храни». Им рассказывали басни Крылова, показывали картинки, а под конец раздали книжки, игрушки и сладости.

Пока в коридоре звенел детский смех, в соседнем геологическом кабинете готовились к годовому заседанию Общества естествоиспытателей. Оно состоялось через два дня. На заседание пригласили всех членов общества, а также студентов, профессоров, членов Академии наук и газетных репортёров. Им обещали сюрприз большого научного значения.

В день заседания геологический кабинет был полон гостей.

«В обыкновенные дни этот уголок университета слышит одним из наиболее тихих и молчаливых... В нескольких комнатах за отдельными столиками безмолвно работают над геологическими или ископаемыми объектами три-четыре учёных или будущих учёных... Если в такое время пройти через амфиладу витрин, то делается как-то неловко за шум своих собственных шагов среди этой научной и серьёзной тишины, в которой привыкли работать гг. учёные. Теперь же, в описываемый четверг, движение в этом приюте науки было необычайное и даже торжественное», – писал Чехов^[419].

В кабинет пожаловали даже дамы и с любопытством разглядывали окаменелости и минералы. Хозяин кабинета Иностранцев встречал гостей, поздравлял с праздниками, а рядом в

аудитории для лекций настраивали проектор или, как тогда говорили, волшебный фонарь.

На невысокой эстраде возвышался большой загадочный предмет, покрытый тканью, словно памятник перед открытием.

По залу ходил Амалицкий. К нему подходили, поздравляли, спрашивали: «Ну, как первенец? Благополучно довели из Варшавы? Рёбра и кости целы? Как вы его назовёте: Парейзавр Владимирович?»

В зале слышались разговоры:

«– Ужасное чудище! Я его вчера видел...

– Зубы у него удивительные. Вы потом приглядитесь хорошенько к зубам.

– Какой он эпохи? Пермской, кажется?

– Да, из пермских отложений. Что ни говорите, а это – великой важности открытие, эра в науке, Лондонский экземпляр – куда меньше...»^[420]

Когда гости расселись, служители наглухо задёрнули шторы. На потолке вспыхнули лампы, загудела вольтова дуга волшебного фонаря. Угловатый предмет на эстраде стал ещё загадочнее. Иностранцев объявил заседание открытым.

По традиции вначале зачитали протокол предыдущего собрания. Его слушали рассеянно – всё внимание было приковано к закрытому тканью предмету.

Затем слово взял Амалицкий. Он говорил о древних материках, своих поисках и раскопках. В свете волшебного фонаря проходили фотографии: высокий обрыв с тёмным треугольником посередине, крестьяне, застывшие с ломами и лопатами.

Старинным фотоаппаратам требовалась большая выдержка, чтобы сделать снимок, и Амалицкий при фотографировании просил рабочих замереть в подходящих позах. Они стояли минуту-другую, занеся лом над камнем, приподняв носилки и всем видом показывая, какая у них тяжёлая, ответственная работа.

Амалицкий заранее предупредил работников, что будет делать снимки, и они приносили на раскопку сапоги. В лаптях фотографироваться стеснялись, перед съёмкой переобувались.

На всех снимках сапоги крестьян – начищенные, блестящие, на них ни пятнышка грязи. На одной фотографии молодой крестьянин

стоит в... валенках. Видимо, сапог у него не было, но сниматься в лаптях он всё равно не захотел.

Сапоги здесь считались дорогой, праздничной обувью. Даже отправляясь на ярмарку, крестьяне несли их на плечах и наде^{вали} только возле города^[421]. На работу в сапогах не ходили: это было бы так же странно, как сейчас грузчику явиться на склад в смокинге и с бабочкой. Такое отношение вообще было характерно для севера. Во время поездки на Печору Амалицкий попытался незаметно сфотографировать толпу крестьян, один мужик это заметил и стал укорять профессора: «Что же ты, господин, не сказал мне, что фотографию делать будешь, я бы надел новую малицу, а теперь подумают, что я всегда так неладно хожу»^[422].

Рассказав о раскопках, антракозиях, глоссоптерисах и ящерах, Амалицкий подошёл к загадочному предмету и с помощью служителей снял покрывало.

Чехов писал:

Глазам присутствующих предстал скелет огромного допотопного животного с массивными, неуклюжими костями, с безобразной, хищной головой и челюстями, усеянными страшными зубами. Из раскрытой пасти виднелись ещё три ряда мелких зубов и на нёбе... Зала дрогнула от аплодисментов^[423].

Одним скелетом Амалицкий не ограничился. Он показал другие кости, а также конкреции с отпечатками глоссоптерисов.

Все эти находки были собственностью Общества естествоиспытателей и формально находились в распоряжении Петербургского университета. Однако геологический кабинет не мог принять такую громадную коллекцию, тем более что раскопки обещали доставить ещё много нового материала.

Амалицкий предложил основать особый палеонтологический музей, где «должны быть ревниво сохраняемы все существующие и найденные в России остатки ископаемых, до самых мелких осколков включительно». По его словам, в зарубежные научные учреждения можно передавать только гипсовые копии, но никак не подлинники^[424].

Того же мнения придерживался Иностранцев, который называл остатки ящеров из Соколов «нашим национальным научным сокровищем»^[425].

Предложение Амалицкого горячо поддержали.

В Петербурге было множество музеев. Например, Популярно-научный музей почтового ведомства, где показывали телеграфные кабели, почтовые сумки и портреты знаменитых почтальонов. Или Таможенный музей, где демонстрировали, как путешественников просвечивают рентгеном, чтобы найти какую-нибудь бутылку в кармане^[426]. А вот палеонтологического музея не было.

Общество естествоиспытателей постановило изыскать возможность для его строительства при университете, чтобы поместить туда все находки Амалицкого.

По окончании выступления Амалицкий пригласил гостей подробнее осмотреть «очищенный и связанный под его руководством скелет»^[427].

Журналисты записывали в блокноты впечатления: «По внешнему виду он напоминал черепаху – маленькая голова, громадное неуклюжее туловище. Голова покрыта сплошным щитом из сросшихся теменных костей, по бокам два больших, спускающихся к низу, выступа в виде рогов; роговидные выступы есть и на нижней челюсти. В общем, животное по устройству очень оригинально»^[428]...

Через неделю, 3 января, в геологический кабинет пожаловали представители императорской семьи – великий князь Александр Михайлович и великая княгиня Ксения Александровна. Они тоже «изволили осматривать» остов парейазавра. Про раскопки и ящеров им рассказывали Иностранцев, Амалицкий и хранитель кабинета Поленов^[429].

Затем скелет разобрали и отправили обратно в Варшаву, в бывшее здание библиотеки.

В феврале Амалицкий показывал его на заседании Варшавского общества естествоиспытателей.

Всё было как в Петербурге, только репортёров пришло меньше. Один из них, осмотрев скелет, тоже решил, что парейазавр напоминал черепаху и имел «очень небольшую голову собирательного типа, строение которой, как и строение остального скелета, заставляет дать

парейозавру место между амфибиями с одной и рептилиями и млекопитающими – с другой стороны»[\[430\]](#).

Гордые и кровожадные

Весть о первом скелете русского ящера быстро разошлась по стране. Про парейазавра писали газеты разных городов и губерний. В статьях было много хвастовства.

Журналисты часто подчёркивали, что наш ящер гораздо крупнее британского, а кроме того, Амалицкий выкопал не один скелет, как англичане, а сразу целое стадо. Нередко указывали, что лондонский ящер ущербный: без правой задней ноги. О том, что русский скелет тоже не вполне традиционно стоит на лапах, журналисты не знали. Зато с гордостью рассказывали про скорость, с которой отечественные препараты его очистили: всего за два месяца, тогда как англичанам потребовался год. Газеты писали, что с находками Амалицкого «не может соперничать ни одна палеонтологическая коллекция не только в западной Европе, но и во всём остальном свете. Отступила на второй план даже считавшаяся первою в Европе палеонтологическая коллекция в Брюсселе»^[431].

Про Амалицкого рассказывали и за рубежом: английские, немецкие, французские, испанские, голландские, американские, даже новозеландские газеты. За ними подтянулись журналы: русские «Нива», «Вокруг света», «Научное обозрение», «Огонёк»^[432], немецкий *Die Umschau*, французская *La Nature*, английский *Nature*^[433], американский *The National Geographic*.

Не обошлось без курьёзов. *The National Geographic* сообщал, что первые конкреции с костями нашёл не Амалицкий, а какие-то рабочие, мостившие шоссе недалеко от Архангельска. Амалицкий обратил на камни внимание, потому что заметил в них кости, причём ящеров триасового периода^[434].

Испанский «Вокруг света» решил добавить в рассказ драматизма. Журналиста явно впечатлило, что раскопки шли на севере нашей страны. Для Испании вся Россия находится где-то на севере, а уж её северные окраины кажутся чем-то запредельно суровым:

Трудности, которые пришлось преодолеть молодому русскому профессору и его спутникам, были просто

невыразимыми. В тех местах часто бушуют ледяные грозы и штормы, они делают эти края почти недоступными. Долгие месяцы профессору и его товарищам пришлось очищать поле от снега, и только после этого из песчаника можно было доставать ископаемые кости.

С тем же красноречием журналист рассказывал о ящерах:

Парейзавр был, возможно, плотоядным и питался моллюсками. Он жил за миллионы лет до того, как Адам ступил на Землю, за миллионы лет до того, как появилась первая лошадь или любое другое наше домашнее животное. По своим размерам и силе, так же как и по другим характеристикам, он был одним из хозяев суши.

Экземпляр, найденный профессором Амалицким, настолько полон, что сохранились даже ногти и превосходный ряд зубов. Длина скелета составляет 3 метра 50 сантиметров. Высота стоящего на ногах животного – 76 сантиметров. Формой тела парейзавр похож на такс, этих длинных, почти змеевидных коротколапых собачек, которые некоторое время назад вошли в моду и прекрасно подходят для охоты^[435].

Глупостей хватало и в других зарубежных изданиях.

По словам лондонской *Daily Mail*, крестьяне считали Амалицкого антихристом и, несмотря на увещания местного священника, собирались с ним расправиться, но им помешал отряд казаков, охранявший профессора и спасший его «от ужасной смерти»^[436].

Другая газета уверяла, что крестьяне всё же побии Амалицкого камнями.

В русской прессе глупостей было меньше. Даже мелкие недочёты попадались нечасто. В одной статье говорилось, что Амалицкий нашёл скелет «палеозавра», причём в Пермской губернии^[437]. В другой – что в Соколках найдено немало «кровожадных скелетов»^[438].

И только «Петербургская газета» отличилась нелепой заметкой. Её стоит процитировать целиком:

Рассказы о великанах, как оказывается, далеко не выдумка! Профессор Амалицкий не далее как этим летом, разрывая доисторические гробницы-курганы в Вологодской губернии, нашёл сохранившийся остов человека не более не менее как 4 аршин и 12 вершков в длину!! Воскресни сейчас такой «великий» предок *in toto*, – какую бы безумную цену предложили ему современные Барнумы за право ездить и показывать «величайшего человека всех времён и народов»?.. Жаль, что обладатель остова умер... немножко рано, лет, этак, тысяч пяток до нас!^[439]

4 аршина 12 вершков это примерно три метра. А Барнум – создатель знаменитого цирка, где показывали бородатых женщин, великанов, русалок и прочие чудеса.

Стоит отметить, что через сто лет российские газеты стали писать об Амалицком сплошные небылицы: уровень журналистики в нашей стране сильно упал.

Самая примечательная статья появилась в архангельской газете «Независимый взгляд», она вся состоит из ошибок. «У деревни Сокольники (*sic!*) в Котласском районе экспедиция профессора Амалицкого в 1870-е годы (*sic!*) обнаружила даже следы (*sic!*) двинозавра, древнего ящера, обитавшего здесь миллионы лет назад. По обнаруженным отпечаткам на камне (*sic!*) учёные воссоздали его скелет и даже предположили, что двинозавр, один из первых обитателей северных прерий (*sic!*), погиб в битве с пришедшими с юга бронтозаврами (*sic!!!*)»^[440].

Даты раскопок неверные. Следов животных Амалицкий не находил. Бронтозавры с двинозаврами разошлись на сто миллионов лет, а прерии как тип ландшафта появились через 230 миллионов лет после окончания пермского периода...

Десятками статей дело не ограничилось. Благодаря Амалицкому в начале XX века произошла настоящая словесная баталия между двумя публицистами: известным философом Василием Васильевичем Розановым и знаменитым в те годы, а ныне совсем забытым писателем Константином Аполлоновичем Скальковским. Спор развернулся на огромных страницах «Нового Времени» – самой популярной русской газеты.

Всё началось с большой статьи Чехова в иллюстрированном приложении к «Новому Времени». В те годы газеты выходили без иллюстраций. Некоторые печатали приложения – тонкие брошюры в десяток страниц с картинками к новостям, фотографиями и шаржами, а также рассказами и фельетонами. Всё это считалось лёгким воскресным чтивом. В таком приложении вышла статья Чехова о раскопках Амалицкого.

Как и свой знаменитый брат, Чехов обладал лёгким пером, снискал известность репортажами, которые печатал под псевдонимом Александр Седой.

Ради статьи об Амалицком Чехов специально ездил в Варшаву посмотреть мастерскую. Его очень впечатлили остовы чудовищ, которые в незапамятные времена бродили по земле «тяжело, массивно и пожирали друг друга». «Мне невольно пришло в голову приятное сознание, что я живу теперь, а не десять миллионов лет назад: жить в одну эпоху с такими всесокрушающими молодцами-хищниками было бы небезопасно», – писал он.

Особенно его поразила величина эпох, отделяющих нас от ящеров. «Удивительная глубь веков и тысячелетий! Как я ни бился, я не мог себе сколько-нибудь ясно представить в уме такого отдалённого времени. Но для учёных людей – геологов и палеонтологов – это не представляет затруднений. Они считают периоды в сотни тысяч лет с такой же лёгкостью, с какою мы считаем годы и десятки лет»^[441].

Во время разговора Амалицкий пожаловался, что ископаемые кости могут попасть за рубеж, если на север явятся, к примеру, немцы: «Они по части науки – народ ретивый: сейчас налетят и начнут копать для своих музеев. Денег на это они не жалеют... У нас, к несчастью, нет закона, ограждающего допотопные сокровища. Всякий, кому угодно, бери лопату и копай сколько хочешь, но только с разрешения владельца земли».

По словам Амалицкого, стоило бы издать «охранительный закон по этой части, пока ещё наши богатства не расхищены». «Вот напишите-ка об этом, доброе дело сделаете», – попросил он.

Чехов согласился и написал.

Амалицкий в самом деле боялся, что к его линзам без спроса приедут иностранные «охотники за костями». В одной заметке он

признавался, что «ежегодно иностранные фирмы через своих агентов делают разведки на костеносность разных мест на Сухоне и Двине»^[442]. Трудно сказать, была ли это излишняя подозрительность или правда. Всё же скорее первое.

После осмотра допотопных костей изумлённый Чехов отправился «усердно тянуть пиво», увлёкся и весь вечер ходил из портерной в портерную. Перед тем как сесть на поезд, он пьяным зашёл на телеграф и послал в редакцию сообщение, что умер. Он надеялся прочесть с утра некролог и наконец узнать, каким был писателем и человеком. Телеграмма дошла, наделала шума, но некролог не вышел. «И я был посрамлён», – признавался Чехов в письме своему брату. Там же он назвал Амалицкого «изобретателем парейазавров»^[443].

Репортаж из мастерской вышел блестящим, его пересказывали и перепечатывали многие газеты. Он попал на глаза Скальковскому, который вскоре всё в том же «Новом Времени» напечатал свой комментарий.

Скальковский посчитал, что Чехов с Амалицким не правы, и «никакого создания нового закона о новом воспрещении (ужасно у нас любят воспрещать!) не требуется».

По его словам, на частной земле и так нельзя копать без дозволения владельцев, а на казённых территориях без разрешения возможно лишь «поверхностное обозрение местности».

Но главным Скальковский посчитал другое. Он полагал, что никакой трагедии не случится, если ископаемые кости достанутся иностранцам. Наоборот, будет польза: их быстрее изучат.

Вся беда будет в том, что они будут скорее описаны и изучены. Наша Академия не успела разобрать материалов коллекций, собранных ещё в половине прошлого столетия! Тоже и в других учёных учреждениях. Вина не их, а в недостатке денежных средств и знающих людей. Так зачем же мы будем мешать другим народам изучать нашу страну.

Я понимаю, что документы и вещи по русской истории и археологии желательно в научных же интересах сохранять по возможности в России, но где будут лежать кости допотопных лягушек и ящеров – в Москве или Лиссабоне – для нашего «национального» самолюбия безразлично^[444].

Заметка Скальковского неожиданно задела национальное самолюбие философа Розанова. Он тоже напечатал заметку в «Новом Времени». Розанов рассказал, что с детства завидовал англичанам, потому что у них в музеях есть уникамы, каких нигде больше нет. Например, ископаемые рыбы девонской формации. По мнению Розанова, такие редкости должны оставаться на родине, ими следует гордиться, и Амалицкий «прав в своём беспокойстве».

Заодно Розанов посоветовал казне выделять больше средств на науку и просвещение, привлекать новых работников в университеты и Академию. «Русским учёным должны быть даны средства, досуг, они должны быть окружены почтением. И должны сделать русское учёное дело, не дожидаясь, чтобы это дело сделали за них в Лондоне, Берлине, Париже и даже, *horribile dictu*, в Лиссабоне. Ведь так мы можем отстать от Японии»^[445].

Спустя полторы недели всё в том же «Новом Времени» вышел ответ Скальковского. В те дни он отдыхал в Париже после своего юбилея, но не поленился написать заметку и отправить её в Петербург. У него против Розанова был хороший козырь: Скальковский знал проблему изнутри, он долго работал в архивах и был в курсе их сложностей.

Он писал, что за тридцать лет службы в богатейшем горном архиве к нему только раз обратился учёный, да и тот оказался бестолковым.

«Нам нечего плакать о недостатке научных материалов, ими мы скорее затоплены, и жалеть, что тот или другой материал, будь то остов ящера или архивный документ, попадёт в руки иностранцев или в иностранное хранилище. Плакать нужно скорее о полном равнодушии к научным трудам со стороны нашей учёной молодёжи», – полагал Скальковский^[446].

Амалицкий наверняка с любопытством следил за перепалкой маститых публицистов. Кто был прав – Скальковский или Розанов – история не рассудила. Оба были правы, каждый по-своему. Описание находок Амалицкого в самом деле затянулось до неприличия, как и предсказывал Скальковский, но и разбазаривать уникальные материалы, раздавая за границу, вряд ли возможно.

Благодаря спору Скальковского и Розанова о раскопках Амалицкого узнали все подписчики «Нового Времени», а тираж

газеты доходил до 60 тысяч. Кроме того, десятки провинциальных газет рассказали о полемике публицистов, напечатав резюме их заметок^[447].

Масштаб вышел всероссийским. Мало какое палеонтологическое событие в нашей стране получало такой резонанс и такую известность, как раскопки в Соколках.

А сам Амалицкий давал всё новые и новые поводы писать о своей работе. В начале 1901 года он выступил с лекцией во Французской академии наук. Осенью 1901 года прочёл две публичные лекции в Москве. Билеты на них стоили как в театр: от 30 копеек на галёрке до 3 рублей в первых рядах. Деньги от продажи пошли на усиление средств состоящего при Московском университете педагогического общества^[448].

Московские лекции собрали много слушателей. По словам репортёров, зал был полон. Эстраду украшал специально привезённый из Варшавы новый скелет «ископаемого гада Парейазавра»^[449]. Его смонтировали иначе, чем первый скелет, который был реставрирован по лондонскому образцу.

Второй парейазавр оказался с «нераспавшимся позвоночником», и это навело Амалицкого на мысль, что британская особь стоит неправильно и животное должно иметь более «выгнутый позвоночник и опущенную голову». По словам зрителей, «постановка второго скелета» поражала «своею жизненностью»^[450].

На лекции Амалицкий рассказывал не только о своих раскопках, но и о сделанных выводах. В том числе о миграциях древней фауны и флоры. По его словам, «чередование организмов» указывает, что животные на огромном Русско-Индо-Африканском материке переселялись с севера на юг, а растения, наоборот, с юга на север^[451]. По окончании выступления его «наградили шумными аплодисментами»^[452].

Про лекции Амалицкого написали все московские газеты: «Русские ведомости», «Московский листок», «Московские ведомости», «Новости дня», «Курьер», «Русское слово». Только сухие чиновничьи «Губернские ведомости» обошли их стороной.

Тем временем в Варшаве быстро работала «фабрика скелетов», тоже регулярно предоставляя поводы говорить о русских ящерах. Впрочем, большая скорость, как потом оказалось, была скорее

недостатком, чем достоинством. Множество костей каменотёсы испортили, начисто соскоблив фигурные украшения с черепов и зачистив кости «под ноль». Череп одной амфибии, который должен отличаться сложной скульптурой, вышел у них гладким как коленка.

Говорят, в Южной Африке один препаратор потратил на очистку похожего скелета всю жизнь. В молодости ему дали глыбу, перед выходом на пенсию он сдал извлечённый из камня скелет^[453]. А в Варшаве всё было поставлено на поток.

В конце 1901 года Амалицкий привёз в Петербург уже три смонтированных скелета: двух парейазавров и одного хищного ящера, а также остатки дицинодонта и «конкрецию с заключённым в ней скелетом ящера, о присутствии которого можно только догадываться». Их демонстрировали в университете, где проходили заседания XI съезда русских естествоиспытателей и врачей. Среди экспонатов они заняли, «конечно, первое место»^[454], и «редко кто из членов съезда» не приходил на них полюбоваться^[455].

К съезду Амалицкий уже придумал названия некоторым ящерам. Огромного парейазавра он решил назвать в честь геолога А. П. Карпинского: парейазавром Карпинского (*Pareiosaurus karpinskii*). Эффектного хищного ящера – в честь Александра Александровича Иностранцева: иностранцевия Александра (*Inostranzevia alexandri*). Как пошутил *The National Geographic*, «иностранцевия» – подходящее «ужасное имя для совершенно ужасного создания»^[456].

Ещё одного хищного ящера Амалицкий планировал назвать в честь великого князя Александра Михайловича^[457]. К сожалению, после революции 1917 года, когда вышли первые описания находок, назвать животное в честь члена императорской семьи было немыслимо и пожелание Амалицкого пришлось забыть...

Показ скелетов не обошёлся без курьёзов. В книге немецкого натуралиста Рудольфа Боммели фраза про событие оказалась построена очень нелепо. Получилось, будто скелеты сами прочли о себе лекцию: «Найденные Амалицким чудовища выступили перед публикой на съезде естествоиспытателей и врачей»^[458].

Съезд был грандиозным, на него записалось 3250 человек со всей России. Число участников было так велико, что на всех не хватило членских значков.

На вокзалах Петербурга дежурили волонтеры, которые встречали участников и помогали доехать до номеров. Гостиницы понизили цены для членов съезда, а несколько ресторанов принялись готовить для них особые недорогие обеды.

Участники – натуралисты и доктора – заявили триста докладов самого пёстрого содержания: от деления клеток до социального значения нервной системы. Одни работы доходили до философских обобщений, другие были крайне специализированными. Звучали доклады о чистке зубов, об эволюции аммонитов, о вреде употребления алкоголя детьми, «о влиянии солнечных пятен на климат Российской империи» и о новаторских военно-полевых носилках.

Амалицкий выступил с лекцией «О новых ящерах, найденных в пермских отложениях, развитых по Северной Двине» и сообщил, что отпрепарировано уже восемь скелетов, а всего из найденных конкреций можно собрать «до 40 цельных скелетов»^[459].

Затем выступил Иностранцев и с лёгкостью округлил число скелетов до пятидесяти. Это показательно. Всего двумя годами ранее в Петербурге торжественно показывали первый скелет, теперь их считали десятками. Иностранцев напомнил о необходимости устроить особый палеонтологический музей и предложил назвать его в честь императора.

Если маленькая Бельгия нашла средство для устройства и помещения крайне односторонней, но высокой научной важности коллекции игуанодонтов, то неужели Великая Россия не найдёт средств для устройства помещения этих бесспорных национальных богатств. Устройство такого музея в Петербурге при нашем Обществе Естествоиспытателей, которому принадлежат эти коллекции, мне кажется вполне осуществимым, и такой музей по праву должен носить имя нашего Высокого и Щедрого Покровителя науки, дорогого Монарха, т. е. Музея ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Мне нет надобности, ни пред вами, ни в стенах университета, доказывать всю важность и высокое значение осуществления в нашем отечестве такого музея и его роли в

развитии науки. Важность этого не подлежит сомнению, а потому закончу мою речь словами поэта:

Где высоко стоит наука,
Стоит высоко человек^[460].

Однако музей оставался недостижимой мечтой. Громадная коллекция и отсутствие места постепенно приобретали характер трагедии. В одном из писем Амалицкий признавался: «В Варшаве каждую минуту боюсь, что мою мастерскую выселят из университетского здания, и я не знаю, куда деваться»^[461].

А раскопки следовало продолжать: чтобы находки не достались конкурентам, чтобы оправдать доверие императора, чтобы пополнить число уникальных материалов. Получилось как в сказке про волшебный горшочек, который стал варить слишком много каши.

Многоэтажная могила

Для жителей деревни Ефимовская пермская чечевица стала настоящей золотой жилой, не зря они поначалу называли раскопку прииском.

Несколько семей фактически жили за счёт Амалицкого. Весной крестьяне очищали котлован от снега. Работа была тяжёлая: иногда снега выпадало так много, что сугробы поднимались «свыше насыпной земли»^[462]. С апреля они углубляли и прочищали дренажную канаву, чтобы талая вода уходила быстрее. Амалицкий построил канаву по всем правилам инженерного искусства. Она была почти метровой глубины, в конце находился обложенный деревянным срубом колодец^[463]. Без канавы было трудно копать нижние уровни линзы, где били сильные ключи.

К приезду Амалицкого крестьяне расчищали осыпи и снимали пустой верхний слой породы, чтобы профессору было «удобнее вынуть кости»^[464].

Дела не всегда шли гладко, иногда крестьяне писали в Варшаву, что работа «унас идёт не очень поспешно потому что каждый день почти дождь»^[465]. В лесу они рубили деревья для нужд Амалицкого. Брели в основном «сырораствующие» ёлки и сосны. Из них делали доски для ящичков и для обшивки стен раскопа. Разрешение на порубку просили в лесничестве. Делиться деньгами с казной не собирались и в бумагах указывали, что лес требуется «для своей надобности а отнять не для продажи»^[466].

За всё это Амалицкому приходилось платить. Ежегодно он переводил в Ефимовскую деньги за аренду земли, охрану раскопки, хранение ломов и разные мелочи. Например, за «острение ломов» 3 рубля 34 копейки.

Крестьяне между тем говорили: «Ему, слышь, казна отпустила пятьдесят тысяч; да кабы знать, – мы бы сами раскопали костьё да продали его в казну за пятьдесят тысяч»^[467].

Раскопка с каждым летом приобретала всё более величественный вид. На месте бывшего тёмного треугольника виднелся большой котлован, похожий на овраг с крутыми бортами. Даже само место

перестали называть Соколками, у него появилось новое имя – Раскопки^[468].

Основные работы по добыче конкреций обычно продолжались два месяца – июль и август. Раньше середины июня начинать раскопки было нельзя: в Соколках находился конечный пункт, куда весной сплавляли плоты из брёвен. Вся река была запружена плотами. Отсюда их в начале лета брали на буксир пароходами и тащили в Архангельск. Работать, пока плоты стояли у берега, было нельзя^[469].

Пустую породу во время раскопки вывозили на тачках, и через весь котлован проложили дорожки из досок, как на старых приисках. Песок складывали в центре котлована, чтобы не засорять русло. Скоро здесь вырос настоящий холм. На нём поставили два сарая. В большом лежал инвентарь и ящики с конкрециями. В маленьком работал Амалицкий, это был своего рода полевой кабинет.

Добыча конкреций шла чётко и размеренно. Иногда Амалицкий оставлял раскоп на помощников-препараторов, а сам с женой сплавлялся по реке для геологических наблюдений. Сохранились десятки фотографий из этих плаваний: тяжёлые стеклянные пластинки, упакованные в картонные коробки. На них много одинаковых, скучных видов: обрывы, ёлки, гипсы, груды камней, перекаты, ёлки, гипсы, обрывы...

Во время раскопок Амалицкие жили в деревне Мокречиха. В архиве Котласского краеведческого музея сохранился листок с воспоминаниями Александра Фёдоровича Мокрецова:

Впервые увидел их ещё мальчонкой в 1895 году. Амалицкие снимали тогда под жильё избу у моей тётки Марии Прокопьевны Мокрецовой в деревне Мокречиха. Мы, дети, уже заранее ждали их. Ведь они всегда привозили для нас всякие лакомства, а для взрослых – подарки.

Любили пригласить запросто к столу поговорить по душам, рассказать о своих планах, находках и их значении для науки. От Амалицких мы много нового узнали о нашей Земле, о растениях, о животных, о человеке. Когда приезжали Амалицкие, не нужно было хворым людям мерять ногами вёрсты до Котласа, чтобы попасть к врачу. У

них всегда в запасе были разные лекарства, и лечили нас супруги не хуже заправских медиков.

Вместе с отцом я часто сопровождал учёных в путешествиях. Выезжали они всегда в 7 часов утра, а возвращались к 7–8 часам вечера. Мы удивлялись Амалицким. Были они какими-то неутомимыми и всегда в хорошем настроении. Все в деревне радовались, когда им удавалось найти что-нибудь стоящее для науки, помогали, как могли, несли в избу всё, что могло заинтересовать Амалицких. По поручениям «Прохоровича» я бегал с дружками в Котлас то телеграмму сдать, то почту получить.

Кончался у Амалицких рабочий день, приплывали домой и превращалась изба моей тётки в клуб. Любили они сами поговорить и народ послушать, особенно стариков наших^[470].

Раскопки 1901 года начались удачно. Мощная плита песчаника, закрывавшая линзу, по мере продвижения вглубь материка становилась мягкой и податливой, подрывать её уже не приходилось. Песок в линзе тоже оказался более рыхлым. Копать его стало проще.

Однако затем удача изменила Амалицкому. Конкреций находили много, но целых скелетов в них совсем не оказалось. Это было ясно по их очертаниям. Когда в конкреции залегал скелет, она повторяла форму животного. От разрозненных скоплений костей получались бесформенные конкреции.

В августе Амалицкий сильно заболел, работами руководила его супруга. Вывести коллекции в Варшаву не получилось. Сухона сильно обмелела, пароходы не ходили. Ящики с конкрециями сплывали только до Великого Устюга и оставили там до весны^[471]. Общий вес найденных в тот год конкреций вновь составил около 16–20 тонн.

В 1902 году раскопки принесли больше материала: примерно 25 тонн конкреций. В некоторых местах конкреции сливались в сплошную массу. По словам Амалицкого, даже ходить приходилось «почти по сплошному костеносному слою»^[472]. Одна из самых крупных «групп слившихся конкреций» оказалась более десяти метров в длину. В ней залегало «беспорядочное скопление костей», причём от разных животных – парейазавров, иностранцевий.

Целых скелетов вновь не было. Амалицкий понял, что в первый год выработал главную сокровищницу – центральную часть линзы, где скелеты буквально лежали один на другом. Конкреции тогда отличались величиной и крепостью, а заключённые в них кости – наилучшей минерализацией. Благодаря этому их очистка хотя и оказалась трудной, но дала самые блестящие результаты^[473]. В последующие годы конкреции в основном были разбиты трещинами, а кости имели среднюю сохранность.

Любопытной и «может быть, наиболее интересной» находкой 1902 года стал прекрасно сохранившийся таз, «внутри которого в нормальном положении» лежал «небольшой, совершенно цельный, череп детёныша гордонии»^[474]. Гордониями Амалицкий называл небольших дицинодонтов. Он не исключил, что таз принадлежал беременному животному^[475].

Полвека спустя выяснилось, что находка в высшей степени курьёзна: таз принадлежал не дицинодонту, а парейазавру. Получалось, самка парейазавра была «беременна» дицинодонтом.

Этот образец прославился во времена лысенковщины. «Народный академик» Т. Д. Лысенко утверждал, что один род животных может превращаться в другой. Палеонтологи при случае иллюстрировали эту лжеидею «тазочерепом Амалицкого» и поясняли, что это уникальный ископаемый пример того, как «парейазавры в дицинодонтов превращались»^[476].

В том же 1902 году Амалицкий раскопал на северном краю чечевицы два уступа, похожих на узкие террасы^[477], и решил, что речное происхождение линзы можно считать доказанным. Он пришёл к выводу, что линза, которую вначале считал целым руслом реки, на самом деле является остатками только глубокой её части. Сама же пермская река во много раз превосходила «ныне видимую часть линзы». Её верхняя, обширная часть не сохранилась и была уничтожена «абразией»^[478].

Линза в Соколках была не единственным следом пермской реки. Амалицкий полагал, что та же река оставила и другие крупные чечевицы по соседству, в том числе линзу Завражье в четырёх километрах от Соколков. Линза в Завражье не так сильно пострадала от последующих разрушений, её ширина доходила до трёхсот метров против сотни метров Соколков. На принадлежность этих линз к

«одному и тому же руслу» указывало их сходство по «габитусу, породе, наслоению и содержанию костеносных конкреций»^[479]. По мнению Амалицкого, пермская река текла «извилинами и вавилонами»^[480], отличалась «серпентиновидным характером», поэтому её отложения, прорезанные прямым руслом Северной Двины, дали не одну, а несколько песчаных линз.

Более отдалённые и мелкие линзы могли быть оставлены другими реками или ручьями, поэтому Амалицкий считал возможным говорить о целой речной системе пермского периода, «от которой теперь остались ложа, заполненные песком»^[481].

Он хотел назвать эту исчезнувшую речную систему Александром-Михайловской – в честь великого князя Александра Михайловича^[482]. Задумка была необычной. Как правило, названия дают только очень крупным географическим объектам прошлого – материкам, морям, океанам, да и то не всегда. У исчезнувших рек и озёр названий нет. Впрочем, свой замысел Амалицкий не осуществил.

Также он обнаружил, что в толще соколковской линзы можно проследить несколько последовательных слоёв, она была своего рода многоэтажным захоронением. Наверху располагался толстый метровый слой песчаника, пропитанный кремнезёмом и углекислой известью, снизу он соединялся с большими и совершенно пустыми конкрециями. Амалицкий допускал, что кости в конкрециях когда-то были, но со временем оказались вытеснены «конкреционным материалом»^[483]. Ниже лежал слой с шарообразными пустыми конкрециями. На глубине 6–7 метров от кровли линзы в большом количестве залегали оттиснутые в песке отпечатки листьев глоссоптерисов. Под ними шли конкреции песчаника с такими же отпечатками. А ниже лежал горизонт с костеносными конкрециями, где находились и отдельные кости, и целые скелеты^[484].

По окраинам линзы конкреции были одиночными, к центру становились всё более сплочёнными и соединялись в почти сплошную массу. В некоторых местах скелеты лежали в три яруса^[485].

В нижней части линзы конкреции исчезали, здесь находился чистый песок, пропитанный влагой. Изредка в нём попадались обугленные кости ящеров. По мнению Амалицкого, нижняя часть линзы стала пустой благодаря воде, которая год за годом

просачивалась по песку и уничтожила сначала конкреции, затем кости. Здесь происходил своеобразный процесс, «обратный окаменению» – то есть окаменение наоборот, разминерализация.

«Проточная вода размывает конкреции снаружи, сначала смывает внешний слой цементированного песчаника, облегающего кость, а потом и самую кость. Благодаря этому в слое влажного песка и находятся освобождённые от конкреций кости разной степени окаменения. Совершенно такой же процесс наблюдается и с теми костями, которые попали в Двину», – писал Амалицкий^[486].

Отдельные кости в песке были хрупкими: «Иногда вокруг этих костей ещё сохранялась песчаниковая оболочка, иногда же она состояла из рыхлого песчаника и песка. В таком сохранении находился один череп парейазавра... Внутри черепа находился песок, заполнявший черепную коробку. Пропитанный влагой, этот череп рассыпался на отдельные куски; после высыхания отдельные куски кости хотя и более окрепли, но не настолько, чтобы можно было бы свободно очистить их от покрывшего их цементированного слоя песка»^[487].

Кости из нижних горизонтов Амалицкий брал влажными, с окружающей породой. «При высыхании влажный песок рассыпался, а кость, обратно, становилась более крепкой и без всякого труда и часто совершенно цельной вынималась из песка», – отмечал он^[488].

В августе 1902 года после окончания раскопок Амалицкий на несколько дней заехал в Пермский научно-промышленный музей и прочёл там лекцию. Музей был совсем молодым. Однажды его руководство разослало известным профессорам и учёным просьбу прочесть какое-нибудь сообщение, если им случится проезжать мимо. Первым на призыв откликнулся Амалицкий, который решил выехать с раскопок по новой железной дороге от Котласа до Перми.

Сохранилось несколько его писем директору Пермского музея Ивану Григорьевичу Остроумову. Амалицкий писал, что прочтёт бесплатную лекцию и интересовался, можно ли осмотреть рухляки недалеко от города, в Мотовилихе.

Многоуважаемый г. Остроумов.

Я действительно намереваюсь вернуться через Пермь, если мои работы кончатся около 15 августа. Не без

удовольствия я сделаю сообщение в Вашем музее около половины августа, причём более точный срок назначу за неделю до приезда.

Теперь я пишу в Варшаву, чтоб прислали необходимые диапозитивы и рисунки для сообщения прямо в Ваш музей.

Заглавие моего сообщения: «Об открытых на сев. России гигантских ископаемых животных пермской эпохи».

Примите уверение в искреннем уважении и совершенной преданности,

В. Амалицкий^[489].

В другом письме подпись ещё лучше: «Крепко жму руку, В. Амалицкий»^[490].

Как только в музее получили известие, газеты опубликовали анонс этого «выдающегося по научному интересу сообщения».

«Провинциальная публика до сих пор об этих богатых научных раскопках ещё не слыхала, между тем они составили имя г. Амалицкому как выдающемуся учёному во всей Европе», – писали «Пермские губернские ведомости»^[491].

К визиту Амалицкого готовились с размахом. В большой зал музея протянули электрическое освещение, главную лестницу покрасили.

Лекция прошла вечером, небольшой зал был полон. Пришло более сорока членов местных научных обществ, репортёры и свыше ста горожан. Амалицкий рассказал им историю развития планеты, поделился соображениями об эволюции, показал недавно сделанные под его руководством «реставрации» парейазавра и иностранцевии. По нынешним представлениям они нелепы. Лапы иностранцевии кончаются длинными «петушиными» когтями, на макушке торчат уши. У парейазавра сзади свисает плоский, как у бобра, хвост. Сам ящер усыпан крупной чешуёй.

Публике всё понравилось: «Встреченный дружными аплодисментами при входе на кафедру, почтенный профессор был награждён громом рукоплесканий по окончании сообщения»^[492].

В 1903 году Амалицкий сильно расширил площадь раскопа и столкнулся с внезапной сложностью: «...обилие материала оказалось

столь неожиданным, что летнее время было совершенно недостаточным, чтобы в один срок покончить с раскопками и потому пришлось отложить их окончание до будущего 1904 года»^[493].

Конкреций было много, часто гигантских, по семь метров в длину, но все содержали лишь разрозненные кости. Иногда набор был странным: в одной конкреции на два огромных таза приходился один череп парейазавра. Многие конкреции залежали во влажном песке, были разбиты трещинами и вполне демонстрировали процесс «обратного окаменения».

«Раскопки 1903 и 1904 годов по степени сохранности дали материал самый худший за всё время раскопок. Однако надо полагать, что в громадных группах разрозненных костей будут найдены весьма разнообразные животные, что в значительной степени вознаградит такое сохранение остальных костей», – писал Амалицкий^[494].

К 1903 году залы университетской библиотеки в Варшаве были битком забиты конкрециями, машинами, ящиками, инструментом. Амалицкому стало некуда вывозить находки, он решил оставлять их в большом сарае в Соколках.

Мечты о тритилодонте

За пять лет раскопок коллекция из Соколов стала совершенно исключительной по размерам. Газеты писали, что Амалицкий выкопал «целый некрополь древнейших обитателей земного шара»^[495]. Сам он считал находки уже не тоннами, как вначале, а вагонами^[496].

Коллекция и местонахождение оказались одними из богатейших во всём мире. В XIX веке было известно лишь четыре таких же крупных захоронения наземных позвоночных.

Первое – кладбище динозавров в Бельгии, где сохранилось два десятка скелетов игуаноносов. Второе – скопление скелетов и костей слонов, жирафов, гиппопотамов и носорогов на Сиваликских холмах у подножия Гималаев. Третье – захоронения динозавров в Скалистых горах США. Четвёртое – залежи костей млекопитающих в пещерах Пикерми между Афинами и Марафоном. Здесь находили остатки носорогов, слонов, газелей, гиен и саблезубых махайродов, похожих на тигров.

Пятое скопление нашёл Амалицкий, и оно представлялось особенно интересным, поскольку отражало один из древнейших этапов развития наземной жизни. Именно в пермском периоде, по словам Амалицкого, следовало искать «корни таких групп животных, как млекопитающие и птицы»^[497]. Другие местонахождения отражали эволюцию наземных позвоночных в более поздние эпохи^[498].

Добытые в Соколках остатки позволяли не только изучать древних ящеров, но и уточняли всевозможные глобальные вопросы. Не зря Амалицкий называл кости позвоночных «красноречивым памятником прошлого нашей земли», по которым можно судить о климате и физико-географических условиях давних времён^[499]. Он выдвинул несколько интересных гипотез, которые, в общем, развивали его ранние идеи. Но теперь он не торопился с публикациями и в итоге почти ничего не опубликовал. Его мысли остались неизвестными следующим поколениям учёных.

Восстановить их можно по архивным бумагам и газетным заметкам, где пересказывались его лекции.

Например, Амалицкий пришёл к выводу, что в пермском периоде сначала было не два, а три материка: западный, восточный и южный. Они отделялись друг от друга морями.

В западный входила Северная Америка и Европа.

В восточный – Азия и европейская часть России.

Южный включал в себя Центральную и Южную Африку, а также Австралию и Южную Америку.

Восточный материк сначала соединился с южным, а потом с западным, что сделало возможным «переселение и обмен обитателей»^[500], то есть материк стал единым. В этой гипотезе Амалицкий приблизился к современному представлению о пермском суперконтиненте Пангея. Но имелось важное отличие. В его рассуждениях, конечно, не было тектоники плит, а континенты оставались статичными. Они не двигались с места, но благодаря подвижкам земной коры то поднимались, то опускались, пространства между ними затапливались морями или осушались. Из-за этого менялись очертания материков и связи между ними.

Представления Амалицкого о миграции растений и животных тоже усложнились. Соколки стали казаться ему своеобразным узлом, который связывал воедино все уголки громадного материка.

Остатки амфибий из Соколов были близки к каменноугольным и нижнепермским формам из Западной Европы. Моллюски и растения – тождественны африканским и индийским. Ящеры представляли своеобразную смесь европейских и африканских форм. К примеру, у парейзавров это проявилось в том, что на их головах было больше украшений, чем у африканских, но меньше, чем у родственного шотландского ящера элгинии (*Elginia*)^[501].

Амалицкий стал говорить, что Соколки стоят «близко к общему центру расселений», то есть где-то здесь, на севере России, возникали новые животные, которые затем переселялись в «Техас, Бразилию, Африку, Европу, Индию и вероятно другие части Азии»^[502].

Это предположение привело его к интересной мысли. В Африке примерно в одновозрастных слоях встречались остатки, как полагали, древнейшего млекопитающего тритилодонта (*Tritylodon*)^[503]. Но если вся континентальная фауна появилась на северном континенте, вряд

ли млекопитающие были исключением. Другими словами, их родина должна находиться в России^[504]. Оставалось лишь найти доказательства в виде костей. Однако их не было, несмотря на гигантские размеры раскопки.

К окончанию лета 1904 года её площадь составила 1500 квадратных метров. Костей млекопитающих не попало. Впрочем, и линза не закончилась.

Амалицкий собирался продолжать раскопки вплоть «до извлечения всех костеносных конкреций». По его поручению в поле у деревни Ефимовская пробиты шурфы, которые показали, что линза продолжается ещё как минимум на километр.

Амалицкий планировал полностью её раскопать, захватив раскопкой соседнее поле и лес. Он надеялся выкупить землю у крестьян или арендовать её «на вечные времена»^[505].

По его подсчётам на раскопку всей линзы потребуется ещё около десяти лет. А на препарировку всех добытых конкреций – лет сорок.

И это должно было стать только началом.

После Соколов Амалицкий собирался раскопать остальные чечевицы. «Когда кончатся Северо-Двинские раскопки, чего, однако, предвидеть в скором времени нельзя, вероятно, начнутся и другие раскопки в наших континентальных пермских отложениях севера России, что, по моим данным, можно было бы начать и теперь, так как места более или менее установлены», – писал он^[506].

Зима парейазавров

В архиве Амалицкого сохранился лист бумаги с зарисовками конкреций в их естественном положении в чечевице. Карта выглядит хаотичной. В одном месте – россыпь мелких конкреций. В другом – большие промежутки пустой породы. В третьем – длинные, слитые воедино конкреции. Кажется, никакого порядка здесь нет, однако это не так.

Амалицкий нашёл общие закономерности в залегании конкреций и остатков ящеров. Этим он предвосхитил появление тафономии – особой научной дисциплины, которая занимается изучением закономерностей образования местонахождений остатков древних животных. Кости в конкрециях распределялись особым образом. В центре чечевицы конкреции содержали «плотно сплочённые» целые скелеты. По краям линзы залегали отдельные конкреции без скелетов, со скоплениями разрозненных костей.

Амалицкий верно подметил, что центр чечевицы представляет собой следы самой глубокой части русла, где течение было сильным, и трупы покрыло илом раньше, чем разрушились мягкие ткани.

Края чечевицы соответствовали окраинам русла, где осаждение осадков шло не так энергично и трупы успели разложиться, хотя не до конца. Кости, «потеряв сцепление», образовали «неправильные скопления» и были сгружены в беспорядке^[507]. При этом скопление костей в одной конкреции часто принадлежало одному скелету.

Сами скелеты тоже оказались захоронены различно.

Целые скелеты парейазавров лежали навзничь, кверху брюхом и нёбом. Из-за этого их зубы при раскопке показывались из песка первыми, и «поэтому обыкновенно их оббивали ломami и лопатами»^[508]. Опрокинутые черепа вытягивались в произвольном направлении – на юг, север, запад, восток – здесь последовательности не наблюдалось.

Целые скелеты иностранцев были захоронены на боку с вытянутой головой.

Остатки дицинодонтов встречались исключительно «в виде куч разрозненных костей»^[509].

Было ясно, что столь большое число животных погибло в результате какой-то катастрофы. По словам Амалицкого, «только общая опасность могла соединить вместе хищных и травоядных животных»^[510]. Как пошутил журнал «Вокруг света», катастрофа, сгубившая столько ящеров, стала «настоящим благодеянием» для учёных, поскольку позволила сохраниться многим костям^[511].

Вначале Амалицкий решил, что животные погибли во время наводнения. Все целые скелеты в линзе вытягивались в одном направлении, головами вниз по течению реки. Так «плывут по реке трупы людей и больших млекопитающих», писал Амалицкий^[512]. По его наблюдению, раскопки шли вниз по течению пермской реки.

Позже он отказался от идеи наводнения.

Большинство костей в Соколках принадлежало парейазаврам. Амалицкий предположил, что среди них «произошёл падеж» из-за эпидемии или неблагоприятных условий, например, суровой зимы.

В пермских отложениях Индии уже находили породы с особыми шрамами, которые указывали на существование ледников. То есть климат на планете был весьма прохладным. По мнению Амалицкого, пермская зима на севере России напоминала современную мягкую зиму Северного Кавказа и южной России^[513]. Но не всегда.

Однажды случилась более холодная или снежная зима. Растения засыпало снегом, парейазавры столкнулись с нехваткой пищи. «Ведь и в теперешних тундрах по этой причине погибают массами олени», – писал Амалицкий. В подтверждение догадки он указывал, что в костеносных конкрециях редко попадаются растительные остатки, а внутри скелетов нет «ни следов окаменелой пищи, ни окаменелого кала». А ведь «если бы парейазавры были сытые, то судя по их костяку, они должны были бы иметь громадный запас пищи в желудке»^[514].

Амалицкий решил, что голод уничтожил целые стада парейазавров, а их трупами оказались «устланы как заливная долина, так и берега реки».

Сюда стали приходить хищные иностранцевии «с целью питаться парейазавровыми трупами». Некоторые тоже погибали, и тогда остатки «соперников смогли очутиться вместе».

Когда зима кончилась, мощные «вешние воды» подхватили кости и трупы ящеров и снесли в русло. Благодаря случайной преграде,

например мели или ледяному затору, трупы остановились и в свою очередь послужили «преградой, задерживающей следующие за ними трупы». Скопление трупов останавливало потоки ила, «которым вообще богаты реки в половодье». В результате они были быстро захоронены и не успели разрушиться. Туши ящеров по окраинам покрывало илом медленнее, они отчасти разложились и развалились на отдельные части.

Впрочем, Амалицкий не исключал и противоположной ситуации: животные могли погибнуть во время сильной жары, когда река пересохла и превратилась «в ряд небольших бассейнов со стоячей водой, что и теперь наблюдается в засуху на Сухоне и её притоках, и что при более континентальных условиях могло совершаться в более интенсивной форме»^[515].

Вода от испарения становилась сильно минерализованной, с высоким содержанием извести, солей и меди. Животные погибали от жажды и от отравленной воды. Сильнее всего пострадали малоподвижные парейзавры, не успевшие переселиться в более влажные места. «Таким образом могло произойти обогащение ископаемой фауны данного места парейзаврами»^[516].

После засухи, в сезон дождей трупы смыло в реку и покрыло илом и грязью. Когда высокая вода от дождей или половодья спала, остатки ящеров лежали глубоко на дне, похороненные под тоннами песка и ила. Над ними простиралась старица или рукав реки без течения. Трупы и кости медленно обрастали песком, цементируя его своим органическим веществом – превращались в конкреции, а наверху в тихую воду падали листья глоссоптерисов. «Только таким образом можно объяснить нахождение над костеносным слоем горизонта, богатого отдельными листьями глоссоптерисов. Едва ли можно предположить, чтобы при быстром течении реки могли бы отложиться на её дне в таком большом количестве столь большие листья», – писал Амалицкий^[517].

Также он вновь реконструировал палеогеографию пермской России и в общем убедился в правильности своих старых гипотез. Вначале на севере России простиралось открытое море – то же самое, что оставило глубоководные осадки в Поволжье. «Вследствие поднятия дна»^[518] море обмелело, опреснилось водами рек и

отступило на юг. После него на суше остались мощные толщи рухляков.

На месте бывшего моря раскинулась обширная равнина. Реки и ручьи бежали по ней с севера на юг к уходящему морю, то есть в противоположную сторону, чем Сухона и Северная Двина. Текли они медленно, прорезая в рухляках каньоны и заполняя их тёмным песком. Некоторые каньоны сохранились в виде чечевиц.

Этому помогло море, которое со временем вернулось на север и вновь затопило равнину. Его рухляковые осадки запечатали линзы песка и обезопасили от последующего размыва и разрушения. Так получились чечевицы, врезанные в толщу рухляков.

Дальнейшие раскопки в Соколках и других чечевицах должны были уточнить и дополнить эти наблюдения.

Амалицкий всё ещё надеялся основать музей в Петербурге и кроме того открыть небольшой музей в Соколках, где хотел выставить подлинные конкреции, гипсовые слепки скелетов, а часть линзы оставить вскрытой как наглядный экспонат для показа естественного положения конкреций. «Это необходимо не только в научном отношении, но и в целях популяризации местным учебным заведениям, населению и туристам, посещающим раскопки», – считал он ^[519].

В грандиозные планы вмешалась Япония. В конце января 1904 года японские суда-миноноски торпедировали стоявшие в Порт-Артуре русские корабли, завязалась война. Россию в ней преследовали постоянные неудачи и поражения, которые привели к цепочке других бедствий: беспорядкам, бунтам, террору, революции. Вся жизнь изменилась, Амалицкому пришлось надолго забыть о раскопках.

Многие годы ему сопутствовала удача. Амалицкому повезло найти окаменелые раковины в немых рухляках, получить кафедру в Варшавском университете, открыть гигантское захоронение ящеров, получить субсидию на раскопки, даже с помещением в библиотеке повезло.

Теперь наступила чёрная полоса, которая продлилась до самой смерти Амалицкого.

А начинался 1904 год прекрасно.

«Совершеннейший мерзавец»

В декабре 1903 года Амалицкий получил письмо директора Варшавского политехнического института А. Е. Лагорио:

Милостивый Государь
Владимир Прохорович,

В настоящее время во вверенном мне Институте имеется свободная кафедра ординарного профессора геологии.

В виду сего и на основании личного обмена мнений совета по этому делу позволяю себе обратиться к Вам, Милостивый Государь, с вопросом – желали бы Вы занять эту кафедру и, в утвердительном случае, не отказать почтить меня уведомлением об условиях Ваших.

Прошу принять уверение в совершенном уважении и искренней преданности^[520].

Предложение выглядело заманчиво.

Политехнический институт предлагал Амалицкому зарплату в полтора раза выше, чем в университете: 3 тысячи рублей в год за преподавание, 900 рублей за должность декана плюс тысячу за работу в геологическом кабинете.

В университете он за все труды получал 3 тысячи.

Кроме того, за службу в Царстве Польском начислялась прибавка в половину годового оклада. Она тоже должна была увеличиться с полутора тысяч рублей почти до двух с половиной.

Но была причина, мешавшая уйти из университета, – коллекция ящеров. Конкреции и кости по-прежнему хранились в здании библиотеки. Уволься Амалицкий – придётся освобождать помещение, а перевозить коллекции было некуда. Мечты о палеонтологическом музее всё ещё оставались мечтами.

Отказываться тоже не хотелось: такие предложения не часто делают. И Амалицкий согласился, выдвинув условие: полтора года он будет совмещать работу в университете с работой в институте и за это время определится, кому отдать предпочтение. Скорее всего, он

надеялся устроить мастерскую при Политехническом институте или передать коллекцию в новый музей.

Политехнический институт занимал несколько зданий – почти целый квартал – и был самым передовым в России. Он открылся за несколько лет до того, как сюда позвали Амалицкого. Всё в институте было новым и наилучшего качества. В залах и лабораториях стояли всевозможные машины, агрегаты и станки, аудитории отличались размерами и прекрасным оснащением. Институт готовил инженеров и технических специалистов, поэтому подчинялся не Министерству просвещения, а Министерству финансов, которое ведало промышленным развитием страны.

Именно в Минфин отправился запрос директора Лагорио с просьбой одобрить кандидатуру Амалицкого на его условиях.

Запрос был кратким: «Можно с уверенностью сказать, что едва в России в настоящую минуту возможно подыскать более опытного и серьёзного в научном и педагогическом отношениях геолога, как профессор Амалицкий. В силу известности его считаю излишним прилагать при сём представлении какие-либо рекомендации или отзывы о нём других лиц»^[521].

Министр финансов одобрил выбор и утвердил Амалицкого на должность ординарного профессора по кафедре геологии и декана всего горного отделения Варшавского института.

Доходы Амалицкого увеличились более чем в два раза. В год вместо 4500 рублей он стал получать 9400 рублей^[522]. Если пересчитать на нынешний курс, получится, что его ежемесячная зарплата составляла 600–700 тысяч рублей.

Амалицкий занялся составлением и обновлением учебных программ института. В том числе предложил читать на горном отделении обязательные курсы по зоологии и ботанике, которые необходимы для понимания палеонтологии^[523].

На этом хорошие новости не кончались.

В феврале 1904 года Амалицкого произвели в чин статского советника. И тогда же началась война с Японией, которая для Амалицкого стала первым камнем в фундаменте его бедствий.

Поначалу война вызвала в России большой патриотический подъём. В газетах писали, что учителя и профессора добровольно начали отчислять 1–2 процента от жалованья в пользу армии. Толпы

студентов просили забрать их в солдаты. В городах и деревнях собирали пожертвования для раненых, в церквях шли бесконечные молебны о даровании побед. Типографии печатали горы лубочных картинок со сценами сражений. Выходили десятки брошюр, которые утверждали, что война продлится недолго и Россия накажет зарвавшуюся Японию не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра.

Но война затянулась, казна стала урезать расходы.

В условиях военного времени Амалицкий не счёл возможным просить о дальнейшем финансировании своих работ и отложил это до лучших времён.

Летом 1904 года он привычно отправился в Соколки и завершил работы, начатые в 1903 году. Добытые конкреции опять сложили в большой сарай. В конце августа он традиционно «в срок» вернулся в Варшаву.

А ситуация в стране стремительно ухудшалась. Прошло несколько массовых мобилизаций, в солдаты стали забирать не только взрослых мужчин, но и подростков.

«У нас была мобилизация спросили солдат с 14ти годович»; «Новеньково у нас есть немного только и дело что говорят об войне да запасные солдаты заботятся что угонят на дальней восток», – писали Амалицкому крестьяне из Ефимовской^[524].

Двух его землекопов уже забрали на фронт, остальные опасались, что тоже скоро поедут воевать с японцами.

В народе зрело недовольство затяжной войной, бесконечным воинским призывом, разгорающимся дефицитом. Это всколыхнуло старые проблемы – отсутствие политических свобод, жёсткие правила работы на фабриках и заводах. В стране стали вспыхивать стачки и митинги. На улицах появились толпы под красными, исписанными разными лозунгами флагами.

В январе 1905 года газеты привычно подводили итоги прошлого года и высказывали надежду, что скоро страна преодолет трудности. «Вот уже целый год, как длится война с Японией, война ожесточённая, небывалая. Бодрая уверенность в успехе, охватившая нас в начале, уступила место чувству тревоги – неудача за неудачей, катастрофы, каких не переживала Россия со дня Калки и Нарвы... Тяжело на душе, сердце обливается кровью при невероятной мысли,

что Россия наша, могучая, непобедимая доньше, вдруг покорится врагу!.. Поскорей же час расплаты!» – писали журналисты^[525].

Всё случилось иначе.

В воскресенье 9 января бастующие рабочие направились к Зимнему дворцу в Петербурге, чтобы вручить императору петицию о своих нуждах. Императора во дворце не оказалось. Митингующие решили прорваться через заграждение, полиция и войска открыли по ним огонь. В давке и стрельбе погибли сотни людей. День вошёл в историю как Кровавое воскресенье. Оно стало спусковым крючком для чудовищных беспорядков по всей стране. Особый размах они приобрели на окраинах государства.

В Варшаве беспорядки начались со стачки рабочих, которые решили пройти большой толпой по улицам. К ним быстро примкнули городские хулиганы, из деревень и пригорода подтянулась чернь, в толпе объявились провокаторы. Рабочие потеряли контроль над ситуацией, толпа стала неуправляемой, и начался погром.

Уличные беспорядки продолжались три дня, которые в городе прозвали «безумными». Толпа громила телефонные станции, рвала провода, била витрины и уличные фонари, что, по словам газет, приняло характер какого-то спорта. Были разграблены винные лавки и пивные склады, пьяные хулиганы обстреливали полицейских. По всей Варшаве без стеснения грабили прохожих, поджигали лавки и мастерские. Хозяева закрыли магазины, зеркальные витрины наглухо заколотили досками.

В город для успокоения ввели военные части, которые патрулировали улицы. При появлении солдат толпа рассеивалась, но тут же собиралась в другом месте. На патрули нередко нападали, они открывали ответный огонь, в том числе по прохожим, которые в испуге пытались скрыться в подворотне. Погибло 57 человек, среди них шесть женщин и трое детей^[526].

17 января по распоряжению генерал-губернатора Варшавы в городе ввели положение усиленной охраны, запретили «сходбища и собрания народа на улицах», ограничили право ношения оружия, а домовладельцев обязали закрывать «все балконы, окна и калитки» в случае появления «буйствующей толпы». Нарушителей ждал военный суд.

Газета «Западный голос» подытожила трёхдневные беспорядки такими словами: «Был точно сон. Жизнь как-то сразу круто изменилась, выбилась из колеи и потекла по другому руслу. Всё перевернулось вверх дном, смешалось, заклокотало... Нормальная жизнь остановилась и началась новая жизнь, жизнь грабежей, поджогов и убийств... Зверь в человеке сказался вполне... Весь город охватила паника. Всё оказалось в руках громил»^[527]. А «Варшавский дневник» сравнил беспорядки с психическими эпидемиями, которые в Средневековье охватывали целые страны^[528].

Несмотря на жёсткие меры, ситуация не улучшалась. Волнения и забастовки прокатились по всей России, а в Царстве Польском к экономическим и политическим требованиям прибавились националистические.

Вначале они проявились в мелочах. Неизвестные замазывали краской русские вывески на магазинах, били стеклянные доски у подъездов, где фамилии жильцов были написаны по-русски. Вскоре появились угрозы поджога русских лавок, требования закрыть русские учреждения. Постепенно националистические лозунги стали главными.

Университет и институт в Варшаве временно закрылись ещё в январе, сразу после начала погромов, как и большинство других учебных заведений страны. Их руководство предполагало возобновить занятия к февралю, но беспорядки не прекращались.

В феврале 1905 года совет профессоров Варшавского университета постановил, что «правильные занятия... могут возобновиться только после успокоения общества»^[529], которого пока нельзя предвидеть. Был отправлен запрос в Министерство народного просвещения с просьбой рассмотреть ситуацию.

Министерство распорядились университет закрыть, студентов считать отчисленными^[530] и документы им выдавать через полицию. Причём в документах следовало указывать, что владелец не имеет таких прав, как окончивший университетский курс^[531].

Политехнический институт тоже закрылся, но здесь студентов решили считать ушедшими до осени в отпуска. Впрочем, увольнение студентов университета, кажется, тоже не состоялось. По крайней мере, профессора ещё долго ходатайствовали об их переводе в другие университеты страны.

Весь 1905 год ситуация в Царстве Польском ухудшалась. Не прекращались «эпидемии стачек». Газеты писали, что забастовки положительно вошли в моду^[532]. «У нас забастовка за забастовкой: железные дороги, конные жел. дороги, школьники, всё бастует», – писал профессор закрытого Варшавского университета Г. В. Вульф^[533].

В разы выросла преступность. Вымогательства и убийства стали будничным явлением. По улицам болтались хулиганы, которые приставали к прохожим с требованием дать денег на нужды социализма. Почти каждый день в Варшаве нападали на полицейских, государственных служащих, стражников земской стражи, городских, околоточных надзирателей. Их убивали по два-три человека в неделю.

К лету 1905 года крестьяне в Соколках привычно подготовили площадку для раскопок. Неизвестно, приезжал ли в этот год Амалицкий. Полноценных раскопок в любом случае не было. В отчётах сказано, что в 1905 году была вскрыта площадка всего в три сажени размером^[534]. Это шесть метров. Амалицкий даже не стал отмечать их на общем плане работ.

Из-за беспорядков он отклонил предложение Британской научной ассоциации, которая пригласила его в качестве почётного гостя на геологическую экскурсию в Южную Африку, причём за счёт организатора. Амалицкому обещали оплатить все путевые расходы^[535].

Рост насилия в Варшаве привёл к тому, что 14 августа 1905 года в городе объявили военное положение. Несмотря на это, университет и институт хотели возобновить занятия и даже начали принимать заявления абитуриентов.

Весь сентябрь в университете шли экстренные заседания и согласования о начале учебного года. Среди прочего выбрали комиссию по вопросам студенческих организаций и реорганизации университетской инспекции. В неё вошли по три профессора от каждого факультета, в том числе Амалицкий.

В Политехническом институте тоже шли непрерывные совещания, были проведены выборы руководителей отделений. Амалицкого единогласно, пятью голосами «за», переизбрали деканом горного отделения^[536].

У студентов также состоялось своеобразное совещание – огромная сходка, которая кончилась конфузом. Русские студенты требовали скорейшего открытия университета, польские добивались его окончательного закрытия^[537]. Перевес оказался на стороне поляков. После сходки русские студенты университета подали в канцелярию коллективное прошение о переводе в другие учебные заведения. Русские студенты института тоже обратились в свой совет с заявлением о желании перейти в другие институты, поскольку «на нормальное течение академической жизни у нас нет оснований надеяться»^[538].

Перспектива возобновления занятий становилась всё более призрачной. Окончательная точка была поставлена 11 октября.

Вчера на профессора варшавского университета и политехнического института В. П. Амалицкого произведено было нападение с причинением ему телесных повреждений. Когда профессор около 10 часов утра шёл из дома в политехнический институт, на улице Шопена против Швейцарской Долины он неожиданно почувствовал удар палкою по голове и тотчас же был окружён 5–6 молодыми людьми, которые стали бить профессора палками, сбили его с ног и затем отошли в сторону, но когда В. П. Амалицкий встал, двое из них вернулись, нанесли ещё несколько ударов палками по голове, и затем все нападавшие скрылись. Эту сцену наблюдали некоторые зрители из подворотен и из окон домов, но никто из них не оказал пострадавшему никакой помощи. Шляпа профессора исчезла, очевидно, унесённая злоумышленниками.

Профессор сам доехал на извозчике домой весь окровавленный. Как оказалось по исследовании, В. П. Амалицкому нанесена серьёзная рана на голове, проникающая до кости, и такая же рана на пальцах левой руки; кроме того, наблюдается большой кровоподтёк на правой руке. Помощь пострадавшему оказана проф. М. М. Кузнецовым.

Профессор Амалицкий нервно потрясён и ему предписан полный покой^[539].

Ходили слухи, что «гнусное и совершенно загадочное избиение» Амалицкого устроили с участием профессоров, поддерживавших националистические требования поляков. «И эта клевета находит себе веру», – писал Вульф, на которого тоже легло подозрение^[540].

Несколько дней Амалицкий лежал в постели с небольшой температурой. Со всей страны к нему приходили телеграммы и срочные письма со словами поддержки – от министра народного просвещения, Иностранцева, Левинсон-Лессинга, от четы палеонтологов Павловых из Москвы, от бывших учеников. Представители русского общества Варшавы приходили к нему на квартиру выразить сочувствие.

Нападение не выглядело случайным. Амалицкий был известен правой позицией по польскому вопросу, считал, что в высших учреждениях Царства Польского надо преподавать только на русском языке, а польский можно оставить разве что в начальной школе. Министр народного просвещения Иван Иванович Толстой отмечал, что Амалицкий является человеком «самого русского образа мыслей»^[541]. А либеральные варшавские профессора за глаза называли его «совершеннейшим мерзавцем»^[542].

Избиение Амалицкого стало последней каплей. Стало ясно, что русская интеллигенция в Царстве Польском находится под такой же угрозой, что и чиновники, полицейские, городовые.

Администрация края приняла решительные меры.

Спустя пару дней после нападения на Амалицкого у входа в институт появилось объявление: «По распоряжению варшавского генерал-губернатора политехнический институт закрыт. Вход в институт возбраняется. Сношения могут производиться по почте»^[543]. Похожую табличку повесили на ворота университета: «Императорский варшавский университет закрыт. Всякие сношения гг. студентов и других лиц производятся по почте»^[544].

Кратко и ёмко эти события охарактеризовал в письме Вернадскому профессор Вульф: «Многоуважаемый Владимир Иванович! Университет помер»^[545].

Между тем волнения не утихали, Варшава стремительно превращалась в «горячую точку». Сюда даже приезжали путешественники поглазеть на беспорядки^[546].

Новости из Варшавы всё больше напоминали сводки военных действий. На улицах стреляли и грабили каждый день. Постепенно город пустел. Газеты писали, что никогда ещё «в Варшаве не было такого громадного количества свободных квартир, как в настоящее время, причём число их с каждым днём всё растёт, по мере того, как уезжают за границу более состоятельные лица». Ворота домов в центре были обвешаны объявлениями о сдаче квартир^[547].

Профессора университета регулярно собирались для обсуждения ситуации и столь же регулярно приходили к выводу, что открыть университет невозможно вплоть до полного успокоения края, которого вряд ли можно ожидать в обозримом будущем. Пока же ситуация, по их мнению, только ухудшалась^[548].

Пик насилия пришёлся на август 1906 года, когда по всему краю прошла массовая террористическая атака на представителей властей. Группы вооружённых поляков обстреливали чиновников и солдат. Погибло несколько десятков служащих, десятки городских и жандармов, две сотни солдат.

Были организованы покушения на высших чиновников.

5 августа в Варшаве в карету генерал-губернатора бросили шесть бомб. Две разорвались с такой силой, что в соседних домах повывлетали оконные рамы. Генерал получил контузию, погибли околоточный и проходившая мимо девочка.

15 августа в Варшаве застрелили военного губернатора города.

Правительственные войска развернули ответный террор, стали палить из пушек по жилым домам, а из ружей стреляли без разбора. На одной улице солдаты дали залп по подростку, вышедшему на балкон. На другой застрелили показавшуюся в окне служанку. В Краковском предместье патрульный сломал прикладом руку испанскому консулу, приняв его за недовольного поляка.

Патрули обстреливали прохожих.

Прохожие обстреливали патрули.

Задерживались и обыскивались свадебные процессии. Солдаты выгоняли из ресторанов публику под угрозой расстрела. В погоне за подозрительными лицами казаки врывались во дворы и в квартиры, проводили обыски и избиения. Когда горожане видели патрули, то пытались убежать, а им вслед раздавались залпы, нередко меткие.

«По вечерам обыватели запирают дома, чутко прислушиваются к каждому шуму на улице. Мысль о провокационном выстреле, вслед за которым может последовать расстрел целого дома, угнетает каждого», – писали газеты^[549].

Наступил хаос.

Открыть университет и институт в таких условиях представлялось невозможным.

В сентябре 1906 года на заседании совета Варшавского университета профессора вновь приняли резолюцию, что «надеяться на возобновление занятий, хотя бы в близком будущем, нет никаких оснований»^[550].

К тому времени университет был «временно закрыт» уже два с половиной года, но всё это время из казны выделялись средства на его работу, в том числе на зарплаты сотрудникам. Содержание университета обходилось в 500 тысяч рублей ежегодно.

Студентов в нём не осталось. Газеты писали, что осенью 1906 года в университете числилось девять учащихся^[551].

Решить проблему можно было двумя путями. Первый предполагал полную ликвидацию университета. Второй предусматривал использование профессорского состава и казённых средств для открытия временного или постоянного университета в «коренной России».

Главным выразителем второй идеи стал Амалицкий. Он полагал, что научные силы университета представляют большую ценность, которую недопустимо распылять.

Он сплотил вокруг себя группу профессоров, которые занялись поиском подходящего города для переезда. Амалицкий посетил Минск и Смоленск, его коллеги осмотрели Витебск, Нижний Новгород, Воронеж и Саратов^[552]. Разъезды осуществляли за свой счёт.

Профессора беседовали с местными властями, выясняли условия для работы, особенно интересовались наличием медицинских клиник, лабораторий и анатомического театра, необходимых для медицинского факультета.

Между городами развернулась настоящая борьба за университет. Выгоды от него были большие: город превращался в культурный центр своего региона, увеличивался его престиж, росла экономика.

Земства, губернские и городские организации обещали профессорам всевозможные блага и поддержку. Впрочем, и недовольных хватало. С их стороны звучало два упрёка. Во-первых, от города требовались слишком большие средства на обустройство университета: миллион рублей в течение четырёх лет. Во-вторых, было неясно, останутся ли профессора, когда возобновятся занятия в Варшаве.

В Смоленске Амалицкого сравнили с купцом, который пытается сбыть с рук лежалый товар: «В предложении г. Амалицкого как будто чувствуется, что новый университет как бы продаётся с публичного торга местным городским и земским учреждениям по соревновательным торгам, кто больше предложит за вновь открываемый Университет»^[553].

Но в целом города демонстрировали большое желание получить университет.

По итогам поездок Амалицкий составил доклад министру народного просвещения. Инициативу о переезде одобрили.

В ноябре 1906 года при правительстве создали особую комиссию по основанию десятого российского университета. Председателем назначили Амалицкого, который к тому времени переехал в Петербург и жил на Васильевском острове.

В течение двух месяцев комиссия почти ежедневно проводила заседания, принимала делегации городов и земств. Работа осложнялась тем, что тему переезда подхватили разные политические силы. Противники идеи говорили, что нельзя забирать университет у поляков, потому что они совсем озлобятся на русский народ. Злые языки пошли и по варшавским профессорам, называли их не учёными, а «чиновниками-обрусителями»^[554].

В высших сферах власти тоже нашлись противники нового университета. Амалицкий не исключал, что «вся эта история с университетом кончится ничем»^[555].

Всё же заседания продолжались; в фавориты вышли Воронеж, Нижний Новгород и Саратов.

Комиссия склонялась к кандидатуре Воронежа. Амалицкий говорил, что записка Воронежа об условиях для университета составлена наиболее основательно и убедительно^[556]. На втором месте стоял Саратов, который комиссия считала чуть менее

подходящим. Амалицкий поначалу даже говорил, что Саратов «находится как бы на границе с Азией и добивается университета ради киргизов и инородцев»^[557].

В конце концов газеты сообщили, что победил Воронеж.

«Нам сообщают, что комиссией профессоров, заседавшей под председательством профессора варшавского университета и политехника В. П. Амалицкого, вопрос о судьбе варшавского университета наконец разрешён. Университет этот будет перенесён в Воронеж. На новый университет, как известно, претендовали 7 городов. Нижнему Новгороду и Саратову, имевшим до последних дней самые большие шансы на открытие университета, грустно, конечно, будет услышать, что предпочтение отдано Воронежу»^[558].

Однако оказалось, что мнение комиссии мало на что влияет, всё решилось кулуарно.

Председателем российского правительства был Пётр Аркадьевич Столыпин – недавний губернатор Саратовской губернии. Он дал понять, что новый университет будет либо в Саратове, либо нигде. Ситуацию пробовал спасти принц Ольденбургский, стоявший за Воронеж^[559], но безуспешно. Совет министров остановил свой выбор на Саратове^[560].

Амалицкому и другим профессорам пришлось несколько раз побывать в Саратове по вопросам обустройства университета. В городе они всех удивили отказом от казённых знаков внимания. Гласный Саратовской думы М. Ф. Волков вспоминал: «Характерна была щепетильность г.г. профессоров к нашей любезности. Городская управа заняла для них несколько хороших комнат в гостинице „Россия“, предоставила извозчиков и предложила владельцам счета для оплаты представлять управе. Все профессора решительно отклонили эту обычную любезность города, практиковавшуюся нередко городской управой в отношении своих гостей. Даже наше частное приглашение депутации к себе на вечерний чай они отклонили, и пришлось согласиться на их предложение сойтись совместно всем профессорам, членам управы и депутации, некоторым гласным в клубе и там поужинать за свой счёт каждого»^[561].

Волков также оставил любопытный портрет Амалицкого, к которому, кажется, проникся большой симпатией.

Проф. Амалицкий – палеонтолог, учёный, очень известный своими научными работами в России и за границей. Немного ниже среднего роста (ему было тогда 44–45 лет), полный, бритый, с усами, с небольшой проседью. Говорил несколько медленно, как бы заикаясь, а когда возбуждался, то речь шла довольно плавно... Несмотря на свою скромность и скромный внешний вид, он был выдающимся во многих отношениях среди профессорского персонала. Спокойный, тактичный, общительный, интересующийся самыми разнообразными научными и общественными идеями и предметами, он имел дар охватывать и оценивать объективно значение явлений общественно-государственной жизни в современных условиях.

В частности, Амалицкий рассказал Волкову, что думает о высшем образовании. По словам Амалицкого, профессору недостаточно иметь полное знание своего предмета, он также должен «уметь преподавать, заинтересовать студента», причём не только наукой. «Юноша, поступающий в университет, обычно малоразвит. Необходимо его заинтересовать историческим развитием русского народа и русской науки во всех отношениях, не только политически, но и морально, культурным, экономическим. Показать ему, как трудно идут успехи культуры в массе невежественного, глубоко консервативного населения... Студент должен сознать и усвоить себе, что он обязан считать себя благодарным должником родины», – цитировал Волков слова Амалицкого.

«Он был против увлечений студенчества политикой, которая является результатом его слабого образования и молодости. Но меры борьбы с увлечением политикой, охватившим почти всю молодёжь, ни в коем случае не должны иметь репрессий со стороны университета. Профессура своим морально-учёным авторитетом и воздействием обязаны смело и решительно привлечь учащихся к науке, а не к политике. Студент вне университета должен быть простым гражданином», – писал Волков^[562].

После выбора Саратова комиссию ликвидировали. Амалицкого поначалу предполагали назначить ректором в Саратов, но открытие

нового университета затянулось почти на три года, и Амалицкого командировали по линии Политехнического института в Новочеркасск. Здесь профессоров из Варшавы тоже использовали для основания нового учреждения – Донского политехнического института^[563].

Институт тяжело обустроивался на новом месте, особенно трудным оказался поиск помещений. Власти Новочеркаска обещали построить институту отдельное здание, но не могли даже выбрать место и уверяли ректора, что для строительства подойдёт большой пустырь возле ипподрома и свалки нечистот. Ректор возражал, что место для транспорта неудобное, а от навоза будет вонять. Городские власти обещали навоз «пожечь». Ректор всё равно не соглашался^[564], просил выделить территорию в самом городе, однако власти почему-то хотели видеть институт подальше. «Кажется, что может быть просторнее Новочеркаска, а на деле выходит, что политехникуму ничего больше не остаётся, как поселиться за городом», – удивлялись газеты^[565].

Пока шло обсуждение свалок и пустырей, занятия проходили в разных уголках Новочеркаска. Студентам и преподавателям зачастую приходилось нанимать извозчиков, чтобы вовремя добраться с одной лекции на другую. Занятия по геологии Амалицкий проводил в бывшей четырёхэтажной мельнице Башмакова, здесь же разместился геологический кабинет. Через три года, уже после отъезда Амалицкого, он сгорит со всеми коллекциями и рукописями.

1 января 1908 года Амалицкий получил свой последний государственный чин – действительного статского советника. Он поднялся на три ступени выше отца.

Новый чин был пределом мечтаний большинства служащих. Следующий – тайный советник – полагался академикам, министрам, сенаторам, директорам крупных департаментов.

Братья Амалицкого тоже дослужились до действительных статских советников.

Антон Прохорович получил чин в 1903 году, когда служил в Варшавской судебной палате. Как и брат, он был основательным и добросовестным работником, собрал целую коллекцию наград и получил знак отличия за сорок лет беспорочной службы^[566].

Илларион Прохорович получил чин действительного статского советника в 1906 году^[567]. Кажется, он всю жизнь прослужил в Комиссии по устройству казарм, где в своё время работал Владимир Амалицкий.

Судьба сестры, Ксении Прохоровны Амалицкой, тоже сложилась хорошо. В 1874 году она с золотой медалью окончила Николаевский сиротский институт^[568], прошла курс медицинских наук, вышла замуж, сменила фамилию на Сегет и работала врачом в Киеве^[569].

В Новочеркасске Амалицкий пробыл один год. Город ему, кажется, не понравился, он искал другую работу, в том числе рассматривал возможность перейти на кафедру геологии в Петербургский университет или заняться палеонтологией в Академии наук.

Четыре года, с 1905-го по 1908-й, прошли для Амалицкого без раскопок, хотя всё это время Соколки напоминали о себе. Супруги Амалицкие постоянно получали от крестьян письма, написанные детским почерком, аршинными буквами и непривычным слогом: вместо «караул» – «каравул», вместо «соседи» – «суседи».

Крестьяне уверяли, что дела на раскопке обстоят хорошо, часто просили помощи, поясняя, что нужда большая, а работы нет. Их письма безграмотные и душевные.

«...А я теперь осмеливаюсь ещё Вас попросить. Я отдаю взамуж дочь свою Параню... и я прошу Вас Ваше Высакородие неоставте меня бедную сколько нибуть помогите мне отдаю вприданое 35 руб денег нехватает уменя А хочется всё таки маленько приустроить свою пожалуста неоткажите в моей прозбе Хотя я и вам надоедаю сосвое бедносью но что же делать. Остаюсь в ожидание отвас ублаготворения Деревни Ефимовской Пелагия Я Мокрецова»^[570].

«...А теперь осмеливаемся обратиться к Вам с покорнейшей просьбой, на которую и решились только вследствие очень тяжелых обстоятельств и горя и самой жестокой нужды.

1) Вдова Прониха, у меня украли зимой корову из двора, потом отдала дочь за муж и теперь нахожусь в крайне бедственном положении и кроме этого и вторая дочь теперь на возрасте и справиться с нуждой нет сил;

2) Наталья Тишкиха вследствие очень слабого здоровья и немолодых лет работать тяжело нечего неможет а содержаться стало

нечем да и на меня допустил Господь злого человека и из остальных крох на 8 число Апреля 1907 года украли муку отняли последний кусок;

3) Кузиха тоже стала стара и работать не может а крохи которые остались от мужа стали приходить к концу.

Изложив вышеописанное мы осмеливаемся обратиться к Вам с покорнейшей просьбой не соблаговолители помочь нам в нашем тяжелом бедственном положении сколько нибудь и если милость будет послать то пожалуста нельзя ли в Котлас и адресовать в деревню Ефимовскую на Пронику, Анну Мокрецову или же Тишкиху Наталью Степанову Верещагину»^[571].

И только письма крестьянки Марии Кузнецовой были написаны по-другому. Ей просто хотелось пообщаться с Амалицкими и получить от них весточку, особенно от Анны Петровны: «Любезным моим Господам Барину Владимиру П. и Барыне Анне Петровне посылаю Вам понискому поклону и желаю Вам добраго здравия и затем уведомляю Вас что я в скоре после Вашего отъезда я приняла крещицу. У Егора родилася Дочка и зовут Анной. Милая барыня напишите простое письмо которое Вы обещали мне раньше послать. И затем досвиданья. Известная Вам Маша»^[572].

В 1906 году на Амалицкого вдруг обрушился целый ворох недовольных писем из Соколков. Крестьяне стали испытывать нужду из-за прекращения раскопок и не поделили деньги, которые он посылал на охрану сараев и котлована.

В первые годы сторожами числились двое деревенских мужиков, которые потом отказались от службы и ушли на другие заработки. Амалицкий выбрал караульным крестьянина Осипа Верещагина, который стал его своеобразным доверенным лицом в Ефимовской. Именно ему Амалицкий отправлял деньги за аренду земли.

Верещагин стал за отдельную плату присматривать за раскопкой и сараем. Смотрел, чтобы не шастали чужаки, зимой очищал крыши сараев от снега.

Другие жители просили Осипа взять их в долю, но он не соглашался. Недовольные соседи написали Амалицкому «покорнейшую просьбу» допустить «до караула раскопок» всё село. «Нам хотелось бы знать, за какую вину или проступок Вы лишили нас этих денег», – спрашивали они. Заодно писали, будто Осип смеётся,

что деньги достались ему одному, а в письмах Амалицкому клеветает, что деревня отказывается помогать. «Но на самом деле мы просились у него но он отказал нам в этом наотрез, а Вам писал, что очищает снег с женой на самом же деле его жена ни разу не была на раскопке да и он ходит очень не часто от того и сарай несколько пострадал»^[573].

Узнав про письмо соседей, Осип послал Амалицкому пояснение, что деревенские врут и платить им не за что: мужики зимой в деревне не живут, ну а «бабы какие караульщики»^[574].

Соседи не сдавались и снова жаловались Амалицкому. Наконец им пришёл ответ из Варшавы.

«Ефимовцы!

От меня и барыни всем Вам привет и лучшие пожелания.

Караулить раскопки на лето я поручил Осипу, потому что Василий и Иван Верещагины собирались летом идти на работу. Теперь Василий и Иван Верещагины и Михаил Мокрецов пишут, что вся деревня хочет сторожить раскопку. Я на это согласен.

Значит с 1 октября, т. е. с Покрова – караул раскопки, хранение ящиков, огребание снега и мелкая починка сараев будет лежать на всей деревне, которая и будет отвечать за всякую порчу или пропажу. За это я кладу на деревню в месяц 15 рублей»^[575].

Вскоре Амалицкий получил от Осипа обиженное письмо: «Караул здал я 15 октяб. соседям... усматриваю заними»^[576].

Впрочем, конфликт не кончился. Осип оставался доверенным лицом, все деньги за охрану и аренду проходили через него. Соседям это не нравилось.

«Здравствуйте ваше превосходительство и барыня Анна Петровна. Отовсех ефимовцов кроме осипа понискому поклону», – писали они и жаловались, будто Осип опять с ними не делится, «обижает нас всегда скандалит», а когда к нему пришли за объяснениями, он соседу «ткнул в рыло» и сказал, что денег не даст^[577].

Даже в «спящем» состоянии раскоп оставался головной болью Амалицкого. Переговоры о новой должности тоже шли очень медленно, и судьба сложилась иначе.

В августе 1908 года последовал приказ Министерства промышленности о возвращении в Варшаву 18 преподавателей Политехнического института, в том числе Амалицкого^[578].

По возвращении в Варшаву состоялись выборы директора. При закрытой баллотировке победил Амалицкий: за его кандидатуру подали семь избирательных голосов против шести неизбирательных^[579]. Получив новую должность, Амалицкий оставил Варшавский университет.

Новое назначение вполне соответствовало его характеру и опыту. Амалицкий был на редкость толковым администратором, вполне это понимал и занимал множество руководящих должностей.

Он был председателем варшавского отделения политической партии «Союз 17 октября»^[580], секретарём Варшавского общества естествоиспытателей, судьёй профессорского дисциплинарного суда в Варшавском университете, вице-председателем Русского благотворительного общества в Варшаве^[581], руководителем Варшавского православного Свято-Троицкого братства^[582]. Кроме того, ему постоянно поручали руководить всевозможными комиссиями, например профессорской комиссией для пересмотра устава Варшавского университета^[583].

Теперь предстояло быстро решить вопрос с коллекцией, которая по-прежнему хранилась в бывшей библиотеке.

Склад прошлого Земли

Уезжая из Варшавы в Новочеркасск, Амалицкий хотел вывезти из беспокойного Царства Польского все материалы, добытые в Соколках. Оставлять их в Варшаве, в закрытом здании библиотеки, без руководителя было, по его словам, тревожно [\[584\]](#).

Собственником коллекции являлось Общество естествоиспытателей, которое, в свою очередь, было частью Петербургского университета. Передать коллекцию в университет по-прежнему не представлялось возможным: здесь не было помещения, чтобы разместить мастерскую, скелеты и конкреции. Слишком большой оказалась добыча Амалицкого.

После обсуждения ситуации Общество естествоиспытателей, по согласованию с Амалицким и с одобрения великого князя Александра Михайловича, решило передать найденные материалы в Академию наук. Оно выдвинуло несколько условий.

Для размещения коллекции общество запросило 900 квадратных метров при Геологическом музее, с «отоплением, освещением и прислугою». Ежегодная субсидия на работы Амалицкого должна была составлять не менее 13 560 рублей. Амалицкому полагалось пожизненно руководить раскопками и препарированием с жалованьем 3300 рублей в год, включая «столовые и квартирные». Особо уточнялось, что распоряжаться бюджетом всего предприятия Амалицкий должен самостоятельно и свободно [\[585\]](#).

Общество также предложило совершенно невероятное название для коллекции. Она должна была называться «Галереей Северо-Двинских раскопок Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей и Императорской Академии Наук, устроенной при Геологическом Музее Академии Наук в бытность Президентом Академии Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича, почётным председателем Общества Естествоиспытателей Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича и Президентом Общества заслуженного профессора А. А. Иностранцева». А на всех

окаменелостях следовало ставить подпись «Коллекция профессора В. П. Амалицкого».

Академия согласилась и выразила надежду, что «означенная коллекция послужит ядром для будущего национального Геологического Музея»^[586]. Однако пока она не могла удовлетворить всем пожеланиям общества. Самой большой проблемой было всё то же пресловутое отсутствие места для хранения и показа коллекции.

Геологический музей располагался в маленьком двухэтажном доме возле колонного здания президиума Академии. Несколько небольших залов были заставлены витринами. Внутри под стеклом на чёрном бархате лежали минералы, окаменелые раковины, отпечатки древних растений. Залы не отапливались и не проветривались. Публику сюда не пускали. Заинтересованным исследователям образцы выдавали на дом.

Директором музея был академик Феодосий Николаевич Чернышёв. Он уже несколько лет пытался превратить музей в крупный образовательный центр, придумал для него название – Русский национальный геологический музей, но дальше дело не двигалось, несмотря на огромную энергию Чернышёва.

Музей, по сути, оставался складским помещением, в котором числился один хранитель, два препаратора и несколько других сотрудников. Даже у директора не было своего кабинета, ему приходилось заниматься в проходах выставочных залов^[587].

В 1908 году сразу после возвращения из Новочеркасска в Варшаву Амалицкий начал освобождать залы университетской библиотеки. К тому времени препараторы очистили от породы пятнадцать скелетов, тридцать черепов и много отдельных костей.

Осенью первые два скелета парейзавров и один скелет иностранцевии были разобраны, закреплены, упакованы и малой скоростью отправлены по железной дороге в Петербург. В Геологическом музее они сразу заняли половину самого большого зала. Чтобы их разместить, пришлось убрать в соседний зал четыре витрины. В отчёте музея об этом говорилось такими словами: «Получение ценной коллекции проф. В. П. Амалицкого захватило Музей, можно сказать, совершенно неподготовленным и неприспособленным»^[588].

Чернышёв посчитал, что музей может принять из Варшавы в лучшем случае ещё три-четыре скелета, причём их придётся поставить вплотную друг к другу, а после этого «будет лишен возможности принять в свои стены хотя бы один скелет, которых, однако, всего ожидается не менее тридцати, не считая массы отдельных костей»^[589].

Новые скелеты не замедлили явиться.

В 1909 году из Варшавы привезли ещё шесть полных скелетов парейазавров, а также большую конкрецию со скелетом и её «обратный гипсовый отлив» (то есть слепок нижней стороны), три отдельных черепа, шесть тазов и двенадцать лопаток разных ящеров. Они полностью заполнили уже два зала, а некоторые волей случая опять попали в библиотеку, теперь Геологического музея.

Витрин у скелетов не было. Их поставили на доски, немного приподняв над полом с помощью козел. Проходы между ними получились узкие, и можно было случайно «задеть и попортить ту или иную выдающуюся часть». Кроме того, старый паркет дрожал от шагов, сотрясение передавалось «скелетам, рыхлые, во многих местах склеенные кости» которых «страдали»^[590].

Под скелеты заказали четыре дорогие витрины с выдвижным полом. Они были прекрасно задуманы, но пользоваться ими не получалось: из-за тесноты пол выдвигался до половины и упирался в другую витрину.

Чтобы установить новые витрины, пришлось вновь переставлять старые. Их сложили сначала в два яруса, потом в три, а некоторые разобрали и убрали на склад.

На беду, в это же время Геологическому музею передали ещё один ценный экспонат – гипсовый слепок скелета диплодока (*Diplodocus carnegiei*). Это был «оригинальный американский подарок»^[591] императору Николаю Второму от мецената Карнеги. Император передал подарок Академии, она распорядилась отправить его в Геологический музей, который принять его не смог из-за отсутствия места. Подарок был огромный – 25 метров длиной, 20 тонн весом.

Америка уже тогда славилась гигантскими динозаврами. Как писал журнал «Вокруг света», в этой стране всегда было что-то огромное: «Надо полагать, что Америка испокон века была страной

всего грандиозного: её население идёт теперь исполинскими шагами по пути прогресса; в её городах строятся двадцатиэтажные дома; её сыны быстро составляют себе колоссальные состояния, исчисляемые миллиардами; а много веков тому назад в той же Америке жили исполины, в сравнении с которыми теперешние слоны показались бы жалкими пигмеями»^[592].

Диплодок был одним из самых огромных. Газеты шутили, что дети рядом с его скелетом «кажутся почти мухами»^[593].

Скелет пришлось поставить в президиуме Академии. Его привезли из США в разобранном виде, кости были упакованы в «ящики, мешки и жестянки»^[594]. Их собирали под наблюдением американских специалистов. Работа шла трудно: американцы говорили только по-английски, русские препараторы Кнырко и Пец – по-русски^[595]. Изъяснялись, видимо, жестами.

Гипсовый скелет загородил все окна, выходявшие на набережную Невы. Подпираемые железными прутьями позвонки почти касались потолка. Череп упирался в одну стену, хвост – в противоположную, причём его пришлось подвернуть, иначе не помещался^[596].

Скелет в президиуме поставили временно. Но нет ничего более постоянного, чем временное. Диплодок простоял там пятнадцать лет и всем мешал.

В начале Первой мировой войны в зале устроили лазарет на сорок кроватей, и Академия распорядилась диплодока разобрать. Для этого даже вызвали из отпуска препаратора Кнырко, который лежал дома после болезненной операции на руке^[597].

Геологический музей уверял, что хрупкие гипсовые слепки крайне нежелательно лишней раз трогать. Препараторы демонтировали только шею и хвост, остальное накрыли картонным футляром^[598].

На настойчивые просьбы Академии продолжить демонтаж музей отвечал требованием освободить зал от лазарета на две-три недели, что было невозможно. В итоге диплодок без шеи и хвоста простоял в президиуме всю войну...

В 1909 году Амалицкий полностью вывез мастерскую из варшавской библиотеки в здание Политехнического института. В новой мастерской установили электрический мотор «для

механической обработки камня», «шкапы для закрепления и сушки костей», устроили фотографическую лабораторию, кузнечную и слесарную^[599]. Здесь трудились четыре препаратора, которые очищали и склеивали кости, готовили их гипсовые копии, монтировали, упаковывали, переупаковывали. Делалось «очень много» фотографий, в том числе стереоскопических, которые давали «наглядные результаты, особенно при репродукции глубококонтурных форм скелетов и черепов»^[600]. Были изготовлены небольшие бронзовые фигурки парейазавров^[601].

Постепенно препараторы перебрали все 102 ящика сборов, привезённых в Варшаву, – по 300–400 килограммов каждый^[602]. Конкреции переписали и сложили в сухом каменном амбаре. Здесь они и остались. В 1910, 1911, 1912 и 1913 годах Амалицкий уже не мог отправлять материалы в Петербург, поскольку свободного места в Геологическом музее не осталось. Музей предлагал поставить новые скелеты парейазавров рядом с диплодоком в президиуме^[603], но Академия не разрешила.

Коллекция Амалицкого была не единственным источником поступлений. Из других мест в музей тоже регулярно привозили всевозможные материалы. Их списки занимали по несколько страниц в ежегодных отчётах.

Андрусов передал музею все свои палеонтологические и геологические коллекции, собранные за 15 лет на Кавказе, в Крыму, Закавказье и Закаспийской области. Они заняли семь больших шкафов и несколько ящиков^[604].

Совершенно исключительной стала коллекция, добытая по поручению Академии геологом Алексеем Алексеевичем Борисяком. Из Бессарабии он доставил 16 тонн окаменелых костей, которые пришлось сложить в ящиках у входа, на парадной лестнице и в проходах музея^[605]. Несколько тонн отнесли в сарай, где началось «быстрое их разрушение от сырости и мороза»^[606].

Геологический музей называл ситуацию «недопустимым варварством»^[607]. «Едва ли стоит копить коллекции с тем, чтобы эти высокого научного значения материалы, оставаясь под спудом, постепенно гибли вследствие nepозволительного способа их хранения», – говорилось в отчёте^[608].

Возобновление раскопок в Соколках тоже не задалось.

В 1909 году Амалицкий вернулся сюда с двумя препараторами и обнаружил, что все ящики в большом сарае отсырели, а солома, которой перекладывали конкреции, сгнила. Сарай тоже оказался полуразрушенным. Его разобрали и поставили новый. Коллекции – 103 ящика общим весом 40 тонн – переупаковали. Их разложили по новым ящикам и снова поставили в сарай^[609]. Вывозить их было некуда.

Погода стояла дождливая, серьёзных раскопок Амалицкий не проводил, разве что очистил от пустой породы небольшую площадку. Зато осмотрел соседние линзы. Одну из них, в Завражье, Амалицкий считал следом той же реки, что текла в Соколках. Она отличалась составом ископаемой фауны. В ней не встречались кости крупных ящеров, зато попадались остатки амфибий, чьи черепа по скульптуре напоминали черепа парейазавров^[610].

«Разведочные работы на новой линзе дали прекрасные результаты – нашли полный скелет большого стегоцефала, близкий к парейазавровым, и несколько других костей стегоцефал. Результат очень важный в научном отношении, но не в выставочном», – писал Амалицкий^[611].

В 1910 году он не смог поехать в Соколки: деньги от Академии пришли ближе к осени, когда отправляться на раскопки было поздно. В августе Амалицкий писал Чернышёву, что начинает беспокоиться «за судьбу всего предприятия»^[612].

В 1911 году раскопки удалось провести с прежним размахом. Было добыто 25 тонн конкреций. Их тоже сложили в сарае на раскопе. В конкрециях залегало как минимум четыре более-менее полных скелета: небольшого, вероятно молодого, парейазавра, маленького дицинодонта и двух крупных хищников (вероятно, иностранцевий), причём у одного черепа совершенно не было зубов^[613].

Чечевица по-прежнему показывала, что хранит в себе много новых интересных материалов.

В 1912 году раскопки не проводились.

В 1913 году они захватили всего 60 квадратных сажень земли и ограничились «снятием небольшого пласта поверхностной пустой породы»^[614]. В том году раскопку посетил французский геолог П. Прюво. Амалицкий рассказал ему, что по мере продвижения работ

вглубь материка число конкреций не только не уменьшается, но, наоборот, становится больше^[615].

Как и прежде, на раскоп приходили крестьяне, прибегали мальчишки из соседних сёл. Среди толпы босоногих детей был будущий адмирал, глава военно-морского флота и нарком СССР Николай Герасимович Кузнецов. Он жил в десятке километров от Соколов, в деревне Медведки^[616].

Находки 1913 года вновь оказались богатыми и разнообразными. Было выкопано 12 групп конкреций, в том числе слитые почти воедино. В одной группе залегало четыре скелета парейазавров с черепами, обращёнными нёбом кверху, повёрнутыми то на запад, то на восток. В двух конкрециях оказались беспорядочные скопления костей, содержавшие по одному черепу парейазавра.

Вообще, по словам Амалицкого, в конкрециях стали преобладать «кучевые скопления» вместо прежних «скелетных»^[617].

Помимо привычных парейазавров попались крупные амфибии, в том числе с окаменелыми жаберными дугами^[618]. И, наконец, сбылась мечта Амалицкого.

В 1913 году он нашёл небольшой череп ящера, которого назвал двинией (*Dvinia*)^[619]. Ящер напоминал африканского тритилодонта, но был более древним. В полевом дневнике Амалицкий сразу зарисовал необычные зубы двинии, которые были покрыты бугорками и маленькими «бороздами, идущими от вершины к основанию»^[620].

Гипотеза о том, что Россия была родиной млекопитающих, получила веское обоснование.

К окончанию работ общая площадь раскопки достигла 500 квадратных сажень. За десять лет Амалицкий выкопал 186 групп конкреций общим весом 130 тонн. Из них он отпрепарировал 30 тонн, которые дали 35 более-менее полных скелетов («из которых 22 гигантских размеров»), 45 черепов («30 громадной величины») и «несколько тысяч отдельных костей, принадлежащих различным животным, а сверх того остатки пресноводных моллюсков, рыб и отпечатки растений».

Преобладали парейазавры: 20 скелетов, 25 громадных черепов.

Дицинодонтам принадлежали два скелета и восемь черепов.

Иностранцевиям – три скелета и ряд отдельных «голов».

«Этот палеонтологический материал отличается поразительным разнообразием, причём каждый год раскопок даёт всё новые и новые формы, между прочим и такие, которые прежде считались характерными для пермских отложений таких отдалённых стран, как Южная Африка, Индия, Техас», – писал Амалицкий.

Он подсчитал, что после очистки всех добытых конкреций коллекция увеличится в 3–4 раза, в ней будет свыше 100 скелетов и 150 отдельных черепов. «А когда раскопки будут доведены до конца, т. е. выработан будет весь костеносный слой, то получится громаднейший Музей, заключающий в себе свыше 200 скелетов, 300 черепов и тысячи разных костей»^[621].

Однако в 1913 году Амалицкий был в Соколках последний раз. Больше он туда не вернётся.

Окаменелые святыни

6 мая 1914 года Амалицкого утвердили в звании заслуженного профессора: исполнилось 25 лет его педагогической службы. Карьера получилась блистательной, на что указывали многочисленные награды. Амалицкий был кавалером орденов Святой Анны 2-й степени, Святого Станислава 1-й, 2-й и 3-й степени, Святого Владимира 4-й и 3-й степени, был награждён серебряной медалью в память царствования императора Александра Третьего и памятным знаком по случаю трёхсотлетия дома Романовых^[622]. Спустя неделю, 12 мая 1914 года, прошло заседание совета Варшавского политехнического института, где Амалицкого переизбрали директором уже третий раз, вновь на три года. «Избрание состоялось единогласно и закончилось громкими и дружными аплодисментами»^[623].

Была и другая хорошая новость. Совет министров одобрил и внёс в Государственную думу законопроект о выдаче из казны 2 671 000 рублей для постройки здания Геологического музея и Ломоносовского института. Казалось, всё налаживается.

Амалицкий, по просьбе Академии, начал составлять отчёт о своих раскопках для представления в совет министров с просьбой открыть регулярное финансирование работ на десять лет – по 13 560 рублей ежегодно. По мнению Амалицкого, десяти лет хватило бы на разработку всей оставшейся линзы.

Краткая заметка, которую просила Академия, неожиданно разрослась в большой опус в десять печатных листов, с тридцатью таблицами. Тем летом Амалицкий не собирался в Соколки, он хотел отправиться в заграничный отпуск^[624], но работа над рукописью затянулась, и это его спасло: 19 июля Германия объявила войну России. Амалицкий потом напишет, что рукопись избавила его от немецкого плена, куда он сам «стремился, желая посмотреть кое-что из завров в Мюнхене и Лондоне»^[625].

В России войну встретили с энтузиазмом. Её ждали много месяцев, и известие о ней «как бы разрядило насыщенную атмосферу»^[626]. Невский проспект запрудила многотысячная толпа,

которая двинулась по улицам, распевая гимн. Перед Казанским собором состоялась грандиозная манифестация, в которой участвовало 30 тысяч человек.

Началась мобилизация, на запад ехали целые эшелоны. Жители городов провожали солдат овациями, дарили цветы, иконы, конфеты и папиросы. Тем временем горожане начали покидать Варшаву. Поезда, идущие в Москву и Петербург, были переполнены.

Амалицкий отправил в Академию телеграмму с просьбой выхлопотать два вагона для вывоза палеонтологических материалов. Однако усилия Академии не увенчались успехом. Амалицкий сам связался с военным начальством и тоже получил отказ. Дело в том, что ещё в 1912 году при разработке мобилизационного плана его находки были внесены в число «народных святынь и ценностей», которые в случае нашествия неприятеля подлежали эвакуации в первую очередь^[627]. У постановления была обратная сторона: эвакуировать святыни в Петербург не разрешалось, поскольку город считался первоочередной целью неприятеля.

Амалицкому пришлось упаковать коллекции и ждать эвакуации в Москву.

В сентябре линия фронта приблизилась к Варшаве. Издалека доносился гул орудийных залпов и пушечных выстрелов. «Жутко было их слушать на улицах, но ещё более жутко было, пожалуй, сидя в квартире, невольно поднимать глаза к оконным стёклам, издававшим раз за разом такое дребезжание, точно громадные мухи, забравшиеся между рамами, рвутся на свободу и неистово жужжат», – писали газеты^[628].

14 сентября Амалицкий получил приказ эвакуировать имущество института и палеонтологические коллекции. Профессора и служащие получили билеты до Москвы, трёхмесячное жалованье и пособие на выезд.

Материалы из Соколков заняли целый вагон. Из Варшавы вывезли примерно половину – 50 ящиков со всеми отпрепарированными за последние годы костями. В Москве их сложили в здании Строгановского училища, где разместилась канцелярия Политехнического института. Вывезти остальную половину не удалось. Впрочем, эвакуация закончилась так же быстро,

как началась. Уже в октябре ситуация стабилизировалась, немецкие войска отошли от Варшавы, линия фронта замерла.

Едва институт освоился на новом месте, ему велели вернуться и возобновить занятия в Варшаве. В его прежнем здании к тому времени развернули громадный военный госпиталь. Койки стояли в аудиториях, чертёжных, кабинетах, музее. Только три небольших зала оставались свободными. В институте решили, что в текущих условиях этого достаточно для работы.

9 ноября 1914 года в актовом зале прошло торжественное молебствие перед началом занятий. В нём приняли участие не только профессора и учащиеся, но и раненые солдаты из лазарета. На церемонии возгласили «вечную память» студентам и воинам, павшим на поле брани. Все присутствующие в знак скорби опустили на колени. Затем Амалицкий произнёс речь, указав «на особенности переживаемого великого исторического момента, в который приходится институту начинать новый учебный год»^[629].

Чтобы наверстать два упущенных месяца, в институте упразднили рождественские каникулы, которые обычно длились весь декабрь, и продлили осенний семестр до февраля, а окончание учебного года, в случае надобности, решили сместить на середину июня.

Занятия представляли собой весьма необычное зрелище. Студенты слушали лекции в коридорах и подвалах^[630], на практических занятиях работали для нужд фронта, изготавливая респираторы и гипосульфит^[631]. По словам Амалицкого, неудобства никого не стесняли, настроение было деловым.

Его супруга занялась благотворительностью в пользу раненых солдат и вместе с Кружком русских дам открыла военный госпиталь на сорок кроватей^[632]. Средства собирали по подписке и на Дне солдатского погона, продавая на улицах «изящные погончики», которые пользовались спросом у публики.

Война стояла буквально на пороге. В январе 1915 года Амалицкий писал Андрусову:

Я теперь нахожусь в таком положении: рукописи и все справки в Петербурге, коллекции в Москве, а «голова» на позициях. Единственная, самая драгоценная уника

«Dwinia»= Tritylodont'ового типа находится у меня в дорожном несессере, чтобы в случае эвакуации всегда её взять с собою.

Положение наше довольно интересное. Мы занимаемся под оглушительный гул канонады. Время от времени появляются немецкие аэропланы, которые бросают бомбы, одна из которых упала около нашей студенческой столовой, когда я там был.

Мы выскочили на улицу посмотреть, что сделала бомба (она никого не убила) и продолжили свой обед; впрочем, некоторые философы и не прерывали обеда.

Немцы бросают с аэропланов угрожающие воззвания. Снаряды убивают, к счастью, очень немногих любопытных, главным образом детей и стариков.

Иногда мы ездим на «позиции» к самым окопам. Тут идёт уже оглушительная канонада и бризанты разрываются на глазах. На зрителя всё это производит впечатление вполне обдуманного технического предприятия, где всё предусмотрено и всё на своём месте и каждый за своим делом. Впечатление спокойное, уравновешенное; все сознают серьёзность работы и ответственности.

Вижу, идёт солдат со стороны окопа, и задаю ему довольно глупый вопрос, ибо непременно хочу заговорить, но не знаю, о чём. Получаю очень краткий ответ: «жизни не жалко, только бы врага одолеть», и солдат пошёл к походной кухне. А кругом – застывший в снегу зимний пейзаж.

Мы с позиций возвращаемся совершенно спокойными за исход войны.

Подбирается к нам другой враг: тиф и холера. Последние дни наступили оттепели, людские и лошадиные трупы, неглубоко зарытые – гниют, заражают воду и даже распространяют зловоние.

Наконец, ещё есть один ужасный враг: среди населения, находящегося в районах, отрезанных от нас и от Германии, появился голод. Местное население, через районы которых прошли войска, лишились и крова, и пищи. Начинает

появляться голодный тиф. В таком положении находится Лодзь, некогда богатый город, а ныне отрезанный от нас и не снабжённый немцами ввиду бездорожья.

Что нас ждёт дальше? Этому вопроса мы не задаём, ибо уверены в хорошем исходе. О немецких совершенно непонятных выходках – мы с ними совершенно свыклись, думаем, что и это немец после войны нам разъяснит в своих «Berichte»^[633].

Из-за обширных военных трат правительство сэкономило на всём, и просьбу Академии выделить средства на работы Амалицкого отклонило. С 1915 года он оплачивал аренду земли в Соколках из личных средств^[634] и привычно посылал небольшие пособия крестьянам.

А на севере вовсю шла мобилизация, даже раскопку стали «каравулить бабы»^[635].

Амалицкие получали от крестьян такие письма:

«1915 года 1 июля деревня тараканово

Здравствуйте

Единственные Благодетели Барин Владимир Прохорович и Барыня Анна Петровна шлю я Вам свой искренний привет и желаю Вам всего хорошево в жизни Вашей а главное здоровья доброжелательница ваша Мария Петровна также и от деток моих нижайшее почтение, и вот Барыня уведомляю вас что нам живется совершенно плохо теперь потомучто всех угнали на войну и остолись теперь одне женщины да дети унас из сестер утроих угнали вот у меня и анюты наталии. а унас всё ещё пока письма пишут все живы значит слава Богу а у анюты самое теперь трудное положение. 4 месяца вот уже нет никакой вести и незнаем где теперь справится. Пожалуста Барин Владимир Прохорович и Барыня Анна Петровна прошу Вас войдите в наше положение не откажите нашей прозбе посоветуйте где нам справится где он жив или нет он был находилса в районе карпат. затем Барыня я живу неочень пока хорошо но что будешь делать. уменя было уже трое деток но теперь

один помер остались Кеня и Боря. пособие получала 7 руб. 50 коп. в месяц, а теперь наверно ещё убавят потому что мальчик помер.

Многоуважаемая Барыня пожалуста если вам не трудно пошлите нам хотя одно писемцо. затем досвиданья остаюсь знакомая

Вам Маша простите что плохо написала сами знайте нас деревенских необразованные люди»^[636].

Из-за нехватки средств Амалицкому пришлось распустить мастерскую. При себе он оставил только препаратора Гадомского, устроив его в институт служителем геологического кабинета и сторожем.

Постепенно в Варшаве нарастал дефицит продовольствия и топлива: стало не хватать сахара и кофе, возникли трудности с керосином. Из-за нехватки топлива бедняки разбирали заборы на улицах.

С февраля над городом стали регулярно пролетать немецкие аэропланы. Они сбрасывали наполненные бензином бомбы, разрывные снаряды и стрелы с острыми наконечниками, которые, падая на камни, «издавали звон стали»^[637]. В Варшаве не думали о сдаче города. Наоборот, в марте 1915 года Амалицкий запросил в Москве вывезенные материалы, без которых было трудно вести занятия^[638].

В городе работали цирки и синематограф, каждый вечер шли развлекательные пьесы: «Пила вино и хохотала», «Обнажённая», «Муж напрокат», «Арена ужасов».

Продолжалась научная и учебная работа. В университете защищали диссертации с замысловатыми названиями: «Зародышевый путь сагитты», «Влияние шарляхрота на эпителий кожи», «Наблюдение над строением грегавин». В кружке любителей естествознания слушали лекции «Сознательная гербаризация», «Вопрос о конечной судьбе земли».

Газеты без устали печатали бойкие заметки «Что даст нам победа над немцами», «Упадок духа в Австро-Венгрии». Но уже в мае ситуация резко ухудшилась. Немецкие войска стали использовать ядовитые газы. Жёлтые стены дыма высотой 2–3 метра двигались

вместе с ветром на русские позиции. Газ разъедал глаза, вызывал удушье, от него гибли птицы и лошади, чернела трава, металлические пуговицы покрывались зелёным налётом.

Назревала новая эвакуация, которая оказалась быстрой и внезапной. В июне Политехническому институту приказали эвакуироваться в Москву «ныне же». На эвакуацию дали восемь часов.

Амалицкий спешно отправил в Москву девять вагонов институтского имущества и в обход правил послал 52 ящика северодвинских коллекций в Петербург. Их, не разбирая, сложили в вестибюле президиума Академии^[639]. В ящиках находились кости, отпрепарированные в 1915 году, десять тонн необработанных конкреций и наиболее ценный инвентарь мастерской: каркасы, металлические подставки, диапозитивы, снимки, фотографии.

Полностью вывезти коллекцию не удалось. В Варшаве осталось 15–20 ящиков весом примерно пять тонн. Что именно в них лежало, никто толком не знал: обе инвентарные книги в суматохе потерялись.

Академия попыталась вывезти их из Варшавы, «но было уже поздно»^[640]: немецкие войска заняли город. В Варшаве осталось и личное имущество Амалицкого.

Новый нижегородец

В Москве Амалицкий остановился на Пречистенском бульваре, в квартире № 5 дома 23^[641]. Институт продолжил работу: на войне требовались инженеры и техники.

Занятия шли в разных зданиях: в реальном училище Мазинга, в частной гимназии Креймана, в доходном доме на Мясницкой улице, в помещениях Археологического института.

Из-за эвакуации институт лишился многих технических аппаратов и всей библиотеки. Удалось вывезти лишь семь процентов имущества. Газеты писали, что от института «решительно ничего не осталось, кроме одного директора и нескольких деканов»^[642], и есть только иллюзия института, а его самого уже нет^[643].

Учебный отдел Министерства торговли и промышленности предложил распределить студентов по другим техническим учреждениям, но Амалицкий выступил против. Ему вновь пришлось пережить то, что раньше случилось с Варшавским университетом.

Вопрос о Политехе решался на уровне правительства. Верх взяло мнение Амалицкого.

Опять начался своеобразный конкурс среди городов, желавших принять учебное заведение. Институт хотели получить Саратов, Нижний Новгород, Одесса, Екатеринослав, Екатеринодар, Омск, Оренбург, Баку и даже Тифлис.

Долгих выборов не было. Министерство торговли и промышленности распорядилось перевести институт в Нижний Новгород, и уже весной 1916 года его имущество отправили из Москвы на барже по Оке. Институт получил длинное абсурдное название: Варшавский политехнический институт в Нижнем Новгороде.

Переезд по обыкновению выдался непростым. Власти Нижнего Новгорода не смогли выделить институту отдельное здание, ему пришлось расположиться в нескольких помещениях.

Сложности возникали постоянно, часто неожиданные.

Когда часть учебных материалов привезли в здание городского училища, выяснилось, что здесь скоро разместят военный лазарет и

проводить занятия станет невозможно.

Местный ресторан не хотел освободить помещение, выделенное для администрации института в гостинице «Россия». Дело дошло до суда и принудительного выселения.

Самым трудным оказался жилищный вопрос. В городе требовали небывалые суммы за постой. Квартиру без отопления, мебели и удобств сдавали от ста рублей в месяц. Служащие жаловались, что расходы на жильё превысят их зарплаты. Кто-то из профессоров решил, что ему будет удобнее жить в Москве и периодически приезжать читать лекции в Нижний.

Газеты печатали воззвания к горожанам и просили приютить студентов. По их словам, «в доме, где есть дети, образованный юноша будет только полезен. Вообще же говоря, он нигде не может быть лишним»^[644].

В интервью «Голосу Волги» Амалицкий жаловался: «Самым большим, жгучим вопросом является квартирный вопрос для преподавательского персонала и служащих института. Недостаток в Нижнем квартир вообще не даёт возможности устроиться сколько-нибудь комфортабельно, а страшная их дороговизна является совершенно не под силу скромному бюджету преподавателей, а тем паче служащих. Это крайне, крайне жгучий вопрос и пока не видно выхода из этого положения»^[645].

Торжественное открытие тоже получилось скомканным. Его запланировали на 20 сентября, но газеты ошиблись и напечатали, что занятия начнутся 20 августа. В Нижний спешно съехались студенты и, обнаружив ошибку, разъехались обратно^[646]. Потом открытие перенесли с 20 на 26 сентября, а в самый последний момент ещё на неделю, на 1 октября.

На этом неразбериха не кончилась. В день перед торжествами градоначальник Д. В. Сироткин попросил «изменить несколько программу» торжеств и зачитать приветствия не в городской думе, а во Владимирском реальном училище^[647].

Пришлось всё перекраивать и за ночь готовить училище к торжествам.

Наконец настало пасмурное утро 1 октября 1916 года.

На открытие прибыли вице-губернатор, предводитель дворянства, городская управа в полном составе, начальник гарнизона, директора

банков, гимназий и благотворительных обществ, гласные местной думы.

К полудню зал был полон. Предпоследним, как требовали приличия, прибыл губернатор, последним – архиепископ. Торжества объявили открытыми.

Вначале выступил архиепископ. Он благословил открытие института и прочёл проповедь с уместными по случаю интонациями: «Христианам отраднo принимать участие в торжестве науки... Природа вся создана Всевышним, и изыскания в природе, сотворённой Создателем, должны привести к познанию Великого Зодчего. Таким образом, все науки должны привести к сознательному уразумению веры христианской. При этом наука стремится и даёт свет знания на земле, а вера – блага небесные. И простолюдin, и люди науки ходите в свете! Аминь»^[648].

После этих слов Амалицкому вручили старинную икону, а потом отслужили молебен.

Губернатор зачитал краткое приветствие, причём ошибся в отчестве Амалицкого и назвал его не Прохоровичем, а Прокофьевичем. Губернатор пожелал процветания институту, предложил вознести здравицу его покровителю Николаю Второму и всему русскому войску. Грянуло громкое «ура», хор певчих три раза подряд исполнил народный гимн «Боже, царя храни».

На кафедру под аплодисменты поднялся Амалицкий.

Его длинную речь на следующий день напечатали все нижегородские газеты (их было три). Он напомнил историю злоключений института, поблагодарил Нижний Новгород за гостеприимство и пообещал работать на благо города и страны.

«Если сравнивать государство с организмами, то мы здесь находимся в центре кровеносных и нервных систем. Там, в Варшаве, мы были периферическими кровеносными сосудами и нервами, получавшими импульс отечества. Здесь, находясь в центре жизненных сил России, мы в единении с вами будем направлять нашу энергию на всю Россию и особенно на те окраины, откуда пришли мы, где теперь решается судьба России», – говорил он^[649].

Вслед за Амалицким выступил городской голова Сироткин. Чтобы не ставить в неловкое положение губернатора, он тоже назвал Амалицкого Владимиром Прокофьевичем. Речь Сироткина была

самой яркой и энергичной. Он говорил, что России нужна самостоятельность: «Пора освободить нашу страну от экономического иностранного рабства! Кровью наших воинов смываются последние наши договоры с Германией и да не будут таковые заключены вновь ни с врагами, ни с друзьями! Мы, по примеру сродной нам по числу населения, по климату, богатствам земли Америки должны создать девиз: Россия – для русских!»

Потом выступили предводитель дворянства («Ваше превосходительство Владимир Прокофьевич!»), председатель земской управы, директор кадетского корпуса. Последним, по веянию моды, сказал слово рабочий Сормовского завода. От имени трудящихся и общества трезвости он выразил надежду, что институт «пойдёт навстречу страстным желанием» простых людей, поможет им «пробиться к свету и станет доступным храмом для масс, жаждущих знаний и света».

В два часа дня Амалицкий объявил торжества закрытыми. Но празднование не кончилось. Профессорам устроили приём в городской думе, где их развлекал оркестр пожарного общества, игравший гимны России и союзных государств – Франции и Англии.

Там Амалицкий отказался от казённого языка и рассказал о своей любви к Нижнему Новгороду. Он говорил, что чувствует «глубокую симпатию» к этим местам с тех пор, как 34 года назад, ещё юношей, принимал участие «в первых просветительных работах нижегородского губернского земства». Градоначальник Сироткин на это ответил, что отныне Амалицкого и вообще всех приехавших из Варшавы профессоров можно называть нижегородцами^[650].

Профессора, государственные и общественные деятели, их супруги и дочери беседовали и знакомились до самого вечера. В думе для них накрыли чайные столики с закусками *a la fourchette*. А для студентов и городской молодёжи в здании Владимирского училища устроили вечеринку с танцами.

Со следующего дня начались преподавательские будни.

Амалицкий, помимо руководства институтом, читал лекции по прикладной геологии и палеонтологии. Занятия проходили в геологическом кабинете, который занял квартиру в жилом доме Смирнова^[651] недалеко от кремля, на Большой Покровке. Там жил и сам Амалицкий.

Его кипучая натура потребовала ещё нескольких дел. Он записался в члены Нижегородского научного общества, руководил Обществом ревнителей технических и физико-математических знаний, взялся за разработку устава Женского (или Девичьего) политехнического института.

Его супруга занималась благотворительностью. В Варшаве она, подобно другим дамам света, состояла в Русском благотворительном обществе, была попечительницей Мариинского приюта^[652]. В Нижнем она возглавила дамский комитет при институте по оказанию помощи воинам. Комитет собирал пожертвования и покупал товары для солдат, в основном сапоги и тёплые вещи.

Кроме того, Амалицкая успевала руководить Обществом вспомоществования недостаточным студентам, которое выдавало пособия, принимало меры к удешевлению квартир и питания, подыскивало студентам работу, устраивало в их пользу благотворительные лекции, балы и спектакли^[653].

Под её началом находилась столовая комиссия института, благодаря которой обеды отличались очень низкими ценами. Постный из двух блюд стоил 35 копеек, мясной – 48 копеек. Каждый день в столовую приходило три сотни человек. «Студенты обедами довольны», – сообщали газеты^[654].

Война продолжалась, постепенно уровень жизни падал. Стали исчезать продукты. Первым пропал сахар. Репортёры писали, что «добыча сахара» превратилась в «своего рода спорт»^[655]. Затем начала пропадать мука. Ревизоры по всей стране провели её перепись в магазинах и на складах.

К осени цены на некоторые товары поднялись на 600 процентов против довоенных^[656]. У магазинов выросли длинные «хвосты», как в те годы называли очереди. «Комечьи хвосты взбудораженных обывателей» стояли возле лавок долгими часами^[657].

Многие товары отпускались по купонам. При этом возникла неожиданная проблема: на купонах ставили печати, и старообрядцы, которых было немало в Нижегородской губернии, отказывались их брать. «Лучше с голоду помру», – твердили староверы, считавшие, что всякая печать – от антихриста.

К холодам разразился дровяной кризис. Чтобы топить печи, в деревнях собирали навоз и рубили фруктовые сады. На дрова шли

ценные породы деревьев, из которых прежде делали мебель и безделушки.

В Политехническом институте дров категорически не хватало, помещения для лекций стояли промёрзшими. Часть занятий из-за холодов пришлось отменить.

В этих условиях Амалицкий решил, что нельзя откладывать публикации своих находок. Прошло двадцать лет со дня его первых поездок на север, и уже пятнадцать лет Амалицкий почти ничего не публиковал. Непозволительная роскошь для учёного, тем более для учёного с мировым именем.

Отсутствие статей во многом объяснялось обстоятельствами: революцией, беспорядками, эвакуацией, реэвакуацией, передачей коллекций в Академию. Но главная причина была в другом: Амалицкий боялся ошибиться.

Новые находки заставляли его переделывать описания, уточнять диагнозы ящеров. Он видел, что зачастую сильно промахивался в определениях. В небольших заметках по итогам раскопок он не раз упоминал, что в Соколках встречаются животные, которых там быть не могло: формы, близкие к деутерозаврам^[658], «причудливые черепа, принадлежащие, вероятно, динозаврам»^[659].

Он признавался: «Последовательное поступление всё нового и нового палеонтологического материала, открываемого по мере хода раскопок и отпрепарировки конкреций, заполняющего, а иногда и изменяющего уже сложившееся представление о той или другой группе организмов, не даёт возможности закончить работу»^[660].

Неудивительно, что для начала он подготовил статьи о самых редких животных из Соколов – древних амфибиях. Он назвал их без изысков, в честь Двины и Котласа: двинозавр первый, второй, третий (*Dvinosaurus primus*, *Dvinosaurus secundus*, *Dvinosaurus tertius*), котлассия первая и вторая (*Kotlassia prima*, *Kotlassia secunda*).

Осенью 1916 года он отправил две статьи о них в Академию наук. Обстоятельства были против: почтовый вагон с фотографиями к рукописи сгорел в дороге^[661]. К счастью, у Амалицкого оставались копии снимков. Пришлось заново печатать иллюстрации. Амалицкий побоялся высылать их почтой и решил лично привезти в город, который уже сменил название на Петроград.

Заодно он привёз в Академию рукопись с описанием четырёх видов дицинодонтов. Этот труд был помечен им как том первый, часть первая, выпуск первый. Им должна была начаться публикация целого собрания сочинений под заглавием «Северо-Двинские раскопки профессора Амалицкого. Палеонтологические результаты. Пресмыкающиеся».

Обстоятельства снова были против. Нехватка денежных средств и нарастающий кризис не позволяли Академии печатать отдельные издания, а формат иллюстраций не подходил для серийных томов Академии. Амалицкому пришлось ограничиться рассылкой кратких диагнозов найденных форм в важнейшие палеонтологические музеи Европы^[662].

Наступил 1917 год. Затяжной войне не было видно конца. Россию преследовали неудачи и поражения на фронте, всё больше ухудшалась жизнь в тылу, в народе зрело недовольство, власти выглядели растерянными.

Амалицкий тем временем взвалил на себя ещё несколько обязанностей. По выходным он принялся читать бесплатные лекции в нижегородском отделении Археологического института. Вначале по часу, потом по два.

В Народном университете он сделал несколько бесплатных выступлений о палеонтологии, а заодно принял участие в создании научного общества по изучению нижегородского края. На организационном собрании он сказал о своей признательности этим местам, которые интересны «как памятник глубокой старины мира». «Изучая, мы ещё больше полюбим Нижний, полюбив его, мы полюбим Россию, культуру и объединимся теснее для дружной работы на родной почве», – говорил он^[663].

Ещё он увлёкся идеей открыть при своём институте особый «судостроительный подотдел».

В феврале его пригласили на Съезд высших технических учебных заведений в Петроград. Однако съезд в последний момент отложили на несколько дней, и как раз в эти дни случилась Февральская революция. В народе говорили, что она началась в очередях у продовольственных лавок, выросла из «бабьяго бунта»^[664].

Революция произошла стремительно. Уже 2 марта в Политехническом институте получили телеграфное сообщение:

произошёл государственный переворот, всю полноту власти взял на себя временный комитет Государственной думы. Совет профессоров во главе с Амалицким ответил на телеграмму «чувством глубокого уважения» и заверил в готовности работать на благо родины^[665]. Студентам в связи с переворотом разрешили неделю не ходить на занятия.

В Нижнем начались массовые митинги и демонстрации. На Благовещенской площади перед гостиницей «Россия» собралась громадная толпа, где кричали и толкались солдаты, рабочие, студенты и гимназисты. Толпа арестовала губернатора, разгромила полицейские участки, распустила огромную пересыльную тюрьму, вместе с политическими освободив уголовников.

А затем в институте случился непонятный конфликт. Здесь объявился некий студенческий комитет, который потребовал от руководства института сложить полномочия, так как его назначение состоялось при царской администрации. Студенческий комитет требовал провести новые выборы. Вероятно, он появился благодаря интригам некоторых профессоров, которые решили воспользоваться моментом для карьерного продвижения. Возможно, главную роль сыграл молодой профессор, кристаллограф Дмитрий Николаевич Артемьев, задумавший отделить горное отделение института от остальных кафедр и перевести из Нижнего Новгорода в Москву^[666].

Амалицкий зачем-то пошёл навстречу пожеланиям комитета, сложил полномочия и даже не стал выставлять кандидатуру на новые выборы. Временным директором назначили профессора, князя Александра Николаевича Кугушева^[667].

Заявление о своей отставке Амалицкий направил в столицу. Временное правительство рассмотрело его 7 апреля, в самом конце заседания. Перед этим министры два часа обсуждали аренду жилых помещений в Петрограде, закупку веялок для Закавказья, упразднение комитета о службе чинов гражданского ведомства. Все изрядно устали, когда подошёл черёд дел о назначении и увольнении должностных лиц. Прошения утвердили быстро. Амалицкий шёл по списку пятым. Его, согласно просьбе, уволили от службы постфактум «с мундиром, означенной должности присвоенным, с 31 марта сего года»^[668].

Амалицкий стал вторым и последним ректором Варшавского политехнического института. Вскоре институт переименовали в Нижегородский политехнический, затем наступил драматический период его существования: институт расчленили на несколько частей, объединили с другими учреждениями, но всё это прошло без участия Амалицкого. Его педагогическая карьера закончилась там же, где он делал первые шаги в науке, раскапывая рухляки в поисках ракушек. Он пытался увидеть в этом знак судьбы и решил наконец «всецело отдаться науке»^[669].

Он хотел переехать в Петербург, но для начала решил отправиться в Кисловодск лечить сердце, которое изрядно истрепалось за десять лет сплошных неприятностей и проблем.

Докучаев когда-то писал, что никакой, даже самый мощный организм не может переносить нагромождений «бедственных случайностей»^[670]. А жизнь Амалицкого уже давно напоминала такое нагромождение.

Солдат палеонтологии

У Амалицкого скопилось столько материалов по пермским ящерам, сколько не было во всём мире. После ухода из института у него наконец появилось время доделать монографии, лежавшие в виде черновиков. Их было несколько: про черепа парейазавров и дицинодонтов, про образование конкреций, про физико-географические условия пермского периода. Для некоторых он ещё в Варшаве заказал фототаблицы, потратив на это 1500 рублей. На прекрасной бумаге он во многих копиях отпечатал тридцать две фотографии черепов и скелетов^[671]. А монографии так и не дописал. Стопки фототаблиц потом хранились в Палеонтологическом институте. С обратной, чистой стороны художники рисовали на них ископаемые раковины, кораллы и кости. Плотные листы царского времени оказались лучше любого советского ватмана.

Амалицкие поселились в Кисловодске, в главном российском курорте для сердечников. Они сняли комнаты на окраине, на улице Петрушевской, подальше от суеты, на полпути от санаториев к товарной станции железной дороги.

Летом 1917 года Амалицкий подготовил к печати две книги: про парейазавров и дицинодонтов. Он писал в Академию, что готов выслать их для публикации. Ещё три монографии он редактировал и переписывал набело. «Литературной работы хватит на долгое время»^[672], – отчитывался он и добавлял, что без вреда для дела может заниматься в Кисловодске. «У меня здесь все мои рукописи, фотографии, часть книг и даже самые ценные окаменелости», – писал он^[673].

Кисловодск был переполнен разным людом. Многие приехали сюда переждать смутное время. По бульварам прогуливалась великая княгиня Мария Павловна в обществе фрейлин и придворных балерин. В ресторанах обедали именитые композиторы, промышленники, в том числе «российский Крёз» – Нобель с семьёй. На веранде дачи занимался распевами Фёдор Шаляпин, и прохожие слушали бесплатные концерты знаменитого певца.

Но сбежать от проблем не получалось и в Кисловодске. Жизнь становилась всё труднее и сложнее. Обыватели шутили, что мучений в Кисловодске уже больше, чем лечений. Не хватало сахара и керосина, нельзя было достать свечей. Впрочем, так было по всей стране.

Временное правительство не справлялось с политическим и экономическим кризисом. Страна проигрывала войну, немецкие войска одерживали победу за победой и продвигались вглубь России, дезертирство русских солдат приняло повальный характер, назревала новая революция.

В начале августа Амалицкий отправил в Академию просьбу готовить коллекцию к эвакуации.

В газетах читал об эвакуации Петрограда; так как, видимо, эвакуация неизбежна, то я покорнейше прошу эвакуировать все Северо-Двинские коллекции, не стесняясь тем, что они пострадают при упаковке и перевозке. Лучше последнее, чем видеть их «аннексированными» немцами. Они непременно сделают это и будут показывать их в своём музее «Победа», как и ныне показывают в Потсдаме китайские древности, увезённые из Китая во время Китайской войны. Необходимо также эвакуировать мои рукописи, таблицы и негативы. Если бы затруднились Вы сделать это своими силами, то я готов приехать сам^[674].

Он предлагал погрузить материалы в баржу и отправить подальше от Петербурга. «Я считаю, что эвакуация Сев. Двинских коллекций должна быть сделана скорее – до ледостава. Ведь, насколько я помню, эвакуация предполагалась водным путём, – писал он и добавлял: – Я более чем кто-либо понимаю настроение при эвакуации»^[675]. О том же говорили и другие учёные. Академик Андрусов писал академику Вернадскому: «Я помню, что мы решили думать об эвакуации тогда, когда будет занята Рига, а это, по-видимому, теперь факт»^[676].

Потянулись тоскливые дни ожидания. Амалицкий регулярно отправлял письма в Петроград, говорил о готовности приехать, но

только если будет необходимость: «Я готов быть полезным в эту трудную минуту, но вместе с тем боюсь быть в тягость»^[677].

Несмотря на новые проблемы, он не терял присутствия духа и надеялся на лучшее. Он рассчитывал продолжить раскопки и регулярно платил крестьянам за охрану и аренду котлована.

В сентябре 1917 года он отправил в Соколки деньги за весь будущий год. В ответ получил стандартное письмо Осипа Верещагина, что «в раскопке всё хорошо и благополучно, а покудова от сего письма ещё уведомляю вас, что я получил деньги от Вашей милости 470 рублей и разделил по-старому»^[678].

В октябре Амалицкий получил от Академии пропуск на въезд в Петроград, но выехать из Кисловодска не смог. Поезда ходили как придётся. Ехать через всю страну было опасно из-за дезертиров, бандитов и толп беженцев.

Газеты писали: «Если поезда ещё ходят, если пассажиры с риском для жизни отваживаются ещё совершать поездки, а грузы иногда доходят по назначению, то всё это происходит исключительно по инерции. Это не больше как агония отмирающей нервной системы страны, каковою является железнодорожная сеть»^[679].

За поездами никто не ухаживал, они разваливались на ходу, перегруженные пассажирами и кладью. Лопались рессоры, разрывались составы. Войска противоборствующих сторон – большевики, дутовцы, калединцы – разбирали рельсы, чтобы помешать передвижению противника.

И всё равно на платформах толпились тысячи людей. Билетов не было ни у кого. Посадка проходила «с воем и криком, какой услышишь ещё только на пожаре». Люди выдавливали окна и выламывали двери, чтобы влезть в вагон. Ни одна посадка не обходилась без жертв. Кого-то сбрасывали под колёса ещё не остановившегося состава. Кому-то ломали в давке руки и рёбра. «На железных дорогах творится ужас. Поистине несчастна судьба человека, которого злая нужда или роковая необходимость заставляет теперь куда-либо ехать», – рассказывали газеты^[680]. Они уже выходили на плохой серой бумаге, а столбцы печатали такими слабыми красками, что они получались синими, а не чёрными.

Амалицкие остались в Кисловодске. Это оказалось ошибкой.

Зима на Кавказе выдалась суровой, в городе не хватало дров и керосина, дома стояли тёмными, холодными. Сердце Амалицкого не выдержало. В декабре у него случился сердечный приступ. Врачи осмотрели Амалицкого и сказали, что положение безнадежное, рассчитывать на выздоровление не стоит^[681].

Придя в себя, Амалицкий стал приводить в порядок книгу о парейзавах, но случился второй приступ. Супруга вызвала доктора, однако спасти Амалицкого не удалось. Он скончался 15 декабря 1917 года в возрасте 58 лет.

«Умер, как верный солдат на своём посту, так как за полчаса до смерти писал свою работу (Pareiasauridae) и почувствовал себя худо», – вспоминала Амалицкая^[682].

Она отправила извещения о смерти мужа в разные концы страны: в Петроград, Нижний Новгород, Москву, Ефимовскую. Сохранилось одно – академику Андрусову.

Многоуважаемый Николай Иванович,
Муж мой, Владимир Прохорович Амалицкий, внезапно скончался от разрыва сердца в пятницу, 15-го декабря в 2½ часа дня, о чём считаю своим долгом Вас уведомить.
Уважающая Вас

А. Амалицкая^[683].

4 января 1918 года в Нижнем Новгороде отслужили панихиду о бывшем ректоре^[684]. 14 января на заседании совета института память Амалицкого почтили вставанием и решили основать комиссию для увековечивания его имени, а вдове послать на похороны тысячу рублей^[685].

10 января в Академии наук Карпинский прочёл небольшой некролог, отметив злую случайность в судьбе Амалицкого: «В настоящее время, когда покойный геолог, освободившийся от своих разнообразных и нередко тяжёлых обязанностей, мог всецело посвятить себя научной обработке собранных им сокровищ, неожиданная кончина прервала его так настоятельно необходимую работу. Двинское собрание ископаемых будет служить ему большим вечным памятником». Память покойного почтили вставанием^[686].

Новым руководителем Северо-Двинской галереи на безвозмездной основе назначили академика Андрусова^[687]. Также была создана Северо-Двинская комиссия – для решения вопроса о дальнейших раскопках и изучения добытой фауны. Её возглавил Карпинский.

Прах Амалицкого со временем потерялся. Где именно его похоронили, узнать нельзя: приходские книги времён революции в Кисловодске не сохранились. Могила в любом случае уничтожена: в девяностых годах остатки старого кладбища снесли бульдозерами. Здесь собирались, но так и не построили супермаркет. На месте кладбища долгие годы лежал пустырь, на котором возвышались сложенные горкой надгробные плиты^[688].

Часть вторая

Десять тысяч костей

К 1918 году коллекция из Соколов была разделена на шесть частей.

Самое ценное находилось в Петрограде. В Геологическом музее стоял десяток смонтированных скелетов, в основном парейазавров. В вестибюле президиума Академии лежали доставленные из Варшавы ящики с конкрециями, фотографиями и другим имуществом Северо-Двинской галереи.

Вторая часть хранилась в геологическом кабинете Политехнического института в Нижнем Новгороде. Были опасения, что после ухода Амалицкого материалы могут выбросить, так как ящики не имели отношения к институту и занимали слишком много места – сразу две комнаты.

Третья часть находилась на берегу Северной Двины, в сарае на раскопе: более сотни ящиков.

Четвёртая оставалась в оккупированной Варшаве.

Пятая – в Москве: четыре огромных ящика, которые почему-то не забрали в Нижний Новгород.

Шестая – в Кисловодске. Амалицкий не расставался с несколькими ценными находками, в том числе с черепом двинии. Этот череп уже немало попутешествовал: побывал в Варшаве, Петербурге (Амалицкий показывал его на собрании Общества естествоиспытателей), Москве, затем в Нижнем и, наконец, в Кисловодске.

Собрать все находки в одном месте было необходимо, но сделать это оказалось практически невозможно.

В стране разгоралась гражданская война, нарастала разруха. Транспортная сеть развалилась. В Кисловодск поезда вообще не ходили. Во многих губерниях наступил голод, вспыхнули эпидемии тифа, везде процветал бандитизм. Многие регионы были отрезаны друг от друга, словно удельные княжества, некоторые начали печатать собственные деньги.

Почти не работали почта и телеграф.

Амалицкая передавала письма оказией через знакомых, которые ехали в центральные части страны, через Петроградское общество увечных воинов, десятников Московской конторы инженеров. Телеграммы с соболезнованиями до неё не дошли. Вместо них вдова получила письмо из Соколов: крестьяне писали, что «везде всё подорожало», и требовали доплатить сто рублей за «огрѣбку от снега с сараев».

«Мы приступаем к работе и всепокорнейше просим выслать нам заработанные нами деньги за очистку сараев, т. к. нам деньги очень нужны при такой дороговизне, с нетерпением ждём ваших денег», – говорилось в письме^[689].

Отправить деньги не получилось: переводы в Кисловодске не принимали. Тысячу рублей от Политехнического института «на похороны» Амалицкая тоже не получила.

В феврале 1918 года она писала Андрусову: «Мы совершенно не получаем ни писем, ни газет из Петрограда и Москвы и кругом нас идут бои» – и просила отправить крестьянам сто рублей за огрѣбку снега и сто рублей на помин души Амалицкого. Письмо Андрусов не получил.

Всего вдова отправила в Петроград несколько десятков писем. Дошло только одно, переданное через знакомого; от других остались отпуски, потом осевшие в архиве Академии.

В Кисловодске Амалицкая провела полтора года, работая в аптеке. «Я всё время рвусь отсюда, да уехать нельзя. Кругом нас всё идут бои», – повторяла она почти в каждом письме^[690].

Возле Кисловодска шли нескончаемые перестрелки между красными, белыми, бандитами, монархистами и какими-то совсем экзотическими шайками, например Женским карательным отрядом каторжанки Маруси.

Только в 1919 году Амалицкая выбралась отсюда. Она доехала до Ростова-на-Дону, где устроилась препаратором и техником-рисовальщиком сначала в геологический кабинет Донского университета, потом в горный и химический комитеты.

В Петрограде тоже царил хаос. Продовольствия почти не осталось; не хватало дров, печи топили бумагами и книгами. В домах не работала канализация. Электричество и газ стали крайне дорогими и поступали с перебоями. Андрусов писал Вернадскому из

Петрограда, что в городе все «истрепались и изголодались до крайности», а из музея началось повальное бегство.

«Я, Владимир Иванович, крепился здесь, сколько мог, и сейчас в Геологическом отделении остался один: все хранители исчезли один за другим и никто не возвращается. Причины бегства были различны, но большею частью в конце концов на продовольственной почве или из-за страха немецкого плена»^[691].

Дальше шёл рассказ о пропавших сотрудниках.

О. О. Баклунд гостил в усадьбе родных в Финляндии. Когда началось «красногвардейское владычество», усадьбу разгромили, хозяев убили. Баклунд с женой и дочкой бежал в Швецию, но откуда не мог вернуться в Петроград. За место на корабле с него просили тысячу крон, а проезд через Финляндию закрылся.

И. П. Толмачёв отправился в Сибирь закупать хлеб для военнопленных и застрел в Омске, который заняли легионы чехословаков.

М. В. Баярунас выехал в Персию на нефтяные работы по приглашению Закавказского банка и пропал в Баку, когда там начались погромы.

С. А. Гатуев очутился во Владикавказе, «с оружием в руках» защищал «свою семью и друзей от ингушей», и трудно было сказать, жив ли он. «Вы ведь знаете, что там делается. Характеристикой жизни во Владикавказе может служить надпись в одном из его клубов: „просят употреблять оружие лишь в случае крайней необходимости“», – рассказывал Андрусов^[692].

«Мы живём здесь в бедламе. Я решительно не знаю, сплю ли я или бодрствую. Разобрать ничего не могу: мир ли, война ли, мобилизация или демобилизация», – жаловался он^[693].

Петроград наводняли слухи. Газеты писали, что немцы подошли к Нарве; прохожие уверяли, что они уже под Гатчиной, а Красная армия (по словам Андрусова, «наскоро наберёванная и необученная») разбежалась в разных направлениях.

Весной 1918 года Академия командировала геолога А. А. Борисяка в Нижний Новгород и Соколки, чтобы выяснить, в каком состоянии находятся материалы Амалицкого. Академия запросила у большевицкого правительства 30 тысяч рублей на «северодвинские

дела», но ответа не получила. «И едва ли получит», – считал Андрусов^[694].

В начале июня Борисяк отправился в дорогу сначала поездом, потом на лошадях и по реке. Еды в провинции оказалось мало, вся страшно дорогая, а ещё везде царила разруха. «Больше недели плыл на пароходе, наслаждался чудесной погодой и видами – и всеми удобствами, лишь в высшей мере загрязнёнными», – писал Борисяк дочери^[695].

Пока он добирался до Вологодской губернии, её переименовали в Северо-Двинскую и ввели в ней военное положение.

В Ефимовской Борисяк перезаключил соглашение с крестьянами. Аренду продлили, а также подписали договор на охрану раскопки, инструментов и коллекций. Академия положила крестьянам 1400 рублей жалованья в год. Подписи под бумагой поставили Борисяк и пятеро крестьян: двое неграмотных нарисовали крестики^[696].

Сумма аренды при нарастающей инфляции была мизерной. Только на свою поездку Борисяк потратил больше: почти тысячу рублей на проезд и более тысячи на пропитание.

После Соколков он заехал в Нижний Новгород и осмотрел ящики Амалицкого. Они лежали в несколько ярусов в препараторской и «фотографической комнате». В ящиках находились железные подставки под скелеты, книги, негативы (целый ящик), неочищенные конкреции и готовые к монтажу скелеты.

Борисяк узнал, что профессор Артемьев, старый недоброжелатель Амалицкого, грозился выбросить всё это на улицу, чтобы очистить геологический кабинет, но администрация института разрешения не дала. Борисяк заверил администрацию института, что в ближайшее время Академия всё своё имущество заберёт. Здесь же он встретился с бывшим препаратором Гадомским и пообещал устроить его в Геологический музей. Заодно попросил съездить в село Шихраны на Волге, где в карьере нашли какие-то окаменелые позвонки. На расходы выдал 300 рублей.

Шихраны располагались близко к боевой линии, но Гадомского это не смутило. Он ехал сначала смешанным поездом, потом служебным и воинским – на подножках и тормозах. «Хотя простуженный, но всё-таки добрался», – отчитывался он^[697].хлопоты

оказались напрасными: кости уже отправили в Москву, а принадлежали они, видимо, ихтиозавру.

Когда Борисяк вернулся в Петроград, в опустевшем музее его ждала записка от Андрусова. Академик писал, что совершенно извёлся и решил оставить должность директора.

Продержавшись на этом посту в нынешнем году десять месяцев, я дошёл в настоящую минуту до крайнего физического истощения и душевной усталости, не говоря уже о части моей семьи, поэтому, несмотря на серьёзный и даже опасный момент, который теперь переживает Геологический и Минералогический музей, повелительно требуется для меня продолжительный отпуск, после которого я, может быть, могу снова приняться за энергичную работу. В моё отсутствие тем из хранителей, которые соберутся, я надеюсь, хоть бы и в малом числе, придется взять на себя сообща и коллегиально заботу о Музее, директором которого, в моё отсутствие, останется академик С. Ф. Ольденбург [\[698\]](#).

Осенью 1918 года в музее стало совсем невозможно работать. Отапливались сначала две, потом одна комната. Выставочные залы промерзали. «Клей, которым были склеены кости скелетов парейазавров, давал от мороза красивые белые игольчатые щётки кристаллов; но это не шло на пользу экспонатам, так как при раскристаллизации клея кости распадались», – вспоминал палеонтолог Роман Фёдорович Геккер [\[699\]](#).

В музее запретили засиживаться по вечерам, чтобы не включать лампы и не тратить дорогое электричество. Сотрудники работали днём, в основном на подоконниках. Впрочем, и сотрудников почти не осталось.

Северодвинскими делами на добровольной основе занялся Борисяк, он отправлял крестьянам плату за аренду и охрану, в ответ получал письма, словно написанные под копирку: «Здрастуйте Алексей Алексеевич. я получил отвашей Милости Денги 700 руб. 6 месяцев. Застарый Гот 4 месеца 1 сентября. Зановой Гот 1920 получили 2 месеца 1 марта и благодарим вас и уведомляем вас что

враскопке всё хорошо и Благополучно покудова и шлём ото всех Ефимовцов понискому поклону и желаем вам доброго здравия ивсякого Благополучия вделах ваших»^[700].

Положение в стране ухудшалось. Продолжались беспорядки, боевые действия, не хватало продовольствия, люди стали умирать от голода. При Академии создали особую комиссию о положении высшей школы и учёных. Она составляла список убитых, погибших и бедствующих специалистов. Сюда стекались такие сведения: «Профессор Владимир Михайлович Шимкевич. Находится в Петербурге. Весной 1919 г. крайне бедствовал и опух от голода. Из Харькова ему посылали кое-какую провизию в ответ на умоляющие письма о помощи»^[701].

Накануне нового года покончил с собой совсем уже пожилой Иностранцев. Ему было 76 лет, вместо шампанского он выпил цианистый калий. Гроб достать не смогли, сколотили ящик из досок. Он получился меньше, чем надо, – ноги Иностранцева пришлось согнуть в коленках, иначе не помещались. На кладбище ящик везли на детских салазках. Не было ни лошадей, ни процессии. Санки везли по сугробам близкие Иностранцева, за ними шли несколько служителей геологического кабинета и пара академиков^[702].

Едва не умер приехавший в Петроград Гадамский: заразился сыпным тифом. В Палеонтологическом институте сохранилась небольшая справка о его болезни. На ней две печати. Одна старого дизайна, дореволюционная, насыщенного синего цвета: «Докторъ медицины В. Р. МООРЪ. В. О., 9 линия, 34». Другая бледная, едва различимая: «Домовый Комитет бедноты. Вас. Остр., Средний просп. д. № 32».

Врач писал: «Сим удостоверяю, что Людвиг Кириллович Гадамский, 44 лет, был болен сыпным тифом и воспалением мозговых оболочек с 6-го февраля по 5-е марта и в данное время ещё очень слаб и раньше 15 апреля заниматься не может».

Комитет бедноты был лаконичнее: Гадамский болел и «лежал у себя на дому»^[703].

Несмотря на крайние сложности, коллекцию Амалицкого всё же собирали.

Весной 1919 года в Петроград из Нижнего Новгорода в двух товарных вагонах доставили 113 ящиков с материалами Северо-

Двинской галереи и три сундука личных вещей Амалицких.

В 1921 году Амалицкая привезла в Петроград череп двинии и рукописи мужа. Вдову зачислили научным сотрудником в Геологический музей. Кроме того, Академия назначила ей паёк «в память заслуг покойного Амалицкого»^[704].

Сложнее было доставить находки, оставленные на раскопе.

В 1921 году в Соколки отправился геолог Н. К. Разумовский. В отчёте он писал, что на севере деньги уже не имеют значения, продукты идут только на обмен, а самой крепкой валютой стали соль, спички и мыло. «В деревнях нельзя издержать ни копейки: всё на обмен. Поэтому, если с собой не привезено никакой „меново́й ценности“, рекомендуется закупить в качестве разменной монеты в Котласе хорошей соли», – советовал он^[705].

Разумовский обнаружил, что раскоп находится в крайне запущенном состоянии: двери сараев раскрыты, замки украдены. Несколько ящиков стояли вскрытыми, рядом лежали разбитые конкреции. В округе опять появились слухи, будто в ящиках хранится золото. Но главной бедой стали «старухи Вотложемского городка», которые «ломали эти кости в ладанки, веря, что они помогают от „трясовицы“ (малярии)». И ещё экскурсанты растаскивали их по школам^[706].

Крестьяне обещали Разумовскому получше охранять раскопку, но потребовали платить не деньгами, а мукой. На прощание попросили прислать из Петрограда бумагу и конверты для писем, а ещё передать барыне Амалицкой, что, если вдруг приедет, пусть возьмёт «мануфактуры, иначе голодом насидится».

Амалицкая приехала уже в следующем, 1922 году вместе с геологом, краеведом и фольклористом Михаилом Борисовичем Едемским. Едемский был очень примечательным персонажем. За свою жизнь он сменил немало профессий, но по сути всегда оставался краеведом. Он родился в 1870 году в деревне Рыкаловской Вологодской губернии. Его далёкие предки были богатыми новгородскими купцами, один даже породнился со Строгановыми. К XVIII веку род обеднел, Едемские превратились в обычных крестьян.

У Михаила Едемского было четыре брата и две сестры, но образование получил он один. Его отец говорил, что семье хватит одного учёного, а остальным нужно по хозяйству работать^[707].

Окончив единственную в волости трёхлетнюю школу, Едемский поступил в Тотемскую учительскую семинарию, затем долго работал учителем. На север в те годы ссылали многих интеллигентов. Едемский благодаря знакомству с ними увлёкся фольклором и естествознанием. Его первые публикации связаны с преданиями и говором Вологодчины. Постепенно их число росло, Едемский регулярно отсылал в журналы северные сказки, предания, загадки. Материалы были уникальными. Едемский пользовался доверием сказочников, и они рассказывали ему легенды про кровавые косы, гуляющие по озёрам, про спрятанную в тайге чудотворную саблю Александра Невского.

За фольклорные работы его наградили сначала серебряной, потом малой золотой медалями Русского географического общества. Одновременно он занимался геологией севера, просил мальчишек за угощение приносить ему любопытные камни. Выбрав интересные, остальными он засыпал дорожные ямы в деревнях.

В 1903 году в возрасте 33 лет Едемский поступил на естественноисторическое отделение Петербургского университета и сторонним слушателем, то есть заочно, окончил его с отличием в 1912 году. Выпускнику Едемскому было 42 года.

В 1913 году он побывал в Соколках и беседовал с Амалицким. В том же году он получил право преподавать в школе все предметы из области естествознания. Вначале он учительствовал в Петербурге, в 1917-м возглавил Тотемскую учительскую семинарию.

В 1919 году произошёл резкий поворот в его судьбе. Едемский вошёл в комиссию Академии по изучению естественных производительных сил России и занялся геологическими изысканиями на Севере. Из учителя превратился в геолога. Этому способствовала нарастающая «слабость голосовых связок», из-за которой ему стало трудно вести уроки.

Едемский изучал олонецкие железные руды, геологию Пинеги, но уже через два года вышел из состава комиссии. Она исследовала всю территорию страны, а его интересовал только Север. Но без работы Едемский не остался: его взяли в Геологический музей и включили в Северо-Двинскую комиссию.

Едемский живо интересовался палеонтологией, ему нравилось искать окаменелости, но изучать их он не умел и не хотел. Ни одной

статьи о палеонтологии он не опубликовал. Да и в геологии все его работы описательные, в них нет выводов и теории. Многие скорее напоминают записки путешественника, тем более что Едемский писал хорошо и обладал несомненным литературным талантом. Мало кто из геологов в описании соляных залежей стал бы рисовать картину заброшенной солеварни, где «наполненный рассолом бак служит лишь для развлечений местной детворы, собирающейся сюда пускать свои игрушечные кораблики». Или красочно рассуждать про обугленные куски пермской древесины, похожие на головешки: «Тщательный осмотр, однако, убедил, что эти обугленные остатки принадлежат не нашего времени костру, а являются остатками костра, скорее, большого пожара того времени, когда высшими формами живых существ были только рептилии»^[708].

Едемский был отличным полевиком. Теоретические вопросы его не привлекали ни в фольклористике, ни в геологии. Он ограничивался тем, что записывал наблюдения. По словам академика С. Ф. Ольденбурга, он был «образцовым экспедиционным работником»^[709].

Дорога Амалицкой и Едемского до Соколов получилась непростой. Деньги обесценивались чуть ли не ежедневно, цены измерялись миллионами. Тысячные ассигнации в народе называли «кусками», миллионы – «лимонами», миллиарды – «лимонардами». На купюрах пририсовывали нули, чтобы не запутаться.

Газета стоила 20 тысяч рублей; носильщику на вокзале Амалицкая заплатила 3 миллиона; Осипу Верещагину в Соколках за еду, ночлег и кипяток – 15 миллионов. Небольшая экскурсия Амалицкой и Едемского обошлась Академии в полмиллиарда рублей^[710].

Оказалось, обязательства по охране крестьяне проигнорировали. Неуловимые вотложемские старушки разломали ещё два ящика с конкрециями. Оба сарая стояли с открытыми дверями, у одного крыша протекала, у другого проломилась^[711].

Ящиками был заставлен весь большой сарай. Едемский смог осмотреть только крайние и увидел, что днища целиком прогнили от сырости. Число ящиков оказалось в два раза больше, чем предполагала Академия, – почти двести штук^[712].

Едемский купил в деревне доски, наглухо заколотил двери сараев. Заодно выдал крестьянам охранные грамоты от Академии. В

них говорилось, что предъявители этих бумаг «действительно состоят на службе Российской Академии Наук по охране коллекций и места раскопок» и «для несения обязанностей охранителя (сторожа)» должны «безотлучно находиться при указанном месте раскопок»^[713]. Крестьяне надеялись, что грамоты помогут избежать мобилизации в Красную армию.

Хранить коллекции по-прежнему в Соколках Академия не хотела. Две сотни ящиков можно было доставить в Петроград или по железной дороге, или водным путём. Учитывая объём (около 80 тонн), Академия остановилась на втором варианте. Речное Госпароходство согласилось бесплатно доставить груз через Мариинские каналы.

В 1923 году на упаковку коллекции отправились Едемский с Гадамским.

Когда они вытащили ящики из сарая, то обнаружили, что в негодность пришли не только крайние ящики и не только днища. Большинство ящиков «сгнили почти совершенно и о ремонте их нечего было и помышлять»^[714]. Более-менее целыми оказались пятьдесят.

Пришлось срочно делать полторы сотни новых. Заказанных заранее досок не хватило, на доски разобрали большой сарай: от него осталась только крыша, стоявшая на четырёх столбах. Маленький сарай Едемский не стал трогать в надежде, что он пригодится, когда возобновятся раскопки.

Для изготовления ящиков пришлось нанять много рабочих. Пять недель они пилили бревна, сколачивали ящики, перетаскивали конкреции. Всё приходилось делать быстро, чтобы успеть до подачи баржи.

Старая солома, которой раньше перекладывали конкреции, тоже вся сгнила. Заказывать новую было некогда. Конкреции сложили без упаковки и без описи.

В конце июля к Соколкам подошла баржа Госпароходства, прицепленная к пароходу «Стенька Разин». Ящики, весившие по 500 килограммов, спускали с обрыва, придерживая верёвками. Они, словно плуги, пропахали по рухлякам широкую борозду.

Вместе с конкрециями в Петроград отправили оставшееся имущество Амалицкого, которое хранилось у крестьян: два чайника, самовар, кухонную посуду и молоток.

Баржа сильно просела под весом ящиков, но матросы не стали откачивать воду. Они рассчитывали проскочить мели по высокой воде, которая держалась на Сухоне благодаря дождям.

27 июля баржа отчалила от Соколов. Вначале шла быстро, потом остановилась, постояла, но затем двинулась дальше. «Можно надеяться, что наши парейзавры, двинозавры, лодыри с препаратом Л. К. Гадомским во главе, протянут благополучно и не слишком медленно», – писал Едемский в Петроград^[715].

Баржа не дошла до Великого Устьяга всего 16 километров. Вода в реке упала, провести баржу через пороги не получилось. Пока матросы сливали воду, пароход «Стенька Разин» ушёл. Баржу прицепили к другому пароходу – «Достоевский». Когда она наконец прошла пороги и пристала к пристани, Гадомский увидел на берегу знакомое лицо – своего начальника, нового директора Северо-Двинской галереи, академика Петра Петровича Сушкина.

Сушкин считался одним из лучших зоологов мира. С детства он показывал большие успехи в науке. Гимназию окончил с серебряной медалью, университет – с золотой. По образованию он был орнитологом и анатомом, занимался изучением птиц Алтая и киргизских степей. Палеонтологией он интересовался «платонически»: читал чужие труды, но сам ископаемых не изучал^[716].

Он дружил с Борисяком и часто приезжал к нему в Крым. Дочь Борисяка на всю жизнь запомнила, как мальчишки приносили Сушкину крачек, а он душил птиц двумя пальцами и потом набивал из них чучела^[717].

Вскоре после революции Академия пригласила Сушкина в Зоологический музей. Сушкин в то время преподавал в университете Симферополя. Он сомневался в целесообразности переезда в голодный Петроград, но всё же соблазнился возможностью сосредоточиться на науке. В Симферополе такой возможности не было из-за нехватки коллекций и книг.

В письме Вернадскому Сушкин делился планами. Он хотел дополнить свою монографию о птицах Алтая, кончить работу о птичьих гибридах («вчера уже готова»), заняться зоогеографией Палеарктики и добавлял, что «чрезвычайный интерес» питает к «накопившимся за последнее время в Петербурге»

палеонтологическим коллекциям. «Находки Амалицкого по низшим рептилиям чрезвычайно интересуют меня как сравнительно-анатома в связи с некоторыми назревшими у меня вопросами, касающимися как генеалогии рептилий и млекопитающих, так и морфологии черепа; в этой области, мне кажется, предстоит ещё много работы... Здесь меня затрудняет незнакомство с техникой препаровки, но с этим я надеюсь освоиться»^[718].

Сушкин решился на переезд. Он взял из Симферополя чемодан с рукописями, гору провианта и небольшую коллекцию птичьих шкурок. «Еду не без страха, но и Симферополь покидаю не без удовольствия», – признавался он^[719].

Дорога заняла целый месяц и не обошлась без приключений. В Харькове Сушкин отстал от поезда, пришлось ехать другим.

По прибытии его зачислили на академический паёк и поручили руководство орнитологическим отделом Зоологического музея и, неожиданно, Северо-Двинской галереей (председателем Северо-Двинской комиссии оставался академик Карпинский).

Сушкин не раз пожалел о переезде. Он писал, что цены в Петрограде «совершенно страшные, а жалованье мизерное», сетовал на ледяную квартиру, которую получил в Геологическом музее: её окна выходили на север, а дверь – в зал с парейзаврами.

Из Симферополя Сушкин уезжал с надеждой оставить педагогическую работу и заняться наукой. От лекций он в самом деле избавился, зато на него навалилось столько административных обязанностей, что на науку времени всё равно не оставалось.

«Страшно удручает обилие музейской работы. И орнитологическое отделение, и северо-двинская коллекция так запущены, что просто невероятно; временами думается, что опрометчиво поступил, взяв должность – жаль, мало времени остаётся на научную, собственную работу», – писал он^[720].

С трудностями примиряли уникальные материалы, особенно северодвинские. Сушкин увлёкся ими, отложил в сторону орнитологические труды и шутил, что старые кости вдохнули в него вторую молодость^[721].

Целыми днями он просиживал с лупой на лбу и препарировал находки Амалицкого. Работал он всегда самозабвенно. Бывало, несколько суток проводил за препарированием, питаясь чаем с

колбасой и прерываясь только на недолгий сон. Вид у него при этом был измождённый, но чрезвычайно довольный^[722].

Сушкин изучил остатки двинозавра, описал черепа двинии и дицинодонтов. Особое внимание он уделял слуховым структурам, которые позволили ему выдвинуть оригинальные предположения об эволюции и происхождении некоторых групп животных. Сушкин отличался от остальных палеонтологов опытом биолога. Он был блестящим анатомом, тогда как другие, в том числе Амалицкий, по сути, оставались геологами.

Сушкин замечал на костях такие морфологические особенности, какие проходили мимо внимания геологов. Буквально за пару лет он создал новую, биологическую школу русской палеонтологии. Её главными представителями стали И. А. Ефремов и отчасти Борисяк, через которых школа Сушкина сохранилась до наших дней.

Широкая эрудиция позволяла Сушкину выдвигать глобальные гипотезы. Изучая окаменелые жаберные дуги двинозавра, он выступил против закона Долло, который гласил, что эволюция необратима и, утратив какой-то признак, животные уже не могут заново его получить.

Скелет двинозавра показывал, что могут. Жабры свойственны личинкам амфибий и исчезают у взрослых особей. Однако гигантские двинозавры вновь стали использовать их для дыхания. Сушкин полагал, что такая «регрессивная эволюция» произошла из-за неблагоприятных условий обитания. В результате опустынивания территории амфибии не могли выходить на сушу и утратили привычный для наземных позвоночных способ дыхания.

Летом 1923 года Сушкин решил отдохнуть от многочисленных обязанностей и уехать подальше из Петрограда. «Главное, чтобы куда-нибудь уехать и побездельничать (не в санаторий же, право!)», – признавался он^[723].

Вначале он хотел отправиться в экспедицию в Азию, но она сорвалась. Сушкин купил билеты на пароход «Ломоносов» и вместе с супругой выехал на север. Из путешествия писал: «Плыть на пароходе – одно наслаждение, только дорого питаться, да и погода, первоначально прелестная, испортилась»^[724].

Большое письмо он отправил Борисяку.

Дорогой Алексей Алексеевич,

В виду летнего отдыха я (понапрасну прождав с месяц денег из Ташкента, куда меня вызывали начальствовать небольшой экспедицией) решил прокатиться по Северной Двине, от Вологды до Архангельска, а затем перебраться морем куда-либо на Мурманскую дорогу. Мимоходом я решил осведомиться о положении дел на Северо-Двинских раскопках, о которых у нас почти не было сведений. Могу сообщить, что всё обстоит благополучно, хотя тревоги было немало...

Я был на барже. Сопровождает её Гадомский. Едемский надзирал за началом пути, а теперь остался на раскопках, чтобы поехать по Пинеге, как только получится от Гадомского из Тотьмы телеграмма, что опасные места пройдены. По-моему, теперь «дело в шляпе». Команда баржи теперь справляется с откачкой, воды не бывает больше 1½ вершка, т. к. баржа сейчас замочла и уже почти не течёт.

Команда производит приятное впечатление. Они с Мариинской системы, оттуда взята и баржа. На Двинской системе рискованные места все пройдены, а Мариинская (которую команда знает) не представит таких затруднений, даже пресловутые Свирские пороги...

В Петрограде надеются быть, по словам команды, около 20–23 августа. Когда Гадомский спросил меня, к кому обратиться в Петрограде относительно разгрузки баржи, то присутствовавший при этом водолив, т. е. капитан баржи, заметил: «ну, баржа казённая, груз казённый, мы казённые – до октября выгрузим, и ладно». Конечно, это преувеличение, но очевидно, нас не будут заставлять торопиться, что очень хорошо.

Особенно Сушкина позабавила встреча с Гадомским, который, никого не замечая, стоял на палубе баржи, словно пират с подзорной трубой^[725]...

Баржа из Соколков дошла до Петрограда за месяц. В конце августа она пристала к Тучковской набережной, куда только что

переехал Геологический музей. Ящики перетащили в запасные помещения, где уже лежали 10 тонн неотпрепарированных конкреций Амалицкого ^[726].

Основная часть коллекции оказалась в Петрограде. Оставалось привезти материалы из Москвы и Варшавы.

В 1926 году на поиски конкреций в Москву отправился Едемский. Прошло уже десять лет с тех пор, как Амалицкий оставил в Коммерческом институте четыре ящика с двумя тоннами конкреций. Институт успели ликвидировать и на его базе открыли новый – Народного хозяйства. Управляющий делами института выслушал Едемского и пообещал выяснить судьбу коллекций. Потом оказалось, что поручение он дал в очень своеобразной форме, потребовав от подчинённых найти «окаменелых змей, покрытых камнями» ^[727]. Никаких «окаменелых змей», конечно, не нашли.

Кто-то сказал Едемскому, что ящики с камнями действительно числились на хранении, но их, вроде бы, вывезли ещё в 1920 году неизвестно куда. Едемский стал наугад обходить музеи и научные учреждения. В Главнауке предположили, что конкреции могли сдать на завод «Жиркость», который занимался производством одеколонов и духов. В другом месте не исключили, что конкреции отправили в провинциальный город – Воронеж, Пермь или Ташкент, где как раз организовывали вузы. Трудность состояла в том, что никто не представлял, как выглядят конкреции.

За неделю «обрыскав всю Москву» Едемский неожиданно напал на след. Один из профессоров Института народного хозяйства вспомнил, что дворник недавно спрашивал, имеют ли ценность булыжники, валяющиеся в сарае. Едемский попросил на них взглянуть. Булыжники оказались кусками конкреций. В сарае нашлись и сами конкреции. Дворники давно собирались их выбросить, считая мусором, но, к счастью, так и не собрались.

Едемский отправил конкреции в Геологический музей. По железнодорожным накладным они проходили как «камень-песчаник».

Спустя ещё полтора года Академия вернула варшавскую часть коллекции. Сколько материалов оставалось в Варшаве, не знал никто. В документах цифры разнились от 5 до 40 тонн. Амалицкий в своё время писал, что оставил в Варшаве лишь малоценный разрозненный

материал, но вряд ли все конкреции были малоценными. Например, там могли оказаться фрагменты костей, хранящихся в других местах.

Чтобы получить коллекцию, Академия обращалась к дипломатам, писала запросы в полномочное представительство Польши.хлопоты увенчались успехом: конкреции внесли в список научных ценностей, подлежащих возвращению в СССР.

Летом 1928 года в Геологический музей доставили 66 ящиков общим весом 12 219 килограммов^[728].

Все материалы, добытые Амалицким, оказались в одном месте. Впрочем, ненадолго.

Дом скелетов

В начале двадцатых годов Академии передали небольшое двухэтажное здание на Васильевском острове, на берегу Невы, напротив Эрмитажа. Раньше в нём располагались таможенные склады. Один этаж Академия передала Геологическому музею. Его торжественное открытие состоялось 10 июня 1923 года и было приурочено к небольшой музейной конференции^[729].

Газеты почти совсем пропустили это событие, не посвятив ему ни заметок, ни статей. Сама конференция тоже прошла тихо и незаметно.

В Геологическом музее работало два зала. Один целиком посвятили раскопкам Амалицкого, во втором показывали скелеты и кости других ископаемых животных, преимущественно из Западной Европы и Казахстана. Впервые за четверть века публика смогла увидеть ящеров из Соколов. В застеклённых витринах стояли одиннадцать скелетов парейазавров, два скелета иностранцевий, лежал десяток черепов парейазавров и дицинодонтов.

Отдельную витрину занимали три скелета амфибий. На специальных постаментах расположились конкреции, а в конце зала висела гигантская фотография с видом раскопки. Как вспоминал тогдашний студент, будущий preparator музея Кузнецов, северодвинские чудовища «производили на экскурсантов огромное впечатление своими размерами и устрашающим видом»^[730].

Во втором зале находился остеологический (то есть костяной) отдел. Здесь на стенах висели плиты сланца из Германии с отпечатками ихтиозавров, по центру стояли скелеты вымерших носорогов. Особенно грандиозно выглядел скелет носорога индрикотерия, почти полностью деревянный. Две трети его костей вырезал из липы preparator Ян Мартынович Эглон. Они отличались от настоящих и выглядели красивее. Подлинные были разбиты трещинами, склеены из мелких кусочков в виде какой-то сложной мозаики.

В музее собирались постепенно заменять деревянные кости на подлинные по мере обработки и добычи нового материала^[731]. Но

делали это не торопясь и в отчётах из года в год писали, что препарат-реставратор Эглон вновь занят изготовлением липовых костей.

Шуточное стихотворение на эту тему написал палеонтолог Алексей Петрович Быстров.

В стройной липовой аллее
Возле входа в наш музей
В вешних сумерках темнеют
Толпы страшные зверей.

Мастодонты и верблюды,
Диплодок, медведи, зубры,
Носороги, динозавры,
Мощный Индрик-зверь.

Покидает душный зал
Даже сам стегоцефал
И стремится к милой луже
(Лишь бы Флёров не догнал).

Возглашает Индрик-зверь —
«Славная пора теперь!
Из голов наших и ног
Стал сочиться вешний сок.

Солнце щедро шлёт лучи,
Ночи всё короче,
Набухают с каждым днём
Липовые почки.

В наших липовых костях
Также оживленье
И скульптору мы спешим
Выразить почтенье»^[732].

Возле индрикотерия возвышался гипсовый скелет диплодока, наконец вывезенный из президиума. Но ирония судьбы: зал президиума так и не стали использовать по назначению. Ещё во времена диплодока здесь временно рассадили сотрудников литературного отделения Академии – Пушкинского дома. Филологи работали рядом с диплодоком, а между его ног поставили крохотный столик а-ля *madame de Pompadoure* [733]. В отличие от скелета, выселить их было некуда. Сотрудники Пушкинского дома так и остались в зале и ещё долго по привычке называли левую часть «под диплодоком» [734].

Геологический музей работал почти каждый день. На его билетах печатали лозунг «Без знаний нет коммунизма». Вечерами в освещённых окнах чернели скелеты индрикотерия и диплодока.

Экскурсии по Северо-Двинскому залу проводила Амалицкая, которая получила должность смотрительницы музея. Детей у Амалицких не было, и она называла «своими детками» скелеты ящеров.

«Много раз я водил своих учеников, студентов Горного института, смотреть эту экспозицию, неоднократно ходил один, чтобы понять этих поразительных животных, и каждый раз нас неизменно встречала всегда приветливая А. П. Встречала и показывала экспонаты с таким увлечением и любовью, как будто собственных детей. Да, пожалуй, и на самом деле эти причудливые, необыкновенные животные были дороги ей как дети», – вспоминал геолог Дмитрий Васильевич Наливкин [735].

Другой геолог, Валерий Петрович Петров писал о том же и сравнивал Амалицкую со сказочной старушкой.

У Северодвинской галереи был свой вход и своя касса. Сюда было много экскурсий, как рабочих коллективов, так и школьников. Ведала посещением галереи Анна Петровна Амалицкая. Это была удивительная, милая женщина, у неё был такой вид, как у сказочных бабушек, ухаживающих за внуками. Она всегда встречала всех, особенно нас, студентов-геологов, с улыбкой. Сколько раз приходилось подходить к ней: «Анна Петровна, помогите, денег нет, в столовую не с чем идти». – «Ну что же, сейчас должна

придти экскурсия, подожди, может быть, смогу тебе подсобить».

Надо сказать, что она заранее нас, выразивших желание водить экскурсии, провела по музею, всё рассказала и, кроме того, проверила, как мы поняли...

Экскурсия проведена, и Анна Петровна протягивает ведомость: «Ну вот, распишись». И я становлюсь обладателем целого рубля: этого хватит на неделю, особенно, если жить экономно^[736].

Впрочем, среди молодёжи находились и шутники. Некоторые, проходя по музею, говорили посетителям: «Это ящеры Амалицкого, это конкреции Амалицкого, а это вдова Амалицкого»^[737].

В двадцатых годах Амалицкая переиздала под своей фамилией два небольших эпизода из книги Амалицкого о Печоре и написала две небольшие статьи про его жизнь и работы^[738].

Сама она не занималась наукой, хотя вместе с мужем состояла во всевозможных учёных обществах. Кажется, к геологии и палеонтологии она чувствовала симпатию исключительно благодаря мужу. Если бы он был химиком или энтомологом, она с таким же увлечением ловила бы бабочек или насыпала реагенты в колбы.

Летом музей пустел, сотрудники разъезжались в командировки и экспедиции. Амалицкая оставалась за главную. Сохранилось несколько её писем в Москву палеонтологу Марии Васильевне Павловой. Письма не добавляют ничего нового к истории музея и Амалицкого, но любопытны сами по себе. Кажется, они вполне отражают характер Анны Петровны. Жаль, их сохранилось немного, хотя обе женщины наверняка переписывались много лет.

Вот два отрывка из писем Амалицкой.

Мне пришлось просидеть всё лето в городе, так как наш Музей буквально весь разъехался; кто в экспедицию, кто за границу. Лето было холодное и дождливое, осень зато хорошая, хотя бы подольше простояла, чтоб оставить меньше времени для моего врага – зимы... 3/Х 1926 года.

Мои знакомые, которые приезжали из Нижнего Новгорода, при своём обратном пути в Нижний лишились

верхнего платья, так что домой приехали полураздетые. Другие молодые супруги лишились чемодана, где было платье и бельё обоих супругов. Всё это вместе взятое наводит меня на мысль отложить мою поездку в Нижний, как я предполагала на Рождественские каникулы. Во-первых, А. П. Гартман-Вейнберг, вероятно, не вернётся к Рождеству (ей продлили командировку), во-вторых, я думаю, что к Рождеству приедет из Архангельска олений мех, который я заказала (а это значит, надо будет заплатить 75 р.), и, в-третьих, квартирная плата, вероятно, будет увеличена и у меня не хватит денег. Отложу поездку до лета и тогда думаю воспользоваться Вашим любезным приглашением, остановлюсь на несколько дней у Вас.

У нас наступила весна, снега нет совсем, трава зеленеет и лёд на Неве совершенно исчез, долго ли продлится такая погода? Я очень рада такой погоде, так как ненавижу зиму с её холодом, льдом и снегом. 23 года прожив в Варшаве, где климат очень мягкий, и зимы почти совсем нет, я отвыкла от холода и снега и хотела бы жить в таком месте, где нет зимы!

10/XI 1926 г. [739].

Большого интереса у публики Геологический музей не вызвал. В 1926 году его посетило 5 тысяч человек. Расположенный в соседнем здании Зоологический музей в том же году принял почти 88 тысяч посетителей^[740].

Геологический музей по-прежнему в основном занимался научной деятельностью. Показ коллекций был второстепенной задачей.

Продолжалось препарирование конкреций. Этим занимались в основном Гадамский и Кнырко.

Кнырко был личностью легендарной. В молодости он работал дворником при Академии и чем-то приглянулся директору Геологического музея академику Фёдору Богдановичу Шмидту. Тот стал брать Кнырко на раскопки в окрестности Петербурга, научил его очищать остатки от породы. Когда Шмидт состарился, Кнырко сам

искал для него трилобитов. Академик не оставался в долгу и не раз в своих трудах выражал бывшему дворнику признательность за находки и препарировку. В его честь он назвал нескольких животных.

Твёрдые конкреции с массивными костями ящеров пришлись не по душе пожилому препаратору. Их препарирование казалось ему грубым и примитивным, в отличие от ювелирной чистки шипов и глаз трилобитов. Но препараторов в музее было мало, приходилось смиряться с новыми задачами, хотя коллеги замечали, что Кнырко скучал по своему прежнему занятию^[741].

Препараторская была оснащена по последнему слову техники. Здесь установили электрические долота, а конкреции просвечивали рентгеном, чтобы определить положение кости. Несколько таких «палеонтологических рентгенограмм» висело в вестибюле. Впрочем, Амалицкий тоже просвечивал некоторые конкреции на рентгеновской установке Политехнического института.

Покупка препараторской техники осложнялась нехваткой средств. Сотрудники изыскивали разные возможности для получения новых аппаратов. Сушкин во время поездки по США договорился с западными коллегами, что расплачиваться за технику и образцы будет не деньгами, а костями. Нью-Йоркскому музею он обещал скелет парейазавра. В Геологическом музее многие высказали недовольство этой сделкой, против Сушкина развернулась, по его словам, «неприличная кампания»; стали говорить, будто он торгует «музейским добром». Против него выступили Едемский и Амалицкая. «За кулисами судачили при препараторах, Православлев повёл со мной разговор в таком роде, что мне труда стоило удержаться, чтобы не приказать его вывести, хотели бежать жаловаться на меня А. П. Карпинскому и т. д.», – рассказывал Сушкин^[742].

Чтобы не накалять обстановку, он пошёл на хитрость и послал скелет парейазавра в США частями как отдельные, не слишком важные образцы: сначала череп и позвонки, потом рёбра и хвост, отдельными посылками конечности.

В сентябре 1924 года в музее случилась беда. В Петрограде произошло сильное наводнение, подвал музея затопило выше головы. Неразобранные материалы Амалицкого две недели лежали под водой, пока подвалы не осушили^[743].

Зато на Северной Двине удалось возобновить раскопки.

Ещё в 1923 году, сразу после отправки баржи, Едемский сделал «палеонтологическую разведку» на линзу в Завражье, где Амалицкий находил скелеты громадных амфибий. Едемскому повезло: с ходу в небольшом раскопе он добыл сразу три скопления конкреций, буквально нашпигованных костями, в том числе от парейазавра и иностранцевий^[744]. Находка представляла большой интерес, поскольку Амалицкий отмечал полное отсутствие крупных ящеров в Завражье.

В 1926 году Едемский прибыл сюда для основательной работы. Под его руководством линзу в Завражье копали 15 человек. Они с трудом крушили крепкий песчаник и пронизанный льдом песок. Линзу вскрыли на площади 80 метров и... вообще ничего не нашли. Лишь изредка попадались конкреции с «полуистлевшими мелкими костями» и отпечатками листьев «с черешками». Их не брали из-за плохой сохранности^[745].

В отчёте Едемский удивлялся: «Сопоставляя результаты работ нынешнего года с таковыми же 1923 года, приходится только недоумевать – каким образом тогда, в 1923 году, небольшая пробная раскопка дала такой обильный результат, и на том же месте произведённая в нынешнем году длительная и гораздо более глубокая раскопка дала сравнительно малый остеологический материал»^[746].

Он полагал, что причиной могло стать своеобразное залегание линзы. В Завражье она рассечена Северной Двиной не перпендикулярно, как в Соколках, а «несколько вкось», чем объясняется её меньшая мощность и бедность остатками.

Не лучше обстояло дело и с разведкой других чечевиц. Едемский потратил на это четыре дня, нашёл «множество конкреций», «в которых однако оказались лишь слабые намёки на присутствие фауны позвоночных»^[747].

После этих работ Едемский больше не возвращался на чечевицы, но оставил другой заметный след в истории Северо-Двинской галереи. Он помог разобрать архив Амалицкого, опубликовал две его работы по геологии, подготовил к публикации ещё несколько и написал его небольшую биографию^[748].

В 1927 году линзу в Соколках раскапывал Сушкин и сотрудница Геологического музея палеонтолог Александра Паулиновна Гартман-Вейнберг – очень колоритная особа.

Она родилась в Петербурге в 1882 году в немецкой семье. Её отец титулярный советник П. Э. Гартман был делопроизводителем Кавалергардского полка императрицы Марии Фёдоровны. Жизнь Александры поначалу мало отличалась от жизни других интеллигентных девиц. Она окончила женскую гимназию и Бестужевские курсы по отделу анатомии. После революции работала ассистентом в Первом медицинском институте, где изучала нервную систему обезьян. В мужа взяла анатома, чью фамилию прибавила к своей.

В середине двадцатых годов по предложению Сушкина Гартман-Вейнберг перешла в Геологический музей и занялась изучением вымерших рептилий. Заодно переехала в квартиру при музее. Такое широко практиковалось, чтобы защитить документы и коллекции от воров. Со временем все сотрудники разъехались в обычные квартиры, но Гартман-Вейнберг так и осталась жить в музее^[749].

Сушкин считал, что биологам и палеонтологам нужна не только кабинетная, но и полевая работа. В 1927 году он вместе с Гартман-Вейнберг отправился в Соколки.

Четыре месяца под их руководством трудилось 25 землекопов. Работы омрачились смертью Гадомского, который внезапно скончался в середине лета прямо на раскопе. Его похоронили на кладбище в Котласе^[750].

Экспедиция вскрыла новый участок линзы и тщательно разобрала самый верхний горизонт. «Песок линзы снимался тонкими слоями, причём каждая лопата подвергалась тщательному обследованию», – говорилось в отчёте^[751]. Здесь, гораздо выше слоя костеносных конкреций, нашли новый череп двинии и часть её скелета.

Другой любопытной находкой стал фрагмент черепа и «элементы скелета», которые определили как остатки пеликозавра – очень примитивного ящера, известного из раннепермских отложений Северной Америки. Гартман-Вейнберг собиралась опубликовать их описание на немецком языке, подготовила статью *Die Pelycosaurier des Nord-Düna Beckens*, которая должна была выйти в 1930 году^[752], но не вышла.

Всего в 1927 году было добыто 7840 килограммов конкреций.

В 1929 году Гартман-Вейнберг продолжила раскопки уже без Сушкина, который неожиданно умер в Кисловодске от воспаления

лёгких.

Это был последний год масштабных раскопок на чечевицах. Впоследствии проводился только мониторинг местонахождений и осмотр выпавших из породы конкреций.

Найти землекопов в 1929 году оказалось трудно. Неподалёку прокладывали железную дорогу и проводили межевые работы, где платили 2,5 рубля в день и вдобавок выдавали сапоги с одеждой. Цены на рабочие руки поднялись. Гартман-Вейнберг пришлось сократить число землекопов и экономить буквально на всём. Ей было почти пятьдесят, но каждый день она ходила по десять километров от деревни до раскопа и назад пешком, «чтобы не тратить лишние копейки на разъезды».

В Завражье рабочие выкопали яму глубиной 16 метров, размером 130 квадратных метров. Серьёзных находок не оказалось, как и у Едемского. Попались только кости «мелких форм» ящеров в конкрециях, неизменные антракозии и отпечатки растений^[753].

Гартман-Вейнберг писала:

Сейчас нащупываю незатронутые участки линзы (работ Амалицкого и Едемского). Встречены отдельные конкреции, растения и чудесные раковины... Снятием осыпей обнаружен южный конец линзы, о котором не знали ни Амалицкий, ни Едемский, судя по их описаниям... На месте работ построили сарай и сторожку; приходится держать ночами сторожей; опасно оставлять инструменты, очень много «беглых» бродит нынче в лесах между Котласом и Ефимовской, ближайшее жильё к раскопкам находится в 4-х верстах, кругом же лес да река. Немного тяжело мне приходится ходить каждый день около 9 вёрст туда и обратно, а рабочий день мой = 12 ч., с 6 утра до 6 вечера, когда прихожу в Ефимовскую обедать.

Погода стоит холодная, дождливая. Дорогой простудилась и сейчас мучаюсь с болями в суставах и мышцах левой руки. Никакие средства, кроме терпения, не помогают^[754].

В те годы она занималась изучением парейзавров и поняла, что наши ящеры не тождественны африканским. Она выделила их в новый род скутозавров (*Scutosaurus*).

Хищных ящеров изучал бывший студент Амалицкого П. А. Православлев.

Все эти работы, как и предсказывал публицист Скальковский, затянулись до неприличия. Дело было не только в неспешности учёных. После революции и реформы языка даже набранные работы приходилось приводить в соответствие новым правилам орфографии. Кроме того, не хватало бумаги. Нужда в ней оказалась так велика, что даже неграмотные извозчики при перевозе библиотек воровали книги: кидали лошадям в торбы и засыпали овсом^[755].

Из-за дефицита бумаги в Академии скопились груды рукописей. В одном только Зоологическом музее лежали подготовленные к печати труды объёмом двести печатных листов^[756], этого хватило бы на книгу в 3200 страниц. Даже конверты в Академии использовали старые, вычёркивая политически устаревшие слова. Получалось так: «Геологический и Минералогический музей имени Императора Петра Великого Императорской Академии наук»^[757].

Рукописи Амалицкого оставались ненапечатанными. В отчёте Северо-Двинской комиссии говорилось: «Уже 10 лет прошло со смерти проф. В.П. Амалицкого, а его дневники и записки, содержащие подробные описания многолетних его геологических работ в бассейне С. Двины, остаются неопубликованными и таким образом лишают возможности научного их использования, которое смогло бы во многих случаях избавить от повторных работ и дать опору будущим исследованиям. Издание этих работ явится тем более ценным, чем скорее оно может быть осуществлено»^[758].

Опубликовать удалось немного.

В 1921 году вышли две брошюры Амалицкого о вымерших амфибиях, которые он подготовил ещё в 1915 году.

В 1922 году напечатали небольшую статью с краткими диагнозами найденных им животных и растений, причём в переводе на английский. Статья уложилась в десять страниц; каждому ящеру посвящён небольшой абзац. Статью предваряло предисловие Карпинского, которое начиналось с ошибки: датой смерти

Амалицкого был указан 1918 год^[759]. Отсюда ошибка проникла в другие издания^[760].

В 1927 году вышла небольшая публикация Амалицкого, написанная в 1913 году. В ней описан ящер, которого он назвал по имени и отчеству жены – анна петри (*Anna petri*)^[761]. После публикации выяснилось, что родовое имя «анна» занято каким-то моллюском. Ящера пришлось переименовать и добавить к «анне» название группы. Получился аннатерапсид петри (*Annatherapsidus petri*).

В 1931 году опубликовали работу Амалицкого с геологическим описанием Малой Северной Двины. Его геологические наблюдения по Сухоне и Большой Северной Двине остались неопубликованными и хранятся в архиве Академии, равно как и другие рукописи: с описаниями парейазавров, дицинодонтов, статьями о пермской фауне Северной Америки, о движении Земли в Солнечной системе, об образе жизни вымерших животных.

Та же проблема была с новыми работами. Сушкин жаловался, что его работу о динозавре Академия не может напечатать больше года: «С академическим печатанием просто беда. У меня, наверное, утянут одну работу англичане, т. к. Амалицкий послал им сдуру слепки жаберного стегоцефала»^[762]. Ситуация осложнялась нехваткой сотрудников: палеонтологи – штучные специалисты, и многие предпочитали изучать остатки других животных.

Сыграло свою роль и открытие новых захоронений пермских амфибий и ящеров в Архангельской и Кировской областях, в Татарии и Башкирии.

Скелеты из Соколов перестали быть уникальными, стали одними из многих. Но до сих пор Северо-Двинская коллекция остаётся самой богатой по количеству материала в нашей стране, а раскопки Амалицкого – самыми крупными в России. Никому не удалось повторить его успех.

Рай для геологов

В 1934 году президиум Академии переехал в Москву. Большинство академических учреждений отправилось следом, в том числе Палеозоологический музей и институт, которые отсоединились от Геологического музея.

Палеонтологи переехали быстро: их было менее 30 человек, и многие предпочли остаться в Ленинграде. Амалицкая тоже не поехала. Она некоторое время работала каталогизатором при Геологическом институте, но скоро ушла на пенсию. Ей было почти семьдесят лет.

Пенсия оказалась слишком маленькой даже для скромной жизни. Амалицкая начала занимать деньги, накопила большие для себя долги, стала этого стыдиться и скрывать, не зная, как справиться с нуждой.

Однажды к ней заглянул палеонтолог Юрий Александрович Орлов и пришёл в ужас от бедности и запущенности её быта. Он организовал сбор средств для Амалицкой «в виду обношенности, обтрёпанности её одежды (нет белья и т. д.)» и необходимости покрыть её долги. Заодно начал хлопотать, чтобы Амалицкую взяли в общежитие престарелых учёных^[763].

Старания увенчались успехом. Амалицкую приняли в академический дом престарелых, который за глаза называли общежитием учёных вдов. В сопроводительных бумагах указали, что она вдова «известного советского геолога»^[764].

Весной 1935 года музей в Ленинграде окончательно закрыли для публики и стали готовить к переезду. Сохранились сметы по его «упаковке». Они выглядят внушительно. Надо было купить: доски, брёвна и вату – 400 кг; лигнин – 300 кг; крупную стружку – 8 тонн; мелкую стружку – 2 тонны; обёрточную бумагу – 300 кг; солому – 2,5 тонны; возовую верёвку – 100 кг; шпагат – 150 кг; гвозди – 300 кг; рогожу – 1000 штук; войлок – 300 кг; канат – 100 кг; гипс – 200 кг; фольгу, бинты и марлю – 20 кг^[765].

По планам разборка и упаковка скелета диплодока должна была занять четырнадцать дней, индрикотерия – двенадцать дней. Скелеты

парейазавров и иностранцев и собирались разобрать за двадцать дней при участии четырнадцати рабочих, двух каталогизаторов и двух препараторов. На демонтаж витрин Северо-Двинской галереи запланировали двадцать пять дней с привлечением столяров, стекольщиков и краснодеревщиков. Отправка всех материалов в Москву, по расчётам, требовала пятидесяти вагонов. Грузовик на вокзал следовало отправить 350 раз^[766].

Скелеты и витрины разобрали, упаковали, сложили в ящики в бывшем северодвинском зале, и... переезд отложили, в Москве не нашлось подходящего здания.

Вначале музей планировали разместить в двух этажах большого дома в самом центре Москвы, недалеко от Кремля. Это здание Академия получила от специальной правительственной комиссии. Здесь временно организовали общежитие строителей Академии на 700 человек. Его планировали расселить, большую часть здания отдать Палеонтологическому музею, а в оставшихся помещениях разместить академическую строительную контору и издательство.

Перевозку палеонтологических коллекций наметили на июль 1936 года. Но в самый последний момент планы пришлось отменить. 28 июня, за неделю до отправки материалов музея, Совет народных комиссаров СССР постановил изъять здание из ведения Академии и передать Наркомфину для открытия Госбанка.

Госбанку поручили выстроить временные бараки для проживающих в общежитии строителей. Как поступить с Палеонтологическим музеем, в бумагах не говорилось.

Получив копию указа, президиум Академии направил в Совнарком протест и потребовал отменить решение. Через три дня пришёл ответ: «Ваше ходатайство о пересмотре постановления СНК СССР в части передачи Госбанку дома № 10/2 по ул. „25 октября“ – отклонено»^[767].

Вместо ископаемых костей в дом въехали экономисты, сберкассы и Советская филателистическая ассоциация.

Пришлось искать новое здание. Академия рассматривала вариант размещения музея в хлопковом заводе по Пятому Донскому переулку. Место было глухое. На картах рядом с заводом рисовали большие овалы с подписью «свалка», причём в некоторых проставляли галочки «горы», а рядом изображали перестроенный из церкви крематорий.

Площадь завода составляла 2500 квадратных метров, помещения были большие и светлые. Здание находилось на территории будущих новостроек Академии, завод уже сворачивал работу, но возникли сложности с демонтажем станков.

Затем Академия просила московские власти передать палеонтологам здание «какого-нибудь малозначимого музея», например Театрального имени А. А. Бахрушина или Музея здравоохранения.

Сохранился отчёт о визите в Театральный музей двух палеонтологов – И. А. Ефремова и Р. Ф. Геккера. Они посмотрели, что хранится в залах и кабинетах, и решили, что музей не использует здание подобающим образом^[768]. В Академии подсчитали, что экспонаты Театрального музея занимают лишь половину площади, причём историческую ценность представляют немногие, но и их легко можно сдать «в другие аналогичные музейные собрания»^[769].

С этим вариантом тоже ничего не вышло.

В архиве Академии сохранилось множество бумаг о тягостном переезде музея. словно подчёркивая его нестабильный статус, он назывался по-разному: Музей палеонтологии, Палеозоологический музей, Палеонтологический музей.

Академия регулярно отправляла в высшие инстанции письма с жалобами, просьбами, напоминаниями, что Палеонтологический музей важен для СССР, поскольку служит «проводником в массы материалистического мирозерцания и идей эволюции»^[770].

Не только музей страдал от отсутствия помещений. Категорически не хватало квартир для переехавших палеонтологов. Ефремов писал Борисяку о препараторе Несторе Ивановиче Новожилове: «У него положение совсем плохо – несмотря на ходатайство Института, общежития ему не дают, прописка у него окончилась, и сейчас он на совершенно нелегальном положении живёт у меня. Без площади и без прописки кончится тем, что его административно вышлют из Москвы, и мы погубим человека, который уже немало выстрадал от бесквартирности, и потеряем хорошего, ценного работника»^[771].

Новожилов спал в ванной у Ефремова. Многие другие палеонтологи ночевали в рабочих кабинетах, которые им предоставил Институт эволюционной морфологии.

На этом фоне росли требования к работе. В стране регулярно проходили стахановские шестидневные недели. Палеонтологи принимали в них посильное участие, писали о готовности «увеличить научную продукцию», вели особые стахановские дневники с обязательствами. В одном записано обещание досрочно «склеить часть рёбер» и пришлифовать череп. В другом – отпрепарировать на выходных «фрагмент нижней челюсти лошади», причём эту задачу удалось перевыполнить, препарат дополнительно очистил ещё и «meta фрагмент (лошадь)»^[772].

К палеонтологам приходили с просьбами прочесть популярные лекции и рассказать «об успехах на фронте наук». Однажды сотрудник Осоавиахима полчаса обсуждал с палеонтологом Андреем Васильевичем Мартыновым, какой доклад о строении крыльев вымерших насекомых он может прочесть авиаторам-любителям^[773].

Пока стахановцы без отдыха чистили в Москве кости, музейные коллекции лежали в ящиках в Ленинграде, переложённые соломой и стружкой. В Академии боялись, что в случае пожара солома разгорится и произойдёт «безвозвратная потеря целого ряда видов редких ископаемых животных»^[774].

Вместо пожара произошёл потоп. В здании установили новую кочегарку для отопления, трубы прорвало. В зал бывшей Северо-Двинской галереи ударила струя кипятка. Музей вызвал водопроводчика, течь быстро остановили, но ящики успели сильно намокнуть. Их пришлось разбирать, доставать материалы, просушивать и упаковывать заново^[775].

В подвешенном состоянии музей провёл полтора года. Ситуация изменилась благодаря Международному геологическому конгрессу, который состоялся в Москве летом 1937 года.

Второй геологический конгресс в нашей стране был совсем не похож на первый. В сталинском СССР, в отличие от царской России, редко проходили международные мероприятия. Геологический конгресс оказался самым солидным за долгое время. К нему основательно готовились и геологи, и власти.

Непременный секретарь Академии наук Н. П. Горбунов без обиняков сравнивал конгресс с «экзаменом по геологии», который

предстоит держать всему Советскому Союзу: «Надо организовать дело так, чтобы экзамен был сдан на „отлично“»^[776].

Геолог академик И. М. Губкин отмечал, что в СССР едут «не ищущие впечатлений туристы, а пытливые наблюдатели, у которых и зоркий глаз, и умение смотреть»^[777], и призывал для подготовки конгресса «мобилизовать всю массу геологов Союза»^[778].

Во время подготовки часто поднималась проблема закрытого Палеонтологического музея. Специалисты указывали, что надо открыть к конгрессу хотя бы Северо-Двинскую галерею, которая по праву считается «национальной гордостью нашего Союза»^[779].

Проблема решилась в последний момент, за полгода до открытия конгресса. Поздней осенью 1936 года руководство Академии направило председателю Совнаркома В. М. Молотову и первому секретарю Московского областного комитета ВКП(б) Н. С. Хрущёву очередную просьбу выделить музею помещение.

Одновременно с этим палеонтолог Ефремов написал письмо Сталину^[780]. С его стороны это был рискованный поступок. Страна выходила на пик «большого террора», люди пропадали после случайно оброненного слова, за анекдот и «неправильное происхождение». У Ефремова многое было неправильным. Его отец до революции торговал лесом, был купцом второй гильдии, водил знакомство с князьями. Сам Ефремов был женат на дочери академика Н. И. Свитальского, которого вскоре заподозрят в подготовке переворота на Украине и расстреляют.

Письмо подписали и другие учёные, в том числе Геккер (из дворян) и Орлов (сын бывшего главного лесничего Вологодского края). Само письмо не сохранилось, но аргументацию вполне можно восстановить по другим документам. Палеонтологи наверняка писали, что музей необходим для формирования «правильного миропонимания» трудящихся, подчёркивали, что закрытый музей навредит престижу страны во время грядущего конгресса.

Трудно сказать, какое из двух обращений возымело действие, но в самом конце 1936 года музею передали здание бывших конюшен графа Орлова в Нескучном саду на окраине Парка культуры и отдыха имени Горького (остряки называли его «парком культуры и горького отдыха»).

Место было хорошее, престижное. Здание выходило фасадом на оживлённую Калужскую улицу. До центра было недалеко.

В январе 1937 года президиум Академии постановил «немедленно приступить к ремонту переданного помещения» и «считать эту работу первоочередной и ударной с тем, чтобы к 15-му марта с. г. полностью закончить одно из крыльев здания для срочного развёртывания в нём к Международному Геологическому Конгрессу Северо-Двинской галереи Музея»^[781].

Начался ремонт. В здании расширяли окна, стелили паркет по земляному полу, протягивали электричество, устанавливали трубы отопления. Графики постоянно срывались. Иногда не вовремя подвозили строительные материалы, иногда не хватало «рабсилы»: вместо запланированного 181 рабочего наняли в два раза меньше. «Положение создаётся катастрофическое», – жаловался Борисяк^[782].

Ради скорости витрины и скелеты Северо-Двинской галереи начали монтировать, даже не дожидаясь окончания ремонта. В газетах появились анонсы скорого открытия «палеонтологической выставки». На одной фотографии запечатлён похожий на Л. П. Берию препарат, привинчивающий ребро к скелету парейазавра.

21 июля состоялось торжественное открытие конгресса. На него записалось 1800 советских и 440 иностранных геологов. Приехала половина: 700 советских и 260 иностранных^[783]. В конгрессе приняли участие представители пятидесяти стран, в том числе Австралии и Океании. Самая большая делегация была от США, а вот из Германии и Италии не приехал никто. Советские газеты объясняли, что на конгресс изначально записалось 14 немцев и трое итальянцев, но их не пустили «в очаг большевизма» правительства этих стран.

Всем прибывшим выдали небольшие значки с обновлённой эмблемой конгресса: ромб, где под красной звездой скрещивались два золотых молотка.

Как и в царское время, газеты много писали про заседания и экскурсии, но стиль изменился: никаких шуток, юмора, анекдотов. Показательна передовица «Правды», где по случаю открытия конгресса объясняли роль Сталина в геологии: «Там, куда указывала рука товарища Сталина, били новые мощные фонтаны нефти, раскрывались новые залежи железной руды, угля, меди, россыпи золота»^[784].

Заседания проходили в Московской консерватории, где над входом повесили гигантский транспарант «XVII Международный геологический конгресс». В большом зале на кафедре поставили бюсты Ленина и Сталина, окружённые цветами. На стенах разместили полотна с вышитыми на шести языках словами Сталина: «Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики»^[785]. В зале установили специальную радиотелефонную аппаратуру. Каждый доклад немедленно переводили на шесть языков. Слушатели могли подключиться к нужному радиоканалу, надеть наушники и слушать речь на знакомом языке.

На первом заседании выступили наркомы, именитые геологи, руководство Академии. «По инициативе иностранных делегаций» почётным президентом конгресса избрали председателя Центрального исполкома М. И. Калинина. Зал приветствовал решение «дружной овацией».

Читали речи пионеры и школьники-геологи Центральной станции юннатов. Планировался, но не состоялся доклад академика Н. И. Бухарина «Марксизм и геология».

Громким событием стал доклад о новых подсчётах запасов сырья. У цифр была предыстория. В 1932 году в США вышла книга, где утверждалось, что СССР беден минеральными ресурсами и это, в сочетании с географическими факторами, обрекает его на роль «земледельческой страны второго ранга». По мнению автора, амбиции Сталина быстро истощат топливную базу СССР. Советские геологи приняли вызов. Для них стало делом чести показать СССР как державу с поистине неисчислимыми природными запасами, которых хватит для «дальнейшего победного шествия по пути социализма»^[786].

Прошла масштабная переоценка ресурсов. Прогнозируемые и возможные запасы росчерком пера перевели в доказанные, и СССР поднялся на первое место в мире по запасам нефти^[787]. Как писал по этому поводу Губкин, «наши нефтяные богатства растут, как сказочный богатырь, не по дням, а по часам, и то, что нами было подсчитано в недавнем прошлом, оказывается уже устаревшим»^[788].

По запасам угля СССР поднялся на второе место^[789].

К конгрессу открыли несколько выставок. В фойе консерватории показывали «горные богатства СССР» – образцы из месторождений, открытых после революции. На втором этаже развернули выставку «Минеральные богатства СССР», которая демонстрировала «рудодоминантную мощь» Союза.

В день начала конгресса открылся один зал Палеонтологического музея, с Северо-Двинской галереей. Первое, что здесь видел посетитель, – стол с бюстом Ленина, над которым нависало полотнище «Становитесь под интернациональное знамя Маркса – Энгельса – Ленина!» На лозунг смотрела деревянная скульптура парейазавра.

По обе стороны зала тянулись витрины со скелетами из Соколов. По левую руку – семь парейазавров «различного возраста, пола и сохранности»^[790]. По правую – три скелета иностранцев: два смонтированных и один разрозненный, а также дицинодонт и парейазавр «в новой монтировке» Гартман-Вейнберг.

В витринах у стен лежали двадцать черепов ящеров и остатки амфибий. На полу – конкреции.

Другие экспонаты, тоже в основном пермские амфибии и рептилии, терялись среди изобилия Северо-Двинской галереи.

В числе первых посетителей была Амалицкая, которую пригласили почётным гостем на конгресс. В книге отзывов музея она записала: «Я в полном восторге от прекрасной монтировки зверей. Приношу мою искреннюю благодарность всем участникам, жалею, что моему мужу не пришлось видеть всего»^[791].

Это была её последняя встреча с северодвинскими находками. После конгресса она вернулась в ленинградский дом престарелых и скончалась 23 апреля 1939 года в возрасте 80 лет. Палеонтологи П. А. Православлев, Ю. А. Орлов и А. Н. Рябинин опубликовали три небольших некролога по случаю её кончины^[792].

Участников конгресса, как и в царское время, ждала обширная культурная программа.

В Кремле им организовали встречу с правительством, на которой председатель СНК товарищ Молотов поднял бокал за «всех честных работников науки». Геологам показывали Центральный дом пионеров, Всесоюзную постоянную строительную выставку, Музей

революции, Третьяковскую галерею, по вечерам водили на спектакли и концерты в Зелёном театре и в Доме Красной армии.

Один день посвятили поездке по недавно открытому каналу Москва – Волга. Перед отплытием на Химкинском речном вокзале геологи прослушали концерт с участием «лучших артистических сил столицы». По каналу их везли на четырёх кораблях, причём на первом оркестр громко играл «Марш весёлых ребят» и другие бодрые песни. Газеты писали, что поездка вызвала у геологов «восторг, изумление, радость»^[793].

Участникам раздавали горы бюллетеней, брошюр и путеводителей. Некоторые были напечатаны в типографии Высшей школы пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б).

После закрытия конгресса геологи разъехались с экскурсиями на Кавказ, Хибины, Урал, в Арктику, Красноярск, Минусинск, по Центральной России (с посещением Ясной Поляны). К каждой группе прикомандировали сотрудников спецслужб, за глаза их называли «геологами в штатском».

Маршруты экскурсий продумали до мелочей и выстроили «под углом демонстрации достижений социалистического строительства». Все они включали визиты на крупные заводы, совхозы, курорты. Несколько экспедиций прошло через детский лагерь «Артек», словно это был важный геологический объект.

Не обошлось без конфузов. Во время экскурсии по Каме зарубежные геологи заинтересовались корпусами военного завода в Мотовилихе и спросили, что это такое. «Геологи в штатском» ответили: завод сельскохозяйственных машин. Вдруг начались испытания – со стороны завода через Каму на полигон с шипением полетели снаряды. Геологам пояснили, что начались испытания сельскохозяйственных машин^[794].

Советская пресса по итогам конгресса писала, что зарубежных гостей очень впечатлил Советский Союз. Газеты цитировали чехословацкого геолога профессора Карла Заплетала, который «не смог сдержать своего восторга перед нашими достижениями, перед нашими условиями работы» и назвал Советский Союз «раем для геологов»^[795].

Советские геологи в отчётах говорили о том же и почти такими же словами.

Легко и радостно живётся в Советском Союзе, свободно и широко развивается в нём научная мысль, неразрывно связанная с великими практическими задачами социалистического строительства, осуществляемого под руководством мудрого друга и вождя всех трудящихся товарища Сталина, имя которого так часто звучало и в выступлениях, и в беседах делегатов Конгресса.

Это имя воодушевляет к борьбе и победе героический народ Испании, мобилизует широчайшие массы всех друзей культуры и мира на борьбу с фашизмом, вдохновляет работников науки в их борьбе за овладение силами природы на благо всего человечества^[796].

Время закапывать камни

В Москве Палеонтологический музей работал через день. Вход был бесплатный, экскурсии тоже, но договариваться о них следовало заранее. Единственное ограничение касалось детей, которых пускали «исключительно объединённых в экскурсии или в сопровождении взрослых»^[797]. На видном месте лежала книга отзывов, которая быстро заполнилась записями.

«Студенты ИФЛИ I курса (истфака), посетив палеонтологический музей, одобряют подбор экспонатов, дающий ясное и дельное представление о Пермском периоде в СССР. 6/X – 1937».

«Под каждым экземпляром доископаемого животного желательно, чтобы была более подробная записка, объяснения с тем, чтобы уходя из музея, оставалось больше впечатлений. Технический работник железнодорожного транспорта дороги имени „Ворошилова“ А. Кравин. 1937».

«Преклоняюсь перед Советской наукой и людьми, создавшими её, в частности, перед основателями музея, и благодарю, так как Музей произвёл на меня поражающе-прекрасное впечатление. Домохозяйка. Москва, Коптевские выселки. Макарьева».

«Хотелось бы, чтобы об учёном-энтузиасте Амалицком сообщались бы более подробные сведения, чтобы о нём было помещено несколько популярных статей в нашей прессе. Белошицкий А. И. Ст-т МИПТ'а. 12/X – 1937».

«Посетивши Палеонтологический м., в это время, которое осталось, я немогу описать свои впечатления, поэтому прошу ожидать от меня ответ, а если долго я задержусь, то прошу пробудить меня по следующему адресу: 2-ая Мещанская, д. 39, к. 3, Разумову. 29/X – 1937».

«Я, студент МГПИИЯ р. ф., посетив музей палеонтологии, остаюсь глубоко уверенным в верности материалистического взгляда на происхождение органического мира и остаюсь обязанным создателям музея. Тёркин Макс. Ник. 29/X – 1937».

«Этот музей является одним из лучших музеев, которые нам приходилось видеть. Особенно нас заинтересовал зал, где показаны ископаемые насекомые. Этот музей будет долго жить в нашей памяти. А также нам очень понравился экскурсовод, который с достаточной ясностью осветил интересующий нас материал (даже много больше), за что мы ему очень благодарны. Посетившие музей Гавриловы. 3/IV – 1938».

Самый грамотный отзыв написал некто С. Семёнов, слушавший лекции Амалицкого в Варшаве: «С огромным удовлетворением ознакомился с коллекцией В. П. Амалицкого, учеником которого я был в Варшавском Университете (до 1903 г.). Тогда В. П. демонстрировал только один смонтированный экземпляр парейазавра. Теперь осуществилась его мечта – представить в музее открытое им грандиозное кладбище рептилий и др. организмов. Великолепная монтировка коллекций даёт ясное представление о характере представителей животных отдалённых времён»^[798].

Музей постепенно пополнялся новыми экспонатами. Кроме находок Амалицкого выставили индрикотерия, мастодонта, остатки медведей, гиен, оленей, слонов. Сделали особую витрину о болезнях древних животных, разложив в ней кости с переломами, неправильными срастаниями и разросшейся тканью^[799].

Было много идей о развитии музея. Открыть по соседству парк со статуями древних животных. Надстроить этажи и крылья здания, расселить и передать музею два жилых дома по соседству, причём один дом почти весь хотели отдать под хранилище коллекций^[800].

Но музей продолжали преследовать неприятности, он проработал всего два года.

В 1939 году на Калужской улице развернули «поточно-скоростное» строительство жилых домов, музей попал в зону застройки. Было достаточно передвинуть один запланированный дом всего на 20–30 метров, чтобы не разрушать памятник архитектуры и не лишать музей площади, но главный архитектор застройки ответил отказом.

Торцевое крыло музея «обрубили», снеся половину здания. Музей потерял престижный вход с улицы и очутился во дворе жилого дома. Ему пришлось ютиться на пяточке всего в одну четвёртую от бывшей экспозиции в Ленинграде. Там в его распоряжении было 1400

квадратных метров залов и 800 квадратных метров подсобных помещений. В Москве вся площадь ограничилась 500 квадратными метрами. Скелеты расставили так плотно, что пройти по залу было почти невозможно.

Музей опять закрылся. Посетителей пускали только с разрешения дирекции. В 1940 году было выдано полсотни разрешений, в основном группам школьников (444 человека) и студентов (348 человек). Были и необычные гости. В феврале музей осматривала делегация из восьми красноармейцев.

В отчётах музей писал, что вновь находится в ситуации, когда не может проводить «широкую пропаганду на культурном фронте»^[801]. На совещаниях палеонтологи стали говорить, что «музей погибает»^[802].

Они опять жаловались в президиум Академии, в Совет народных комиссаров. Ефремов сочинил второе письмо Сталину, которое, кажется, не отправил. Сохранился черновик.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович,

Не сочтите нелепостью или дерзостью наше обращение к Вам. Ваше время драгоценно для всей страны и, безусловно, занято гораздо более важными вещами. Однако глубокая уверенность в том, что только Вы можете помочь, и в том, что наука есть немаловажная вещь, заставляет нас обратиться к Вам.

Дело, в котором мы просим Вашей помощи, – это вопрос о двух музеях Академии наук СССР – Геологическом и Палеонтологическом, погубленных при переезде Академии из Ленинграда в Москву, – первый нацело, второй частью...

Нормально ли то, что в результате грубейшего организационного ляпсуса (зачем было перевозить на пустое место?) в Советской стране, где Партия, Правительство и лично Вы, Иосиф Виссарионович, делаете так много для развития науки, происходит настоящее варварство, и варварство это происходит в крупнейшем научном центре страны – Академии наук СССР?..

Мы обращаемся к Вам, глубокоуважаемый и дорогой Иосиф Виссарионович, с великой просьбой разрубить наконец узел бюрократических записок, отписок, комиссий и прекратить исключительное безобразие, проделываемое с указанными музеями Ак. Наук.

Дальше Ефремов писал, что в Москве ценнейшие палеонтологические материалы гниют и разрушаются, а в Ленинграде осталось «около 80 тонн непрепарированных коллекций», которые могут оказаться на улице, причём вывезти их в Москву нельзя – нет места»^[803]. Этими бесхозными материалами были конкреции из Сокольников.

Дирекция музея и руководство Академии просили разрешения достроить третий этаж для музея или выстроить флигели, но не встретили понимания у городских властей. Исполком Московского совета депутатов категорически не согласился с реконструкцией «палеонтологического музея». Проект раскритиковали по одиннадцати пунктам, в том числе в связи с «перемещением уборной во II этаже»^[804].

Академия предлагала музею потерпеть несколько лет: на берегу Москвы-реки у Крымского моста началось строительство академического президиума, по бокам которого, справа и слева, хотели открыть два гигантских музея: геолого-минералогический «История Земли» и биолого-палеонтологический «История жизни на Земле».

В конце 1940 года на набережной выкопали котлован, весной 1941 года заложили фундамент, возвели первые этажи, а затем строительство прекратили: началась война.

Северо-Двинскую галерею вновь стали готовить к эвакуации вместе с другими важными экспонатами музея.

Менее ценные образцы сложили в ящики и убрали в небольшое хранилище, «вырытое руками сотрудников» в музее^[805].

Коллекции планировали вывезти по железной дороге или в крайнем случае на барже, которую можно было заполнить соломой и стружкой и загрузить туда кости без особой упаковки, чтобы сэкономить время.

Звучало предложение эвакуировать окаменелости в заброшенные рудники Оренбуржья, где прежде добывали пермскую медь. Чкаловский облисполком и Академия дали согласие, даже запросили пять вагонов, но всё сорвалось: в неразберихе срочной эвакуации постоянно что-то менялось.

Тем временем немецкие самолёты долетели до города, начались бомбардировки. Москва была наполовину деревянной, зажигательные бомбы представляли большую опасность.

Палеонтологи писали воззвания в президиум Академии.

Институт считает своим долгом вновь поставить вопрос о сохранении величайших научных ценностей, сосредоточенных в Палеонтологическом музее.

При варварской беспорядочной бомбёжке Москвы здание музея легко может подвергнуться разрушению. Характер здания таков, что, не говоря уже о прямом попадании, только силой взрывной волны в нём будет уничтожена большая часть экспонатов. Верхняя часть здания музея является готовым костром, не обеспеченным достаточно сильными средствами пожарной защиты (в музее слабый напор воды в пожарных кранах, отсутствуют стояки, ротонда разобщена с чердаком, по самому чердаку передвижение очень затруднительно)...

Таким образом, вся масса научных материалов музея остаётся совершенно незащищённой и в любой момент может быть безвозвратно утрачена. Поэтому оставление столь большой, веками собиравшейся, народной ценности на произвол судьбы является преступлением перед нашей страной, вверившей нам хранение научных коллекций Палеонтологического музея^[806].

Одна бомба уже угодила в музей, пробила крышу, «залетела на музейский чердак», но её быстро потушили^[807]. Другая взорвалась неподалёку и разрушила деревянную эстраду во дворе^[808].

Только поздней осенью 1941 года 238 ящиков удалось отправить в Казахстан. Груз занял два вагона.

В 16 ящиках лежали литература и рукописи, в том числе капитального многотомника «Палеонтология СССР».

25 ящичков занимала библиотека редких и нужных в работе книг.

26 ящичков – оборудование лабораторий и снаряжение.

5 ящичков – бухгалтерские и административные документы.

166 ящичков – наиболее ценные коллекции, в том числе большая часть Северо-Двинской галереи^[809].

Из Москвы в Казахстан вагоны шли целый месяц – с 26 ноября по 26 декабря.

Новый год скелеты парейазавров и иностранцев, до этого побывавшие в Соколках, Варшаве, Петербурге, Нижнем Новгороде и Москве, встретили в Алма-Ате.

Ящики сложили в обсерватории. Для охраны наняли двух сторожей, которыми руководила палеонтолог Елена Алексеевна Иванова. Казахи называли её «бабой с костями»^[810].

На этом приключения не кончились. Коллекции решили перевезти из Алма-Аты во Фрунзе. Ящики отправили на станцию, но свободных крытых вагонов не нашлось. Были только железнодорожные платформы без стоек и ограждений. Отправлять коллекции на них не стали, чтобы ящики не растерялись по дороге. Пришлось ждать товарные вагоны. Погода была плохой, шли грозы, вода заливала ящики, но они простояли на станции несколько недель, «несмотря на десяток молний»^[811].

А в Москве законсервировали опустевшее здание, провели «зашивку окон» досками, вынули стекла из витрин, отключили отопление. В холодном зале в тусклом свете темнели пустые каркасы скелетов, в витринах лежали ящики с окаменелостями и «одинокое на постаменте стоял Диплодок»^[812].

При музее осталось несколько женщин-палеонтологов, пара пожилых пожарных и две случайные старушки-вахтёрши. Одна из них вечерами сидела на крыльчке и в музей не входила даже при бомбёжках. На недоуменные вопросы отвечала, что боится в темноте ходить мимо костей: «Ужас, как я этих покойников боюсь»^[813].

Остальные палеонтологи покинули столицу. Одних призвали на фронт, другие занимались поисками нефти, третьи были в эвакуации.

Прошло два года. После перелома в войне и отступления немецкой армии, музей стал готовиться к возвращению. Оно

состоялось в 1944 году.

Палеонтологам по поручению Академии пришлось немедленно развернуть экспозицию, чтобы «поднять патриотический дух» граждан. Её восстановили в рекордные сроки всё в том же крохотном здании. Уже в ноябре 1944 года музей отчитался перед президиумом Академии: «Когда разрушены богатые сокровища ископаемых животных в Одессе, Киеве, уничтожен варварски гигантский олень в Истре, когда недоступны для осмотра музеи Всесоюзного геологического института и Горного института в Ленинграде, мы счастливы тем, что к 27-й годовщине Великого Октября Палеонтологический музей Академии наук СССР, несмотря на тесноту помещения, открыт для широкого осмотра»^[814].

Он работал каждый день, без выходных, по шесть часов: с 11 до 17. Экскурсии (не более 15 человек в группе) проводились по вторникам, четвергам и воскресеньям. Вход был бесплатный^[815].

Экспозиция даже увеличилась. В вестибюле, сразу за тугой дверью, расположилась палеоэкологическая выставка, которая демонстрировала жизнь юрского озера, девонского и каменноугольного морей. На стенах висели плиты со следами триасовых рептилий, под которыми шла игривая подпись: «Там на неведомых дорожках следы невиданных зверей».

В первом, большом зале разместили остатки ископаемых амфибий и рептилий. По центру стоял чёрный остов диплодока. По правую сторону от него – витрины Северо-Двинской галереи. Новых материалов из Соколов появилось немного: распиленный череп парейазавра с хорошо заметной мозговой полостью и небольшая витрина, заполненная зубами парейазавров и иностранцевий.

По левую сторону от диплодока шли витрины и постаменты с недавними находками: два скелета хищных ящеров титанофонов (один в неотпрепарированном виде, другой очищенный от породы), кости громадного плиозавра, незадолго до войны привезённые из сланцевого рудника Чувашии.

Вторую половину большого зала и весь малый зал отдали под млекопитающих. Здесь громоздились скелеты индрикотерия, большерогого оленя из Рязани (про него писал К. Г. Паустовский в «Мещёрской стороне»), шерстистого носорога, ископаемого зубра.

Популярность музея росла. Власти интересовались им «как местом, куда можно направлять экскурсии в порядке культмассовой работы с заводов, из учреждений и т. д.»^[816].

Летом 1945 года музей посетила большая делегация зарубежных учёных, приглашённых на празднование 220-летия Академии наук.

Президент Французской академии наук профессор М. Кольри записал в книге гостей: «При посещении этого музея затруднительно сказать, что наиболее удивительно. Однако я думаю, что ничто не превосходит коллекции парейазавров из перми, особенно если представить себе труд, необходимый для препаровки великолепных выставленных скелетов».

Английский палеонтолог Д. Ватсон отдал предпочтение пермским ящерам титанофону и улемозавру: «Они – настоящие откровения, самые прекрасные, самые важные и новые остатки рептилий в мире»^[817].

Число посетителей быстро увеличивалось. В 1945 году оно составляло 1676 человек, спустя три года – 5422.

Как и прежде, в музей постоянно поступали новые материалы, особенно громадными стали сборы советских палеонтологов в Монголии. Из пустыни Гоби они привезли более ста тонн коллекций, в основном остатки динозавров. В музее быстро отпрепарировали и смонтировали несколько крупных скелетов, а отдельные черепа выставили в витринах. Они были эффектными и привлекали внимание. Во время экскурсии по музею Ефремов не раз показывал на череп тарбозавра и говорил, что с такими зубами никакой социализм не страшен. На него писали доносы, которые, впрочем, оставались без последствий: времена стали более мягкими^[818].

В 1948 году, спустя одиннадцать лет после переезда, из Ленинграда в Москву доставили последние конкреции Амалицкого: несколько десятков тонн. Их «уложили штабелем, как бут, около музея»^[819].

Места опять катастрофически не хватало. Для хранения коллекций музей арендовал подвалы соседних домов. Это было опасно. В одном подвале прорвало трубы, погибло несколько скелетов парейазавров с Вятки. В другой забрались дети. Им на глаза попался ящик «Ламское имущество», где лежали рукописи, одежды и статуэтки, привезённые палеонтологами из заброшенного

монгольского монастыря. Дети распотрошили ящик, и несколько лет мальчишки в округе играли в «войнушку» в оранжевых буддийских тогах^[820].

Каждый год музей снаряжал экспедиции, и каждая привозила что-то новое. В подвалы отправлялось всё больше и больше коллекций. Скелеты в музее приходилось ставить всё ближе друг к другу. Репортёр журнала «Знание – сила» писал: «Длинные ряды их вытянулись, как в неподвижном стаде: тарбозавр, за ним таларурус, индрикотерий – голова к хвосту... И тридцатиметровый диплодок тянется всё так же – сквозь долгий тусклый зал... И застеклённые парейзавры Амалицкого теснятся тут же – кость к кости, череп к черепу – великолепные, со скошенными мордами, только что неживые»^[821].

В 1954 году музей вновь закрылся из-за тесноты. История повторилась в третий раз. Палеонтологическому музею снова пришлось искать помещение.

Директор Палеонтологического института Ю. А. Орлов ежегодно писал обращения в Академию с просьбой выделить средства на строительство нового здания. Сохранились десятки его писем, почти все одинаковые, хотя написаны с разницей в десять лет.

«Настоящим сообщаю Вам о неотложной необходимости построить в Москве здание для Палеонтологического Музея АН СССР, дабы вывести этот Музей из катастрофического положения, к которому он пришёл за последние четверть века...»

«Музей закрыт долгие годы из-за отсутствия площади, практически превращён в склад в куске бывшей конюшни Нескучного Дворца...»

«„Книга посетителей“ Музея превратилась уже давно в книгу жалоб на закрытость Музея, позорность этого для нашей науки, „на бездействие“ Дирекции, учёных и т. д... Выход из положения – только постройка в Москве, в легко доступном для посетителей месте, здания»^[822].

С годами менялись фамилии адресантов и аргументация. Сначала палеонтологи указывали, что музей поднимает престиж советской науки и служит для воспитания материалистов, теперь предпочитали говорить про стоимость коллекций. Орлов писал, что собранные в музее экспонаты обошлись стране в миллионы рублей и, если продать

за границу хотя бы один скелет («что недопустимо»), можно выручить 10–20 тысяч долларов^[823].

С годами он стал брать слово «музей» в кавычки. Что это за музей, если его нельзя посмотреть?

В этих условиях руководство музея приняло непростое решение «временно захоронить» неотпрепарированные конкреции Амалицкого.

Экскаватор выкопал котлован под окнами препараторской. В земле попались кости лошадей, живших в конюшне графа Орлова, и ёлочная игрушка сталинских времён.

20 тонн конкреций (итоги целого года раскопок) сложили в яму, несколько самосвалов засыпали их землёй. Получилось своеобразное перезахоронение ящеров, или, как говорил палеонтолог А. Г. Пономаренко, «второе захоронение коллекции Амалицкого». Впрочем, добавлял он, «никакого варварства тут нет, лучшего места для хранения не придумать»^[824].

Газеты с иронией писали, что обычно палеонтологи выкапывают кости, а передовые советские учёные уже закапывают их обратно^[825].

Замок драконов

Зимой 1954 года московский пятиклассник Леонид Яковенко увидел в кинотеатре научно-популярный фильм «По путям развития жизни», где мельком показали музей со скелетом динозавра. Про музей говорили едва ли полминуты, но они перевернули жизнь Яковенко. «Меня буквально оглушило: в Москве, а не где-нибудь имеются крупные скелеты динозавров, которые можно посмотреть!» – писал он годы спустя^[826].

Он выяснил адрес и в ближайшие же выходные отправился в этот никому не известный музей.

Я нашёл здание, «обозрел» доску с названием музея у двери и... И всё. Входная дверь была заперта, все окна погашены (а на улице уже темнело), в здании музея, судя по всему, никого не было. Как я узнал позже, музей для массовых посещений, в виду его крайней затеснённости, был вообще закрыт, экскурсоводов не имел, но в будние дни, когда в нём работали сотрудники, отдельных посетителей пускали. Разочарованный, я обошёл здание с другой стороны, нашёл там большое арочное окно на уровне первого этажа и «прилип» к его стеклу, так как увидел за ним тот самый высокий арочный зал и в нём скелет того, из кино, огромного динозавра. А ещё я углядел, что в уголке этого зала стоял письменный стол с зажжённой настольной лампой, за которым сидел и перебирал на лотках образцы какой-то живой человек в синем рабочем халате. У этого стекла, замёрзнув и расплющив об него нос, я простоял неподвижно, впитывая увиденное, больше часа.

Человек изредка поднимал голову и сердито смотрел на ребёнка, но наконец сжалился и впустил его. «Я бродил по музею (а под конец почти ползал, устав смотреть и зарисовывать) до тех пор, пока мой опекун не сказал, что ему самому пора уходить», – вспоминал Яковенко.

Через пару недель мальчик вновь явился в музей, прихватив с собой несколько собственноручно сделанных скелетов из проволоки и пластилина. Вскоре он стал завсегдатаем, познакомился с палеонтологами, которые объясняли ему разницу между лопатками и коракоидами, трилобитами и аммонитами, дали почитать хорошие, по тем временам страшно дефицитные, книги о вымерших животных.

Директор музея Константин Константинович Флёров шутил, что в войну были сыны полка, а Яковенко у них сын музея.

Яковенко собирался поступить на биологический факультет и выучиться на палеонтолога, но Флёров его отговорил. Он сказал, что палеонтологов без того хватает, и поинтересовался, чем ещё увлекается Яковенко. «Историей архитектуры, зданиями музеев, скульптурой, судостроением», – ответил тот.

Флёров предложил Яковенко стать архитектором, чтобы построить музею новое здание. Он подсчитал, что разрешение на строительство дадут лет через десять: как раз хватит, чтобы научиться проектировать и строить.

Яковенко послушался совета, поступил в строительный институт и каждый год в качестве курсовой сдавал очередной, всё более продуманный проект Палеонтологического музея. Одну работу наградили золотой медалью Минвуза СССР. Другую Флёров показал заместителю главы Академии К. Н. Чернопятову, который одобрил идеи Яковенко, но предупредил, что параметры реального здания будут не такими грандиозными.

В 1965 году Совет министров СССР утвердил решение о строительстве музея. Подпись на бумаге поставил глава совета А. Н. Косыгин. Академия выделила под строительство дубраву, холм и поле на окраине Москвы, на территории академического санатория «Узкое».

По просьбе дирекции музея Яковенко зачислили в академический институт «ГипроНИИ», который занимался проектированием лабораторий и научных центров, и назначили главным архитектором проекта.

Площадь музея по бумагам должна была составлять 8 тысяч квадратных метров, но Яковенко разными уловками удалось увеличить её до 11 тысяч метров за счёт обустройства подвальных

помещений, тонкостей с просчётами штукатурного слоя и уровней потолков.

Проектное задание подготовили к 1968 году, утвердили в Градостроительном совете Москвы, в Академии, и на этом всё закончилось. Финансирование приостановили, средств не дали даже для отрисовки рабочих чертежей.

Четыре года тянулось томительное ожидание, которое завершилось благодаря случаю.

В начале семидесятых из-за расширения Калужского шоссе пришлось переносить несколько крупных объектов, в том числе антенные поля Министерства морского флота. Они располагались недалеко от пустыря, выданного под строительство музея. По слухам, Минморфлот собирался потребовать эту территорию себе в качестве компенсации.

Дело осложнялось статусом антенных полей. Формально они работали для гражданского флота, на деле были длинноволновыми и явно предназначались для связи с боевыми кораблями и атомными подлодками. В борьбе с таким серьёзным соперником у Академии не было шансов. В музее это понимали и решили играть на опережение. Утрата участка стала бы катастрофой, означала потерю нескольких лет работы над проектным заданием, которое выполняли с учётом рельефа местности и путей подхода транспорта. Музей пришлось бы проектировать заново, с нуля.

Яковенко срочно, на добровольных началах взялся за подготовку чертежей. Выполнить в одиночку такую работу было невозможно. Он попросил помощи у знакомых конструкторов, техников, инженеров. Целая толпа специалистов бесплатно просчитывала нагрузки на стены, уточняла параметры залов и подвалов. Всё держалось на личном обаянии Яковенко, который буквально горел работой. В его архиве сохранился стих, сочинённый коллегами:

Ты нас замучил всех своим Музеем,
Нам динозавры снятся по ночам,
Нам чудится, что ящеры и змеи
Ползут по нашим спинам и плечам^[827].

Чертежи подготовили в рекордный срок. Музей спешно уточнил в Совете министров, не устарело ли разрешение Косыгина о строительстве. Оттуда пришёл лаконичный ответ: такие подписи не стареют^[828].

Академия быстро изыскала средства и в конце сентября 1972 года на пустыре торжественно заложили фундамент. На мероприятие пригласили журналистов, устроили банкет. Участники много фотографировались, особенно с прорабом, как две капли воды похожим на французского актёра Луи де Фюнеса. Всё случилось на два месяца раньше перебазирования полей Минморфлота.

«Если бы фундаменты музея не были заложены именно тогда, наш участок был бы занят антенными полями могущественного ведомства, и неизвестно, было бы построено здание музея вообще; в лучшем случае проект пришлось бы начинать заново, на другом участке», – писал Яковенко^[829].

Стены музея возводили без задержки. Яковенко на свой страх и риск протащил в проект уловку: строить здание можно было только целиком, без разбивки на секции. Нельзя было построить правые стены, потом левые – их следовало строить вместе. Строители проморгали хитрость, а когда разобрались, ничего нельзя было изменить: если бы здание стали строить по частям, стены треснули бы из-за неравномерной нагрузки на фундамент. Хитрость страховала строительство от всевозможных неожиданностей: прекращения или урезания финансирования, колебаний в настроениях Академии. На площадке установили четыре крана, со всех сторон здания. Скоро напротив новостроек Тёплого Стана поднялись красные стены. Со стороны они напоминали средневековый замок, были глухими и только внизу, на первом этаже, шли похожие на бойницы окна.

В 1978 году здание подвели под крышу, краны демонтировали, началась внутренняя отделка. Пять лет в здании работали штукатуры, сварщики, электрики.

Затем пришло время декоративного оформления и подготовки экспозиции. По всем залам провели резьбу в технике древнеегипетских вдавленных рельефов. Впервые со времен Врубеля выложили керамические панно.

У декораторов иногда возникали экстравагантные идеи. К примеру, оформить все витрины в виде саркофагов, чтобы

подчеркнуть – древние формы жизни исчезли навсегда^[830].

Вместо одного музея получилось два: палеонтологический и декоративного искусства. Как подметил журналист, такое сочетание можно считать поистине уникальным: «Представьте себе, человек с утра начинает ваять „Филогению млекопитающих“. Это ведь такая неожиданная для изобразительного искусства тема. Это же надо представить себе, как она выглядит, эта филогения, найти, так сказать, образ, передать его в материале. Я даже не знаю, можно подобрать в мире аналогии такому искусству в это время или нет»^[831].

Особенно впечатляющими были два произведения.

В самом начале музея возвышалось гигантское, в три этажа, панно «Древо жизни». На его изготовление ушло 25 тонн керамики. На панно показаны «ветви» выросшего на Земле «дерева жизни»: растения, рыбы, звери и люди, изображённые в виде женщины с младенцем, которые сильно напоминают Богоматерь с Иисусом. Сверху и снизу панно установлены два зеркала, которые превратили «Древо жизни» в бесконечное. Изображения уходят в зеркальный тоннель, где без конца повторяются динозавры, богоматери, мамонты.

Однажды в музей пришёл писатель Чингиз Айтматов, поднялся по ступенькам, заглянул в зеркальный колодец, остановился и попросил принести стул. «Надо посидеть, посмотреть и подумать...» – объяснил он^[832].

Второй грандиозной работой стала фреска «Утро динозавров», которую нарисовали два художника: Май Митурич и Виктор Дувидов. Оба были книжными графиками, иллюстрировали книги Чуковского, Маршака, Барто. Ни один, ни другой не интересовались монументальной живописью.

Над оформлением музея работал знакомый Дувидова, он и предложил художнику сделать фреску. Дувидов прохладно отнёсся к идее, зато ею загорелся Митурич и уговорил приятеля нарисовать фреску вдвоём.

На ней надо было изобразить пейзаж Монголии мелового периода. Большинство черепов и скелетов в зале принадлежали динозаврам Гоби, и фреска показывала, как они выглядели при жизни.

Художники подготовили два эскиза. Испанец Дувидов представил экспрессивный вариант: с сочной зеленью, знойным

солнцем и динозаврами-драконами. Племянник поэта Хлебникова Митурич сделал эскиз зыбкого болота, подёрнутого знойными испарениями. Дирекция выбрала второй вариант. Его отнесли на утверждение в художественный совет, где заседали одни монументалисты. Вторжение книжных графиков на свою территорию они расценили как невиданную дерзость и единогласно проголосовали против эскиза^[833]. Какими-то уговорами всё же удалось протащить эскиз через комиссию.

У стены динозаврового зала поставили три яруса лесов.

Митурич где-то узнал, что в древнем Китае стены перед рисованием покрывали куриными желтками, и решил повторить этот приём. На грунтование ушло пять тысяч яиц.

Дочь Митурича запомнила, что отец купил первую партию зимой и держал на балконе. Потом с ужасом обнаружил, что вороны разбили и съели почти сотню яиц^[834].

Фреску сделали за полгода, разделив пополам. Дувидов рисовал левую, солнечную сторону. Митурич – правую, туманную, с красивыми лотосами^[835]. В детстве он часто бывал у родственников в Астрахани и хорошо представлял, как выглядят лотосы, как они цветут и лежат на воде.

Кроны болотных кипарисов рисовали веником, разведя краску в тазу. Чешуйчатую кожу хищного динозавра делали по трафарету.

Работа шла непросто.

Митурич рассказывал: стоит нарисовать динозавра, подходит палеонтолог и говорит, что пасть динозавра открывалась не так. Едва Митурич исправит, бежит другой палеонтолог, ругается, требует вернуть всё обратно. «Я-то думал, что в палеонтологии всё уже решено, а там между музейщиками происходили сцены выяснения отношений на повышенных тонах, которые, впрочем, всегда очень дружелюбно заканчивались», – удивлялся он^[836].

После снятия лесов оказалось, что освещение по-разному ложится на фреску, и некоторые участки плохо стыкуются. Началась, по словам Митурича, настоящая гимнастика: надо было бегать в зал, смотреть на фреску издали, затем «с ловкостью обезьяны приходилось вскарабкиваться на нескладную железную конструкцию лишь для того, чтобы сделать два-три мазка»^[837], потом слезать, бежать смотреть результаты и опять вскарабкиваться наверх.

Принимая фреску, один из членов художественного совета признался, что только дилетанты могли решиться на такую сложную работу с реальным общим пространством, глубиной и перспективой. Опытный монументалист разбил бы её на витражные фрагменты^[838].

Пока художники украшали музей, палеонтологи продумывали концепции залов, решали, какие выставить скелеты, в каком порядке, что подсветить лампочками и с какой стороны.

Препараторы смонтировали сотни образцов, в том числе крупные скелеты. Из старого здания перевезли и заново собрали остовы диплодока, индрикотерия, монгольских динозавров, парейазавров. Всего расставили, подвесили и разложили более пяти тысяч экспонатов размером от зёрнышка до кита.

За создание экспозиций отвечал десяток специалистов. Куратором палеозойского зала, где разместилась Северо-Двинская галерея, был палеонтолог Михаил Феодосьевич Ивахненко.

Музей частично открыли в августе 1984 года, когда в Москве прошёл третий и пока последний в нашей стране Международный геологический конгресс.

Его освещение в прессе вновь оказалось совсем не таким, как раньше. Газеты писали о конгрессе очень мало, многие издания его совершенно проигнорировали. Журналисты дежурно говорили, что геология на время конгресса стала словно бы «королевой наук»^[839], называли конгресс «праздником научной мысли»^[840], но почти не уделили ему внимания. Если раньше газета «Правда» сообщала, какими красками печатают геологическую карту для конгресса^[841], то теперь не посвятила ему даже маленькой заметки.

Почти всё напечатанное было сухим, скучным, в канцелярском телеграфном стиле: «Актуальные проблемы изучения планеты Земля, её строения и минеральных ресурсов составили программу XXVII Международного геологического конгресса, который 4 августа начал работу в Москве. В этом крупнейшем форуме геологов мира участвуют представители национальных геологических служб, научных центров и международных организаций...»^[842]

Не было репортажей с застолий, как в 1897 году. Не было пафоса и безудержного славословия, как в 1937 году. Впрочем, и геологов теперь не приглашали ни в думу, ни в городские администрации, не

устраивали для них балов, концертов на воде и факельных шествий. Всё прошло тихо, незаметно.

Отчасти это было вызвано тем, что сама геология сильно усложнилась, разделилась на сотню специфических дисциплин. На конгрессе работало 22 секции, 6 коллоквиумов, прошли заседания 63 научных организаций, комиссий, подкомиссий, комитетов и ассоциаций, а кроме того, обсуждения по 23 международным программам. «Это – океан, нечто неохватное, и если специалисту трудно отыскать свою ветку (или сучок) на этом древе, то каково же приходится журналисту, задумавшему написать о конгрессе вообще!» – писал один из участников^[843].

Например, был сделан доклад «Дистанционная информация о региональных структурах Сибирской платформы», состоялось важное выступление про распознавание литологических комплексов и структурных элементов по термоинерционным характеристикам. Как напишешь об этом в газете?

Даже выставки конгресса оказались не вполне понятными для обывателя. Их было две: «Геоэкспо-84» и «Геокарта-84». Они мало напоминали выставки прошлых конгрессов. На них демонстрировали новейшую геологическую технику, приборы для бурения, горной разведки, обработки данных. Человеку, далёкому от достижений геологии, вполне могло показаться, что «он попал на выставку вычислительной техники, оптики, машиностроения, космической техники и, наконец, ювелирных изделий». Среди экспонатов не было ни одного, хотя бы отдалённо напоминающего геологический молоток^[844].

Традиционно выглядели разве что залы Палеонтологического музея, открытые по случаю конгресса. В них выставили и коллекции Амалицкого. Парейзавры стояли без старых витрин, отдельным стадом. Над ними нависала кованная из меди гигантская люстра, которую прозвали «люстрой пермского периода». В ней горела сотня матовых лампочек. Сначала под люстрой хотели поставить бассейн с клумбами реликтовых голосеменных растений, но от бассейна в конце концов отказались: кости не любят влагу^[845].

Ивахненко в шутку называл композицию из парейзавров и люстры «тараканами под кастрюлей». Любопытно, что здесь потом

несколько раз падали в обморок дети. В других залах такого не случалось^[846].

Стадо парейзавров со времён Амалицкого несколько поредело: скелет очень крупной особи Академия ещё в 1955 году подарила китайским коллегам^[847].

Перед открытием конгресса в Нескучном саду выкопали несколько конкреций и положили перед зданием нового музея. Они выглядели как модные абстрактные фигуры. В одной случайно заметили кусок кости. Породу протравили кислотой и извлекли заднюю половину черепа храниозуха – амфибии, похожей на крокодила. Так выяснилось, что закопанные конкреции могут заключать в себе важные образцы. Впрочем, большинство их по-прежнему закопано у старого музея и ждёт своего часа.

После закрытия конгресса оформление музея продолжилось. Оно шло страшно медленно. «Так долго не строился, пожалуй, ни один музей в мире», – жаловались газеты^[848].

Весной 1987 года музей попробовали сдать приёмной комиссии, но безуспешно. Комиссия нашла много недостатков: в одном зале протекал потолок, в подземном хранилище просачивались грунтовые воды. Перечень недочётов занял десяток машинописных листов, где было почти сто замечаний^[849].

Открытие всё же запланировали на ноябрь 1987 года, к семидесятилетию Октябрьской революции. Впрочем, опоздали. Музей торжественно открылся 25 декабря 1987 года, накануне Года Земляного дракона.

Про музей писали в журналах, рассказывали по радио и телевидению. «Посетители, входя в это здание-амфору, отрешаются от суеты сегодняшнего дня и чувствуют себя один на один с глубинами истории, с тайнами нашей планеты», – рассказывали репортёры^[850].

Палеонтологический музей быстро вошёл в число главных столичных музеев наряду с Пушкинским, Политехническим и Третьяковской галереей. Один специалист справедливо назвал его палеонтологическим Эрмитажем^[851].

Примечательна такая история. В 2001 году в Москву приехал хор тибетских монахов, которых позвали, чтобы очистить ауру столицы от скверны и задобрить московских духов. На досуге им показывали

достопримечательности. Потом монахи рассказывали, что больше всего их поразила русская баня и Палеонтологический музей с парейзаврами^[852].

Часть третья

Аквапарк Пермского периода

Академик А. А. Борисяк писал, что изучение вымерших животных требует и обширных знаний, и творческого остроумия^[853]. С чем обычно имеет дело палеонтолог? С отдельными, зачастую обломанными и неполными остатками. По ним трудно понять, каким было животное, где обитало, чем питалось. Попробуйте по обломку куриной кости понять, что это за птица, если вы к тому же понятия не имеете о курице.

Без фантазии не обойтись. В конце концов, наука, о чём часто забывают, такая же разновидность творчества, как живопись, поэзия, философия.

Воображение и познания у специалистов разные, поэтому «художествование около науки», как говорил философ В. В. Розанов^[854], приводит к разным результатам и разным гипотезам. Некоторые не выдерживают проверки временем, другие подкрепляются новыми фактами.

Это относится и к материалам, добытым в Соколках. Здесь найдено в общей сложности 2,5 тысячи остатков древних животных^[855]. За отдельные единицы принимались и скелеты, и отдельные кости, так что точное число материалов назвать нельзя.

За сто лет по ним описали более 25 видов позвоночных. Последующие ревизии уменьшили это число вдвое^[856]. За разные виды ошибочно принимались черепа животных разного пола и возраста, разной сохранности. Сейчас считается, что остатки из чечевиц принадлежали примерно дюжине видов.

Первое место среди них занимали парейзавры, которым принадлежит до 70 процентов костей из Соколов^[857]. В тридцатых годах А. П. Гартман-Вейнберг переописала их как новый род – скутозавр (*Scutosaurus*), входящий в семейство парейзаврид. Название «скутозавр» переводится как «щитоящер» и отражает любопытную особенность животного: в его коже располагались крупные костяные бляшки-остеодермы размером с теннисный мяч. Амалицкий поэтично называл их «щитками из звёздчатых пластин»^[858].

Назначение остеодерм загадочно. Вероятно, они были как-то связаны с физиологией или особенностями кожи животного.

Амалицкий писал, что выкопал в Соколках остатки примерно сотни парейазавров: 20 скелетов, 25 черепов и многочисленные кости, принадлежащие «не менее как 50 отдельным экземплярам»^[859]. Получилось громадное стадо, в котором были самки, самцы, мелкие детёныши размером со свинью, огромные старые особи. В коллекции есть кости в полтора раза больше других^[860], их обладатель мог достигать величины носорога.

Внешний вид парейазавров отличался большим разнообразием. Голова у каждого была не похожа на другие. Шипы, наросты, бугорки были разной величины, по-разному расположенные. Палеонтолог А. П. Быстров писал, что нет даже двух одинаковых черепов парейазавров^[861]. Амалицкий также отмечал их «большую пластичность», из-за которой легко можно запутаться и отнести животных не к одному, а к разным видам^[862].

Парейазавры стали самыми знаменитыми ящерами Соколков. О них часто говорилось в статьях и книгах, зачастую им давали любопытные характеристики. Чехов писал, что это был «мало симпатичный зверь». В книге палеонтолога Э. Ланкестера сказано, что парейазавр походил на «гигантскую моську»^[863]. Репортёру советской «Правды» он почему-то напомнил «о мрачных фантасмагориях „Капричос“ Гойи»^[864].

Амалицкий считал парейазавров неким «сборным типом» и замечал у них черты сразу трёх классов: амфибий, рептилий и млекопитающих. На лекциях он указывал, что сборный характер животного особенно хорошо проявляется на затылочной части черепа^[865]. По мнению Амалицкого, парейазавры были промежуточным звеном между амфибиями, с одной стороны, и рептилиями с млекопитающими – с другой.

Позже выяснилось, что они не были ни амфибиями, ни рептилиями, ни млекопитающими. Сейчас их относят к особому классу парарептилий, который процветал в пермском периоде и вымер вскоре после его окончания^[866].

Относительно образа жизни парейазавров существует две гипотезы. Одна рассматривает их как водных животных, вторая – как

сухопутных. Противоречие отчасти вызвано строением конечностей парейазавров. Их задние лапы, как писали исследователи, были приспособлены «больше для плавания», а передние – для передвижения по суше^[867].

Амалицкий сумел соединить обе гипотезы в одну.

Вначале он полагал, что парейазавры жили «у воды и даже в воде»^[868], по образу жизни напоминали бегемотов, крокодилов^[869] или моржей^[870]. На лекциях он упоминал их «вывернутое положение конечностей» и особую форму рёбер, которые указывали на «водяной образ жизни»^[871].

В учебнике геологии Иностранцева, явно со слов Амалицкого, написано, что между пальцами парейазавров, вероятно, росла перепонка, а «значительную часть времени животное проводило в воде, выставляя из неё свою морду и опираясь при таком положении на отростки задней части нижней челюсти»^[872].

В начале XX века под руководством Амалицкого изготовили живописную скульптуру с реставрацией парейазавра. У животного между пальцев растянулась широкая перепонка. Таких гипсовых скульптур было несколько; сохранилась одна – в палеонтолого-стратиграфическом музее Петербургского университета.

Впоследствии Амалицкий скорректировал своё мнение и отчасти согласился с гипотезой южноафриканского палеонтолога Роберта Брума, который сравнивал парейазавров с большими сухопутными черепахами. Брум полагал, что парейазавры жили «на сухой земле и не посещали болота», а при виде врагов закапывались в землю, «подобно эхидне», оставляя снаружи лишь костные пластинки спины^[873].

Амалицкий тоже считал, что парейазавры умели копать землю, но, по его словам, это требовалось для добычи «корневищ глоссоптерисов». Он полагал, что обычно парейазавры питались мягкой сочной растительностью, которая росла у водоёмов, но в суровые зимние времена были вынуждены искать другой корм и копали землю в поисках корней, червей, скорпионов и личинок насекомых, «которые по аналогии с каменноугольными могли быть и обильными, и громадными по размерам»^[874].

А ещё добывали хвою. «Недостаток травянистой пищи во время зимы мог заставлять парейазавров питаться хвоею хвойных деревьев, которую они добывали, становясь на задние конечности... приспособленные, как у *Megatherium*'а, к поддержанию тела животного в прямом направлении с приподнятыми передними конечностями. Для схватывания веток могли служить пальцевые подвижные фаланги, а для нагибания их – багровидные выступы на нижних челюстях», – писал Амалицкий^[875].

Своими мощными передними лапами парейазавры могли даже выкапывать норы, причём громадные.

Обилие костей привело Амалицкого к мысли, что парейазавры «жили сообществами», которые «можно назвать стадами»^[876]. Значит, их норы вмещали сразу нескольких животных, и правильнее было бы назвать их пещерами. Такие пещеры, по Амалицкому, могли сохраняться в геологической летописи в виде гнёзд песка или ила, если заполнялись осадками. Но пока «в этом направлении наблюдений нет».

В одной рукописи Амалицкий дал красочную картину зимовья парейазавров. «В холодное зимнее время они, вероятно, очень тесно прижимались друг к другу в своих стадах, чтобы согреться взаимной теплотой, может быть, укрываясь от стужи, они избирали закрытые от ветра места каньонов, может быть, вырывали логовища, прикрывали их ветвями хвойных и листьями папоротников, а более суровые месяцы проводили в этих логовищах в состоянии спячки»^[877]. В летнее время парейазавры, напротив, большую часть времени находились в озёрах, болотах и реках.

Амалицкий удачно сравнил их с современными гаттериями, которые обитают возле океана в пещерах. Сходство усиливали детали. Ноздри, нёбо, зубной аппарат парейазавров были построены, как у гаттерии^[878]. А гаттерия и в норах живёт, и под водой плавает.

Следующая реконструкция, П. П. Сушкина, предполагала, видимо, более сухопутный образ жизни парейазавров. Сушкин считал, что они обитали по берегам реки, протекавшей в степи или даже пустыне, и своими массивными передними конечностями «вырывали корни растений»^[879]. Один небольшой скелет в Геологическом музее Сушкин смонтировал «в позе копания».

Его ученик И. А. Ефремов тоже писал, что парейзавры – «роющие пресмыкающиеся»^[880]. Это мнение поддерживал и немецкий геолог И. Вальтер, писавший, что похожие «на гигантскую таксу» парейзавры умели «хорошо вырывать своими крепкими ногами» корни из земли^[881].

Передние лапы парейзавров и других пермских ящеров действительно очень массивные и похожи на кости кротов, однако сходство случайное^[882] и объясняется примитивным строением конечностей. Лапы древних наземных позвоночных, по сути, построены как у саламандры, при этом поддерживали животных размером с бегемота. Тяжесть туловища закономерно приводила к утолщению и усилению плечевых костей. Но ящеры ими не землю копали, а просто передвигали свои огромные туши.

Другое мнение о парейзаврах высказал М. Ф. Ивахненко. Для начала он отметил, что в семейство парейзаврид входили экологически разнообразные животные. Они могли отличаться друг от друга как черепахи, среди которых есть и наземные, и морские формы.

Почти все парейзавры Соколов относились к одному виду – скутозаврам Карпинского (*Scutosaurus karpinskii*). Ивахненко заметил, что все их скелеты в музее смонтированы чересчур декоративно, с большими разрывами между костями. Он промерил кости и сделал замечательное открытие: если собрать скелет правильно, кость к кости, принять во внимание обширную грудную клетку животного, то лапы не дотянутся до земли^[883]. Получается, скутозавры Карпинского вообще не могли ходить и всю жизнь проводили в воде, как сирены или морские коровы.

На водный образ жизни косвенно указывало и своеобразие их челюстей. Верхние и нижние зубы смыкались словно застёжка-молния, причём не соприкасались друг с другом и оставляли небольшие зазоры. Челюсти могли только открываться и закрываться. Жевать ими было нельзя.

На зубах нет следов стирания, значит, пища была очень мягкой, никаких корневищ и хвои парейзавры не ели. Их челюсти работали как «своеобразная цедильная сеть»^[884]. Животное процеживало воду, вылавливая водоросли или даже рачков, которые в изобилии населяли пермские водоёмы^[885]. На небе в несколько рядов располагались

мелкие зубчики, помогавшие удерживать в пасти комок водорослей или массу раздавленных рачков.

Кроме скутозавров Карпинского в Соколках был ещё один, очень редкий скутозавр бугорчатый (*Scutosaurus tuberculatus*). От него нашли только два скелета: один – взрослой особи, второй – молодой. У этого скутозавра в два раза короче лопатки, в полтора раза длиннее ноги, а сам он мельче.

Оба скутозавра, возможно, отличались и кожными покровами. У скутозавров Карпинского кожа могла быть мягкой и слизистой, как у жабы, возможно с ядовитыми бородавками^[886]. У бугорчатых – покрыта многочисленными бляшками-остеодермами. На шее они, вероятно, располагались плотно друг к другу, образуя подобие костяного панциря, а вокруг слуховой области могли торчать конические остеодермы, как у ящериц агам^[887].

Вторая знаменитость Соколкав – саблезубая иностранцевия. Их два вида (*Inostranzevia alexandri*, *Inostranzevia latifrons*), они отличаются друг от друга размерами (вторая мельче) и незначительными деталями строения.

Иностранцевии входили в число крупнейших хищников пермского периода. Возможно, были самыми крупными. Некоторые кости принадлежали особям длиной 3,5 метра. У иностранцевий необычное, «противоречивое» строение тела: легко построенный скелет и тяжёлый, массивный череп. Этим они схожи с крокодилами и, вероятно, тоже были водными животными. Современных аналогов у них нет, они были своеобразными плавающими тиграми. Иностранцевии питались парейзаврами, более мелкая добыча их не интересовала. На это указывает странный челюстной аппарат.

Череп иностранцевий не был монолитным. Во время укуса верхнечелюстные кости немного расходились в стороны, громадные верхние клыки разворачивались и вставали в одну линию с нижними клыками. Это позволяло, словно ножницами, отрезать куски мяса из жертвы. Разорвать мелкую добычу иностранцевия не могла – такими челюстями можно было только вырезать куски из большой туши^[888].

Верхние клыки слабо крепились в челюсти и легко выпадали. Это было важно при охоте на крупную добычу. Иностранцевия протыкала клыками шкуру парейзавра, стремясь повредить жизненно важные органы. Клыки нередко застревали, и было трудно вытащить их из

туши. При этом приходилось гасить рывки раненого парейзавра, чтобы не разломался собственный череп.

От рывков верхняя челюсть амортизировала, а если скутозавр вырывался слишком сильно, у иностранцевии выламывались клыки. Они сидели в особой «клыковой сумке», там же наготове находились два-три сменных клыка в виде «зародышей»-коронок. Когда вылетал основной, то запасной пускал корень, и скоро в челюсти сидел новый клык.

В Соколках найдено много отдельных клыков иностранцевий, причём сохранившихся полностью, с корнем. Их число несоизмеримо с другими остатками иностранцевий^[889].

Остальные вымершие животные Соколков мало знакомы широкой публике.

Небольшой хищник православлевия (*Pravoslavlevia parva*) был дальним родственником иностранцевий. Этот саблезубый ящер в три-четыре раза уступал иностранцевии в размерах и вёл, возможно, несколько более наземный образ жизни^[890].

Аннатерапсид (*Annatherapsidus petri*) по образу жизни и размерам напоминал калана или выдру^[891]. Это водное животное, на что указывают его клыки, по форме похожие на крюки. Ими нельзя проткнуть или разорвать жертву, но можно удерживать скользких рыб и амфибий. У аннатерапсида на черепе располагались гребни для крепления щёчных мускулов. Возможно, это следы особых мешков, в которых ящер приносил рыбу детёнышам^[892].

Двиния (*Dvinia prima*), чьим черепом особенно дорожил Амалицкий, была величиной с таксу. Она принадлежала к группе цинодонт, от которых в триасовом периоде произошли млекопитающие. В пермском периоде млекопитающих не было, африканский тритилодонт тоже был цинодонт.

От пермских цинодонт во всём мире найдено мало остатков, в основном из-за их небольшого размера. Одни из самых полных принадлежат двинии. Внешне она напоминала крысу без ушей. Ивахненко сравнивал её с утконосом^[893] и полагал, что она, в отличие от большинства цинодонт, жила у водоёмов^[894].

В Соколках добыто два черепа двиний, в том числе совершенно целый.

Зубы двинии очень прогрессивные, разделялись на резцы, клыки и коренные; по ним шли бугорки, не дававшие зубам застревать в пище. При таких зубах челюсти оставались примитивными, двигались только вверх и вниз, как у парейазавров. Двиния тоже не умела жевать, она только давила и дробила пищу, словно щелкунчик. Почти всё пространство её черепа занимали мощные, гипертрофированные челюстные мышцы. Даже для мозга места почти не оставалось, он был размером с горошину.

Мелкие бугорки на зубах двинии не стёртые, значит, её пища была мягкой. Скорее всего, двиния питалась панцирными рачками или моллюсками с тонкими раковинами. Возможно, была всеядной и не брезговала грибами и плодами.

Сушкин полагал, что череп двинии «по конфигурации» напоминает череп опоссума. Кроме того, на тазовой кости двинии он обнаружил особую шероховатость и предположил, что здесь крепились сумчатые кости^[895], то есть двиния была с сумкой, как кенгуру. По его мнению, у двинии не было черт специализации, уводящих в сторону от генеральной линии млекопитающих, и она стоит близко к тем цинодонтам, от которых произошли млекопитающие.

Ещё одни ящеры Соколов – дицинодонты. Амалицкий называл их черепахообразными^[896], Борисяк шутил, что дицинодонты совершенно нелепые животные^[897].

В Соколках и Завражье найдены остатки двух родов. Первый – перамодонт в составе двух видов (*Peramodon trautscholdi*, *Peramodon amalitzkii*). По образу жизни и размерам они напоминали кабанов. У них был клюв, как у черепах, а на верхней челюсти находились два бивня, которые росли всю жизнь, часто стирались о грунт, иногда ломались, и место слома полировалось дальнейшим использованием.

Анализируя строение их черепа и скелета, Сушкин пришёл к экстравагантному выводу, что эти дицинодонты были падальщиками и разрывали трупы сильными челюстями^[898]. Сейчас перамодонтов рассматривают как растительноядных животных. Вероятно, они питались корнями, выдирая их из почвы челюстями-кусачками^[899].

Второй дицинодонт – карликовый эльф северный (*Elph borealis*) из Завражья. Он был размером с кота, возможно копал землю и жил в

норах. Это единственный российский дицинодонт мелкого размерного класса.

Остатков амфибий в коллекции мало.

Двинозавры (*Dvinosaurus primus*) замечательны своими жабрами, которые указывают, что животное никогда не выходило на сушу. Не вполне понятно, какими были жабры: наружными или внутренними. Палеонтолог Михаил Александрович Шишкин считал их наружными. По его словам, «нет оснований думать иначе», поскольку у других древних амфибий известны только наружные жабры^[900]. Ивахненко, напротив, полагал жабры внутренними, поскольку наружные жабры для крупных животных маловероятны^[901], а двинозавры вырастали до полутораметровой длины. Кроме того, остатки двинозавров находят только в песчаных, речных отложениях. В озёрных они встречаются редко^[902]. По словам биолога Александра Сергеевича Раутиана, вода в спокойных водоёмах пермского периода могла быть насыщена известью, которая оседала на любых предметах. Наружные жабры двинозавров в таких местах покрылись бы кальцием, как фигурки в наборе юного химика^[903].

Охотились двинозавры из засады. Жабры позволяли долго лежать на дне, не всплывая для дыхания. На кого охотились – неясно.

У двинозавров тупая морда, как у гигантской саламандры. Можно предположить, что они тоже добывали червей и мелкую рыбёшку, но, в отличие от саламандры, у двинозавров в пасти сидели огромные клыки с палец размером. Клыки бесполезны для ловли мальков. Значит, животное питалось чем-то побольше. Возможно, у двинозавров не было заметной специализации и они охотились на любую подходящую добычу – и на червей, и на крупную рыбу. По образу жизни они напоминали сомов. Любопытен их скелет. Он не окостеневал полностью. Конечности даже огромных особей частично оставались хрящевыми, как у личинок амфибий^[904].

Вторая амфибия – хрениозух (*Chroniosuchus licharevi*), внешне напоминавший каймана. У хрениозуха на спине располагались костяные пластинки, налегавшие друг на друга, как черепица. Панцирь от этого получался гибким и не стеснял движений. Брюхо было покрыто чешуёй, как у многих пермских амфибий, а бока оставались голыми.

Хрониозухи появились в геологической летописи в самом конце пермского периода словно из ниоткуда и заполнили все водоёмы будущей России. Их остатки также встречаются в Китае, Германии и Средней Азии, но всегда по чуть-чуть, а у нас их костей великое множество^[905].

Ещё два рода вымерших животных из Соколов имеют не вполне ясную систематическую принадлежность. Одни исследователи относят их к парарептилиям, другие – к амфибиям.

Котлассия (*Kotlassia prima*) казалась наспех сделанной саламандрой метровой длины. Её недавние предки были сухопутными: на это указывают сохранившиеся слуховые косточки животного. В воде слух не нужен, его заменяют сенсорные органы, которые реагируют на движение. У котлассии слуховая косточка исчезнуть ещё не успела, хотя, вероятно, уже была не нужна^[906]. Переделанными оказались и пищевые предпочтения. Все ближайшие родственники котлассии питались растительной пищей. Котлассии неожиданно отказались от такой диеты и стали хищниками^[907].

Карпинскиозавр (*Karpinskiosaurus secundus*) мало чем отличался от котлассии: тоже хищник, тоже крупный. Их поведение и образ жизни, конечно, имели какие-то различия, но подобные нюансы палеонтология распознать пока не может.

Нетрудно заметить, что современные аналоги ящеров, парарептилий и амфибий Соколов – водные или тесно связанные с водой животные.

Скутозавры – бегемоты, гаттерии или сирены.

Иностранцевии – крокодилы.

Дицинодонты – кабаны.

Аннатерапсиды – выдры.

Хрониозухи – кайманы.

Двинии – утконосы.

Двинозавры, карпинскиозавры, котлассии – саламандры.

Понятно, что все они обитали в очень влажных местах.

Исследования геологов показали, что на территории Восточной Европы в конце пермского периода простиралась обширная, прорезанная реками низина. Растения ещё не имели развитой корневой системы и плохо скрепляли почву, поэтому устойчивых берегов не было, реки не формировали постоянных русел. Во время

дождей они широко разливались, превращались в огромные мелководные озёра. Ивахненко назвал их «виэссами», от аббревиатуры *v. s. s.* (*very shallow sea*), то есть «очень мелкое море»^[908].

Во время засухи виэссы пересыхали, распадалась на отдельные озёра, которые зарастали хвощами. После притока воды опять становились морями, и так бессчётное число раз.

Судя по химическому составу горных пород, климат в Соколках был тёплым. Снежных зим, о которых писал Амалицкий, не было. Но сезоны действительно чередовались: зимой было тепло и влажно, летом жарко и сухо.

Мнение Амалицкого о происхождении захоронения оказалось близко к современным представлениям. Животные погибали во время засухи, когда пересыхали виэссы. В сезон дождей их остатки быстро захоранивались в песке и грязи, которые вода сносила со всей округи^[909].

Примерно так образуются аналоги песчаных линз в африканской саванне. Когда наступает жара, реки высыхают. Животные собираются у сохранившихся лужиц и массово гибнут. Затем дожди переполняют сухие русла рек, течение несёт с собой тонны грязи, и в «костяных ловушках» – на мелях и в омутах – застревают трупы, которые тоже обрастают конкрециями и через миллионы лет, возможно, будут удивлять учёную публику.

Растительность в Соколках состояла преимущественно из голосеменных с тонкими перистыми листьями. В годы Амалицкого их считали глоссоптерисами. Позже палеоботаник Михаил Дмитриевич Залесский описал их как новый род пурсонгия (*Pursongia amalitzkii*), посчитав родственниками глоссоптерисов. Ещё позже выяснилось, что пурсонгии принадлежат совсем к другой группе растений – пельтаспермовым птеридоспермам.

Похожими были только листья: сами растения отличались, как ромашка и кактус. Пурсонгии напоминали небольшие кустарники в пару метров высотой, глоссоптерисы были стройнее и выглядели как небольшие деревья. Сходство листьев было связано, вероятно, с одинаковыми адаптациями к колебанию климата.

Причём пурсонгии не росли в Африке, а глоссоптерисов не было в Европейской России^[910]. Получился казус: Амалицкий ошибся в

определениях, его мнение о сходстве африканской и русской флоры оказалось неверным.

По словам палеонтолога Кирилла Юрьевича Еськова, ситуация любопытна с точки зрения истории науки. Она показывает, что даже ошибки могут приводить к выдающимся результатам^[911]. Ведь благодаря ошибкам Амалицкий открыл потрясающее захоронение.

Ящеры Соколов тоже оказались не вполне африканскими. Например, скутозавры были своеобразной параллельной линией с южноафриканскими парейзаврами и миллионы лет развивались независимо^[912]. Сильное внешнее сходство тоже возникло из-за одинакового образа жизни.

Зато моллюски в самом деле были одинаковыми. Когда палеонтолог Владимир Владимирович Силантьев изучал в Лондоне коллекции пермских раковин из Африки, то поначалу решил, что это наши образцы, забытые Амалицким. И только этикетки с надписью *Karro* убеждали, что раковины привезены из Африки. Сходство было потрясающим, и не только внешнее. У некоторых моллюсков изучили микроструктуру. Как минимум один африканский вид оказался точно таким же, как в России.

Так что полноценная реконструкция связей флоры и фауны пермского периода ещё очень далека от завершения. Работы здесь, как писал Амалицкий, «хватит на многих и на долгие годы»^[913].

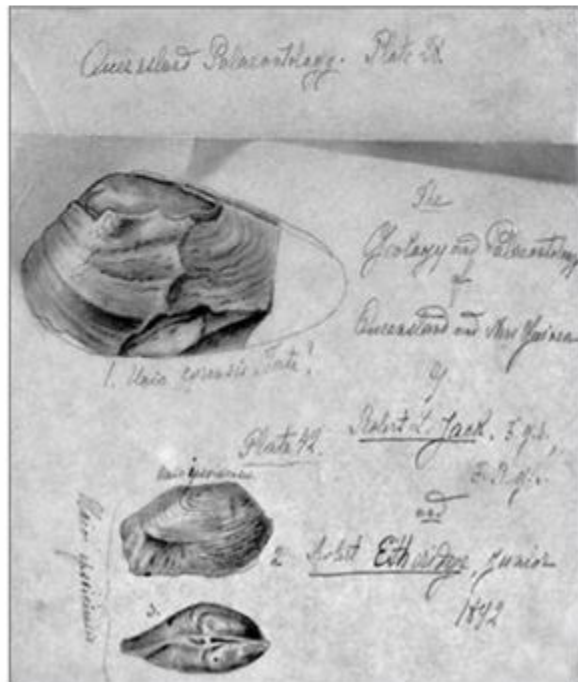
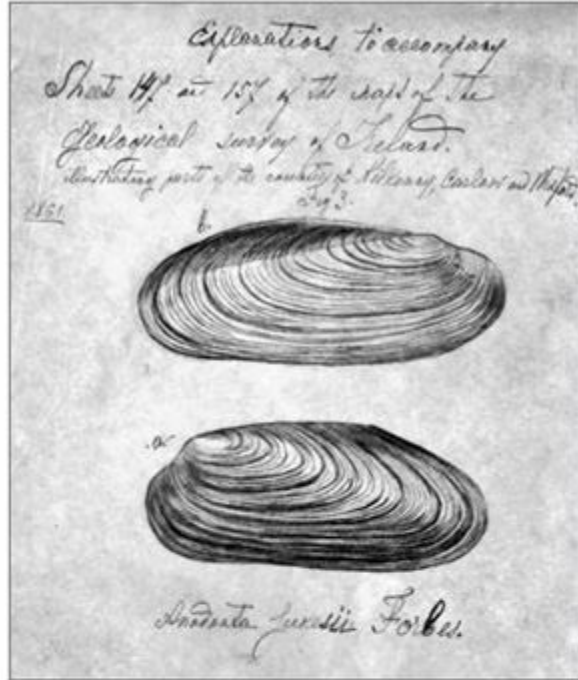
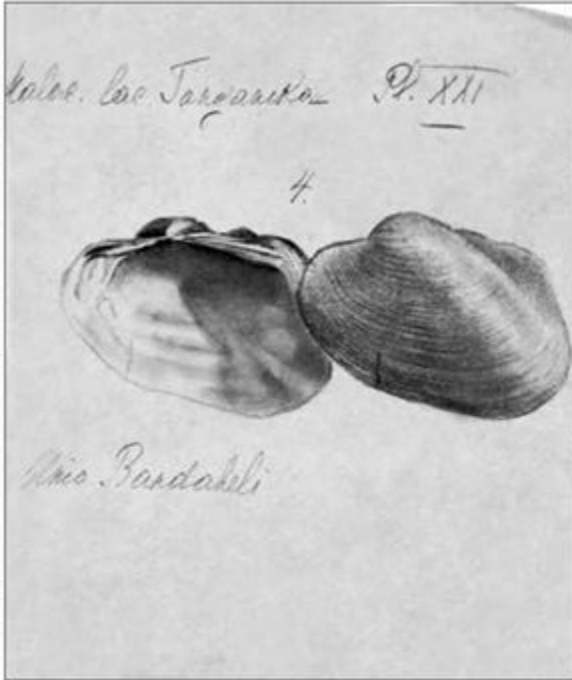

Репин И. Е. «Юноша в женском украинском костюме»

АРАН. Ф. 347. Оп. 4. Д. 5

В. П. Амалицкий

Изображения двустворчатых моллюсков из рукописей В. П. Амализкого. Рисунки А. П. Амализкой

Фонды Палеонтолого-стратиграфического музея
Санкт-Петербургского государственного университета

Профессор А. А. Иностранцев с учениками.

Стоят: В. П. Семёнов-Тянь-Шанский, П. А. Земятченский, Б. К. Поленов, Я. А. Макеров, К. К. Фохт, Н. И. Каракаш.

Сидят: Г. Г. Петц, Н. И. Андрусов, П. Н. Венюков, А. А. Иностранцев, В. П. Амалицкий, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг

Архив палеонтолога П. К. Чудинова

Визитная карточка В. П. Амалицкого

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисака РАН

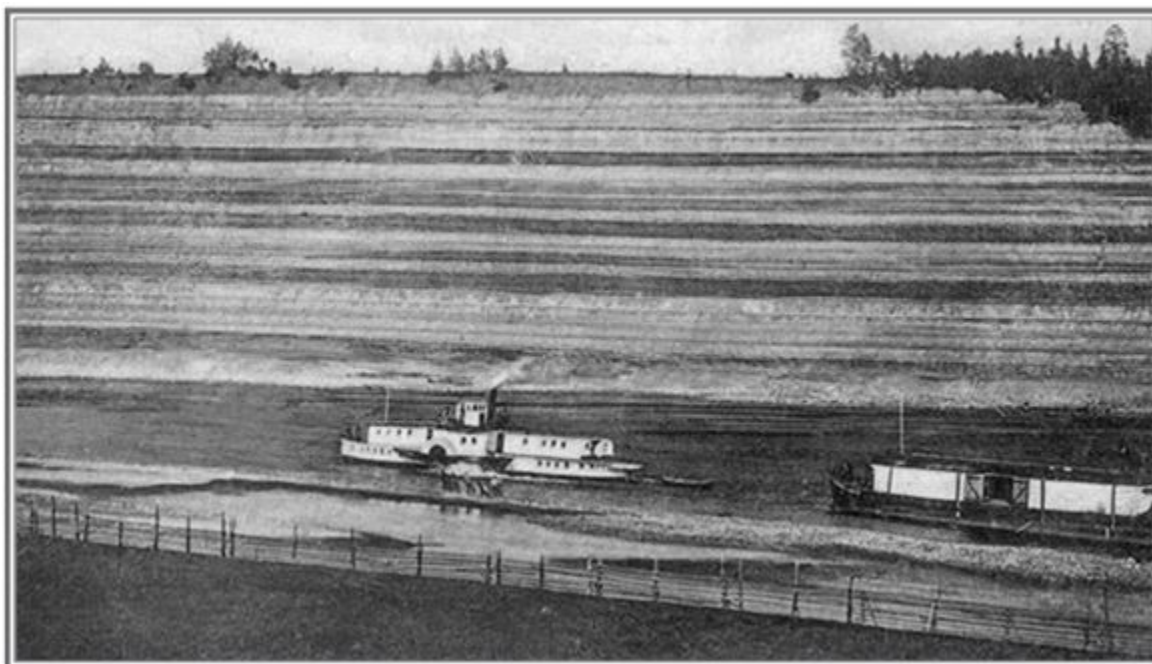

Большая Северая Двина. Село Троицкое. Фото В. П. Амалицкого

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисака РАН

Сухона возле Опок. Фото В. П. Амалицкого

Коллекция автора

Река Сухона. Пороги в Опоках. Старинная открытка

Амалицкий В. П. Раскопки остатков позвоночных в 1899 г. в пермских отложениях севера России // Приложение к протоколу общего собрания Варшавского общества естествоиспытателей. Год XI, 1900. — Варшава, 1900

Линза в Соколках. Вид до начала раскопок. Фото В. П. Амалицкого

Участники Международного геологического конгресса 1897 года.
Верхний ряд: А. А. Иностранцев, А. П. Амалицкая, Ф. Н. Чернышёв.
Нижний ряд: В. П. Амалицкий, А. П. Карпинский, М. В. Павлова

ЧТО ТАКОЕ ГЕОЛОГИ?

Въ рынокѣ бесѣдуютъ два приказчика.

— Это что же такое значитъ—геологи?

— Это насчетъ изученія земли...

— Такъ землемѣры, значитъ?

— Нѣтъ, и не землемѣры... Землемѣры—тѣ землю мѣряютъ, а эти ее раскапываютъ...

— Если раскапываютъ, тогда землекопы будутъ...

— Землекопы опять другое... То мужики, а это господа... Эти землю разрываютъ и разныя вещи изъ-подъ земли откапываютъ...

— Такъ, такъ... Это испанцы-то, которые клады-то разыскиваютъ...

— Какіе испанцы?! Никакихъ кладовъ они не разыскиваютъ! Они просто такъ разрываютъ... Изъ любви къ наукѣ и для добыванія звѣриныхъ костей...

— Такъ не костей, дуракъ, а старинныхъ оружіевъ и украшеніевъ разныхъ... Знаю я! Когда мнѣ въ Апраксиномѣ жить приходилось, то наша лавка рядомъ съ такой лавкой была... Антипаріи они называются...

— Знаю и тѣхъ! Архивологи, а не антипаріи... Только это опять же не то... Эти до подземнаго огня докапываются...

— Такъ, значитъ, нефтепромышленники, чортъ! Такъ бы и говорилъ... Вѣдь это нефть огненными фонтанами изъ-подъ земли бьетъ...

— Да они не только насчетъ подземнаго огня, а и насчетъ горъ...

— А если насчетъ горъ, то горнопромышленники.

— Впрочемъ, можетъ и горнопромышленники... Я и самъ хорошенько-то не знаю...

Каэмъ.

Из журнала «Осколки» (№ 35 за 1897 год)

Маленькія осы.

ИЗЪ ЗЛОВОДНЕВНЫХЪ ДІАЛОГОВЪ.

«— Стегозавры, ихтіорны,
Гады ростомъ съ каланчу...
И во свѣ—слуга покорный—
Ихъ увидѣть не хочу»...

«— Полно, другъ! Такихъ бездѣлицъ
Мнѣ-ль пугаться: на яву
Сгребъ меня домовладѣлецъ,
А, какъ видишь, братъ, живу!»...
Ш—ка.

* *
•

Из «Петербургской газеты» (№ 236 за 1897 год)

На вокзалѣ.

— До Павловска безъ билетовъ доѣхать
мы можемъ?

— А кто вы?!

— Геологи.

— *Покопайтесь* въ карманахъ и идите къ
кассѣ!

Из газеты «Петербургский листок» (№ 232 за 1897 год)

Намъ сообщили слѣдующее меню обѣда,
заказаннаго въ одномъ ресторанѣ компаніей
геологовъ, участвующихъ въ конгрессѣ:

Ископаемыя закуски: кварцъ, антрацитъ, ка-
менный уголь и проч.

Супъ изъ мамонта.

Уха изъ морского змѣя.

Филе изъ ихтиозавра, соусъ пикантъ.

Жаркое третичной формаци,

Доисторическое мороженое.

Вулканическіе напитки.

Самый настоящій обѣдъ для человѣка,
если не желѣзнаго вѣка, то съ желѣзнымъ
желудкомъ. Сомнительно, чтобы даже вулка-
ническіе напитки помогли въ данномъ слу-
чаѣ пищеваренію.

Из газеты «Новое время» (№ 7719 за 1897 год)

НА ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКѢ.

— Рядомъ со снимками ихтиозавровъ и мамонтовъ здѣсь
надо было выставить и... жениховъ...

— Какое же они имѣютъ отношеніе къ геологii?

— Женихи въ наше время такъ же рѣдки, какъ ихтио-
завры и мамонты...

* *
*

— Это что такое за кости? Челюсть чья-то!..

— Да... Ахъ, это, вѣроятно, ослиная челюсть, которою
Сампсонъ побивалъ Филистимлянъ...

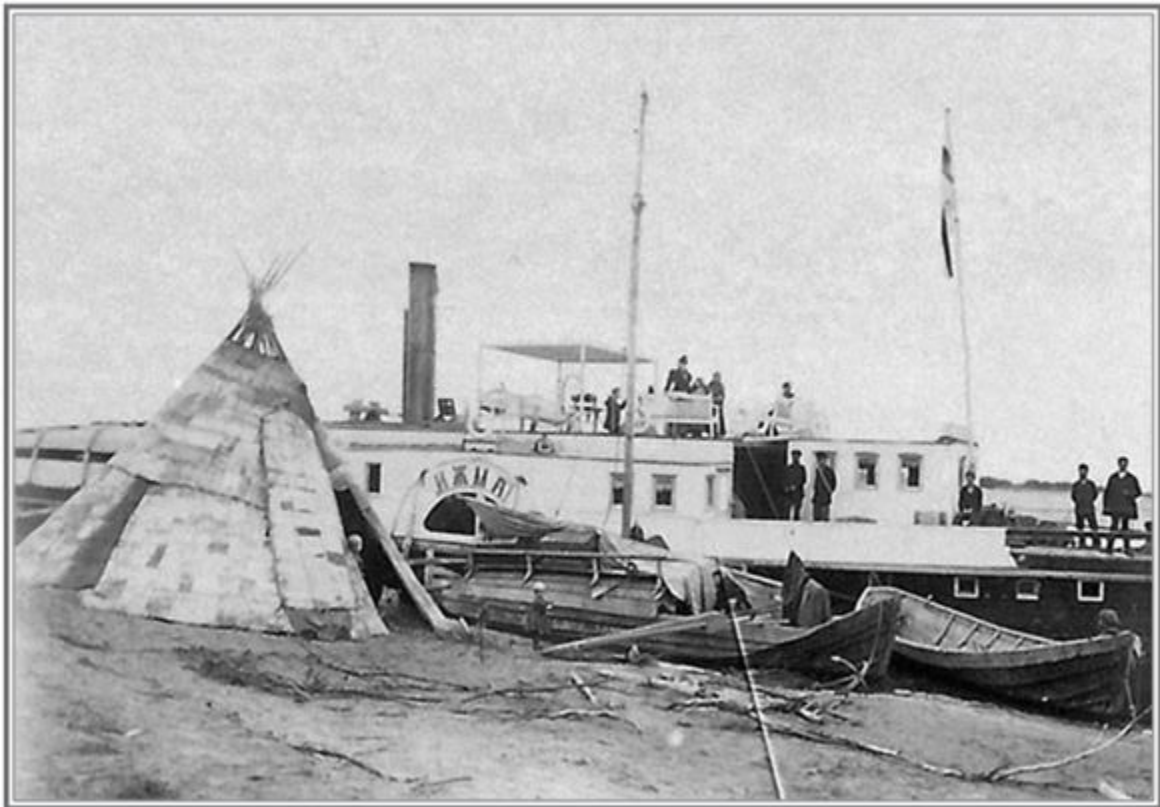
Урсусъ.

Из журнала «Осколки» (№ 35 за 1897 год)

АРАН. Ф.316. Оп.1. Д.27. Л.95

Жители севера. 1898 год. Фото В. П. Амалицкого

АРАН. Ф.316. Оп.1. Д.27. Л.93

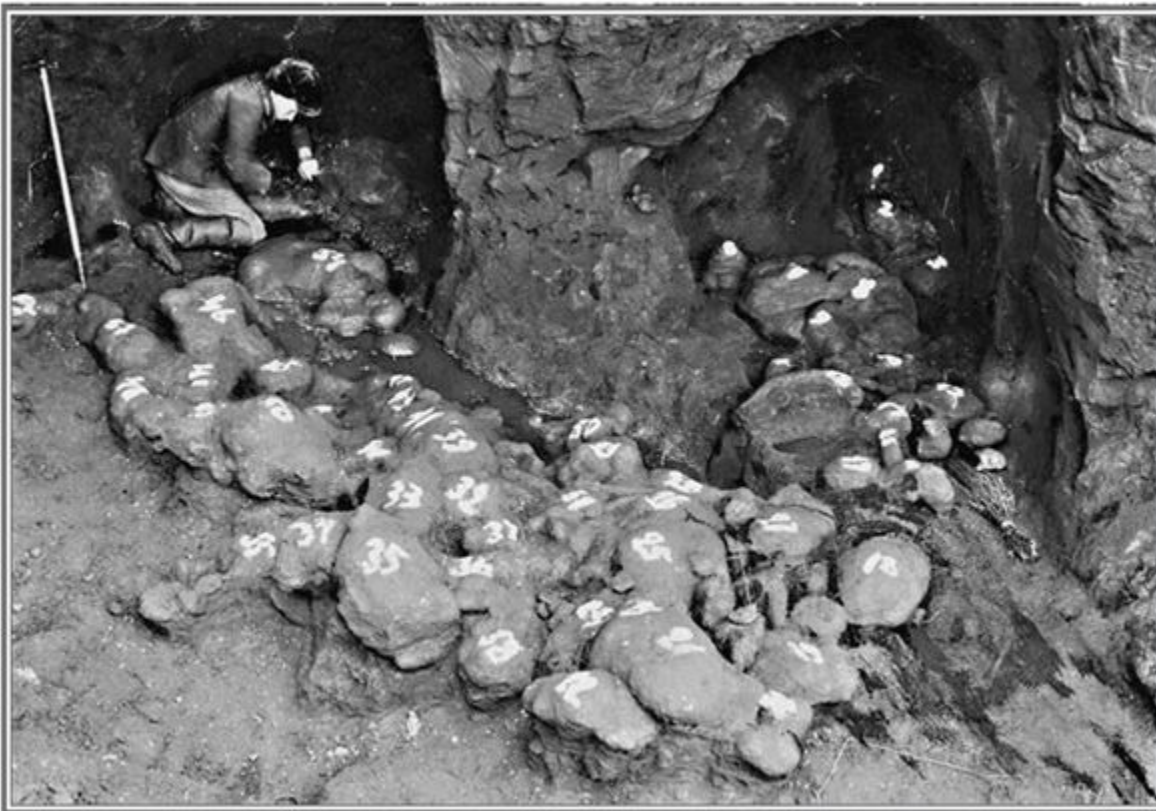
Поездка на Печору. 1898 год. Фото В.П. Амалицкого

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

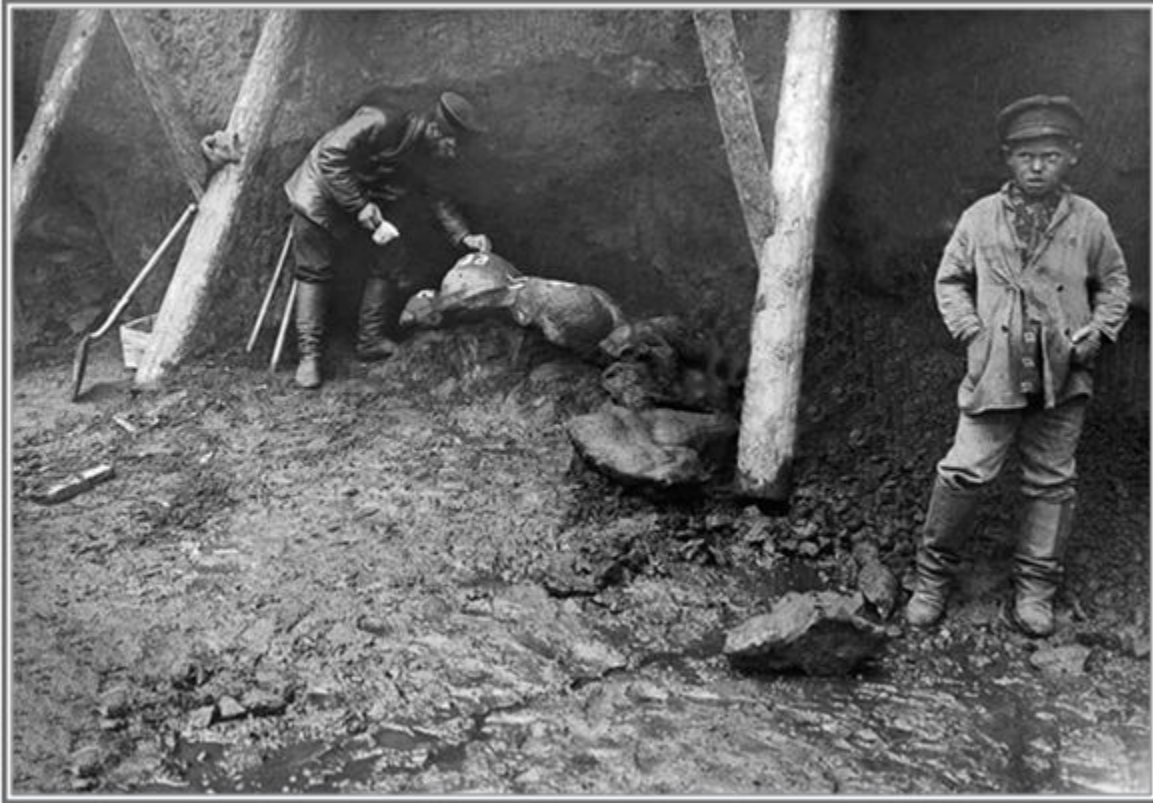

Начало раскопок в Соколках. 1899 год. Фото В. П. Амалицкого

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

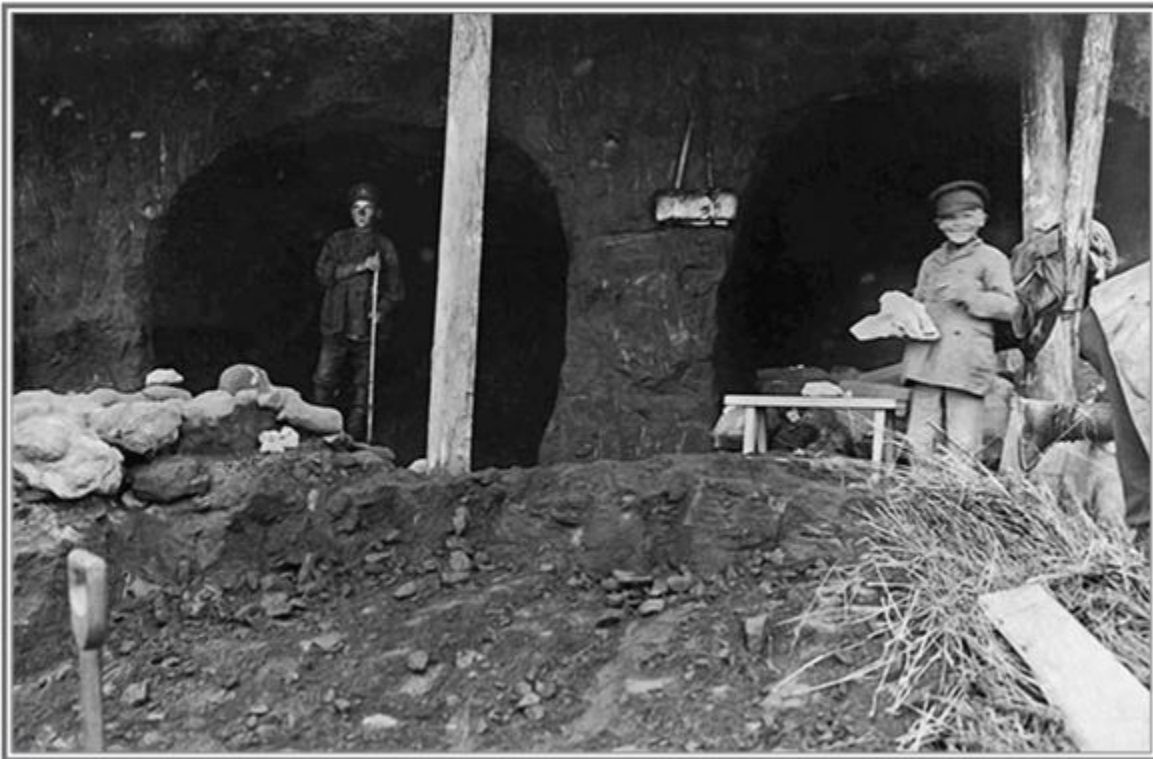

«Наибольший скелет в виде многих конкреций с костями». 1899 год. Фото В. П. Амалицкого

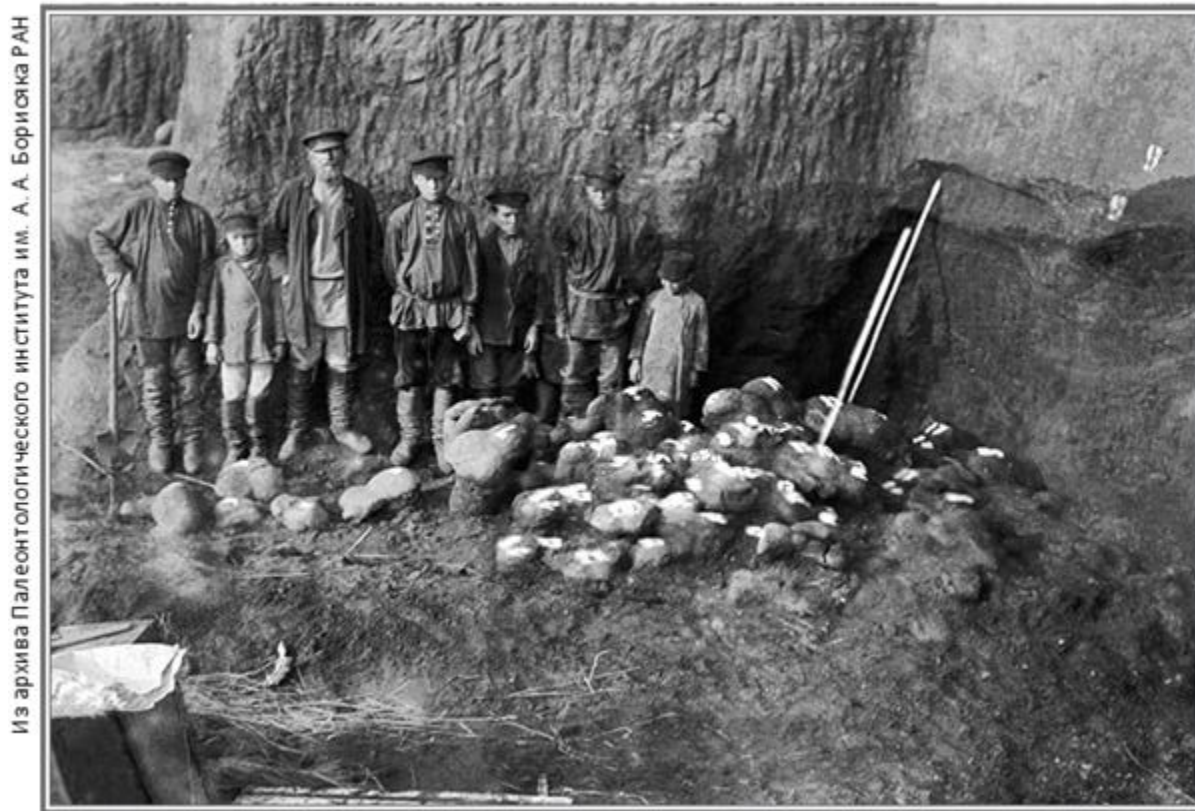
Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

Раскопки у Соколов. 1900 год. Фото В. П. Амалицкого

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

Штольни, выкопанные для добычи конкреций. Фото В. П. Амалицкого

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

Крестьяне и группа конкреций. Фото В. П. Амалицкого

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

Ребёнок и конкреция с черепом парейазавра. 1901 год. Фото В. П. Амалицкого

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

Вид на Малую Северную Двину с раскопа Соколки. Фото В. П. Амалицкого

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

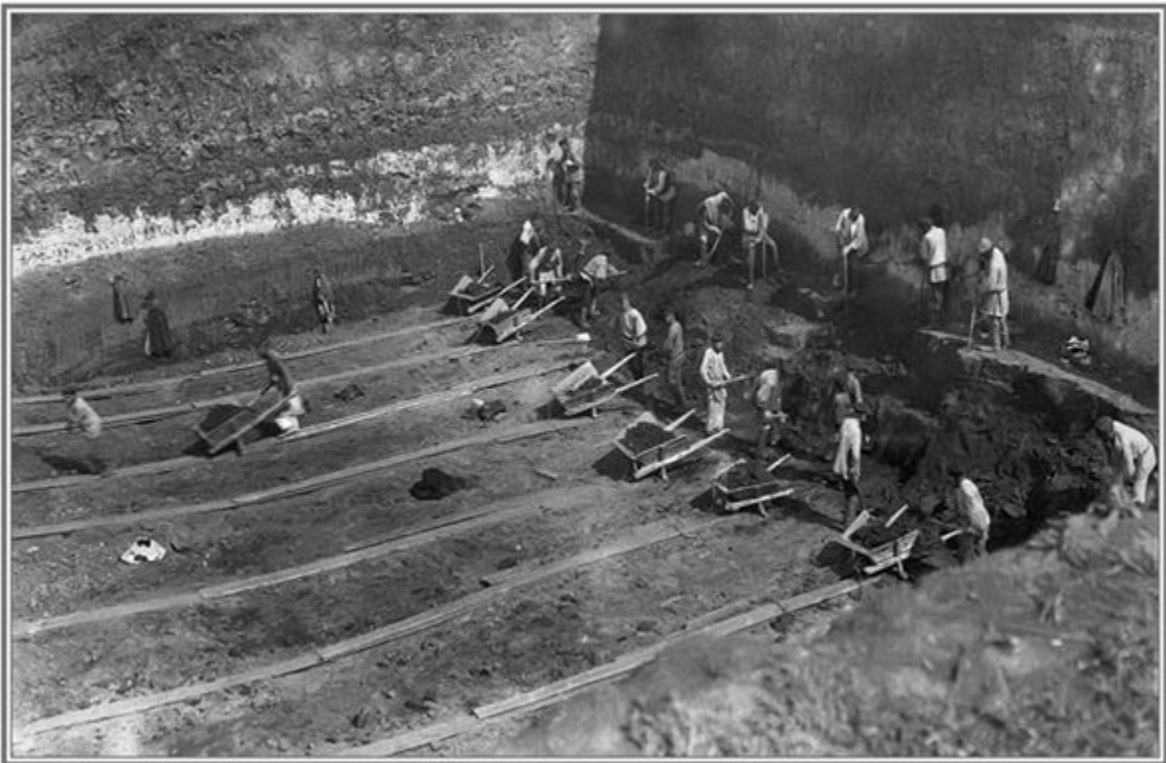
Конкреции, землекопы и, возможно, В. П. Амалицкий, ставящий номер краской на конкреции

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

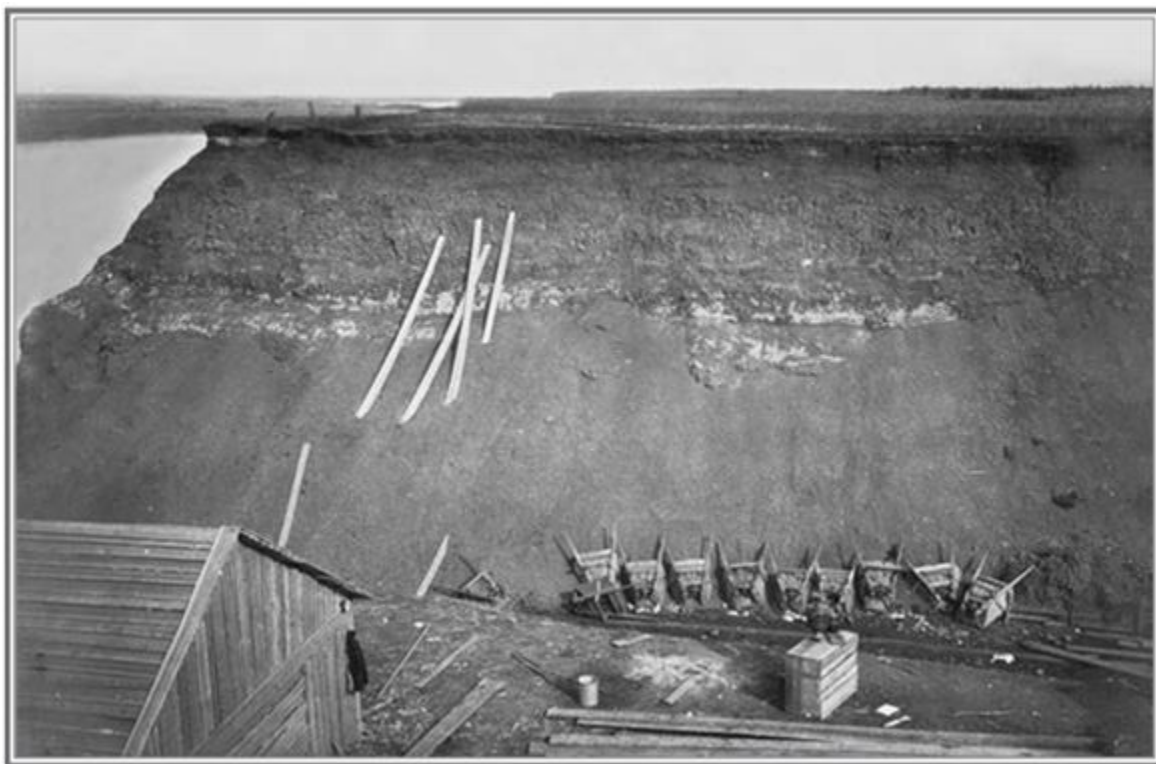

Раскопки в Соколках. Фото В. П. Амалицкого

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

Вывоз пустой породы на тачках в Соколках. Фото В. П. Амалицкого

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

Борта раскопки в Соколках. Фото В. П. Амалицкого

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

Два сарая, поставленные на отвалах пустой породы в Соколках.
Фото В. П. Амалицкого

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

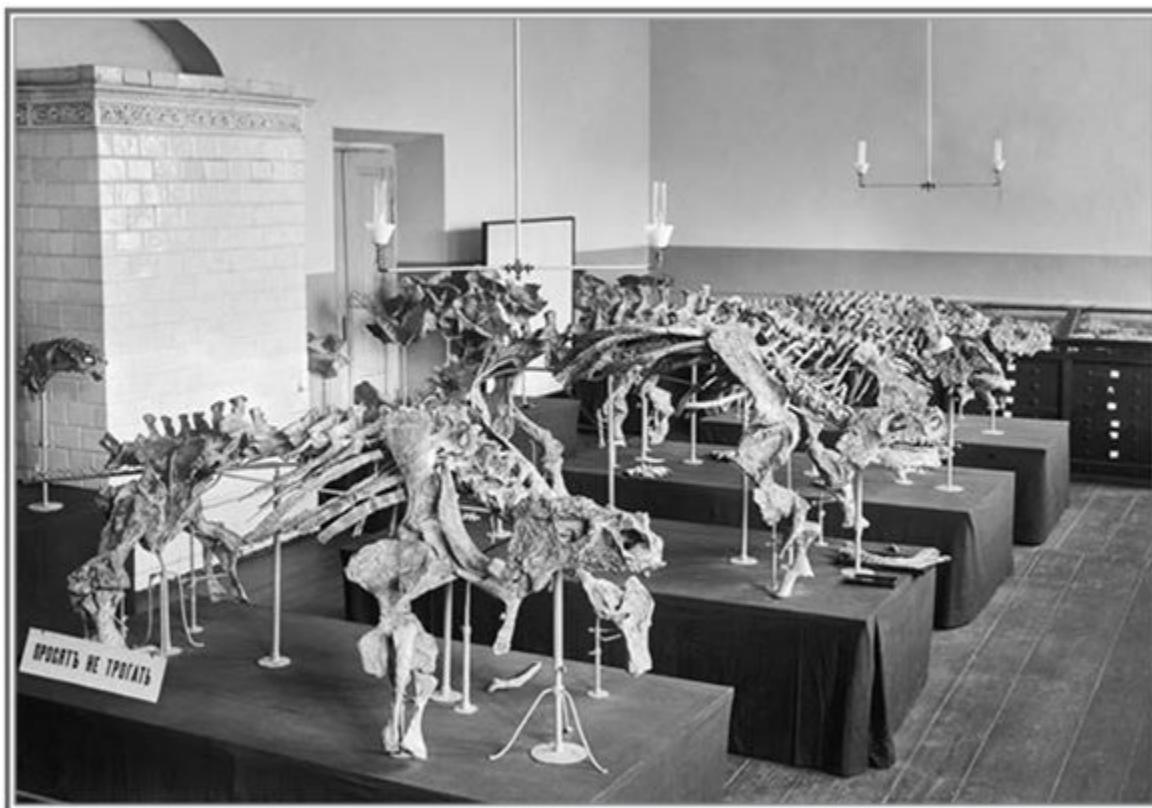

Препаратор с черепом парейазавра

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

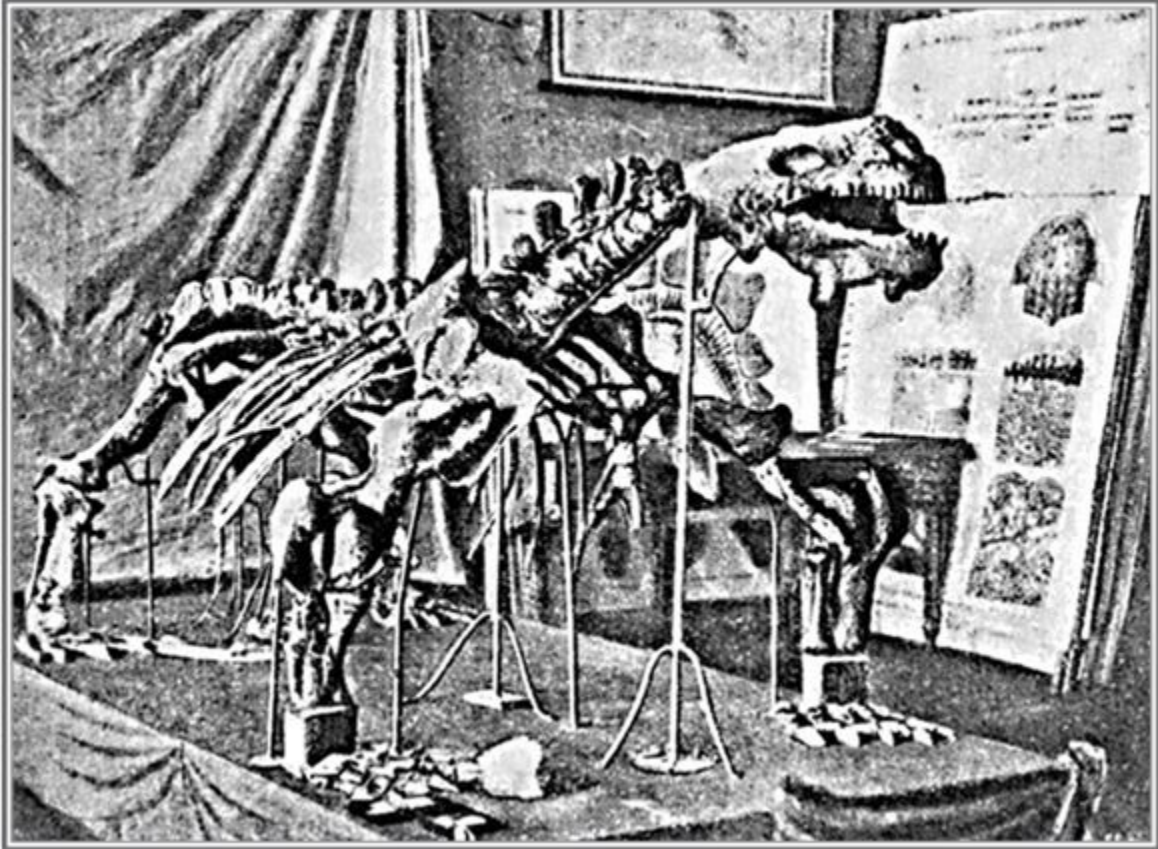

Конкреции в препараторской мастерской в Варшаве

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

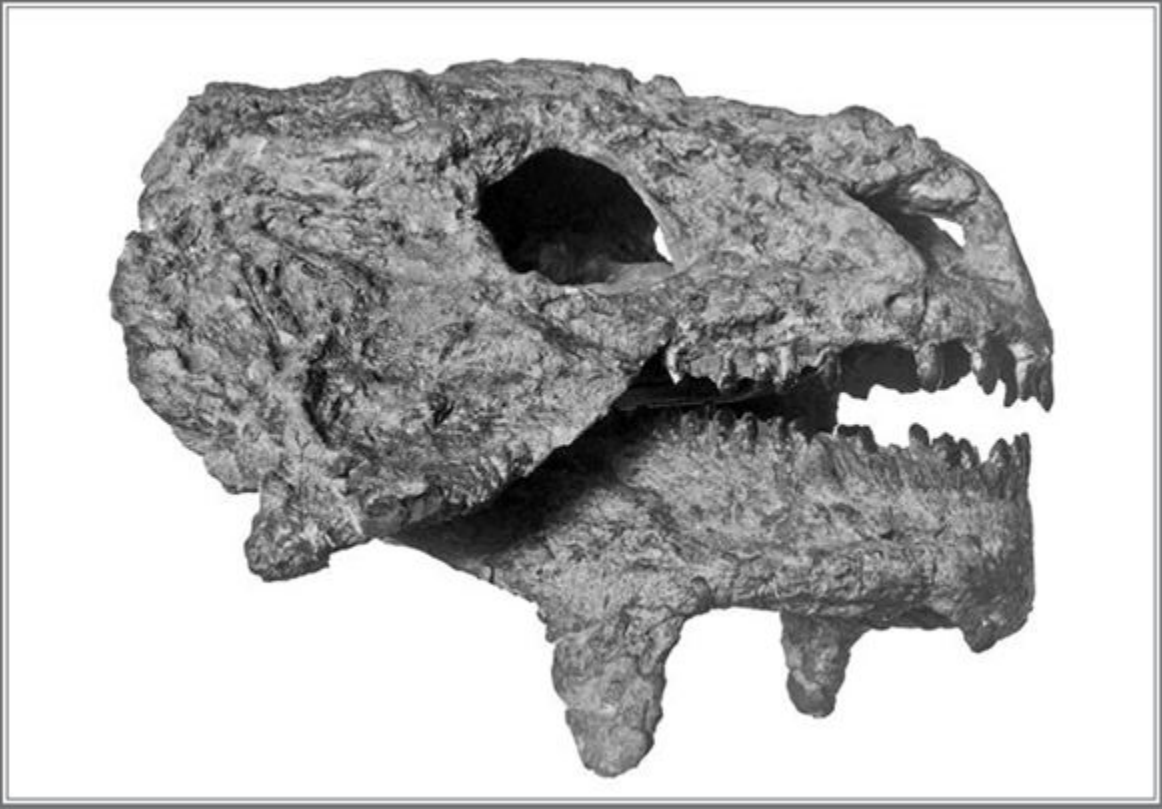
Отпрепарированные скелеты парейазавров

Журнал «Огонёк» №2 за 1901 год

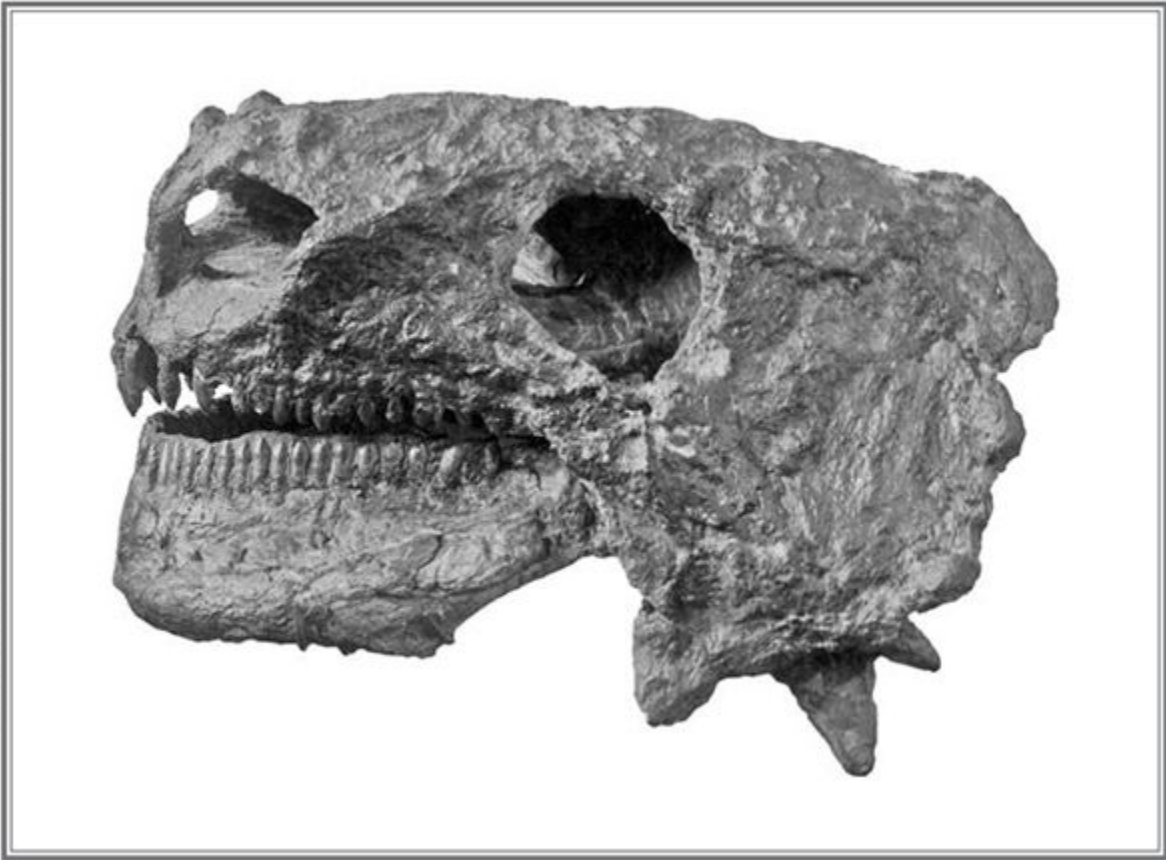
Первый отпрепарированный скелет русского парейзавра

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

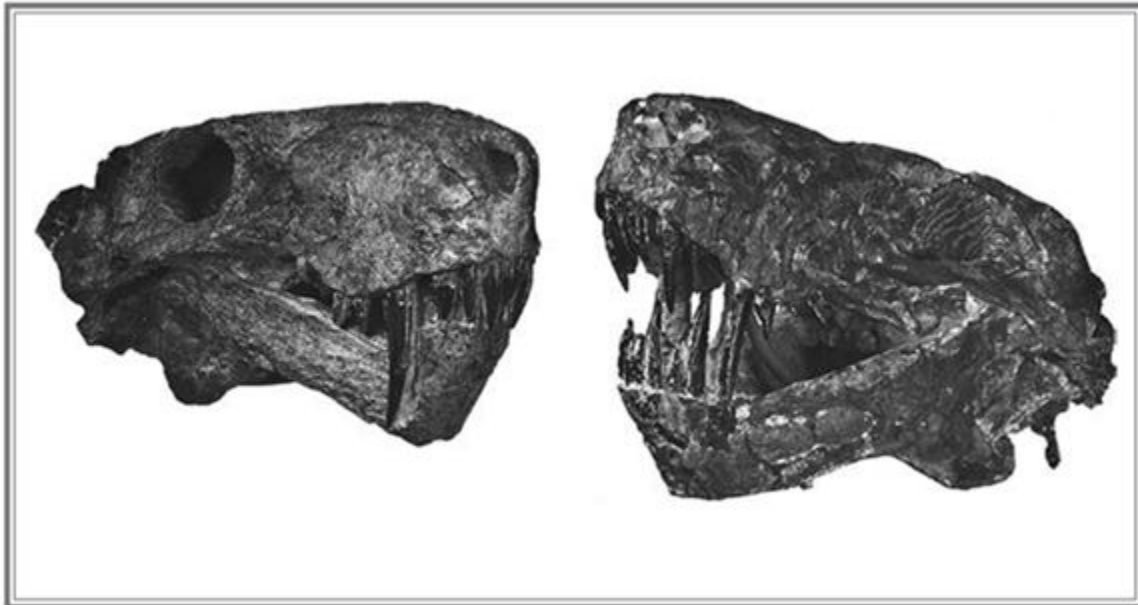

Череп парейазавра

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

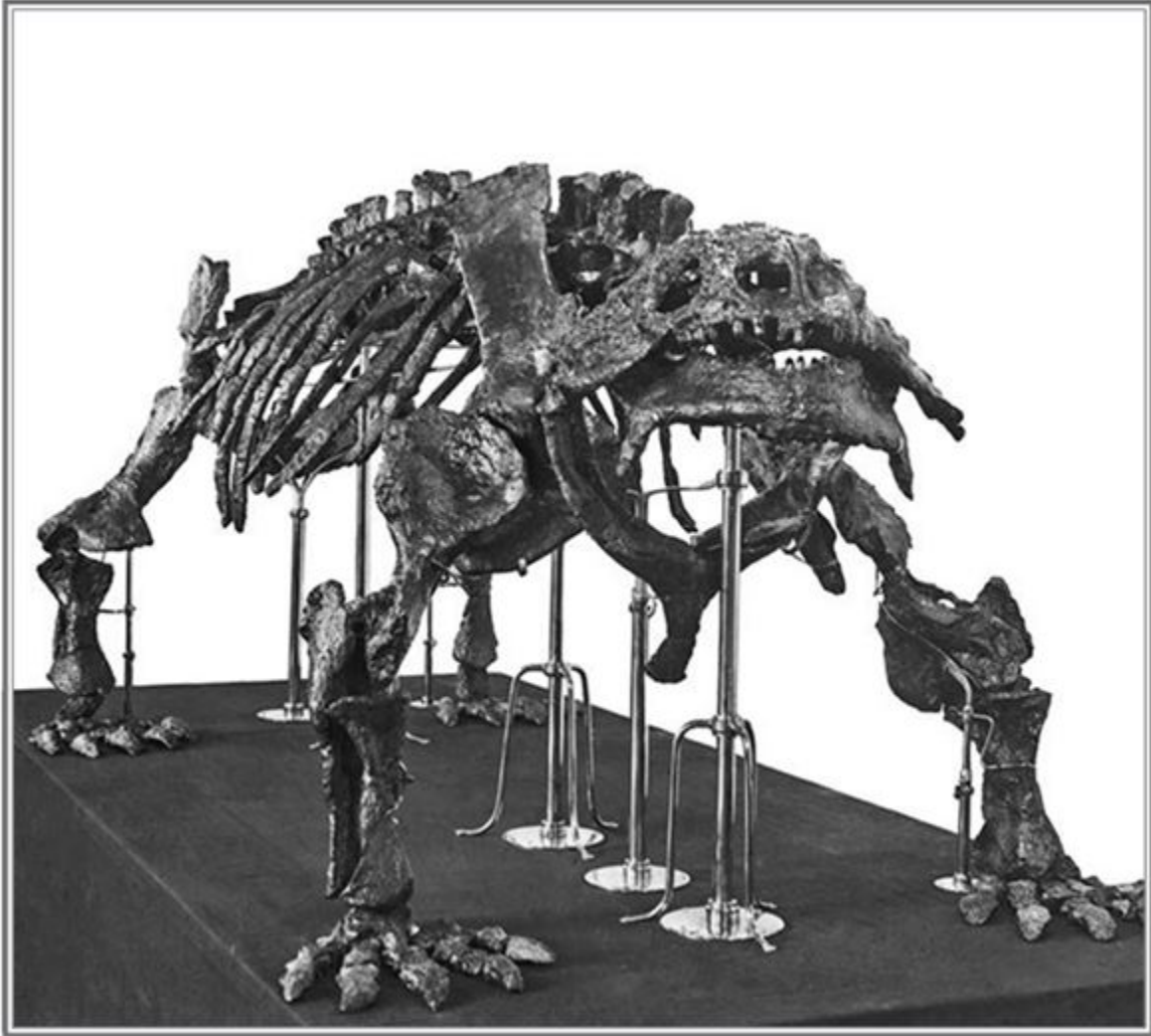

Череп парейазавра

Из архива Палеонтологического института
им. А. А. Борисяка РАН

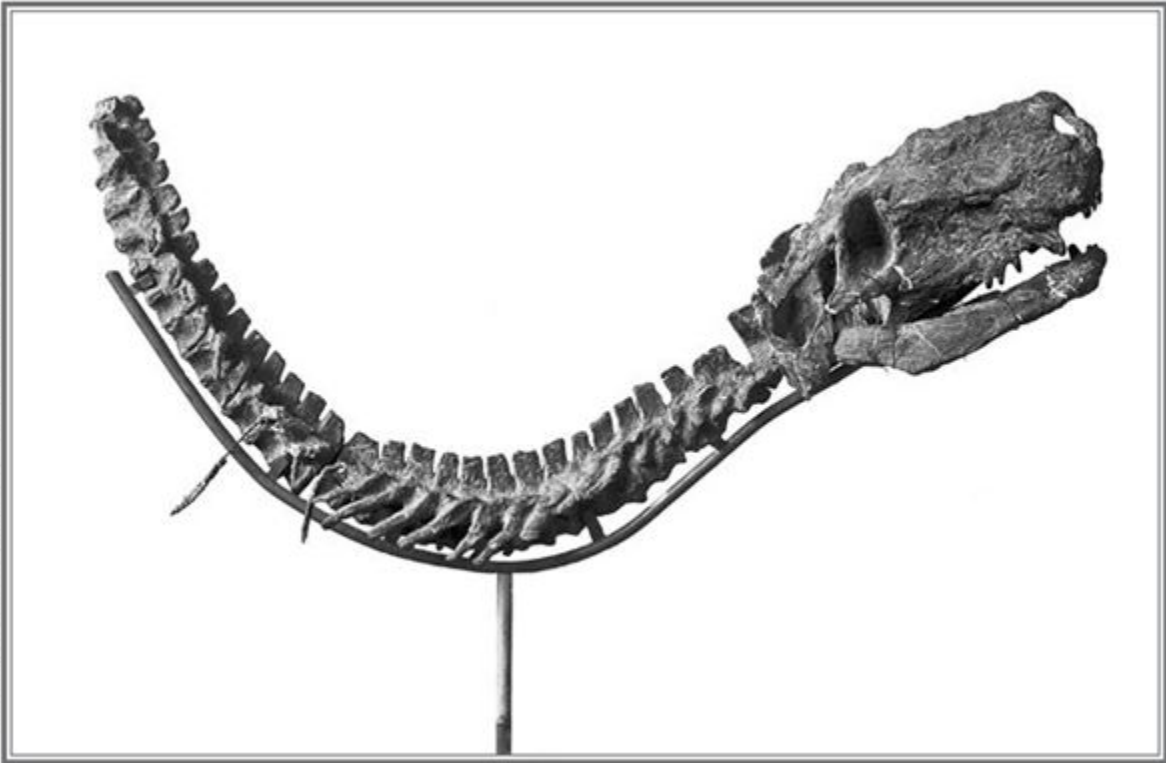
Череп иностранцевий

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

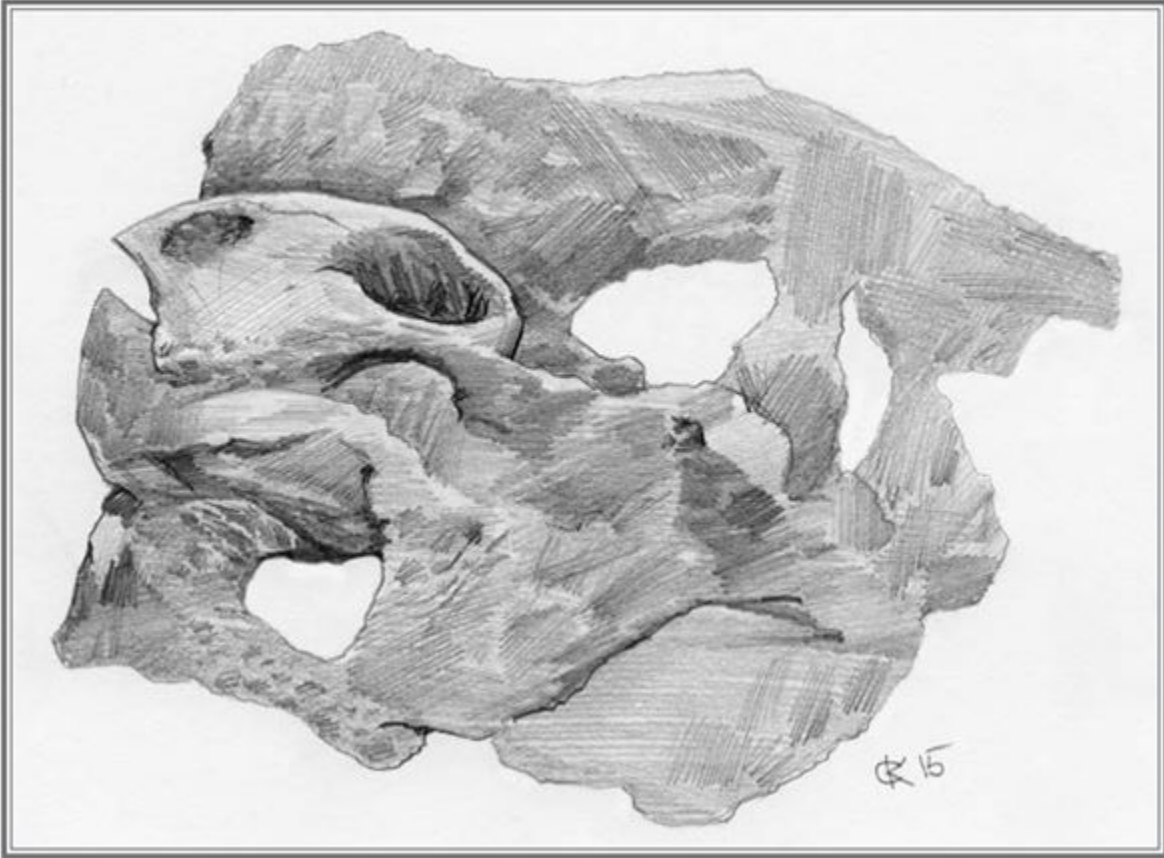
Скелет парейзавра

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

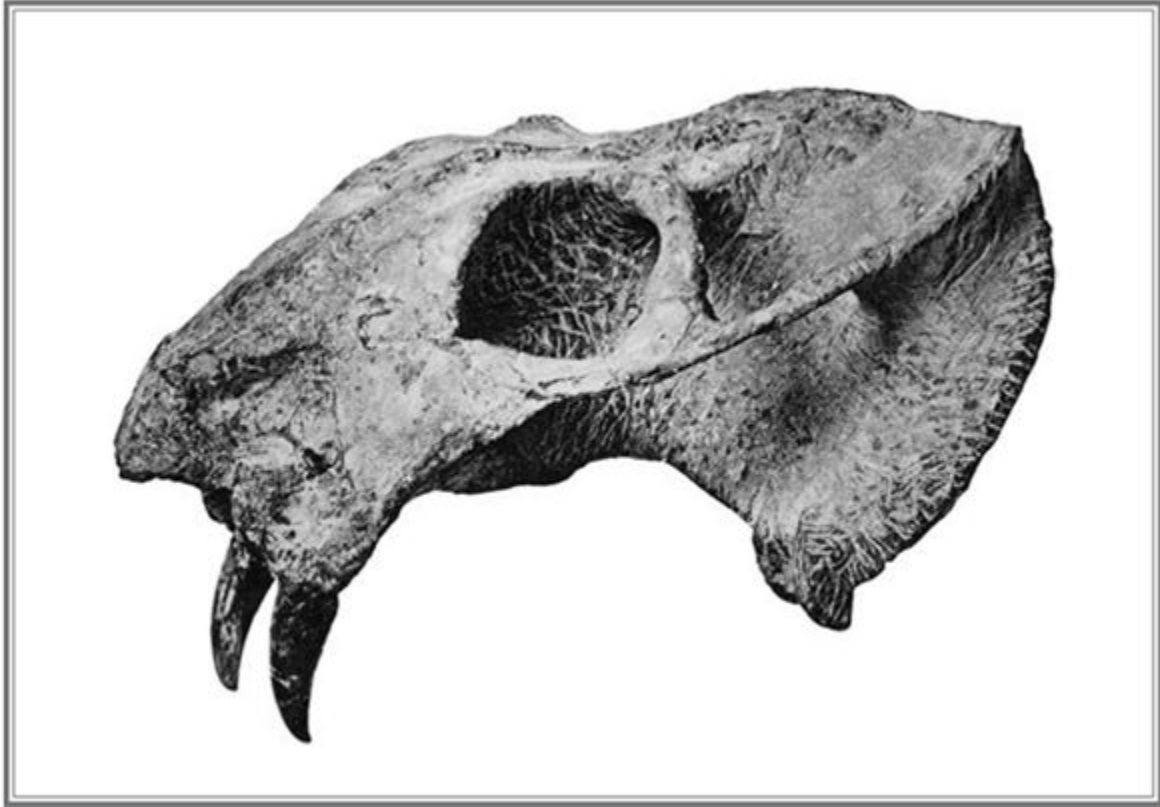

Череп и часть позвоночника иностранцевии

Из архива автора

Череп дицинодонта с тазом парейазавра (прорисовка С. В. Красовского)

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

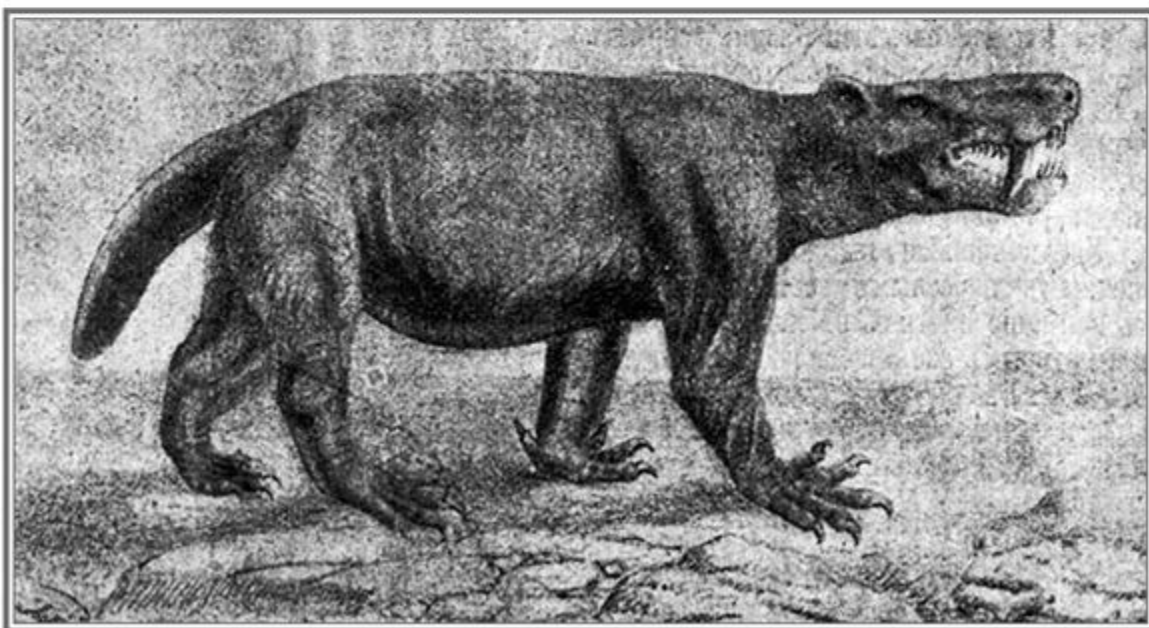
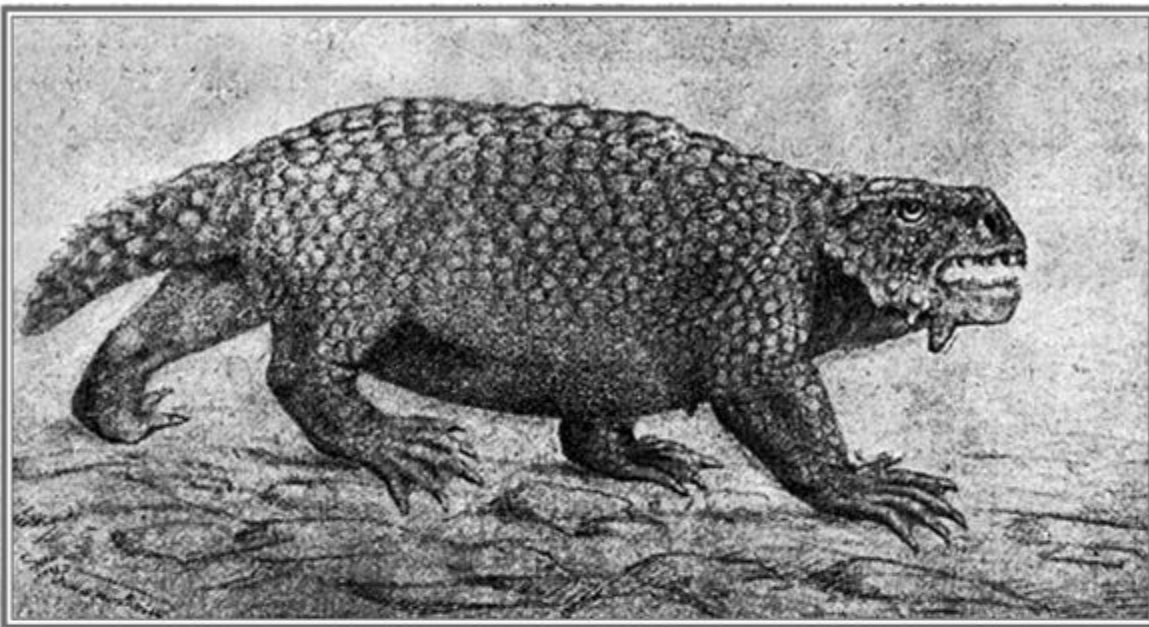
Череп дицинодонта. Фототаблица к неопубликованной монографии В. П. Амалицкого

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

Череп дицинодонта

Иллюстрированное приложение к газете «Новое Время» от 9 марта (№ 9343) за 1902 год

Первые реконструкции парейазавра и иностранцевии

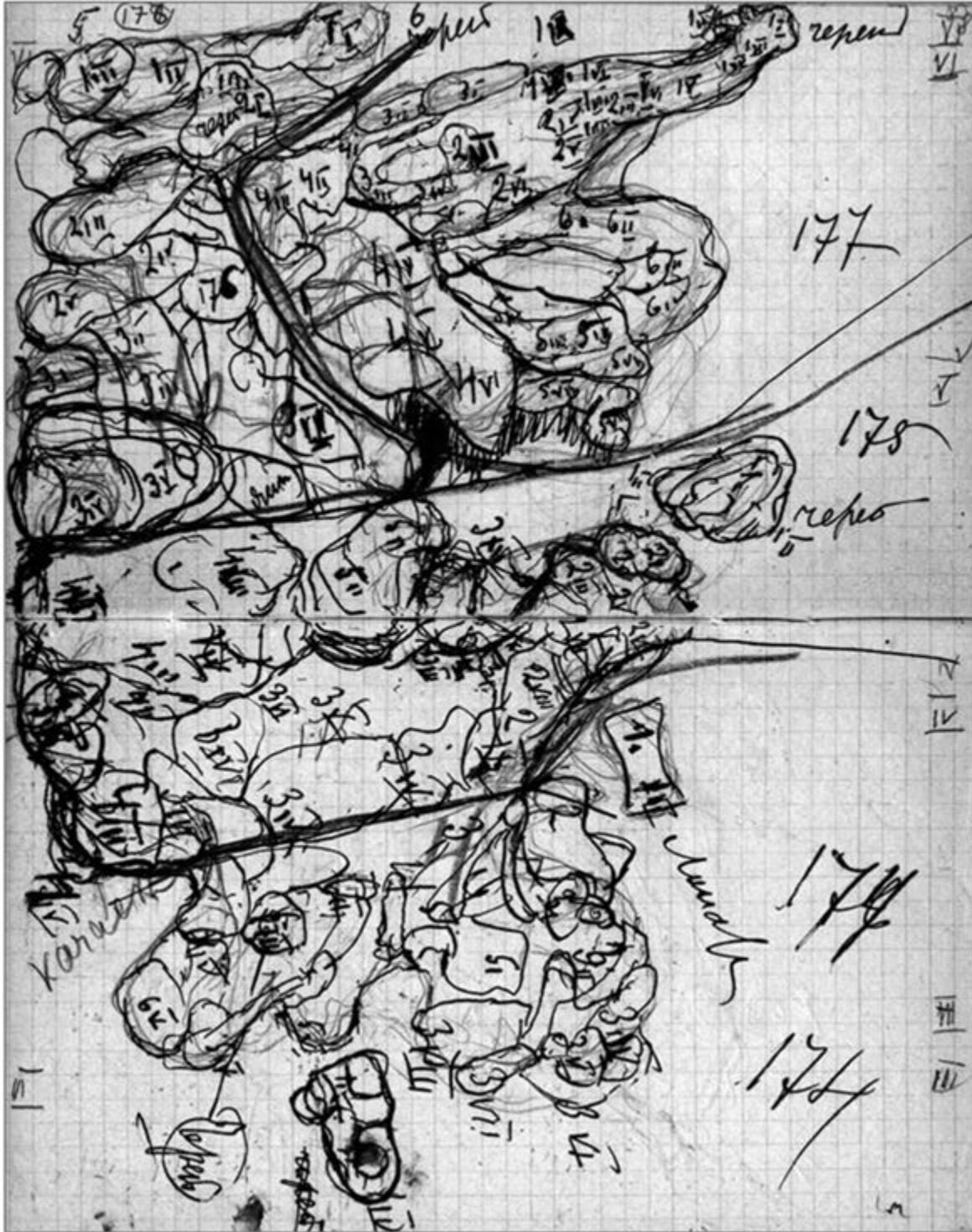
АКТОВАЯ ЗАЛА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. Въ пятницу, 19-го октября, въ пользу педагогическаго Общества при Императорскомъ московскомъ университетѣ имѣетъ быть ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ профессора В. П. АМАЛИЦКАГО:

„О ГИГАНТСКЪХЪ ИСКОПАЕМЫХЪ ЯЩЕРАХЪ, НАЙДЕННЫХЪ НА СѢВЕРѢ РУССІИ“.

Начало въ 8 ч. веч. Билеты по 3 р., 2 р., 1 р. 50 к., 1 р., 50 к. и 30 к. можно заблаговременно получать въ книжныхъ магазинахъ: Карбасникова (на Моховой), Тастевена, бывш. Готье (на Кузнецкомъ Мосту), Суворина (на Неглинномъ проездѣ), въ библиотекѣ бывш. Бѣловой (у Никитскихъ Воротъ), а въ день лекціи при входѣ въ актовую залу университета.

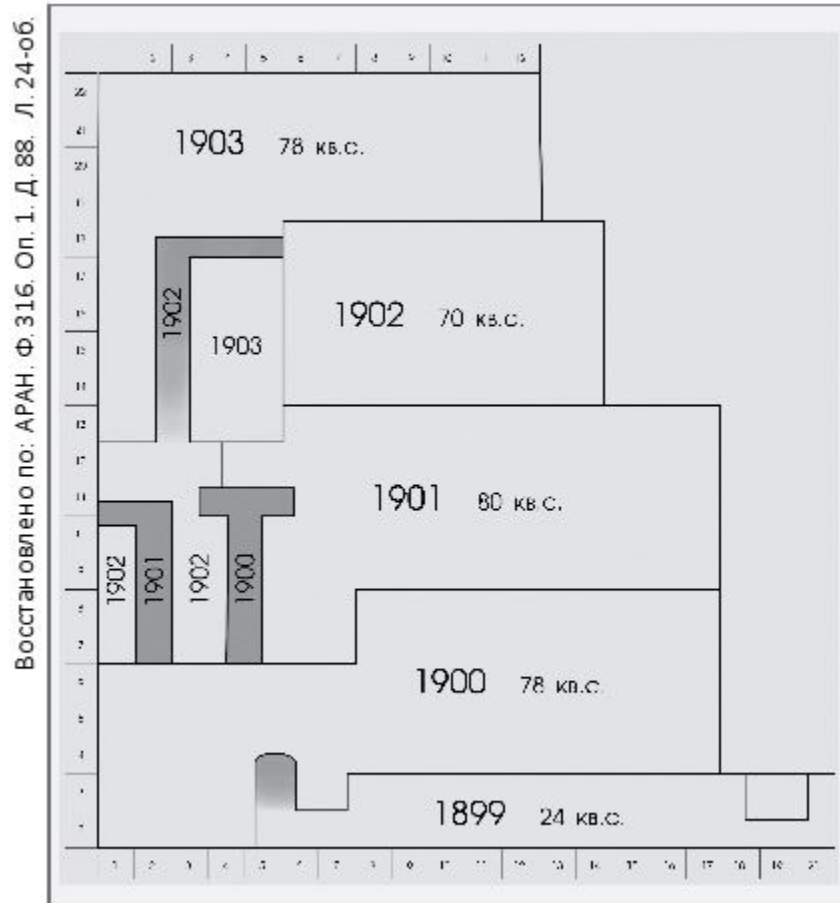
00000-1*-1

Объявление о лекции В. П. Амалицкого из газеты «Русские ведомости» № 287 за 1901 год

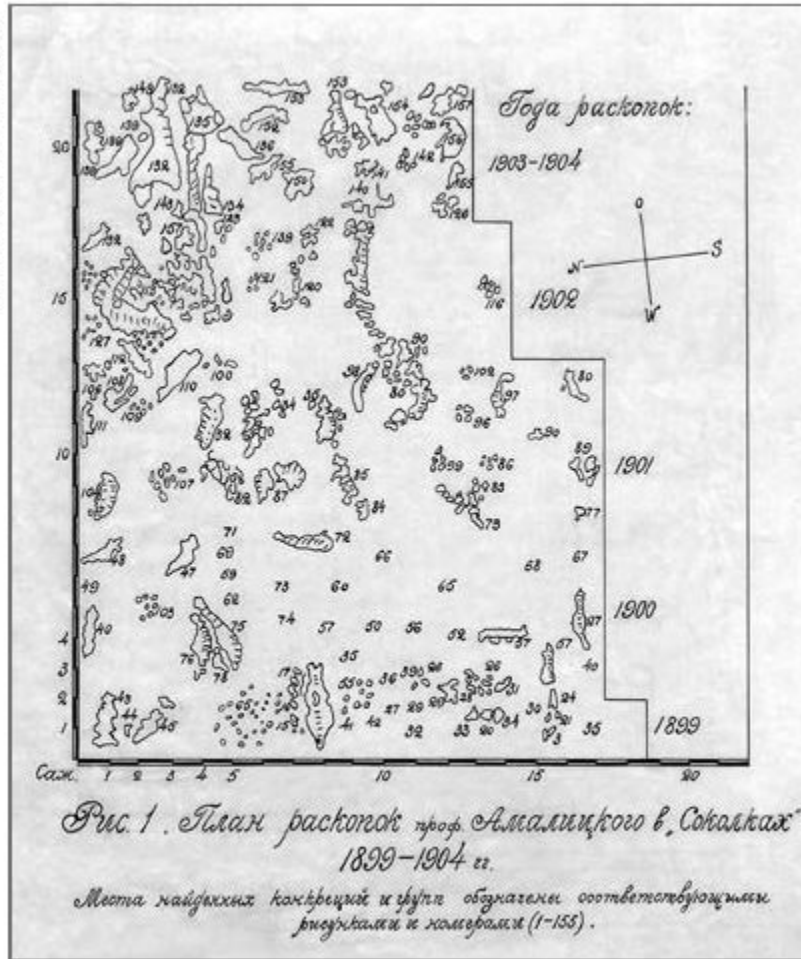

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

Зарисовка конкреций из полевого дневника В. П. Амалицкого за 1913 год

План раскопок 1899–1903 гг., составленный В. П. Амалицким АРАН.

План расположения конкреций в линзе Соколки

Музей истории Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

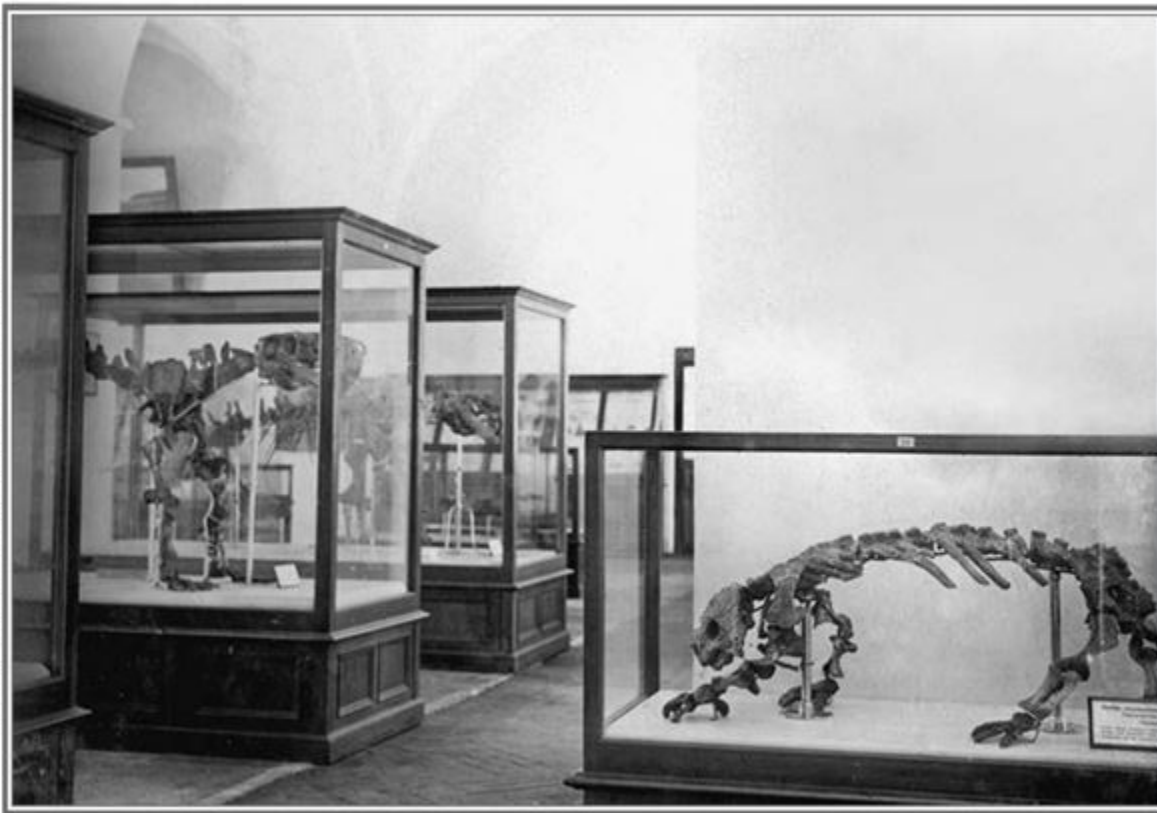
Комиссия по учреждению в России нового университета и устройству Саратовского университета. Сидят слева направо: профессор Н.Г. Ушинский, профессор Е.А. Незнамов, министр народного просвещения П.М. фон Кауфман, профессор В.П. Амалицкий, профессор А.И. Щербаков. Стоят: профессор А.А. Жандр, профессор И.П. Филевич. Фото 1907 г.

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 134

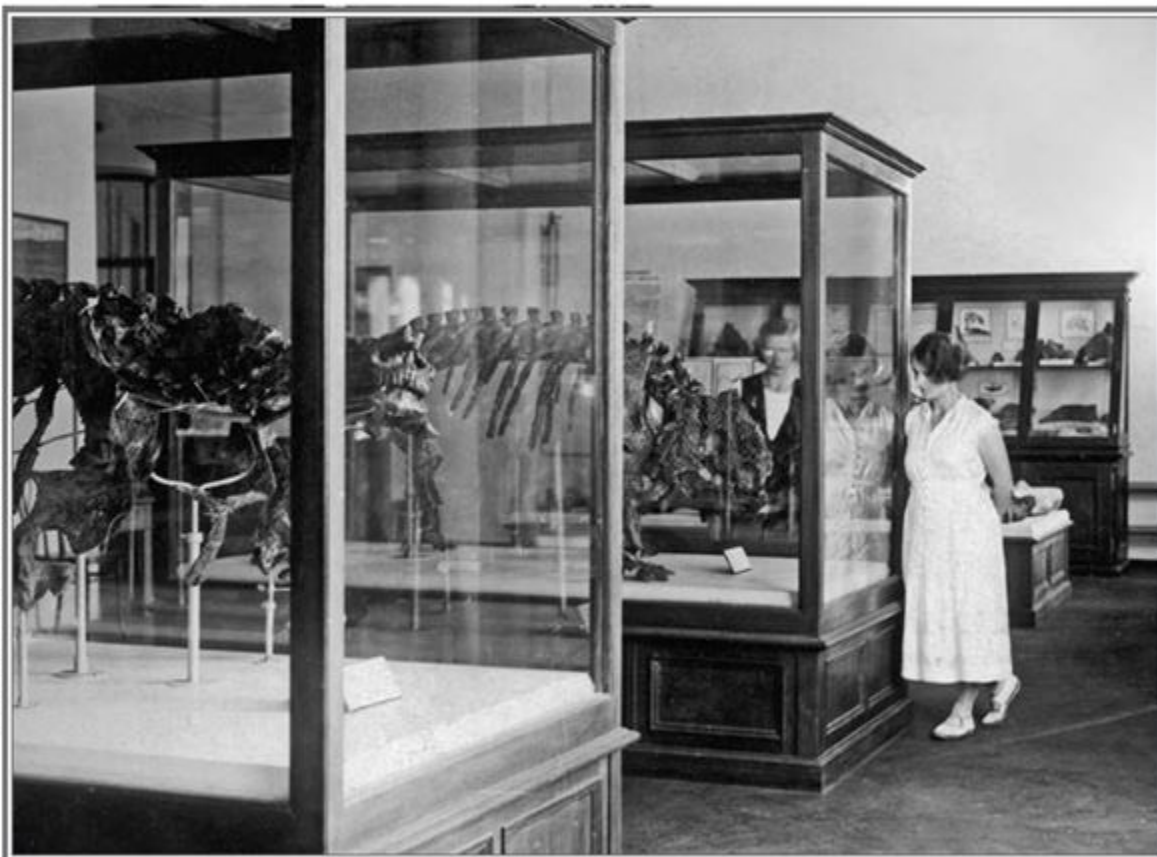
В. П. Амалицкий (в центре) с профессорами и студентами Варшавского политехнического института. Около 1910 года

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

Северо-Двинский зал Геологического музея в Петрограде

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

Северо-Двинский зал Геологического музея в Петрограде. 1920-е
ГОДЫ

МУЗЕЙ

ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
Академии Наук СССР

АДРЕС: В.О. ТУЧКОВА НАБ. 2. ВХОД СО СТОРОНЫ Б. ФОНДОВОЙ БИРЖИ

Афиша Палеонтологического музея. 1920-е годы

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

Остеологический зал Геологического музея в Петрограде. 1920-е годы

Из архива Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН

Зал Палеонтологического музея в Москве, 1937 год

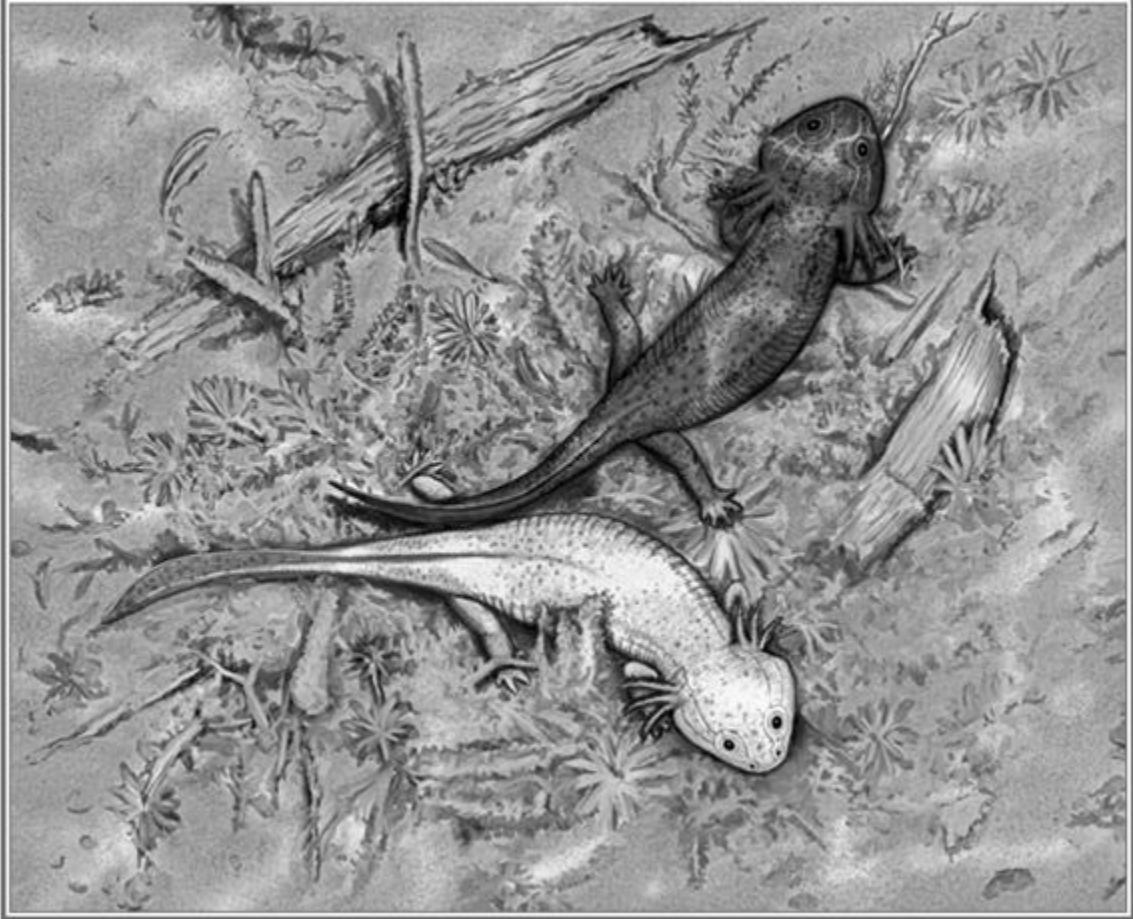
Вход в Палеонтологический музей в Москве, 1938 год

Иллюстрация А. Агучина

Иностранцевия и стадо парейзавров

Иллюстрация А. А. Атучина

Двинозавры

Иллюстрация А. А. Атучина

Аннотерапсид

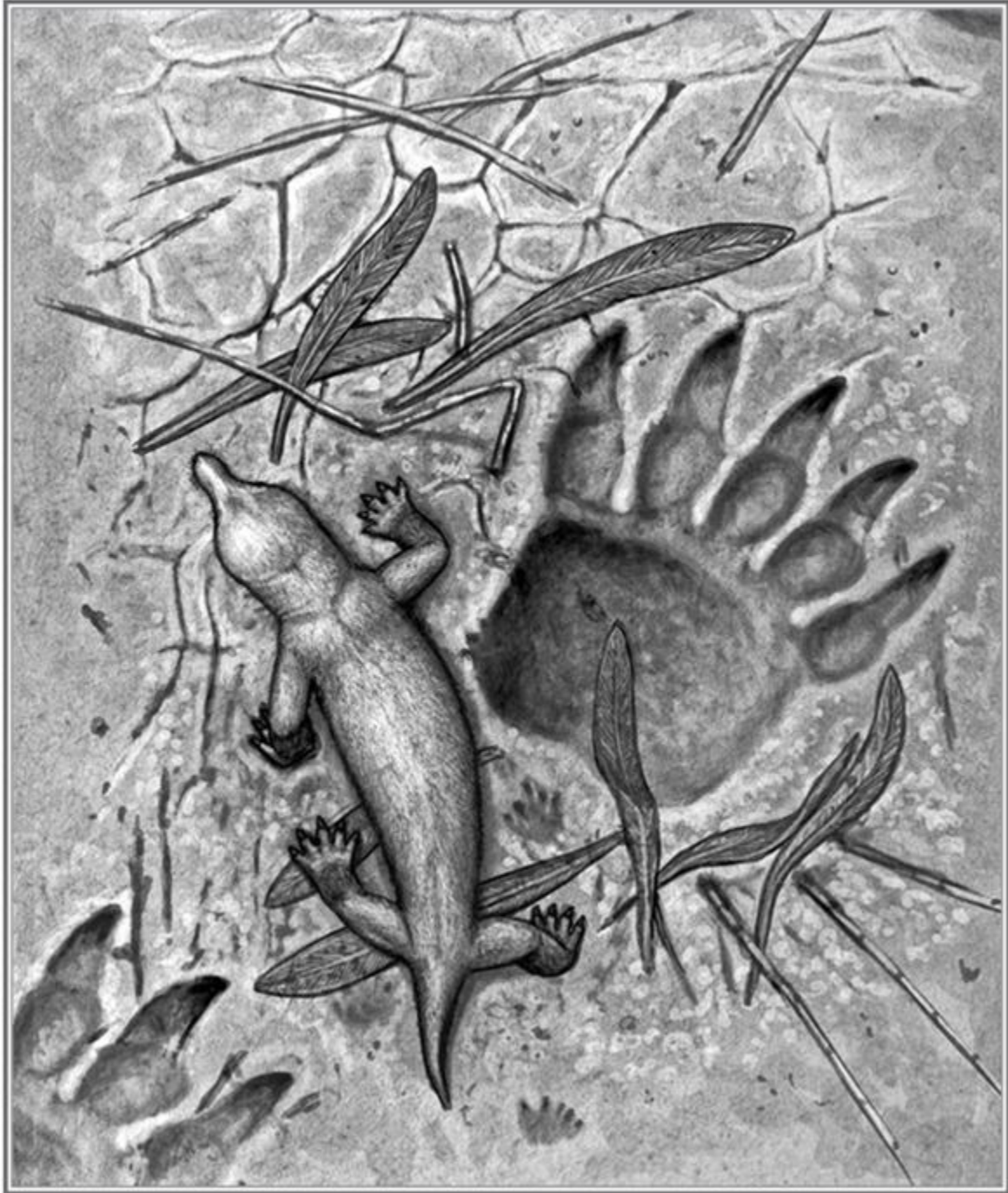

Иллюстрация А. А. Атучина

Двиния, следы иностранцевии и листья пурсонгий

notes

Примечания

1

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

Едемский М. Б. Северо-Двинская Экспедиция Российской Академии Наук в 1923 г. // Природа. – 1923. – № 7–12. – Стлб. 38.

Северин Н., Чачко М. На тропе исчезнувших исполинов // Дальние горизонты /Северин Н., Чачко М. – М., 1963; *Данилова Л.* Каменная птица папороть: Повестьисследование // Каменная птица папороть. Сборник произведений великоустюгских авторов. – Вологда, 2014. – У повести есть расширенная электронная версия.

Сенников А. Г., Сенникова Е. А. В. П. Амалицкий и А. П. Амалицкая: у истоков палеонтологии позвоночных в России // Природа. – 2015. – № 8. – С. 76.

Борисяк А. А. Русские охотники за ископаемыми // Штернберг Ч. Жизнь охотника за ископаемыми. – М.—Л., 1936. – С. 250.

АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 711. Л. 56.

Владимиров С. Из глубины веков // Вокруг света. – 1947. – № 2.

Сенников А. Г., Сенникова Е. А. Забытые открытия Владимира Прохоровича Амалицкого // Труды Палеонтологического общества. – М., 2018. – Т. I. – С. 124.

Мирская Е. Миф о великом учёном // Знание – сила. – 1972. – № 8.

Ефремов И. А. Владимир Прохорович Амалицкий (к 100-летию со дня рождения) // Палеонтологический журнал. – 1960. – № 4.

Петухов С. В. Владимир Прохорович Амалицкий – жизнь и деятельность // Бюллетень Московского Общества испытателей природы, отд. геол. – 1993. – Т. 68, вып. 6.

Ефремов И. А. Владимир Прохорович Амалицкий (1860–1917) // Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. Геология, география. – М., 1962; *Петухов С. В.* Владимир Прохорович Амалицкий – жизнь в служении (к 150-летию со дня рождения) // Палеонтология и стратиграфия перми и триаса Северной Евразии. Материалы V Международной конференции. – М., 2010.

Нелихов А. Драконий погост // Охотничий двор. – 2010. – № 10–11; [второе издание] Архангельская старина. – 2010. – № 3.

Пчела. Загадки природы // Петербургский листок. – 1910. – 18 февраля (№ 48).

ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20502. Л. 4-об.

Поколенная роспись дворян Полубинских герба Ястржембец.
URL: www.balandin.net/Gunin/Bobruisk/CHAPTER_4/polubienskije-genealogija.htm

Послания Ивана Грозного. – М.—Л., 1951. – С. 379.

Поколенная роспись дворян Полубинских герба Ястржембец.
URL: www.balandin.net/Gunin/Bobruisk/CHAPTER_4/polubienskije-genealogija.htm

ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20502. Л. 6.

Державный архив Житомирской области. Ф. 58. Оп. 1. Д. 1467. Л.
37.

В этих местах было несколько сёл и деревень с названием Стáрики. Деревня, где жили Амалицкие, сейчас считается селом и относится к Радивиловскому району Ровенской области Украины.

ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20502. Л. 8-об. – Все даты до 1918 года даны по старому, юлианскому календарю, на 13 дней раньше, чем сейчас.

РГБ (отдел рукописей). Ф. 777. К. 4. № 21.

Державный архив Житомирской области. Ф. 1. Оп. 78. Д. 826. Л.
13-об., 14.

Максимов С. В. Бродячая Русь Христа ради. – СПб., 1877. – С. 55.

Амалицкая А. Профессор Владимир Прохорович Амалицкий // Записки Северодвинского общества изучения местного края. – Великий Устюг, 1925. – Вып. 1.

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 99. Л. 2.

ЦГИА. Ф. 14. Оп. 5. Д. 4250. Л. 20.

Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою: в пяти отделениях. – СПб., 1867–1868. – В книге упомянуты проживавшие в квартире статский советник Иосиф Васильевич Полу-бинский (назван Осипом) и два брата Праховых – Андриан и Мстислав. Женщины и другие жильцы не названы: в справочнике для краткости указывали только старших квартирантов. По воспоминаниям Н. А. Прахова, в квартире в те годы жило всё многочисленное семейство Праховых, а также братья Амалицкие.

Машкара // Новости. – 1879. – 26 мая (№ 131).

Репин И. Е. Далёкое близкое. – М.—Л., 1949. – С. 203.

Прахов Н. А. Репин в 1860–1880 гг. (по материалам архива А. В. Прахова и по личным воспоминаниям) // Репин. – М.—Л., 1949. —Т. 2. – (Художественное наследство).

ЦГИА. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3119. Л. 73.

ЦГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 4912. Л. 16–16-об.

Мнение директора третьей С.-Петербургской гимназии Лемониуса // Замечания на проект устава общеобразовательных учебных заведений и на проект общего плана устройства народных училищ. – СПб., 1862. – Ч. IV. – С. 30.

Страхович В. Листки из воспоминаний // Петербургская б. Третья гимназия, ныне 13-я Советская трудовая школа за сто лет. Воспоминания, статьи и материалы. – Пг., 1923. – С. 143.

Ярош А. До университета. Из жизни средней школы. – СПб., 1906. – С. 78.

Оппель В. А. Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия // Петербургская б. Третья гимназия, ныне 13-я Советская трудовая школа за сто лет. Воспоминания, статьи и материалы. – Пг., 1923. – С. 137.

Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии // Петербургская б. Третья гимназия, ныне 13-я Советская трудовая школа за сто лет. Воспоминания, статьи и материалы. – Пг., 1923. – С. 121.

Гимназические годы И. А. Шляпкина. Из воспоминаний В. Г. Дружинина // Петербургская б. Третья гимназия, ныне 13-я Советская трудовая школа за сто лет. Воспоминания, статьи и материалы. – Пг., 1923. – С. 102.

Историческая записка пятидесятилетия Третьей
санктпетербургской гимназии, составленная по поручению
педагогического совета Н. Аничковым. – СПб., 1873. – С. 51.

Из школьных воспоминаний В. Ф. Эвальда // Петербургская б. Третья гимназия, ныне 13-я Советская трудовая школа за сто лет. Воспоминания, статьи и материалы. – Пг., 1923. – С. 3.

ЦГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 2297.

Мережковский Д. С. Старинные октавы (Octaves du passe) // Полное собрание сочинений Дмитрия Сергеевича Мережковского: в 24 т. – М., 1914. – Т. XXIV. – С. 52–53.

ЦГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 2301. Л. 13-об., 14.

ЦГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 2301. Л. 43.

ЦГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 2301. Л. 34.

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 70-об.

РГАЛИ. Ф. 167.

Лавров С. В. Памятка бывшим ученикам С.-Петербургской 3-й гимназии. – СПб., 1911.

Амалицкий И. П. Список бывших воспитанников Гатчинского Николаевского сиротского института. – СПб., 1893.

ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20502. Л. 1.

Петербургская газета. – 1879. – 4 сентября (№ 172).

ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20502. Л. 10.

ЦГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 5163. Л. 35-об.

Историческая записка 75-летия С.-Петербургской второй гимназии. – СПб., 1894. – Ч. II (1831–1880). – С. 382.

Петербургская газета. – 1879. – 23 августа (№ 164).

Из далёкого прошлого. Воспоминания Н. Я. Чистовича // Н. Я. Чистович (1860–1926) / Тушинский М. Д., Чистович А. Н. – Л., 1963. – С. 35–36.

Вернадский В. И. Статьи об учёных и их творчестве. – М., 1997. – С. 209.

Из далёкого прошлого. Воспоминания Н. Я. Чистовича // Н. Я. Чистович (1860–1926) / Тушинский М. Д., Чистович А. Н. – Л., 1963. – С. 37–38.

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 23-об.

Менделеева А. И. Менделеев в жизни. – М., 1928. – С. 153.

Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. – Л., 1991. – С. 160.

Из далёкого прошлого. Воспоминания Н. Я. Чистовича // Н. Я. Чистович (1860–1926) / Тушинский М. Д., Чистович А. Н. – Л., 1963. – С. 38.

Из воспоминаний зоолога Александра Михайловича Никольского
// Из истории биологических наук. – М.—Л., 1966. – Вып. 1. – С. 83.

ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20502. Л. 21.

Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета. – 1882. – Т. 26. – С. 68.

Отоцкий П. В. Жизнь В. В. Докучаева // Почвоведение. – 1903. – № 4. – С. 322.

Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Жизнь и деятельность В. В. Докучаева // Труды Почвенного института. – Л., 1927. – Вып. 2. – С. 292.

Отоцкий П. В. Жизнь В. В. Докучаева // Почвоведение. – 1903. – № 4. – С. 328.

Вернадский В. И. Воспоминания о Ф. Ю. Левинсон-Лессинге // Статьи об учёных и их творчестве / Вернадский В. И. – М., 1997. – С. 224.

Жандр А. А. Памяти Владимира Прохоровича Амалицкого // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Донском университете (годы 1916–1918). – Ростов-на-Дону, 1919. – Вып.1. – С. 23.

Земятченский П. А. Василий Васильевич Докучаев как личность (по воспоминаниям) // Почвоведение. – 1939. – № 2. – С. 9.

Андрусов Н. И. Воспоминания. 1871–1893. – Париж, 1925. – С. 107.

Из воспоминаний зоолога Александра Михайловича Никольского
// Из истории биологических наук. – М.—Л., 1966. – Вып. 1. – С. 84.

Устное сообщение научного сотрудника ПИН РАН К. Ю. Еськова.

Из воспоминаний зоолога Александра Михайловича Никольского
// Из истории биологических наук. – М.—Л., 1966. – Вып. 1. – С. 84.

ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20502. Л. 41.

ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8388. Л. 64.

Ферхмин А.Р. Нижегородский период деятельности В. В. Докучаева // Почвоведение. – 1903. – № 4. – С. 345–346.

Амалицкий В. П. Горбатовский уезд // Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. – СПб., 1885. – Вып. VII. – С. 263.

Почвы, растительность и климат Нижегородской губернии с почвенною картою. Предисловие / Докучаев В. // Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. – СПб., 1886. – Вып. XIV. – С. I.

Земятченский П. А. Василий Васильевич Докучаев как личность (по воспоминаниям) // Почвоведение. – 1939. – № 2. – С. 9.

АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 4. Л. 10.

Из переписки с Нижегородской губернской земской управой (1881–1886) // Докучаев В. В... Сочинения. – М., 1961. – Т. VIII. – С. 109.

Ферхмин А. Р. Нижегородский уезд // Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. – СПб., 1885. – Вып. VIII. – С. 37 (примечание В. В. Докучаева).

Вернадский В. И. Воспоминания о Ф. Ю. Левинсон-Лессинге // Статьи об учёных и их творчестве / Вернадский В. И. – М., 1997. – С. 224.

Ферхмин А. Р. Нижегородский период деятельности В. В. Докучаева // Почвоведение. – 1903. – № 4. – С. 350.

Бараков П. Василий Васильевич Докучаев. Биографический очерк // Ежегодник по геологии и минералогии России. – 1904. – Т. VII. Новая Александрия. – С. 5. – «Швырк-штейн» было специфической шуткой. Немецкое слово *Stein* переводится как «камень» и часто входит в состав сложных слов, например, *Zechstein* (рудный камень).

Письма Н. М. Сибирцева (1883–1896) // Докучаев В. В.
Сочинения. – М., 1961. – Т.VIII. – С. 442.

Глинка К. В. В. Докучаев, как почвовед // Памяти проф. В. В. Докучаева. Кружок любителей естествознания, сельского хозяйства и лесоводства при Ново-Александрийском Институте. – СПб., 1904. – С. 12.

Ферхмин А. Р. Нижегородский период деятельности В. В. Докучаева // Почвоведение. – 1903. – № 4. – С. 347.

Амалицкий В. П. Горбатовский уезд // Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. – СПб., 1885. – Вып. VII. – С. 11.

Там же. – С. 22.

Амалицкий В. П. Горбатовский уезд // Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. – СПб., 1885. – Вып. VII. – С. 5.

Кулинич Г. С., Фридман Б. И. Геологические путешествия по горьковской земле. – Горький, 1990. – С. 27.

Амалицкий В. П. Горбатовский уезд // Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. – СПб., 1885. – Вып. VII. – С. 103, 53.

Земятченский П. А. Ардатовский уезд // Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. – СПб., 1884. – Вып. VI. – С. 123.

Граушольд Г. Основы геологии. – М., 1877. – Ч. III (последняя):
Стратиграфия. – С. 26, 87.

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 1.

Амалицкий В. П. Горбатовский уезд // Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. – СПб., 1885. – Вып. VII. – С. 82.

Открытое письмо Геологическому комитету А. А.
Иностранцева. – СПб., 1891. – С. 9.

Ферхмин А. Р. Нижегородский уезд // Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. – СПб., 1885. – Вып. VIII.

Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Васильсурский уезд // Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. – СПб., 1885. – Вып. IX. – С. 74.

Амалицкий В. П. Отложения пермской системы Окско-Волжского бассейна (Нижегородская губерния). – СПб., 1887. – С. 12.

Амалицкий В. П. Отложения пермской системы Окско-Волжского бассейна (Нижегородская губерния). – СПб., 1887. – С. 175.

Иностранцев А. А. Воспоминания (Автобиография). – СПб., 1998. – С. 199.

Петербургская газета. – 1879. – 26 августа (№ 166).

Леман В. Павел Николаевич Венюков (некролог) // Геологический вестник. – Пг., 1916. – Т. 2, № 2.

Андрусов Н. И. Воспоминания. 1871–1893. – Париж, 1925. – С. 150.

Вернадский В. И. Воспоминания о Ф. Ю. Левинсон-Лессинге // Статьи об учёных и их творчестве / Вернадский В. И. – М., 1997. – С. 224.

Там же.

Андрусов Н. И. Воспоминания. 1871–1893. – Париж, 1925. – С. 105.

ЦАНО. Ф. 2082. Оп. 2. Д. 92. Л. 334-об., 335-об.

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 2-2-об.

Амалицкий В. П. Отложения пермской системы Окско-Волжского бассейна (Нижегородская губерния). – СПб., 1887. – С. 22.

Новое Время. – 1887. – 11 ноября (№ 4204).

Петербургская газета. – 1887. – 12 ноября (№ 311); С.-Петербургские ведомости. – 1887. – 12 ноября (№ 312).

Новости и Биржевая газета. – 1887. – 12 ноября (№ 306).

С.-Петербургские ведомости. – 1887. – 16 ноября (№ 316).

Новое Время. – 1887. – 17 ноября (№ 4210).

Диспут в университете // Петербургский листок. – 1887. – 16 ноября (№ 312).

Андрусов Н. И. Воспоминания. 1871–1893. – Париж, 1925. – С. 166.

Там же. – С. 152. – Андрусов пишет, что не помнит точно, чью магистерскую защиту отмечали в тот раз – Амалицкого или Левинсон-Лессинга. Первый защитился в ноябре 1887 года, второй – спустя полгода, в мае 1888 года.

ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9153. Л. 27.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 633. Л. 8-об.

Обзор деятельности С.-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования. 1868–1893. – СПб., 1893. – С. 112.

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 4-об.

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 6.

Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. – Л., 1990. – С. 157.

ЦАНО. Ф. 2082. Оп. 2. Д. 92. Л. 6.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1319. Л. 2-об.

Александровский К. В. Очерк истории Лейб-гвардии Уланского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка. – СПб., 1897. – С. 60.

История Лейб-гвардии Уланского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка. – СПб., 1903. – Т. 2: приложения. – С. 164.

АРАН. Ф. 316. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20502.

Варшавский дневник. – 1890. – 1 сентября (№ 190).

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 33.

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 134.

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 34.

Ежегодник по геологии и минералогии России. – Варшава, 1896–1897. – Т. 1 (1895), V отд. – С. 3.

Амалицкий В. П. Несколько замечаний о постплиоценовых отложениях Варшавы // Труды Варшавского общества естествоиспытателей. Прот. отд. биол. Год VII: 1895–1896. – Варшава, 1896. – № 2.

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 35. Л. 2-об.

Жандр А. А. Памяти Владимира Прохоровича Амалицкого // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Донском университете. Годы 1916–1918. – Ростов- на-Дону, 1919. – Вып.1. – С. 24.

Амалицкая А. Профессор Владимир Прохорович Амалицкий // Записки Северодвинского общества изучения местного края. – Великий Устюг, 1925. – Вып. 1. – С. 3.

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 38-об.

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 35-об.

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 3.

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 35.

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 36-об.

Ежегодник Русского Палеонтологического общества. – Т. 2.
1917. – Пг., 1918. – С. 119.

Амалицкий В. П. Мергелистопесчаные породы Окско-Волжского бассейна. Anthracosidae. Материалы к познанию фауны пермской системы России. – Варшава, 1892. – С. 18.

Биографический словарь профессоров и преподавателей
Императорского С.-Петербургского университета. – Т. 1. А – Л. –
СПб., 1896. – С. 14.

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 27-об.

Амалицкий В. П. К вопросу о древности семейства Unionidae // Труды Варшавского общества естествоиспытателей. Прот. отд. биол. Год II. 1890–1891. – Варшава, 1891. – № 7.

Амалицкий В. Материалы к познанию фауны пермской системы России. Мергелистопесчаные породы Окско-Волжского бассейна. Anthracosidae. – Варшава, 1892. – С. 81.

Устное сообщение старшего научного сотрудника КФУ В. В. Силантьева.

Амалицкий В. Геологическая экскурсия на север России. Отд. оттиск из: Прот. засед. Варшавского общества естествоиспытателей. № 3. Год VII, 1895–1896. – Варшава, 1896. – С. 9.

Амалицкий В. Материалы к познанию фауны пермской системы России. Мергелистопесчаные породы Окско-Волжского бассейна. Anthracosidae. – Варшава, 1892. – С. 130 (примечание).

Там же. – С. 130.

Амалицкий В. Материалы к познанию фауны пермской системы России. Мергелистопесчаные породы Окско-Волжского бассейна. Anthracosidae. – Варшава, 1892. – С. 18, 148–149.

Там же. – С. 148–149.

Новости и Биржевая газета. – 1892. – 11 мая (№ 129).

Диспут в университете // Петербургский листок. – 1892. – 11 мая (№ 128).

Диспут в университете // Петербургский листок. – 1892. – 11 мая
(№ 128).

ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9153. Л. 58.

ЦАНО. Ф. 2082. Оп. 2. Д. 92. Л. 9-об.

Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1893. – Ч.
285.

Петербуржец. Маленькая хроника // Новое Время. – 1901. – 14 января (№ 8938).

Московские ведомости. – 1896. – 9 апреля (№ 96).

Амалицкий В. П. Несколько замечаний о верхнепермских континентальных отложениях России и Ю. Африки (предварительный отчёт) // Труды Варшавского общества естествоиспытателей. Прот. отд. биол. Год VI: 1894–1895. – Варшава, 1895. – № 7.

Там же.

Amalitsky W. A comparison of the Permian freshwater Lamellibranchiata from Russia with those from the Karoo system of South Africa (discussion) // Quart. Journ. Geol. Soc. London. – 1895. – Vol. 51. – P. 350. – Пер. с англ. К. Н. Рыбакова.

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 12–13.

Чернышёв Ф. Н. Поездка в Уфимскую и Вятскую губернии // Известия Геологического комитета. – СПб., 1887. – Т. VI, № 1 (отдельный оттиск). – С. 9.

Русская геологическая библиотека за 1892 г. Составлена под редакцией С. Никитина. – СПб., 1893. – С. 51–52.

Никитин С. Успехи геологических знаний за 1892–1893 года // Ежегодник Императорского Русского Географического Общества. – СПб., 1896. – VI. – С. 29.

Юрин Н. Т. Заметки о геологическом строении некоторых пунктов Самарской губ. // Известия Геологического комитета. 1893. – СПб., 1894. – Т. 12. – С. 261 (прим. С. Никитина).

Басков Е. А. Сергей Николаевич Никитин. – Л., 1982. – С. 152–153.

Андрусов Н. И. Воспоминания. 1871–1893. – Париж, 1925. – С. 107.

Прозоровский В. А., Тихонов И. Л. Предисловие // Иностранцев А. А. Воспоминания (Автобиография). – СПб., 1998. – С. 13.

Иностранцев А. А. Воспоминания (Автобиография). – СПб., 1998. – С. 133.

Открытое письмо Геологическому комитету А. А.
Иностранцева. – СПб., 1891.

Открытое письмо Профессору А. А. Иностранцеву. – СПб., 1891.

Мейен С. В. Следы трав индейских. – М., 1981. – С. 77.

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – Кн. 1, отд. 2. – 1901. – С. 73.

Черных Е. Н. Каргалы. Забытый мир. – М., 1997.

АРАН. Ф. 3. Оп. 17. Д. 1. Л. 1.

АРАН. Ф. 3. Оп. 17. Д. 1. Л. 8.

Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769–1770 году. – СПб., 1770. – С. 101.

Поколенная роспись дворян Полубинских герба Ястржембец.
URL: www.balandin.net/Gunin/Bobruisk/CHAPTER_4/polubienskije-genealogija.htm

Ухтомский А. Доминанта. – СПб., 2002. – С. 250.

Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных)
Санкт-Петербургского университета. К 140-летию основания. – М.,
2011. – С. 128.

Геккер Р. Ф. На силурийском плато. Очерки по истории геологических знаний. – М., 1987. – С. 55.

Kutorga S. S. Beitrag zur Kenntnis der organischen Überreste des Kupfersandsteins am westlichen Abhange des Urals. – St.-Petersburg, 1838.

Ефремов И. А. Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья. – М., 1954. – С. 44.

Соколов Д. Несколько слов памяти Вангенгейма фон-Квалена // Труды Оренбургской Учёной Архивной Комиссии. – Оренбург, 1903. – Вып. XI, т. XI. – С. 114.

Наугольных С. В. Растительные остатки пермского возраста из коллекции Ф. Ф. Вангенгейма фон Квалена в Геологическом музее имени В. И. Вернадского. – М., 2001. – С. 2.

Соколов Д. Несколько слов памяти Вангенгейма фон-Квалена // Труды Оренбургской Учёной Архивной Комиссии. – Оренбург, 1903. – Вып. XI, т. XI. – С. 115.

Там же. – С. 116.

Фрегат Паллада. Очерки путешествия Ивана Гончарова в двух томах. – СПб., 1858. – Т. 1. – С. 322.

Swinton W. E. Harry Govier Seeley and the Karroo reptiles // Bulletin of the British Museum (Natural History). Historical series. – London, 1962. – V. 3, № 1.

Гечинсон. Вымершие чудовища и животные прошлых геологических эпох. – М., 1898. – С. 189.

Новооткрытое чудовищное ископаемое // Правительственный
вестник. – 1893. – 1 июля (№ 141).

Trautschold H. Die Reste Permischer Reptilien des Paläontologischen kabinets der Universtät Kazan // Nouveaux Mémoires de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou. – 1884.

Ефремов И. А. Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья. – М., 1954. – С. 53–54.

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 73.

Амалицкий В. П. Несколько замечаний о верхнепермских континентальных отложениях России и Ю. Африки (предварительный отчёт) // Труды Варшавского общества естествоиспытателей. Засед. отд. физ. и хим. Год VI, 1894–1895. – Варшава, 1895. – Вып. VII.

Владимиров С. Из глубины веков // Вокруг света. – 1947. – № 2.

По современным представлениям, эти «безмолвные» породы относятся к архейскому и протерозойскому эонам, когда Землю населяли только микроскопические организмы.

Амалицкий В. П. Раскопки остатков позвоночных в 1899 г. в пермских отложениях севера России // Приложение к протоколу общего собрания Варшавского общества естествоиспытателей. Год XI, 1900. – Варшава, 1900. – С. 1.

Амалицкий В. Геологическая экскурсия на север России. II. К геологии Вытегорского уезда. Отд. оттиск из: Труды Варшавского общества естествоиспытателей. Прот. отд. биол. № 5. Год VII, 1895–1896. – Варшава, 1896.

Амалицкий В. Геологическая экскурсия на север России. II. К геологии Вытегорского уезда. Отд. оттиск из: Труды Варшавского общества естествоиспытателей. Прот. отд. биол. № 5. Год VII, 1895–1896. – Варшава, 1896.

С. Вологда, 19 июля (От нашего корреспондента) // Московские ведомости. – 1890. – 23 июля (№ 201).

Лейкин Н. А. По северу дикому. Путешествие из Петербурга в Архангельск и обратно. Поездка на водопад Кивач. – СПб., 1899. – С. 35–36.

Наш север. Путеводитель. – СПб., 1897. – С. 228.

Барбот-де-Марни Н. Геогностическое путешествие в северные губернии Европейской России. – СПб., 1868. – С. 252.

Поленов Б. К. Отчёт о поездке на р. Юг // Труды Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей. – СПб., 1888. – Т. XIX: отделение геологии и минералогии. – С. 409.

Барбот-де-Марни Н. Геогностическое путешествие в северные губернии Европейской России. – СПб., 1868. – С. 232. – *Terrains muets* на латыни значит «немые земли».

Поленов Б. К. Отчёт о поездке на р. Юг // Труды Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей. – СПб., 1888. – Т. XIX: отделение геологии и минералогии. – С. 422.

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 73.

С.Вологда, 19июля(Отнашегокорреспондента)//
Московские ведомости. – 1890.– 23 июля (№ 201).

Случевский К. От Вологды до Устюга // Московские ведомости. – 1890. – 10 августа (№ 219).

Лейкин Н. А. По северу дикому. Путешествие из Петербурга в Архангельск и обратно. Поездка на водопад Кивач. – СПб., 1899. – С. 63.

Случевский К. По северу России. Путешествие Их Императорских Высочеств Великого Князя Владимира Александровича и Великой Княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 годах. – СПб., 1886. – Т. 1. – С. 206.

Амалицкий В. Геологическая экскурсия на север России. I. Задачи моих исследований (и главнейшие результаты экскурсий 1895). Отд. оттиск из: Прот. засед. Варшавского общества естествоиспытателей. № 3. Год VII, 1895–1896. – Варшава, 1896.

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 88. Л. 28-об.

Случевский К. По реке Вычегде // Московские ведомости. – 1890. – 17 августа (№ 226).

Амалицкий В. П. По Ледовитому океану и Печоре. Путевые впечатления. – Варшава, 1903. – С. 28.

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 73–74.

Ефремов И. А. Владимир Прохорович Амалицкий (к 100-летию со дня рождения) // Палеонтологический журнал. – 1960. – № 4. – С. 6.

Амалицкий В. П. По Ледовитому океану и Печоре. Путевые впечатления. – Варшава, 1903. – С. 89.

Ефремов И. А. Владимир Прохорович Амалицкий (к 100-летию со дня рождения) // Палеонтологический журнал. – 1960. – № 4. – С. 6.

Амалицкий В. П. Геологическая экскурсия на север России. О новых палеонтологических находках в пермских мергелисто-песчаных породах Сухоны и Малой Сев. Двины // Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. – 1897. – Т. XXVIII, вып. 1, прот. № 2. – С. 77. – Название «Взвоз» Амалицкий записал, скорее всего, неправильно: вероятно, он имел в виду местность Звоз в двухстах километрах от Архангельска (уточнила краевед из Великого Устюга Л. Н. Данилова).

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 17-об.

Амалицкий В. П. Геологическая экскурсия на север России. О новых палеонтологических находках в пермских мергелисто-песчаных породах Сухоны и Малой Сев. Двины // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. – 1897. – Т. XXVIII, вып. 1, прот. № 2. – С. 81.

Едемский М. Б. Район распространения песчаных линз в бассейне р. Северной Двины // Труды Геологического музея Академии наук СССР. – 1928. – Т. IV. – С. 208.

Там же. – С. 212.

Ефремов И. А. Владимир Прохорович Амалицкий (к 100-летию со дня рождения) // Палеонтологический журнал. – 1960. – № 4. – С. 7.

Амалицкий В. П. Геологическая экскурсия на север России. О новых палеонтологических находках в пермских мергелисто-песчаных породах Сухоны и Малой Сев. Двины // Труды Императорского С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. – 1897. – Т. XXVIII, вып. 1, прот. № 2. – С. 82.

Там же. – С. 78.

Амалицкий В. П. Геологическая экскурсия на север России. V. О глоссоптериевой флоре Малой Северной Двины. Отд. оттиск из: Труды Варшавского общества естествоиспытателей. № 4. Год IX, 1898. Отделение биологии. – Варшава, 1898. – С. 2.

Барбот-де-Марни Н. Геогностическое путешествие в северные губернии Европейской России. – СПб., 1868. – С. 234.

Амалицкая А. П. Северо-Двинские ископаемые чудовища // Человек и Природа. – 1923. – № 8–9. – Стлб. 21.

247

Там же.

Нелаев П. (крестьянин). Как живёт наша деревня. Описание Вотложемской волости Северо-Двинской губернии. – М.—Л., 1927. – С. 7.

ЦАНО. Ф. 2082. Оп. 2. Д. 92.

Б. Герои дня. Геологи // Стрекоза. – 1897. – 20 июля (№ 29).

Международный геологический конгресс в Петербурге (От нашего корреспондента) // Русские ведомости. – 1897. – 20 августа (№ 229).

Новое Время. – 1897. – 19 августа (№ 7714).

С.-Петербургские ведомости. – 1897. – 25 августа (№ 231).

VII международный геологический конгресс // С.-Петербургские ведомости. – 1897. – 25 августа (№ 231).

Амалицкий В. П. Геологическая экскурсия на север России. V. О глоссоптериевой флоре Малой Северной Двины. Отд. оттиск из: Труды Варшавского общества естествоиспытателей. № 4. Год IX, 1898. Отделение биологии. – Варшава, 1898. – С. 3.

Чудовища и драконы (Беседа с палеонтологом) // Петербургская газета. – 1897. – 21 августа (№ 228).

Паспарту. Открытие профессора Марч // Петербургская газета. – 1897. – 24 августа (№ 231).

Новооткрытое чудовищное ископаемое // Правительственный
вестник. – 1893. – 1 июля (№ 141).

Коновалов Ф. П. Палеонтологическая находка в Аткарском уезде
// Саратовский листок. – 1913. – 3 июля (№ 143).

Б. Вечер в честь членов геологического конгресса // Петербургский листок. – 1897. – 21 августа (№ 228).

Раут в думе // Новости и Биржевая газета. – 1897. – 21 августа (№ 229).

Раут думы в честь геологов // Петербургская газета. – 1897. – 21 августа (№ 228).

Новости и Биржевая газета. – 1897. – 18 августа (№ 226).

Агафонов В. Седьмой международный геологический конгресс // Мир Божий. – 1897. – Ноябрь, отд. II. – С. 51.

265

АРАН. Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 14.

Агафонов В. Седьмой международный геологический конгресс // Мир Божий. – 1897. – Ноябрь, отд. II.

Вох. Итоги (старшего геолога, академика Ф. Н. Чернышёва) // Петербургская газета. – 1897. – 28 августа (№ 235).

Иностранцев А. А. Воспоминания (Автобиография). – СПб., 1998. – С. 176.

Новости и Биржевая газета. – 1897. – 23 августа (№ 231);
Агафонов В. Седьмой международный геологический конгресс // Мир
Божий. – 1897. – Ноябрь, отд. II. – С. 52.

Международный геологический конгресс (От нашего корреспондента) // Русские ведомости. – 1897. – 24 августа (№ 233).

Meunier S. Voyage d'un congress en Russie // Le Tour Du Monde. – 1898. – № 27, 2 juillet. – Пер. с фр. Д. Е. Калюжной.

АРАН. Ф. 42. Оп. 1. Д. 32.

Инкогнито. Воскресные наброски // Волжский вестник. – 1897. – 17 августа (№ 202).

Meunier S. Voyage d'un congress en Russie // Le Tour Du Monde. – 1898. – № 27, 2 juillet. – Пер. с фр. Д. Е. Калюжной.

Геологи и Саратов // Петербургская газета. – 1897. – 9 сентября
(№ 247).

Амалицкий В. П. По Ледовитому океану и Печоре. Путевые впечатления. – Варшава, 1903. – С. 9.

Амалицкий В. П. Геологическая экскурсия на север России. VI. О новых позвоночных и растениях, найденных в глоссоптериевом типе пермских отложений Сухоны и Сев. Двины // Труды Варшавского общества естествоиспытателей. № 6. Год IX, 1898. Отделение биологии. – Варшава, 1898. – С. 3.

Амалицкий В. П. По Ледовитому океану и Печоре. Путевые впечатления. – Варшава, 1903. – С. 28.

Там же. – С. 63.

Амалицкий В. П. По Ледовитому океану и Печоре. Путевые впечатления. – Варшава, 1903. – С. 98.

Там же. – С. 79, 73.

Библиография. В. П. Амалицкий. По Ледовитому океану и Печоре. Путевые впечатления. Варшава, 1903 г. // Правительственный вестник. – 1903. – 8 октября (№ 223).

А. П. Библиография. *В. П. Амалицкий.* По Ледовитому океану и Печоре. Путевые впечатления. Варшава. 1903 // Варшавский дневник. – 1903. – 17 декабря (№ 347).

Отоцкий П. В. Жизнь В. В. Докучаева // Почвоведение. – 1903. – № 4. – С. 331.

Бараков П. Василий Васильевич Докучаев. Биографический очерк // Ежегодник по геологии и минералогии России. – 1904. – Т. VII: Новая Александрия. – С. 9.

Отоцкий П. В. Жизнь В. В. Докучаева // Почвоведение. – 1903. – № 4. – С. 336.

Там же.

Докучаев В. В. Частные публичные курсы по сельскому хозяйству и основным для него наукам. – СПб., 1900. – С. 1–2.

Лекции по агрономии // Петербургская газета. – 1899. – 11 января (№ 10).

Лекция профессора Амалицкого // Петербургская газета. – 1899. – 7 января (№ 6).

Докучаев В. В. Частные публичные курсы по сельскому хозяйству и основным для него наукам. – СПб., 1900. – С. 28–30.

Докучаев В. В. Частные публичные курсы по сельскому хозяйству и основным для него наукам. – СПб., 1900.

Отоцкий П. В. Жизнь В. В. Докучаева // Почвоведение. – 1903. – № 4. – С. 339.

Глинка К. В. В. Докучаев, как почвовед // Памяти проф. В. В. Докучаева. Кружок любителей естествознания, сельского хозяйства и лесоводства при Ново-Александрйском Институте. – СПб., 1904. – С. 12.

В учёном обществе // Петербургская газета. – 1899. – 10 января
(№ 9).

Шайжина И. Н. Раскопки В. П. Амалицкого на Малой Северной Двине // Вологодский государственный педагогический институт. Учёные записки. – Вологда, 1959. – Т. 24. – С. 166.

Я-ц. Замечательное открытие русского естествоиспытателя // Московские ведомости. – 1901. – 8 ноября (№ 308).

Амалицкий В. П. Раскопки остатков позвоночных в 1899 г. в пермских отложениях севера России // Приложение к протоколу общего собрания Варшавского общества естествоиспытателей. Год XI, 1900. – Варшава, 1900. – С. 13.

О научной командировке профессора Амалицкого в Вологодскую губернию // Вологодские губернские ведомости. – 1899. – 15 июня (№ 124).

Нелаев П. (крестьянин). Как живёт наша деревня. Описание Вотложемской волости Северо-Двинской губернии. – М.—Л., 1927. – С. 13.

Амалицкий В. П. Раскопки остатков позвоночных в 1899 г. в пермских отложениях севера России // Приложение к протоколу общего собрания Варшавского общества естествоиспытателей. Год XI, 1900. – Варшава, 1900. – С. 16.

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 75.

Там же.

Там же. – С. 79.

Рыбинское «Кое-что» // Северный край. – 1899. – 1 июня (№ 170).

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 78.

Очев В. Г. Ещё не пришли динозавры. – Саратов, 2000. – С. 45.

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 79.

Там же. – С. 77.

310

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 22, 23.

Я-ц. Замечательное открытие русского естествоиспытателя // Московские ведомости. – 1901. – 16 ноября (№ 316).

Теория Рудольфа Фальба подробно разбиралась, например, в журнале «Наука и жизнь» в номерах 15–17 за 1893 год.

Приазовский край. – 1895. – 16 января (№ 14) и т. д.

Обзор русской и иностранной литературы. Фальб, Луна и погода.
Пернтер. Критические дни Фальба // Метеорологический вестник. –
1892. – № 10. – С. 406.

Трецец Л. О. Через четыре года (1 ноября 1899 г.). По предсказанию профессора Рудольфа Фальба. – Одесса, 1895.

Приближение кончины мира // Московские ведомости. – 1894. – 26 марта (№ 84).

317

К известию астронома Фальба (шутка) // Будильник. – 1897. – 24 августа (№ 33).

Журнал Журналов и Энциклопедическое Обозрение. – СПб.,
1898. – Т. 18. – С. 527.

Трецек Л. О. Через четыре года (1 ноября 1899 г.). По предсказанию профессора Рудольфа Фальба. – Одесса, 1895.

Львов К. Опровержение предсказания профессора Рудольфа Фальба. По поводу брошюры «Через четыре года» (1 ноября 1899 г.). – Одесса, 1895.

Смоленский вестник. – 1899. – 29 мая (№ 117).

Светопредставление 1 ноября 1899 года по проф. Р. Фальбу. – СПб., 1899.

Д-ман В. В. «Конец мира» 13-го ноября настоящего 1899 г.
Составлено по Фламариону, Фальбу и другим источникам. – СПб.,
1899.

Ноябрьское «светопрествление» // Русский листок. – 1899. – 26 октября (№ 293).

Зелинский Ф. Первое светопредставление // Вестник всемирной истории. – 1899. – Декабрь. – С. 17.

Несбывшиеся ожидания (На улицах Петербурга 31-го октября и 1-го ноября)// Петербургский листок. – 1899. – 2 ноября (№ 301).

Провинциальная жизнь // Наблюдатель. – 1899. – № 12. – С. 304.

По предсказаниям (Наброски) // Петербургский листок. – 1899. – 20 октября (№ 288).

Мельникова Е. А. Эсхатологические ожидания рубежа XIX–XX веков: конца света не будет? // Антропологический форум. – 2004. – № 1. – С. 260.

Несбывшиеся ожидания (На улицах Петербурга 31-го октября и 1-го ноября) // Петербургский листок. – 1899. – 2 ноября (№ 301).

331

По предсказаниям (Наброски) // Петербургский листок. – 1899. – 20 октября (№ 288).

С. П. По поводу одной брошюры о светопреставлении // Северный край. – 1899. – 11 августа (№ 239).

Падение метеоров как причина гибели Содома и Гоморры // Петербургский листок. – 1899. – 30 ноября (№ 329).

Боргоский метеор // Московские ведомости. – 1899. – 7 апреля (№ 96).

Дядя-Митяй. Комета напугала (сценка) // Стрекоза. – 1899. – 13 июня (№ 24); *Воз*. Столкновение Земли с кометой // Осколки. – 1899. – 16 января (№ 3).

Урсус. Столкновение с кометой // Осколки. – 1897. – 16 августа (№ 33).

Озеров И. Х. Экономическая Россия и её финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. – М. 1905. – С. 243.

В ожидании кончины мира // Петербургский листок. – 1899. – 8 сентября (№ 246).

Дело и безделье // Русский листок. – 1899. – 22 сентября (№ 259).

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 80.

Среди учёных // Новости дня. – 1901. – 21 октября (№ 6594).

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 80.

Чехов А. П. Исторический момент в области современной геологии // Исторический вестник. – 1901, февраль. – С. 675.

Чехов Ал. (А. Седой). Палеонтологические раскопки проф. В. П. Амалицкого // Иллюстрированное приложение к газете «Новое Время». – 1901. – 10 января (№ 8934).

Учёный, принятый за антихриста // Московский листок. – 1901. – 18 октября (№ 290).

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 78.

Чехов А. П. Исторический момент в области современной геологии // Исторический вестник. – 1901, февраль. – С. 675.

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 76.

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 76.

350

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 24.

Отрывки – на злобу дня // Русское слово. – 1899. – 16 ноября
(№ 317).

Ожидание светопрествления // Киевлянин. – 1900. – 1 февраля
(№ 32).

Русский листок. – 1899. – 8 ноября (№ 306).

Страх перед светопреставлением // Киевлянин. – 1899. – 9 ноября
(№ 310).

Наступит ли конец мира в предстоящем ноябре? // Московские ведомости. – 1899. – 25 марта (№ 83).

356

Отрывки – на злобу дня // Русское слово. – 1899. – 5 ноября
(№ 306).

357

Провинциальные картинки // Русский листок. – 1899. – 26 августа
(№ 232).

Русские ведомости. – 1899. – 14 ноября (№ 315).

Дело и безделье // Русский листок. – 1899. – 30 октября (№ 297).

Власова М. Н. Толки крестьян о комете 1899 года // Альманах «Канун». Антропология религиозности. – СПб., 1998. – Вып. 4.

Эхо // Петербургский листок. – 1899. – 6 ноября (№ 305).

Стрекоза. – 1899. – 7 ноября (№ 45).

Друг Горацио. На комете (от нашего специального корреспондента) // Будильник. – 1899. – 28 ноября (№ 46).

Меч Р. Светопреставление // Русский листок. – 1899. – 4 ноября
(№ 302).

Белой В. Фальб о светопреставлении (От нашего корреспондента)
// Русский листок. – 1899. – 5 ноября (№ 303).

Сон астронома под Новый год // Природа и люди. – 1899–1890. – № 9. – С. 145.

Срезневский Б. И. Возможность точного предсказания погоды с научной и общественной точек зрения // Учёные записки Императорского Юрьевского университета. Год 9. – Юрьев, 1901. – № 1. – С. 11.

Варшавский дневник. – 1904. – 19 мая (№ 140).

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 72.

Иностранцев А. А. Замечательные находки древних ископаемых животных в побережья Северной Двины // Правительственный вестник. – 1900. – 16 ноября (№ 257); *Чехов А. П.* Исторический момент в области современной геологии // Исторический вестник. – 1901, февраль.

Гигантское яйцо // Киевлянин. – 1900. – 13 июля (№ 192).

372

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 60-об.-61.

373

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 67-об.

Отчёт о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1899 год, составленный ординарным профессором А. Е. Фаворским. – СПб., 1900. – С. 66.

В обществе естествоиспытателей // Новое Время. – 1900. – 21 февраля (№ 8615).

Кузнецов Н. В поисках Земли Санникова. Полярные экспедиции Толля и Колчака. – М., 2014. – С. 8.

Отчёты начальника экспедиции Императорской Академии Наук на Берёзовку для раскопки трупа мамонта О. Ф. Герца // Известия Императорской Академии Наук. – СПб., 1902. – Т. XVI, № 4. – С. 137.

Слепкова Н. В. Выставка «Династия Романовых и Зоологический музей Императорской Академии наук» // Историко-биологические исследования. – 2013. – Т. 5, № 4. – С. 127.

Труды Императорского Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Протоколы заседаний. – 1901. – Т. XXXII, вып. 1. – С. 291.

380

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 67-об.-68.

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 34–35.

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 79.

Арефьев М., Голубев В. Ящеры Русской равнины // Гео. – 2000. – № 9. – С. 121.

384

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 94. Л. 72-об.

Труды Императорского Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Протоколы заседаний. – 1901. – Т. XXXII, вып. 1. – С. 290.

Торговля, промышленность, биржа. В. Устюг (От нашего корреспондента) // Северный край. – 1899. – 12 августа (№ 240).

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 79.

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 23.

Амалицкий В. П. Дневник наблюдений по Малой Северной Двине. – Л., 1931. – С. 39.

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 76.

391

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 25.

Я-ц. Замечательное открытие русского естествоиспытателя // Московские ведомости. – 1901. – 16 ноября (№ 316).

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 79.

Чехов Ал. (А. Седой). Палеонтологические раскопки проф. В. П. Амалицкого // Иллюстрированное приложение к газете «Новое Время». – 1901. – 10 января (№ 8934).

Чехов Ал. Исторический момент в области современной геологии
// Исторический вестник. – 1901, февраль.

С.-Петербургские ведомости. – 1900. – 29 декабря (№ 356).

Раскопки гигантских ящеров на севере России (Доклад проф. В. П. Амалицкого) // Русские ведомости. – 1901. – 19 октября (№ 289); Северная Россия в Верхне-Пермскую эпоху // Землеведение. – 1902. – Т. IX. – С. 166; Интересные раскопки // Вокруг света. – 1902. – № 25.

Чехов Ал. Исторический момент в области современной геологии
// Исторический вестник. – 1901, февраль. – С. 675.

Орлов Ю. А. В мире древних животных. Очерки по палеонтологии позвоночных. – М., 1989. – С. 12.

Лексин Ю. Долгий и счастливый переезд // Знание – сила. – 1982, ноябрь.

401

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 21.

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 26.

Б. Р. Замечательное палеонтологическое открытие // Новости и Биржевая газета. – 1901. – 5 января (№ 5).

Первая в России палеонтологическая мастерская //
Правительственный вестник. – 1900. – 24 декабря (№ 287).

405

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 71.

С.-Петербургские ведомости. – 1900. – 29 декабря (№ 356).

407

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 99. Л. 6.

Адресная книга русских Зоологов, Анатомов, Физиологов, Палеонтологов и проч. – СПб., 1901. – С. 27.

409

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 94.

Чехов Ал. (А. Седой). Палеонтологические раскопки проф. В. П. Амалицкого // Иллюстрированное приложение к газете «Новое Время». – 1901. —10 января (№ 8934).

Раскопки гигантских ящеров на севере России (Доклад проф. В. П. Амалицкого) // Русские ведомости. – 1901. – 19 октября (№ 289).

Первая в России палеонтологическая мастерская //
Правительственный вестник. – 1900. – 24 декабря (№ 287).

413

Там же.

Соболев Д. Н. Памяти В. П. Амалицкого. Цитируется по: *Ефремов И. А.* Владимир Прохорович Амалицкий (к 100-летию со дня рождения) // Палеонтологический журнал. – 1960. – № 4. – С. 8–9.

Чехов Ал. (А. Седой). Палеонтологические раскопки проф. В. П. Амалицкого // Иллюстрированное приложение к газете «Новое Время». – 1901. – 10 января (№ 8934).

Соболев Д. Н. Памяти В. П. Амалицкого. Цитируется по: *Ефремов И. А.* Владимир Прохорович Амалицкий (к 100-летию со дня рождения) // Палеонтологический журнал. – 1960. – № 4. – С. 9.

Московские ведомости. – 1900. – 24 декабря (№ 355).

Петербургские вести. Новый год (От нашего корреспондента) //
Московские ведомости. – 1901. – 4 января (№ 4).

Чехов Ал. Исторический момент в области современной геологии
// Исторический вестник. – 1901, февраль. – С. 665.

Там же. – С. 666.

421

Устное сообщение краеведа из Великого Устюга Л. Н. Даниловой.

Амалицкий В. П. По Ледовитому океану и Печоре. Путевые впечатления. – Варшава, 1903. – С. 15.

Чехов Ал. Исторический момент в области современной геологии
// Исторический вестник. – 1901, февраль. – С. 667.

Правительственный вестник. – 1900. – 29 декабря (№ 288). – В нескольких недавних работах говорится, что Амалицкий всё же продал два скелета за границу (Петухов, 1993; Буланов, 2007; Нелихов, 2011). Ошибка возникла по вине журнала «Нива» (№ 6, 1901), который плохо пересказал заметку А. А. Иностранцева из газеты «Правительственный вестник». Указывая на высокую стоимость окаменелостей, журналист вместо «археоптерикс» написал «один экземпляр скелета»; вместо «мегатерий» – «скелет, приобретенный миланским музеем». Получилось, словно речь идёт о скелетах парейазавров, что не соответствует действительности.

Иностранцев А. А. Замечательные находки древних ископаемых животных в побережьи Северной Двины // Правительственный вестник. – 1900. – 16 ноября (№ 257).

Новости и Биржевая газета. – 1897. – 17 августа (№ 225).

Протоколы заседаний за 1901 год // Труды Императорского Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей. – 1901. – Т. XXXII, вып. 1, № 1. – С. 12.

С.-Петербургские ведомости. – 1900. – 29 декабря (№ 356).

Новое Время. – 1901. – 6 января (№ 8930).

Рнацкий Б. Отделение биологии варшавского общества естествоиспытателей // Варшавский дневник. – 1901. – 16 февраля (№ 46).

Б.Р. Замечательное палеонтологическое открытие // Новости и Биржевая газета. – 1901. – 5 января (№ 5).

Гигантское пресмыкающееся – парейазавр // Нива. – 1901. – № 6; Интересные раскопки // Вокруг света. – 1902. – № 25; Гигантские пресмыкающиеся в пермских отложениях России // Научное обозрение. – 1901. – № 8; Ископаемый ящер // Огонёк (приложение к «Биржевым ведомостям»). – 1901. – № 2.

Die Entdeckung riesiger Repetilich in den Permischen Ablagerungen Russlands // Die Umschau. – 1901. – № 25; Academie des sciences // La Nature. – 1900/1901. – № 29; Gigantic Permian Anomodonts at Sokolki, Russia // Nature. – 1901. – Vol. 64, № 1653.

Largelamb H. A. Extinct reptiles found in nodules // The National Geographic. – 1906. – № 3 (March).

Un animal de hace diez millones de años. Hallazgo notable //
Alrededor del Mundo. – 1901. – 19 septiembre. – Пер. с исп. А. И.
Константинова.

Prehistoric Relics. Found in Russia by Professor from University of Warsaw // L'Abeille de la Nouvelle-Orléans. – 1900. – 4 июля (со ссылкой на *Daily Mail*).

Новости и Биржевая газета. – 1901. – 19 октября (№ 288).

438

Ценные раскопки // Киевлянин. – 1900. – 10 марта (№ 70).

439

По телефону из Москвы // Петербургская газета. – 1901. – 19 октября (№ 287).

Крупин А. По улицам Архангельска бродили мамонты // Независимый взгляд. – 2006. – 5 декабря.

Чехов Ал. (А. Седой). Палеонтологические раскопки проф. В. П. Амалицкого // Иллюстрированное приложение к газете «Новое Время». – 1901. – 10 января (№ 8934).

442

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л. 58.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений. Т. 11. Письма. Июль 1902 – декабрь 1903. – М., 1982. – С. 633.

Скальковский К. Письмо в редакцию // Новое Время. – 1901. – 11 января (№ 8935).

Розанов В. О недостатке у нас научной гордости // Новое
Время. – 1901. – 8 февраля (№ 8963).

Скальковский К. Ещё о научной гордости (Письмо в редакцию) // Новое Время. – 1901. – 17 февраля (№ 8971).

Палеонтологические раскопки проф. В. П. Амалицкого // Северный край. – 1901. – 15 января (№ 13); Московские ведомости. – 1901. – 13 февраля (№ 43) и т. д.

Курьер. – 1901. – 17 октября (№ 287).

Русские ведомости. – 1901. – 18 октября (№ 288).

Толмачёв И. П. Обзор деятельности XI съезда русских естествоиспытателей и врачей по геологии и соприкасающимся с нею отраслям знания // Самообразование. – 1902. – № 21. – Стлб. 653.

Среди учёных // Новости дня. – 1901. – 21 октября (№ 6594).

В обществе испытателей природы // Русское слово. – 1901. – 18 октября (№ 287).

453

Устное сообщение научного сотрудника ПИН РАН В. К. Голубева.

Шимкевич В. М. Биология на XI съезде естествоиспытателей и врачей. III // Самообразование. – 1902. – № 20. – Стлб. 620.

Толмачёв И. П. Обзор деятельности XI съезда русских естествоиспытателей и врачей по геологии и соприкасающимся с нею отраслям знания // Самообразование. – 1902. – № 21. – Стлб. 652.

Largelamb H. A. Extinct reptiles found in nodules //The National Geographic. – 1906. – № 3.

457

В научном музее // Пермский край. – 1902. – 21 августа (№ 461).

Боммели Р. История Земли. – СПб., 1912. – С. 519.

Дневник XI-го съезда русских естествоиспытателей и врачей (в С.-Петербурге 20–30 декабря 1901 года). – СПб., 1902. – С. 380.

Дневник XI-го съезда русских естествоиспытателей и врачей (в С.-Петербурге 20–30 декабря 1901 года). – СПб., 1902. – С. 603.

461

АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 31. Л. 71.

462

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 3.

463

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 26, 29.

464

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 4.

465

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 15.

466

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л. 138-об.

Орлов Ю. А. В мире древних животных. Очерки по палеонтологии позвоночных. – М., 1989. – С. 12.

468

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 2.

469

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л. 112-об.

470

МУК Котласский краеведческий музей. Ф. 30. Оп. 1. Д. 1

Труды Императорского Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Протоколы заседаний. – 1901. – Т. XXXII, № 6. – С. 285–286.

472

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 32.

473

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 23.

Отчёт о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1902 год. – СПб., 1903. – С. 139.

Жандр А. А. Памяти Владимира Прохоровича Амалицкого // Протоколы заседаний общества естествоиспытателей при Донском университете (годы 1916–1918). – Ростов-на-Дону, 1919. – Вып.1. – С. 26.

476

Рассказал научный сотрудник ПИН РАН А. С. Раутиан.

477

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 33.

478

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.

479

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 40.

Чехов Ал. (А. Седой). Палеонтологические раскопки проф. В.П. Амалицкого // Иллюстрированное приложение к газете «Новое Время». – 1901. – 10 января (№ 8934).

481

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 20.

О палеонтологических раскопках на Северной Двине //
Правительственный вестник. – 1904. – 11 января (№ 8).

483

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 51. Л. 2-об.

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 21, 28–29.

485

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 26.

486

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 27

487

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 27.

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 28.

489

РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6, № 79. Л. 1.

490

РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6, № 79. Л. 2.

Пермские губернские ведомости. – 1902. – 1 августа (№ 165).

Отчёт Пермского научно-промышленного музея за 1902 год. –
Пермь, 1903. – С. 8.

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 34.

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 35.

Я-ц. Замечательное открытие русского естествоиспытателя // Московские ведомости. – 1901. – 8 ноября (№ 308).

496

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 99. Л. 6.

497

С. Об ископаемых ящерах // Варшавский дневник. – 1902. – 5 марта (№ 63).

Иностранцев А. А. Замечательные находки древних ископаемых животных в побережьи Северной Двины // Правительственный вестник. – 1900. – 14 ноября (№ 256); 16 ноября (№ 257).

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 72.

О палеонтологических раскопках на Северной Двине //
Правительственный вестник. – 1904. – 11 января (№ 8).

501

Там же.

Амалицкий В. П. Отчёт о Северо-Двинских раскопках за 1914 г. // Труды Геологического и Минералогического музея Академии наук. – Пг., 1922. – Т. III, вып. 3. – С. 116.

Амалицкий В. П. Геологическая экскурсия на север России. VI. О новых позвоночных и растениях, найденных в глоссоптериевом типе пермских отложений Сухоны и Сев. Двины // Труды Варшавского общества естествоиспытателей. № 6. Год IX, 1898. Отделение биологии. – Варшава, 1898. – С. 4.

Лекция В. П. Амалицкого // Пермские губернские ведомости. – 1902. – 21 августа (№ 180).

505

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л. 59.

506

АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 711. Л. 37-об.

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 76.

Там же. – С. 77.

509

Там же.

510

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 44.

Интересные раскопки // Вокруг света. – 1902. – № 25.

Амалицкий В. П. Отчёт о Северо-Двинских раскопках за 1914 г. // Труды Геологического и Минералогического музея Академии наук. – Пг., 1922. – Т. III, вып. 3. – С. 114.

513

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 51. Л. 7-об.

514

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 45.

515

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 51. Л. 8-об.

516

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 51. Л. 9.

517

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 46.

518

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

519

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л. 3.

520

ЦАНО. Ф. 2082. Оп. 2. Д. 92. Л. 1.

521

ЦАНО. Ф. 2082. Оп. 2. Д. 92. Л. 23-об.

522

ЦАНО. Ф. 2082. Оп. 2. Д. 92. Л. 6-об.

Варшавский дневник. – 1905. – 14 января (№ 14).

524

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 12, 6.

525

Накануне победы // Варшавский дневник. – 1905. – 8 января
(№ 8).

526

Западный голос. – 1905. – 23 января (№ 107).

527

Там же. – 1905. – 21 января (№ 105).

Н. Пробуждение здравого смысла // Варшавский дневник. – 1905. – 20 февраля (№ 51).

Иванов А. Е. Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // Отечественная история. – 1997. – № 6. – С. 26.

Варшавский дневник. – 1905. – 22 марта (№ 81).

531

Там же. – 1905. – 24 марта (№ 83).

532

Там же. – 1905. – 1 июня (№ 149).

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 28.

Отчёт о деятельности Императорской Академии Наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1909 год. – СПб., 1909. – С. 51.

Варшавский дневник. – 1905. – 8 февраля (№ 39).

536

Там же. – 1905. – 23 сентября (№ 262).

Русский студент 3 курса. Причины коллективного выхода русских студентов из Варшавского университета // Варшавский дневник. – 1905. – 1 октября (№ 270).

Варшавский дневник. – 1905. – 8 октября (№ 277).

Там же. – 1905. – 12 октября (№ 281).

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 36.

Толстой И. И. Дневник 1906–1916. – СПб., 1997. – С. 38.

Документы о деятельности Д. М. Петрушевского в Варшавском университете (вступительная статья и публикация Ю. Ф. Иванова) // История и историки. Историографический ежегодник, 1981. – М., 1985.

Варшавский дневник. – 1905. – 15 октября (№ 284).

Там же. – 1905. – 19 октября (№ 288).

545

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 38.

546

Варшавский дневник. – 1905. – 26 октября (№ 295).

Варшавский дневник. – 1905. – 18 ноября (№ 316).

Там же. – 1905. – 20 ноября (№ 318).

В Польше // Русское слово. – 1906. – 6 августа (№ 196).

Делёж культурного наследия (К вопросу о судьбе Варшавского университета) // Русская школа. – 1907. – Т. 1, № 1. – С. 54.

Карпачев Д. М. Воронежский университет: Вехи истории. 1918–2003. – Воронеж, 2003. – С. 21.

Жандр А. А. Памяти Владимира Прохоровича Амалицкого // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Донском университете (годы 1916–1918). – Ростов-на-Дону, 1919. – Вып. 1. – С. 27.

Журналы XLII очередного и чрезвычайного Смоленских Губернских Земских Собраний. – Смоленск, 1907. – С. 51–52.

Волков М. Ф. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума. 1 декабря 1906 г. – 6 декабря 1909 г.: Воспоминания и заметки. – Саратов, 2015. – С.77.

Там же. – С. 76.

Семёнов-Тян-Шанский В. П. То, что прошло. Т. 1. – М., 2009. – С. 505.

Волков М. Ф. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума. 1 декабря 1906 г. – 6 декабря 1909 г.: Воспоминания и заметки. – Саратов, 2015. – С.30.

Петербургский листок. – 1907. – 6 февраля (№ 36).

Где будет новый университет // Русская школа. – 1907. – Т. 1, № 2. – С. 83.

Семёнов-Тян-Шанский В. П. То, что прошло. Т. 1. – М., 2009. – С. 44.

Волков М. Ф. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума. 1 декабря 1906 г. – 6 декабря 1909 г.: Воспоминания и заметки. – Саратов, 2015. – С. 97.

Волков М. Ф. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума. 1 декабря 1906 г. – 6 декабря 1909 г.: Воспоминания и заметки. – Саратов, 2015. – С. 145.

563

ЦАНО. Ф. 2082. Оп. 2. Д. 92. Л. 67.

О политехническом институте // Донская жизнь. – 1908. – 16 февраля (№ 39).

Г-ой. Где же строить политехникум? // Донская жизнь. – 1908. – 22 февраля (№ 44).

Список гражданским чинам первых трёх классов. Ч. 1. – СПб., 1914. – С. 378.

Волков С. В. Высшее чиновничество Российской империи. – М., 2016. – С. 27.

Тимофеев В. Пятидесятилетие С.-Петербургского Николаевского сиротского института. 1837–1887. Исторический очерк. – СПб., 1887. – С. 50.

Российский медицинский список, изданный медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1896 год. – СПб., 1896. – С. 333.

570

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 28–29.

571

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 26–27.

572

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 7.

573

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 24-об.

574

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 14-об.

575

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 1-1-об.

576

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 23.

577

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 46–47-об.

Донская жизнь. – 1908. – 23 августа (№ 194).

579

ЦАНО. Ф. 2082. Оп. 2. Д. 92. Л. 65.

Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. – М., 1996. – Т. 1. – С. 363.

Памятная книжка Варшавской губернии на 1913 год. – Варшава, 1913. – С. 127.

Памятная книжка Варшавской губернии на 1911 год. – Варшава, 1911. – С. 100.

Варшавский дневник. – 1901. – 15 июня (№ 161).

584

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л. 10-об.

Письмо профессора А. А. Иностранцева к профессору В. П. Амалицкому // Известия Императорской Академии Наук. – 1908. – VI серия, № 14. – С. 1096.

Письмо профессора А. А. Иностранцева к профессору В. П. Амалицкому // Известия Императорской Академии Наук. – 1908. – VI серия, № 14. – С. 1096.

Труды Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук. Т. V. Годовой отчёт Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук за 1910 год. – СПб., 1911. – С. 4.

Там же. Т. IV. Годовой отчёт Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук за 1909 год. – СПб., 1910. – С. 4.

Труды Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук. Т. III. Годовой отчёт Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук за 1908 год. – СПб., 1909. – С. 5.

Там же. Т. V. Годовой отчёт Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук за 1910 год. – СПб., 1911. – С. 3.

Допотопное чудовище // Петербургский листок. – 1910. – 13 мая (№ 129); Допотопное чудовище // Петербургская газета. – 1900. – 10 июня (№ 156).

Вымершие великаны (Из области геологии) // Вокруг света. – 1902. – № 24. – С. 378.

Гигантский скелет животного, жившего много миллионов лет назад // Наше время. – 1907. – 31 мая (№ 23).

594

Допотопное чудовище // Петербургский листок. – 1910. – 13 мая
(№ 129).

Труды Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук. Т. V. Годовой отчёт Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук за 1910 год. – СПб., 1911. – С. 22.

Павлова М. В. Вымершие пресмыкающиеся // Природа. – 1917. – № 9–10. – Стлб. 951.

597

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 87. Л. 6.

598

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 345. Л. 5-об.

Труды Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук. Т. IV. Годовой отчёт Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук за 1909 год. – СПб., 1910. – С. 7.

Амалицкий В. П. Отчёт о Северо-Двинских раскопках за 1914 г. // Труды Геологического и Минералогического музея Академии наук. – Пг., 1922. – Т. III, вып. 3. – С. 116.

Труды Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук. Т. V. Годовой отчёт Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук за 1910 год. – СПб., 1911. – С. 23.

Отчёт о деятельности Императорской Академии Наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1909 год. – СПб., 1909. – С. 51.

Там же. – С. 58.

Труды Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук. Т. VII. Годовой отчёт Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук за 1912 год. – СПб., 1913. – С. 7.

Там же. Т. VI. Годовой отчёт Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук за 1911 год. – СПб., 1912. – С. 5; Т. VII. Годовой отчёт Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук за 1912 год. – СПб., 1913. – С. 2.

Отчёт о деятельности Императорской Академии Наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1913 год. – СПб., 1913. – С. 58.

Труды Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук. Т. VII. Годовой отчёт Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук за 1912 год. – СПб., 1913. – С. 2.

Отчёт о деятельности Императорской Академии Наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1913 год. – СПб., 1913. – С. 59.

Отчёт о деятельности Императорской Академии Наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1909 год. – СПб., 1909. – С. 51.

Труды Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук. Т. IV. Годовой отчёт Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук за 1909 год. – СПб., 1910. – С. 7.

611

АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 711. Л. 6-об.-7.

612

АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 711. Л. 10.

Труды Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук. Т. VII. Годовой отчёт Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук за 1912 год. – СПб., 1913. – С. 32.

Амалицкий В. П. Отчёт о Северо-Двинских раскопках за 1914 г. // Труды Геологического и минералогического музея Академии наук. – Пг., 1922. – Т. III, вып. 3. – С. 113.

615

Архив ПИН РАН. Материалы Северо-Двинской комиссии.
Письмо П. Прюво М. Д. Залесскому от 27.03.1926.

Булатов В. Адмирал Кузнецов. – М., 2006. – С. 50–51.

Амалицкий В. П. Отчёт о Северо-Двинских раскопках за 1914 г. // Труды Геологического и Минералогического музея Академии наук. – Пг., 1922. – Т. III, вып. 3. – С. 113–114.

618

Там же – С. 115.

Труды Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук. Т. VIII. Годовой отчёт Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук за 1913 год. – СПб., 1914. – С. 15.

620

Архив ПИН РАН. Полевой дневник В. П. Амалицкого за 1913 год.

621

АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 711. Л. 56-об.

622

ЦАНО. Ф. 2082. Оп. 2. Д. 92. Л. 334-об.

Варшавский дневник. – 1914. – 13 мая (№ 131).

624

ЦАНО. Ф. 2082. Оп. 2. Д. 92. Л. 248.

625

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л. 33.

Варшавский дневник. – 1914. – 20 июля (прибавление к № 198).

Амалицкий В. П. Отчёт о Северо-Двинских раскопках за 1914 г. // Труды Геологического и Минералогического музея Академии наук. – Пг., 1922. – Т. III, вып. 3. – С. 116–117.

Н. Т. Жуткие дни в Варшаве // Варшавский дневник. – 1914. – 14 октября (№ 269).

В политехникуме // Варшавская мысль. – 1914. – 10 ноября
(№ 313).

К.П. Горе варшавского политехникума // Вечернее Время. – 1915. – 5 октября (№ 1260).

631

Варшавский политехникум в Н.-Новгороде // Волгарь. – 1916. – 5 июля (№ 181).

Варшавский дневник. – 1914. – 21 декабря (№ 337).

633

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л. 50–50-об.

634

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л. 28.

635

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 42-об.

636

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 80. Л. 44–45.

637

Бомбы и стрелы с аэроплана // Варшавский дневник. – 1914. – 29 мая (№ 149).

Сенченкова Е. М. М. С. Цвет – создатель хроматографии. – М., 1997. – С. 159.

639

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 345. Л. 4-об.

640

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 345. Л.7.

641

АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 711. Л. 79.

К.П. Горе варшавского политехникума // Вечернее Время. – 1915. – 5 октября (№ 1260).

*К. П. Школьные заметки // Вечернее Время. – 1915. – 16 октября
(№ 1271).*

Волгарь. – 1916. – 8 сентября (№ 246).

М. Нижегородский политехнический институт (Беседа с директором Варшавского политехнического института В.П. Амалицким) // Голос Волги. – 1916. – 19 июня (№ 74).

646

Волгарь. – 1916. – 17 августа (№ 224).

647

Вести о политехникуме. Изменение в программе торжеств // Нижегородский листок. – 1916. – 1 октября (№ 269).

Торжество открытия Варшавского политехнического института в Н.-Новгороде // Волгарь. – 1916. – 2 октября (№ 270).

649

Там же.

Торжественное открытие политехнического института в Н.-Новгороде // Голос Волги. – 1916. – 2 октября (№ 145).

651

ЦАНО. Ф. 2082. Оп. 1. Д. 113. Л. 109-об.

Памятная книжка Варшавской губернии на 1911 год. – Варшава, 1911. – С. 122.

Варшавский политехникум в Н.-Новгороде // Волгарь. – 1916. – 11 июля (№ 187).

654

Вести о политехникуме. Из студенческой столовой //
Нижегородский листок. – 1916. – 21 октября (№ 269).

655

Дачник. Дачные картинки // Голос Волги. – 1916. – 14 июля (№ 69).

656

Непомерная дороговизна спичек // Голос Волги. – 1916. – 2 августа (№ 88).

657

По городу. Возвратные хвосты // Козьма Минин. – 1916. – 18 февраля (№ 6).

Труды Императорского Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т. XXXII. Протоколы заседаний. – 1901. – № 6. – С. 286.

Амалицкий В. П. Раскопки древних позвоночных животных на севере России // Мир Божий. – 1901. – Кн. 1, отд. 2. – С. 77.

Северо-Двинские раскопки профессора В. П. Амалицкого.
Dvinosauridae. – Пг., 1921.

661

АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 711. Л. 40–40-об.

Конжукова Е. Д. Пермские и триасовые лабиринтодонты Поволжья и Приуралья // Материалы по пермским и триасовым наземным позвоночным СССР. – М., 1955. – С. 56.

663

Организация научного общества // Волгарь. – 1917. – 27 февраля
(№ 56).

Рахмилъ И. Осколок «безкровной» (Воспоминания о первых днях революции) // Родные перезвоны. – 1969. – № 202.

665

ЦАНО. Ф. 2082. Оп. 1. Д. 66. Л. 324.

Блох Ю. И. Крутые виражи Дмитрия Артемьева // Природа. – 2010. – № 7.

История переезда и реформации Варшавского политехнического института подробно изложена в книге В. Б. Рыбьева и Т. Ю. Полянской «Бывший Варшавский, ныне Нижегородский политехнический институт» (Н. Новгород, 2007), однако пользоваться книгой затруднительно из-за большого числа ошибок. Например, в ней говорится, что Анна Петровна Амалицкая по образованию была «геолог-палеонтолог»; Палеонтологический музей назван Московским палеонтологическим музеем, Московским Археологическим музеем и т. д.

Архив новейшей истории России. Журналы заседаний
Временного правительства в четырёх томах. Т. 1. Март – апрель 1917
года. – М., 2001. – С. 252–253.

Жандр А. А. Памяти Владимира Прохоровича Амалицкого // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Донском университете. Годы 1916–1918. – Ростов- на-Дону, 1919. – Вып.1. – С. 32.

Бараков П. Василий Васильевич Докучаев. Биографический очерк // Ежегодник по геологии и минералогии России. – Новая Александрия, 1904. – Т. VII. – С. 9.

671

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л. 3, 10-об.

672

АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 711. Л. 42.

673

АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 711. Л. 46-об.

674

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л. 44.

675

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л. 41, 46.

676

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 45. Л. 42-об.

677

АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 711. Л. 43.

678

Архив ПИН РАН. Материалы Северо-Двинской комиссии.

679

Катастрофа на железн. дорогах // Волгарь. – 1917. – 17 декабря
(№ 293).

680

Железнодорожные ужасы // Волгарь. – 1917. – 28 декабря
(№ 300).

Волгарь. – 1917. – 22 декабря (№ 297).

Амалицкая А. Профессор Владимир Прохорович Амалицкий // Записки Северодвинского общества изучения местного края. – Великий Устюг, 1925. – Вып. 1.

683

АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 711. Л. 48; АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л.
48.

684

Рабочий Нижегородский Листок. – 1918. – 4 января (№ 5).

685

ЦАНО. Ф. 2082. Оп. 1. Д. 110. Л. 102-об.-103.

Известия Российской Академии Наук. VI серия. – Т. 12, вып. 7. – 1918. – С. 485–486.

687

АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 711. Л. 68.

Письмо А. Е. Нелихову от краеведа из Кисловодска В. С. Яновского от 17 февраля 2011 г.

689

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л. 110.

690

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л. 112-об.

691

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 45. Л. 45.

692

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 45. Л. 49-об.

693

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 45. Л. 49.

694

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 45. Л. 50.

695

Архив внучки А. А. Борисяка, геолога И. В. Бодылевской.

696

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 95. Л. 106.

Архив внучки А. А. Борисяка, геолога И. В. Бодылевской.

АРАН. Ф. 128. Оп. 2. Д. 6. Л. 16.

Геккер Р. Ф. На силурийском плато. Очерки по истории геологических знаний. – М., 1987. – С. 27.

700

Архив ПИН РАН. Материалы Северо-Двинской комиссии.

701

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1600. Л. 4.

Тимофеев В. М. А. А. Иностранцев (12 июля 1843 г. – 31 декабря 1919 г.) // Геологический вестник. – Пг., 1921. – Т. 4: 1918–1921. – С. 205.

703

Архив ПИН РАН. Материалы Северо-Двинской комиссии.

704

Архив ПИН РАН. Материалы Северо-Двинской комиссии.

705

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 97. Л. 2.

706

ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 597. Л. 30.

Вавилова М. А. Михаил Борисович Едемский (1870–1933). Из истории вологодского краеведения. – Вологда, 2011. – С. 33.

Едемский М. Б. Район распространения песчаных линз в бассейне р. Северной Двины // Труды Геологического музея Академии наук СССР. – Л., 1928. – Т. IV. – С. 207.

Вавилова М. А. Из истории вологодского краеведения. Михаил Борисович Едемский (1870–1933 гг.) // Вологда. Краеведческий альманах. – Вологда, 2000. – Вып. 3.

710

Архив ПИН РАН. Материалы Северо-Двинской комиссии.

Едемский М. Б. Краткий отчёт о поездке на место раскопок, производившихся в местечке Соколки на Малой Северной Двине профессором В. П. Амалицким, научных сотрудников Академии наук А. П. Амалицкой и М. Б. Едемского в октябре 1922 года // Палеонтология и стратиграфия перми и триаса Северной Евразии. Материалы V Меж- дународной конференции. – М., 2010. – С. 33.

Едемский М. Б. Северо-Двинская Экспедиция Российской Академии Наук в 1923 г. // Природа. – 1923. – № 7–12.

713

АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 676. Л. 5.

Едемский М. Б. Северо-Двинская Экспедиция Российской Академии Наук в 1923 г. // Природа. – 1923. – № 7–12. – Стлб. 41.

Едемский М. Б. Письмо директору Геологического Отделения Геологического и Минералогического Музея РАН от начальника Северо-Двинской Экспедиции РАН М. Б. Едемского // Палеонтология и стратиграфия перми и триаса Северной Евразии. Материалы V Международной конференции. – М., 2010. – С. 34.

Борисяк А. А. Работы П. П. Сушкина в области палеозоологии позвоночных // Труды Геологического музея Академии наук СССР. – Л., 1929. – Т. VI. – С. 1.

717

Устное сообщение И. В. Бодылевской.

718

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1600. Л. 6-об.-7.

719

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1600. Л. 17.

720

АРАН. Ф. 467. Оп. 4. Д. 55. Л. 15-об.

Борисяк А. А. Работы П. П. Сушкина в области палеозоологии позвоночных // Труды Геологического музея Академии наук СССР. – Л., 1929. – Т. VI. – С. 2.

Мензбир М. А. Пётр Петрович Сушкин // Природа. – 1928. – № 11. – Стлб. 946.

723

АРАН. Ф. 467. Оп. 4. Д. 55. Л. 18.

724

Архив внучки А. А. Борисяка, геолога И. В. Бодылевской.

725

Архив внучки А. А. Борисяка, геолога И. В. Бодылевской.

Сушкин П. П. Северо-Двинская галерея Академии Наук // Наука и её работники. – 1922. – № 5. – С. 6.

Едемский М. Б. Судьба Варшавских коллекций проф. В. П. Амалицкого // Палеонтология и стратиграфия перми и триаса Северной Евразии. Материалы V Международной конференции. – М., 2010. – С. 37.

Архив ПИН РАН. Материалы Северо-Двинской комиссии.

И. П. Музейная конференция в Петрограде // Человек и природа. – 1923. – № 8–9. – Стлб. 90.

730

Архив научного сотрудника ПИН РАН П. К. Чудинова. Кузнецов.
Воспоминания.

Гатуев С. А. Геологический музей Академии наук СССР // Человек и природа. – 1925. – № 9.

Архив ПИН РАН. Материалы стенгазет Палеонтологического института.

АРАН, Р. IV. Оп. 1. Д. 1134. Л. 162–163.

Измайлов Н. В. Из воспоминаний о Пушкинском Доме (1918–1928) // Русская литература. – 1981. – № 1.

Наливкин Д. В. Наши первые женщины-геологи. – Л., 1979. – С. 57.

Петров В. П. Воспоминания о камне и о людях, связанных с наукой о камне. – М., 2005. – С. 86–87.

737

Устное сообщение И. В. Бодылевской.

Амалицкая А. П. На Югорском Шаре. Страничка из дневника путешествия по Ледовитому океану // Человек и природа. – 1924. – № 1; *Амалицкая А. П.* От Архангельска по Белому морю и Ледовитому океану до устья Печоры (Выборки из дневников и путевых заметок проф. В. П. Амалицкого) // Известия Государственного Русского Географического общества. – 1930. – Т. LXII, вып. 1; *Амалицкая А.* Профессор Владимир Прохорович Амалицкий // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. – Великий Устюг, 1925. – Вып. 1; *Амалицкая А. П.* Северо-Двинские ископаемые чудовища // Человек и природа. – 1923. – № 8–9.

739

АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 4. Л. 1-4.

740

Отчёт о деятельности Академии наук СССР за 1926 год. Т. 1:
общий отчёт. – 1927.

Геккер Р. Ф. На силурийском плато. Очерки по истории геологических знаний. – М., 1987. – С. 26.

742

АРАН. Ф. 544. Оп. 8. Д. 460. Л. 4.

Архив И. В. Бодылевской. Письма В. Смирнова А. А. Борисяку.

Едемский М. Б. Северо-Двинская Экспедиция Российской Академии Наук в 1923 г. // Природа. – 1923. – № 7–12.

Отчёт о деятельности Академии наук СССР за 1926 год. Т. 2:
отчёт о научных командировках и экспедициях. – Л., 1927. – С. 71–72.

746

РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 34. Л. 6.

747

РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 34. Л. 9.

Едемский М. Б. Неизданные труды В. П. Амалицкого по геологическим исследованиям его в бассейне реки Северной Двины // Труды Геологического музея Академии наук СССР. – Л., 1929. – Т. V;
Едемский М. Владимир Прохорович Амалицкий (1860–1917) // Амалицкий В. П. Дневник наблюдений по Малой Северной Двине. – Л., 1931.

Нелихов А. Е., Голубев В. К., Сенников А. Г. 130 лет со дня рождения А. П. Гартман-Вейнберг // Палеонтологический журнал. – 2012. – № 6. – С. 97.

750

Архив ПИН РАН. Материалы Северо-Двинской комиссии.

Отчёт о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических республик за 1927 год. Т. 2: отчёт о научных командировках и экспедициях. – Л., 1928. – С. 81.

Отчёт о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических республик за 1929 год. Т. 1: общий отчёт. – Л., 1930. – С. 127.

Отчёт о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических республик за 1929 год. Т. 2: отчёт о научных командировках и экспедициях. – Л., 1930. – С. 23.

754

Архив И. В. Бодылевской. Письма А. П. Гартман-Вейнберг А. А.
Борисяку.

755

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 8. Л. 1431–1432.

Вишневский Б. Двухсотлетие Российской Академии Наук // Человек и природа. – 1924. – № 2. – Стлб. 178.

757

РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 62. Л. 5.

758

Архив ПИН РАН. Материалы Северо-Двинской комиссии.

Amalitzky V. Diagnoses of the new forms of Vertebrates and Plants from the Upper Permian on North Dvina // Известия Российской Академии наук. – 1922. – Т. 25, вып. 6. – № 1.

Ивахненко М. Ф. Тетраподы Восточно-Европейского плаката –
позднепалеозойского территориально-природного комплекса. –
Пермь, 2001. – С. 20.

Амалицкий В. П. Северо-двинский тероцефал *Anna petri* gen. et sp. nov. – Л., 1927.

762

АРАН. Ф. 467. Оп. 4. Д. 55. Л. 15-об.

Архив И. В. Бодылевской. Письма Ю. А. Орлова А. А. Борисяку.

764

Архив ПИН РАН. Материалы Северо-Двинской комиссии.

765

АРАН. Ф. 669. Оп. 1. Д. 29. Л. 8.

766

АРАН. Ф. 669. Оп. 1. Д. 29. Л. 9.

767

АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1936. Д. 113. Л. 12.

768

Архив ПИН РАН. Материалы по истории Палеонтологического института.

769

АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1936. Д. 113. Л. 10.

770

АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1936. Д. 113. Л. 9.

771

Переписка Ивана Антоновича Ефремова. – М., 2016. – С. 34.

772

АРАН. Ф. 280. Оп. 1–1936. Д. 10. Л. 159, 160.

773

АРАН. Ф. 280. Оп. 1–1936. Д. 10. Л. 12.

774

АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1936. Д. 113. Л. 19.

775

Архив ПИН РАН. Материалы по истории Палеонтологического института.

776

АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 122. Л. 54.

Губкин И. М. Международный геологический конгресс // Правда. – 1937. – 17 июля (№ 195).

778

АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 122. Л. 13.

779

АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1936. Д. 113. Л. 13.

Геккер Р. Ф. Иван Антонович Ефремов // Тафономия и вопросы палеогеографии. – Саратов, 1984. – С. 10.

781

АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1936. Д. 113. Л. 1.

782

АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1937. Д. 132. Л. 13.

Обручев В. А. Международный геологический конгресс // Проблемы советской геологии. – 1937. – Т. 7, № 10. – С. 840.

XVII Международный геологический конгресс // Правда. – 1937. – 21 июля (№ 199).

Открытие XVII Международного геологического конгресса // Правда. – 1937. – 22 июля (№ 200).

786

АРАН. Ф. 455. Оп. 5. Д. 17. Л. 11–12.

787

АРАН. Ф. 455. Оп. 5. Д. 17. Л. 18.

Губкин И. М. Мировые запасы нефти // Правда. – 1937. – 21 июля (№ 199).

Основные итоги советской геологии за 20 лет // Проблемы советской геологии. – 1937. – Т. 7, № 10. – С. 833.

Краткий путеводитель по выставке к XVII международному геологическому конгрессу. – М.—Л., 1937.

791

Архив ПИН РАН.

Православлев П. Памяти А. П. Амалицкой // Природа. – 1940. – № 2; *Орлов Ю. А.* Некролог А. П. Амалицкой // Палеонтологическое обозрение. – 1940. – Вып. 3; *Рябинин А.* Некролог А. П. Амалицкой // Ежегодник Всероссийского палеонтологического общества. – 1945. – Т. 12.

Экскурсия геологов на канале Москва – Волга // Правда. – 1937. – 28 июля (№ 206).

Ваксман С. Вся Земля, или Записки о Родерике Мэрчисоне, короле Пермском, Силурийском и Девонском. – Пермь, 2008. – С. 312.

Впечатления чехословацкого геолога о СССР // Правда. – 1937. – 6 августа (№ 215).

796

АРАН. Ф. 455. Оп. 5. Д. 17. Л. 24.

797

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

Архив ПИН РАН.

799

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 10. Л. 83-об.

800

АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1937. Д. 132. Л. 2.

801

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 10. Л. 21.

802

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 10. Л. 71.

803

Архив ПИН РАН. Материалы по истории Палеонтологического института.

804

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 13. Л. 8-об.

805

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.

806

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 13. Л. 9, 9-об.

Бодылевская И. В. Академик А. А. Борисяк и Палеонтологический институт в годы войны. 1941–1943 гг. – М., 2008. – С. 7.

Штильман А. Большая Калужская, дом № 16. Из книги воспоминаний «Москва, в которой мы жили» // Заметки по еврейской истории. – 2009. – № 19, ноябрь. URL: <http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer19/Shtilman1.php>

809

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 26. Л. 71.

Бодылевская И. В. Академик А. А. Борисяк и Палеонтологический институт в годы войны. 1941–1943 гг. – М., 2008. – С. 36.

811

Там же. – С. 18.

812

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 44. л. 12-об.

Лексин Ю. Долгий и счастливый переезд // Знание – сила. – 1982. – № 11.

814

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 44.

815

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 63. Л. 11.

816

АРАН. Ф. 1653. Оп. 1. Д. 191. Л. 1.

817

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 60. Л. 3–4.

818

Устное сообщение сына И. А. Ефремова, гидрогеолога А. И. Ефремова.

Иван Антонович Ефремов. Переписка с учёными. Неизданные работы. – М., 1994. – С. 107.

820

Устное сообщение палеонтолога В. И. Жегалло.

Лексин Ю. Долгий и счастливый переезд // Знание – сила. – 1982. – № 11.

822

Архив ПИН РАН. Материалы по истории Палеонтологического музея.

823

Там же.

Лексин Ю. Долгий и счастливый переезд // Знание – сила. – 1982. – № 11.

825

Устное сообщение научного сотрудника ПИН РАН О. А. Лебедева.

826

Яковенко Л. А. Фрагменты из воспоминаний о юности, касающиеся Палеонтологического музея (рукопись).

Яковенко Л. А. Стихотворные адреса, преподнесённые мне коллективом ГипроНИИ АН СССР в период работы над проектом Музея (рукопись).

828

Устное сообщение научного сотрудника ПИН РАН М. А. Шишкина.

Яковенко Л. А. Комментарии к истории просчётов и ошибок
(рукопись).

830

Устное сообщение палеонтолога В. И. Жегалло.

Ревзин Г. Уважение к старости // Коммерсантъ Weekend. – 2010. – 5 февраля (№ 4).

Савинская И. Запертые динозавры // Советская культура. – 1987. – 1 сентября (№ 105).

Митурич М. Записки художника. – М., 2009. – С. 215.

834

Устное сообщение дочери М. П. Митурича В. М. Митурич-Хлебниковой.

835

Устное сообщение вдовы Л. П. Дувидова.

Май Митурич: Пасть динозавра раскрывается так... // Культура. – 1999. – 11–17 марта (№ 9).

Митурич М. Записки художника. – М., 2009. – С. 219.

Митурич М. Записки художника. – М., 2009. – С. 219.

Владимиров Н. Арсенал геолога // Известия. – 1984. – 6 августа (№ 219).

Закрытие конгресса геологов // Московский комсомолец. – 1984. – 15 августа (№ 187).

841

Геологическая карта СССР // Правда. – 1937. – 18 июля (№ 196).

Международный форум геологов // Московский комсомолец. – 1984. – 5 августа (№ 179).

Голованов Я. Романтика меняет лик // Комсомольская правда. – 1984. – 14 августа (№ 184).

Подорожанский М. Не только геологам // Московский комсомолец. – 1984. – 12 августа (№ 185).

845

Устное сообщение научного сотрудника ПИН РАН А. С. Раутиана.

846

Устное сообщение научного сотрудника ПИН РАН В. К. Голубева.

Кирпичников А. А. Палеонтология в Китайской народной республике // Известия Академии наук СССР. Серия биологическая. – 1956. – № 6.

Щербань В. О чём плачут динозавры // Известия. – 1987. – 26 декабря (№ 361).

Савинская И. Запертые динозавры // Советская культура. – 1987. – 1 сентября (№ 105).

Золотилова М. Дом для динозавров // Ленинский путь (Вельск). – 1987. – 24 декабря (№ 154).

Ревзин Г. Уважение к старости // Коммерсантъ Weekend. – 2010. – 5 февраля (№ 4).

Устюгов Б. «В Москве слишком много пьют» // Известия. – 2003. – 24 сентября (№ 174).

Борисяк А. Индрикотерий // Человек и природа. – 1924. – № 4. – Стлб. 315.

Розанов В. О недостатке у нас научной гордости // Новое
Время. – 1901. – 8 февраля (№ 8963).

Ивахненко М. Ф. Тетраподы Восточно-Европейского плаката –
позднепалеозойского территориально-природного комплекса. –
Пермь, 2001. – С. 62.

Ефремов И. А. О составе северодвинской фауны пермских амфибий и рептилий из раскопок В. П. Амалицкого // Доклады Академии наук СССР. – 1940. – Т. XXVII, № 8; *Ивахненко М. Ф., Голубев В. К., Губин Ю. М., Каландадзе Н. Н., Новиков И. В., Сенников А. Г., Раутиан А. С.* Пермские и триасовые тетраподы Восточной Европы. – М., 1997.

Ивахненко М. Ф. Тетраподы Восточно-Европейского плаката –
позднепалеозойского территориально-природного комплекса. –
Пермь, 2001. – С. 62.

858

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 51. Л. 8.

859

АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 711. Л. 83-об.

Орлов Ю. А. В мире древних животных. Очерки по палеонтологии позвоночных. – М., 1989. – С. 115.

Быстров А. П. Череп парейазавра // Котилозавры и батрахозавры верхней перми СССР. – М., 1957. – С. 10.

О палеонтологических раскопках на Северной Двине //
Правительственный вестник. – 1904. – 11 января (№ 8).

Ланкестер Э. Рэй. Вымершие животные. – М.—Л., 1936. – С. 117.

Капустин М. Путешествие в глубь веков // Правда. – 1974. – 25 сентября (№ 268).

Я-ц. Замечательное открытие русского естествоиспытателя // Московские ведомости. – 1901. – 16 ноября (№ 316).

Ивахненко М. Ф. Пермские парарептилии СССР. – М., 1987.

Северная Россия в Верхне-Пермскую эпоху // Землеведение. – 1902. – Т. IX. – С. 167.

868

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 44.

Рнацкий Б. Отделение биологии варшавского общества естествоиспытателей // Варшавский дневник. – 1901. – 16 февраля (№ 46).

870

В научном музее // Пермский край. – 1902. – 21 августа (№ 461).

871

Рнацкий Б. Отделение биологии варшавского общества естествоиспытателей // Варшавский дневник. – 1901. – 16 февраля (№ 46); Курьер. – 1901. – 19 октября (№ 289).

Иностранцев А. А. Геология. Общий курс. Лекции, читанные студентам Императорского С.-Петербургского университета. Т. 2: Историческая геология. – СПб., 1912. – С. 228.

873

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.

874

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 51. Л. 7.

875

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 51. Л. 7-об.

876

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 51. Л. 8.

877

Там же.

878

Там же.

Сушкин П. П. Северо-Двинская галерея // Путеводитель по Геологическому и Минералогическому музею Российской Академии Наук. Геологическое отделение. I. Остеологический Отдел. Северо-Двинская Галерея. – Л., 1924. – С. 47.

Ефремов И. А. О происхождении пермской фауны наземных позвоночных СССР // Природа. – 1936. – № 1.

Вальтер И. История земли и жизни. – СПб., 1911. – С. 278.

Орлов Ю.А. В мире древних животных. Очерки по палеонтологии позвоночных. – М., 1989. – С. 115.

883

Устное сообщение научного сотрудника ПИН РАН О. А. Лебедева.

Ивахненко М. Ф. Тетраподы Восточно-Европейского плаката –
позднепалеозойского территориально-природного комплекса. –
Пермь, 2001. – С. 57.

Сумин Д. Л. О возможном объекте питания палеозойских наземных четвероногих с фильтрующим зубным аппаратом // IV Всероссийская конференция «Палеонтология и стратиграфия перми и триаса Северной Евразии», посвящённая 50-летию начала раскопок Очёрского местонахождения пермских тетрапод. – М., 2002.

Ивахненко М. Ф., Корабельников В. А. Живое прошлое Земли. Книга для учащихся. – М., 1987. – С. 165.

Ивахненко М. Ф. Пермские парарептилии СССР. – М., 1987. – С. 83.

888

Аудиозаписи бесед с М. Ф. Ивахненко (предоставил В. К. Голубев).

Ивахненко М. Ф. Тетраподы Восточно-Европейского плаката –
позднепалеозойского территориально-природного комплекса. –
Пермь, 2001. – С. 105.

Буланов В.В. Северодвинские сокровища палеонтологии. – Архангельск, 2007. – С. 35.

891

Там же. – С. 37.

Ивахненко М. Ф. Итоги изучения тероцефалов Восточной Европы
// Палеонтология и стратиграфия перми и триаса Северной Евразии:
Материалы V Международной конференции. – М., 2010. – С. 71.

893

Ивахненко М. Ф. Тероморфы Восточной Европы (рукопись).

Ивахненко М. Ф. Морфология черепа *Dvinia prima* Amalitzky (Synodontia, Theromorpha) // Палеонтологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 91.

Сушкин П. П. Permocynodon, новый род Synodontia (автореф.) // Труды Третьего Всероссийского Съезда Зоологов, Анатомов и Гистологов в Ленинграде 14–20 декабря 1927 г. – Л., 1928.

896

АРАН. Ф. 316. Оп. 1. Д. 74. Л. 47.

Борисяк А. А. Работы П. П. Сушкина в области палеозоологии позвоночных // Труды Геологического музея Академии наук СССР. – Л., 1929. – Т. VI. – С. 6.

Сушкин П. П. К этологии *Dicynodon* // Доклады Российской Академии наук. – Пг., 1922. – С. 11–12.

Куркин А. П. Позднепермские дицинодонты Восточной Европы: морфология, систематика, аспекты биологии: дис. на степень канд. биол. наук. – М., 2012. – С. 335–336.

900

Устное сообщение научного сотрудника ПИН РАН М. А. Шишкина.

Ивахненко М. Ф. Тетраподы Восточно-Европейского плаката –
позднепалеозойского территориально-природного комплекса. –
Пермь, 2001. – С. 39.

902

Наблюдение научного сотрудника ПИН РАН В. К. Голубева.

903

Устное сообщение научного сотрудника ПИН РАН В. К. Голубева.

Ульяхин А. Неотенические динозавры // Элементы. ру. – 2018. – 10 января.

905

Устное сообщение научного сотрудника ПИН РАН В. К. Голубева.

Буланов В. В. Северодвинские сокровища палеонтологии. – Архангельск, 2007. – С. 45.

Буланов В. В. Трофические адаптации сеймуриаморф (Parareptilia) и положение группы в структуре водных сообществ конца палеозоя // Эволюция биосферы и биоразнообразия. К 70-летию А. Ю. Розанова. – М., 2006. – С. 404.

Ивахненко М. Ф. Тетраподы Восточно-Европейского плаката –
позднепалеозойского территориально-природного комплекса. –
Пермь, 2001. – С. 9.

909

Устное сообщение научного сотрудника ПИН РАН В. К. Голубева.

Разъяснения о сходстве и различии пурсонгий и глоссоптерисов дали палеоботаники С. В. Наугольных и Е. В. Карасев.

Еськов К. О пользе коллекционирования марок // Знание – сила. – 2016. – № 1.

Ивахненко М.Ф. Тетраподы Восточно-Европейского плаката –
позднепалеозойского территориально-природного комплекса. –
Пермь, 2001. – С. 60.

913

АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 711. Л. 37.